Н. Огаковскій.

Архивъ № 132 фр. п. 24

Закономѣрность аграрной эволюціи.

Часть I.

Теоріи капиталистическаго развитія.

Общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи.

САРАТОВЪ.
Электро-Типо-Литографія Б. Л. Рабиновичъ.
1909.

Введеніе.

Задача настоящаго момента въ аграрномъ вопросѣ.

Событія послѣднихъ лѣтъ поставили во весь ростъ передъ русскимъ обществомъ запутанный и сложный аграрный вопросъ.

Одновременно и въ западной Европѣ, сначала теоретическая мысль новѣйшихъ изслѣдователей, а затѣмъ аграрныя волненія, прокатившіяся съ востока на западъ, отъ Румыніи, Италіи и Франціи до Ирландіи, начинаютъ все болѣе возбуждать интересъ общества къ аграрному вопросу вообще и къ крестьянству въ особенности.

И у насъ и на западѣ Европы наука и жизнь вызвали рядъ новыхъ идей, пробившихъ широкія бреши въ окаменѣлыхъ твердыняхъ старыхъ экономическихъ и соціальныхъ доктринъ. Новыя идеи перепутываются со старыми въ пестрый хаотическій клубокъ, въ которомъ трудно разобраться растерянной мысли интеллигентной массы. И пока этотъ клубокъ не распутанъ, пока не найдена основная нить, соединяющая міръ теоретическихъ представленій съ міромъ жизненныхъ фактовъ, намъ будетъ вполнѣ понятнымъ то кажущееся равнодушіе къ аграрному вопросу, которое на первый взглядъ охватило сейчасъ широкіе слои нашей русской интеллигенціи. Это не столько равнодушіе, сколько выжиданіе отвѣта на новые поставленные жизнью вопросы.

Прежнія, апріорныя, рѣзко догматическія истины потеряли свое обаяніе въ глазахъ русскаго общества. Нѣтъ ни одной программы среди многочисленныхъ программъ нашихъ партій, которая не подвергалась бы справедливой критикѣ изъ среды ея единомышленниковъ, или которая бы не впадала въ вопіющее противорѣчіе съ цѣлымъ рядомъ реальныхъ фактовъ. И ни одна программа не избавлена отъ внутреннихъ противорѣчій и солидной доли утопическихъ измышленій.

Почему произошло такое явленіе? Почему тезисы эрфуртской программы по рабочему вопросу до сихъ поръ не потеряли своей жизнеспособности, а наши программы—какія то мертвыя абстрактныя формулы?.

Тезисы эрфуртской программы, касающіеся рабочаго вопроса, до сихъ поръ реальны потому, что они были построены на стройной жизненной **теоріи**. Только, когда К. Марксъ въ массѣ накопленныхъ фактовъ быстраго роста индустріи отыскалъ руководящее начало, его идеи оказались такъ глубоко плодотворными.

Онъ отыскалъ это начало путемъ анализа производственныхъ отношеній въ обрабатывающей промышленности.

Анализъ, основанный на изученіи реальныхъ факторовъ **производства**, позволилъ ему установить законы эволюціи въ области **распредѣленія** средствъ производства.

Всѣ аграрныя программы нашихъ и „лѣвыхъ“ и „правыхъ“ партій касаются исключительно распредѣленія земли, мало задаваясь вопросомъ, насколько проэктируемыя ими формы распредѣленія совмѣстимы съ законами эволюціи сельско-хозяйственнаго производства. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что эволюція производства является, въ конечномъ итогѣ, рѣшающимъ факторомъ въ сферѣ распредѣленія.

За послѣдніе годы въ аграрной области, также, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ сферѣ индустріи, накопилось множество фактовъ, представляющихъ пока сырой матеріалъ, безформенныя груды, изъ которыхъ каждый беретъ, что ему нравится. Но если развитіе всѣхъ вообще общественныхъ отношеній идетъ закономѣрнымъ путемъ, то и развитіе сельскаго хозяйства не должно быть исключеніемъ изъ общаго правила. И задачей настоящаго времени, по нашему мнѣнію, въ аграрномъ вопросѣ является не построеніе апріорныхъ программъ распредѣленія, не пристегиваніе къ нимъ взятыхъ на выборъ фактовъ той или другой эпохи, той или другой мѣстности, а отысканіе руководящаго начала въ исторіи аграрныхъ отношеній всѣхъ эпохъ и, по крайней мѣрѣ, большинства мѣстностей, насколько въ силахъ мы это сдѣлать при нынѣшнемъ уровнѣ нашихъ знаній. Только установивши **принципы аграрной эволюціи** въ ея цѣломъ, мы будемъ въ состояніи построить на нихъ жизнеспособную прочную программу. Программа это—зданіе; теорія развитія его фундаментъ. Пока нѣтъ теоріи развитія—зданіе аграрной программы будетъ строиться на пескѣ.

Представители марксистскаго направленія, повидимому, поняли сущность задачи настоящаго момента. Отложивши въ сторону программные вопросы, они въ началѣ нынѣшняго (1908) года разомъ выпустили въ подновленномъ видѣ всѣ свои наиболѣе значительные труды по теоріи аграрнаго вопроса. Мы говоримъ о книгѣ г. Ильина: „Развитіе капитализма въ Россіи“ и г. Маслова „Аграрный вопросъ“ т. I. Къ изданіямъ этого рода мы причисляемъ впервые появившуюся работу г. Лященко „Очерки аграрной эволюціи.“ т. I.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ уже въ наличности нѣсколько отвѣтовъ на поставленную жизнью задачу. И прежде, чѣмъ приступить къ изложенію нашей личной точки зрѣнія на сущность аграрной эволюціи, мы считаемъ своей

обязанностью подвергнуть эти отвѣты основательному разбору, который долженъ обнаружить степень ихъ правоспособности для рѣшенія нашей задачи: ибо если отвѣты кого либо изъ перечисленныхъ авторовъ удовлетворяютъ тѣмъ объективнымъ требованіямъ, которыя мы себѣ представляемъ, то намъ незачѣмъ утруждать вниманіе читателей своими взглядами.

Съ другой стороны три названныхъ сочиненія являются тремя фазисами той эволюціи, которую переживаетъ наше марксистское міровоззрѣніе въ аграрномъ вопросѣ. Г. Ильинъ—представитель **ортодоксальнаго** марксизма. Для него не существуетъ вопроса о сущности сельско-хозяйственнаго производства, о томъ, совпадаетъ ли аграрная эволюція съ эволюціей индустріи—т. е. тѣхъ вопросовъ, которые прежде всего останавливаютъ вниманіе современнаго изслѣдователя. Онъ, какъ и составители политическихъ программъ, сразу перескакиваетъ на **распредѣленіе** и старается доказать, что процессъ дифференціаціи въ крестьянской средѣ уже осуществился.

Онъ—ученикъ первоначальнаго догматическаго марксизма, для котораго слово первоучителя—законъ.

За нимъ слѣдуетъ г. Масловъ. Онъ первый изъ его единомышленниковъ обратилъ вниманіе и на процессы **производства** въ сельскомъ хозяйствѣ. Установивши свое пониманіе законовъ производства, онъ строитъ на этомъ базисѣ теорію распредѣленія, теорію „развитія производительныхъ силъ.„ Для него процесса дифференціаціи въ настоящее время еще нѣтъ: но онъ ожидаетъ его въ ближайшемъ будущемъ. Какъ мы увидимъ дальше, положительная часть теоріи г. Маслова очень слаба, эволюціонная точка зрѣнія имъ почти не усвоена и главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ произвелъ пересмотръ—ревизію старой ортодоксальной доктрины. И если г. Ильинъ строгій ортодоксъ, то г. Маслова надо считать представителемъ **критическаго марксизма**.

Наконецъ, г. Ляшенко сталъ на **эволюціонную** точку зрѣнія. Онъ убѣжденъ, что только изученіе исторіи сельскохозяйственныхъ отношеній во всей ея полнотѣ дастъ возможность прослѣдить эволюцію капитализма въ аграрной сферѣ. Но онъ совершенно не затрагиваетъ эволюціи производства и распредѣленія, ограничиваясь лишь исторіей обмѣна. Такимъ образомъ, три только что выпущенныя изданія представляютъ три эпохи въ развитіи теоретическихъ представленій русскаго марксизма: эпоха ортодоксальной догмы, — нѣчто вродѣ теологическаго періода наукъ въ

классификаціи О. Конта; эпоха критическаго отношенія къ догмѣ; и наконецъ, эпоха „позитивной“ эволюціонной точки зрѣнія на капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Есть еще одна черта въ этихъ изданіяхъ, которая указываетъ на развитіе міровозрѣнія г.г. марксистовъ. Г. Ильинъ совершенно не интересуется **эволюціей** крестьянскаго хозяйства; онъ беретъ только одинъ моментъ—**статику** распредѣленія.

Г. Масловъ уже захватываетъ отчасти ближайшую эпоху—послѣдній 10—20 лѣтній періодъ. Наконецъ г. Лященко даетъ обстоятельное изслѣдованіе мѣновыхъ отношеній въ Россіи, начиная съ удѣльно-вѣчевой эпохи.

Всѣ три теоріи стремятся доказать неизбѣжность конечнаго торжества капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ. Поэтому мы ихъ называемъ **„теоріями капиталистическаго развитія.“**

Т. к. авторами затронуты существенные, но еще невыясненные вопросы, требующіе точнаго знанія фактовъ, какъ напр. вопросъ о степени „разложенія“ крестьянства на два класса—капиталистовъ и пролетаріевъ, то мы, на основаніи имѣющихся у насъ обширныхъ матеріаловъ *) будемъ попутно съ анализомъ этихъ теорій, устанавливать въ самыхъ общихъ чертахъ, существующее въ дѣйствительности положеніе вещей. Такимъ образомъ, нашъ анализъ одновременно послужитъ основаніемъ для многихъ взглядовъ, которые мы разовьемъ въ положительной части нашего труда.

Всѣ эти соображенія и заставили насъ предварительно заняться разборомъ тѣхъ теорій аграрнаго вопроса, которыя имѣются на лицо въ русской экономической литературѣ, т. е. „теорій капиталистическаго развитія.“

*) Матеріалы эти будутъ подробно изложены во II томѣ „Борьба за землю“.

Отдѣлъ 1.

Теоріи „капиталистическаго развитія“.

Глава I.

Теорія „образованія внутренняго рынка“ г. Ильина.

§ 1) Изложеніе теоріи.

Въ свое время книга г. Ильина была для извѣстной части русской интеллигенціи настоящимъ откровеніемъ. Эта интеллигенція, живущая, главнымъ образомъ, въ городѣ, имѣла о крестьянахъ смутное представленіе. Они казались ей „всѣ на одно лицо“—чѣмъ то въ родѣ строя оловянныхъ солдатиковъ. Такое представленіе психологически вполнѣ понятно: если мы будемъ смотрѣть съ большого разстоянія, да еще сверху, на группу какихъ либо предметовъ, напримѣръ домовъ, всѣ они покажутся намъ одинаковыми. Взглядъ изъ города на деревню для очень многихъ и былъ взглядомъ „съ птичьяго полета.“

И вотъ г. Ильинъ раскрываетъ передъ взорами изумленной интеллигенціи всю глубину „дифференціаціи“ крестьянства. Открытіе той Америки, которая была открыта земскими статистиками еще въ 70-хъ гг., произвело ошеломляющее впечатлѣніе.

Но, со времени перваго изданія книги прошло 9 лѣтъ: общественная наука подвинулась впередъ, уровень нашихъ знаній повысился, а г. Ильинъ остался на прежней позиціи, какъ можно судить по тому, что 2-ое изданіе его труда почти буквально повторяетъ первое г. Ильинъ былъ и остался ортодоксальнымъ марксистомъ.

По мнѣнію ортодоксальныхъ марксистовъ, разъ извѣстная нація вступила въ періодъ капиталистическаго развитія, это развитіе должно произвести переворотъ не только въ той средѣ, которой оно непосредственно касается—въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ, но и въ хозяйственныхъ отношеніяхъ всей націи, т. е. въ частности, въ крестьянскомъ быту. Крестьяне немедленно дифференцируются „разлагаются,“ на два антагонистическихъ класса—пролетаріевъ и капиталистовъ.

Такъ смотритъ и г. Ильинъ „Основой образованія внутренняго рынка (говоритъ онъ въ самомъ началѣ II-ой главы) [1]) является процессъ распаденія мелкихъ земледѣльцевъ на сельско-хозяйственныхъ предпринимателей и рабочихъ“ (стр. 32).

---

[1]) II-ая глава, озаглавленная „разложеніе крестьянства“, наиболѣе замѣчательна и она именно доставила автору такую популярность. Поэтому мы ограничимся разборомъ только этой главы и отчасти первой—чисто теоретической.

Этотъ процессъ означаетъ коренное разрушеніе стараго патріархальнаго крестьянства и созданіе новыхъ типовъ сельскаго населенія. Старое крестьянство не только „дифференцируется“, оно совершенно разрушается, перестаетъ существовать, вытѣсняемое совершенно новыми типами населенія,—типами, которые являются базисомъ общества съ господствующимъ товарнымъ хозяйствомъ....„Эти типы—сельская буржуазія (преимущественно мелкая) и сельскій пролетаріатъ, классъ товаропроизводителей въ земледѣліи и классъ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ.“ (стр. 119).

На основаніи земско-статистическихъ и другихъ матеріаловъ, авторъ опредѣляетъ размѣры двухъ новыхъ классовъ въ крестьянствѣ. Сельская буржуазія, по его разсчетамъ, охватываетъ пятую долю дворовъ (третью часть населенія); но зато въ ея рукахъ сосредоточены:

а) **половина** всего числа лошадей, а слѣдовательно „не менѣе (а вѣроятно и болѣе) половины всего земледѣльческаго производства крестьянъ.“(стр. 93).

б) 6 или 7 десятыхъ купчихъ земель и 5—8 десятыхъ арендованной земли. Въ общемъ почти половина всего крестьянскаго посѣва принадлежитъ сельской буржуазіи.

в). 50%—70% наемныхъ батраковъ.

г) отъ 73% до 90% улучшенныхъ орудій (стр. 89).

д) Наконецъ—половина торгово-промышленныхъ заведеній (стр. 88).

„Другой новый типъ—сельскій пролетаріатъ—классъ наемныхъ рабочихъ съ надѣломъ. Сюда входитъ неимущее крестьянство, въ томъ числѣ и совершенно безземельное, но типичнѣйшимъ представителемъ русскаго сельскаго пролетаріата является батракъ, поденьщикъ, чернорабочій, строительный или иной рабочій съ надѣломъ.

Ничтожный размѣръ хозяйства на клочкѣ земли и притомъ хозяйства, находящагося въ полномъ упадкѣ (о чемъ особенно наглядно свидѣтельствуетъ сдача земли), невозможность существовать безъ продажи рабочей силы, въ высшей степени низкій жизненный уровень—даже уступающій вѣроятно, жизненному уровню рабочаго безъ надѣла,—вотъ отличительная черта этого типа“. (стр. 123).

Къ представителямъ сельскаго пролетаріата авторъ относитъ безлошадныхъ и одно-лошадныхъ крестьянъ т. е. **половину дворовъ** ($^4/_{10}$ населенія).

Итакъ, крестьянство не только разлагается, но оно уже разложилось, какъ показываетъ г. Ильинъ на основаніи статистическихъ данныхъ.„Разложеніе есть теперь уже со-

вершившійся фактъ: крестьянство совершенно раскололось на противоположныя группы" (стр. 130). Эти группы охватываютъ почти три четверти крестьянства Россіи: 70% дворовъ и 73% ($^4/_{10}+^1/_3$) населенія, т. е. до 70 милліоновъ.

Каковы же причины этой громадной дифференціаціи? Образованіе внутренняго рынка въ крестьянской средѣ не есть первопричина „разложенія", а его слѣдствіе. Раньше, чѣмъ превратиться въ пролетаріатъ и буржуазію, одна часть крестьянъ должна была обѣднѣть, другая—разбогатѣть. Появленію внутренняго рынка и капитализма въ крестьянской средѣ, должна была предшествовать эпоха **„первоначальнаго накопленія"** капиталовъ.

Марксъ характеризуетъ эту эпоху такимъ образомъ. „Въ исторіи первоначальнаго накопленія наиболѣе выдающимся событіями были всѣ перевороты, которые служили рычагами для поднятія возникающаго класса капиталистовъ, когда огромныя массы людей внезапно и насильственно отторгались отъ средствъ ихъ существованія и выбрасывались на рабочій рынокъ, какъ свободные и незакрѣпленные пролетаріи. Экспропріація сельскаго производства крестьянина, лишеніе его земли—вотъ основа всего процесса" (Капиталъ I 802).

Капиталистическому развитію, такимъ образомъ, должна предшествовать эпоха обнищанія, раззоренія массъ крестьянства. Это—такъ называемая **теорія обнищанія** (verelendungstheorie). Марксъ, положившій основу этой теоріи, говорилъ о промышленномъ капитализмѣ и о раззореніи, пролетаризаціи **всей** массы крестьянства, которая происходила въ Англіи, и Ирландіи, почти на его глазахъ, благодаря тому, что лорды насильственнымъ образомъ (огораживаніемъ) захватывали крестьянскія земли въ свою собственность и превращали крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ, которые, чтобы не умереть съ голоду, должны были уйти въ городъ.

Вначалѣ, слѣдовательно, теорія обнищанія носила мѣстное значеніе и касалась не внутренняго разложенія крестьянства, а экспропріаціи **всего** крестьянскаго класса, который цѣликомъ превратился въ Англіи въ фабричный пролетаріатъ. Впослѣдствіи, эта теорія не разъ примѣнялась въ видѣ широкихъ обобщеній; на русской почвѣ г. Ильинъ пріурочилъ ее непосредственно къ крестьянскому хозяйству.

У насъ лорды не экстропріировали землю у крестьянъ, а наоборотъ, крестьяне покупаютъ помѣщичьи земли.

Но за то **внутреннее** разложеніе крестьянства происходитъ на почвѣ раззоренія массы мелкихъ производителей.

„Превращеніе мелкаго производителя въ наемнаго ра-

бочаго предполагаетъ потерю имъ средствъ производства, земли, орудій труда, мастерской и пр., т. е. его обѣднѣніе, разореніе", (стр. 7).

Раззореніе, вопреки народникамъ, не сокращаетъ, а увеличиваетъ покупательную способность населенія. „Для рынка важно вовсе не благостояніе производителя, а наличность у него денежныхъ средствъ; упадокъ благосостоянія патріархальнаго крестьянина, ведшаго ранѣе преимущественно патріархальное хозяйство, вполнѣ совмѣстимъ съ увеличеніемъ въ его рукахъ количества денежныхъ средствъ, ибо чѣмъ дальше раззоряется такой крестьянинъ, тѣмъ болѣе вынужденъ онъ прибѣгать къ продажѣ своей рабочей силы, тѣмъ большую часть своихъ (хотя бы и болѣе скудныхъ) средствъ существованія онъ долженъ пріобрѣтать на рынкѣ". (Ibid).

Одной изъ главныхъ причинъ раззоренія „патріархальнаго крестьянства" являются голодовки. „Поэтому то Фр. Энгельсъ и писалъ о голодѣ 1891 г., что онъ означаетъ **созданіе внутренняго рынка для капитализма**—положеніе, непонятное для народниковъ, которые видятъ въ раззореніи крестьянства лишь упадокъ народнаго производства, *) а не превращеніе патріархальнаго хозяйства въ капиталистическое (стр. 113)."

Раззореніе массы крестьянъ, благодаря голодовкамъ тяжелымъ податямъ и т. д. превратило по разсчету г. Ильина, половину крестьянскихъ хозяйствъ въ классъ „наемныхъ рабочихъ съ надѣломъ." Этотъ классъ нуждается въ покупкѣ продовольственныхъ средствъ, т. к. его собственный надѣлъ слишкомъ малъ, чтобы доставить ему средства для существованія. Получая основной доходъ не съ земли, а въ денежной формѣ заработной платы, сельскій пролетаріатъ покупаетъ хлѣбъ у своихъ же собратьевъ—сельской буржуазіи. Эта послѣдняя богатѣла, пока половина крестьянъ раззорялась. Она покупала, арендовала землю не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ, заводила торгово-промышленныя предпріятія, занималась ростовщичествомъ и благодаря всему этому, накопляла капиталы, которые и пускала въ оборотъ, захвативъ половину всего земледѣльческаго производства. Въ то время какъ сельскій пролетаріатъ покупаетъ хлѣбъ, буржуазія его продаетъ, т. е. земледѣльческое производство буржуазіи носитъ уже **товарный** харак-

*) Какъ увидимъ дальше, такъ смотритъ теперь лидеръ современнаго марксизма, Г. Масловъ

теръ. „Но, продавая хлѣбъ, буржуазія, расширяя производство, должна **покупать** средства производства: улучшенныя орудія, скотъ и т. д. Такимъ путемъ образуется внутренній рынокъ, который, согласно изложенному, скорѣе надо было бы назвать **внутренне-крестьянскимъ рынкомъ** т. к. обычное пониманіе термина „внутренній“ относитъ его къ территоріи цѣлаго государства, а никакъ не къ одной категорій населенія.

Вотъ общія основанія теоріи „капиталистическаго развитія“ крестьянства г. Ильина. Схема теоріи очень проста. Подъ вліяніемъ голодовокъ, тяжелыхъ податей и т. д. одна часть крестьянъ лишается средствъ производства и превращается въ пролетаріатъ; другая накопляетъ капиталы, пускаетъ ихъ въ оборотъ, становится товаро-производителями, сельской буржуазіей. На основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, авторъ заключаетъ, что процессъ разложенія крестьянъ на два антагонистическихъ класса почти закончился, и остатки средняго „патріархальнаго“ крестьянства едва составляютъ 27% земледѣльческаго населенія-т. е немногимъ болѣе одной четвертой части.

§ 2) Анализъ теоріи.

Въ настоящее время, второе изданіе сочиненія г. Ильина врядъ ли привлечетъ вниманіе публики. Г. Ильинъ слишкомъ отсталъ отъ современной научной постановки аграрнаго вопроса и съ нимъ, вѣроятно, серьезно считаться не будутъ Но до сихъ поръ не установлены точно размѣры и причины крестьянской „дифференціаціи,“ хотя никто не станетъ теперь отрицать ея существованія. Поэтому мы считаемъ вполнѣ правильнымъ слѣдующее указаніе г. Маслова. „Дифференціаціи крестьянства внутри крестьянскихъ общинъ въ экономической литературѣ посвящалось очень много вниманія. Обстоятельно освѣщенъ этотъ вопросъ Владимиромъ Ильинымъ въ книгѣ „Развитіе капитализма въ Россіи.“ Къ сожалѣнію, экономисты отрицающіе фактъ существованія капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ, совершенно игнорируютъ весьма цѣнное освѣщеніе этого вопроса упомянутымъ авторомъ“ (I 303). Кромѣ г. Ильина никто не подвергалъ количественному учету крестьянскую „дифференціацію“ и мы беремъ на себя обязанность прежде всего провѣрить выводы г. Ильина относительно причинъ и размѣровъ крестьянской неоднородности, а затѣмъ установить въ самыхъ общихъ чертахъ, дѣйствительно ли крестьянство раскололось на два антагонистическихъ класса, или это разло-

женіе—безпочвенная фантазія теоретиковъ ортодоксальнаго марксизма. Выводы г. Ильина о совершившемся уже капиталистическомъ разложеніи крестьянства всякій здравомыслящій человѣкъ признаетъ теперь неправильными въ томъ числѣ и другіе экономисты того же направленія т. е, г. Масловъ, Лященко и пр Признаемъ ихъ таковыми и мы. Но признавая справедливость замѣчанія г. Маслова, мы считаемъ необходимымъ прослѣдить въ результатѣ какихъ ошибокъ получилась бьющая въ глаза неправильность выводовъ автора.

Ошибки, допущенныя г. Ильинымъ, можно раздѣлить на три группы; логическія, методологическія и фактическія. 1) Основная логическая ошибка заключается въ слѣдующемъ. Отъ начала до конца II-ой главы авторъ говоритъ о **процессѣ** разложенія крестьянства подъ вліяніемъ раззоренія. Слѣдовательно, авторъ полагаетъ, что до возникновенія этого процесса крестьянство представляло изъ себя однородное цѣлое—патріархальныхъ середняковъ. Задачей автора и было доказать, что до эпохи „развитія капитализма въ Россіи“ между крестьянами не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни пролетаріевъ, ни капиталистовъ. Если во время перваго изданія своего сочиненія авторъ былъ отчасти правъ, говоря, что „по вопросу о томъ, идетъ ли впередъ разложеніе крестьянства, и какъ быстро, мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ“ (стр. 126)—то теперь эта фраза стала очевидной неправдой. По нашимъ даннымъ, повторныя земско-статистическія переписи охватываютъ 73 уѣзда 15 губерній*), а военно-конскія-почти всю Европейскую Россію.

Но даже во время перваго изданія въ рукахъ автора, находились повторныя военно-конскія переписи 1893—4 г.г. о которыхъ онъ самъ упоминаетъ въ примѣчаніи на стр. 92 93. Эти переписи сами по себѣ уже опрокидывали его теорію, что легко можно увидѣть, если сопоставить ихъ съ переписями 1888—91 г.г. Вотъ цифры, приводимыя самимъ г. Ильинымъ.

	% дворовъ		У нихъ % лошадей.	
	1888—91 г.г.	1893—4 г.г	1888—91 г.г.	1893—4 г.г.
Безлош.	27,3 —	31.9 —	—	—
Съ 1 л.	—28,6 —	31,4 —	17,2 —	22,5
„ 2 „	—22,1 —	20,2 —	26,5 —	28.8
„ 3 „	—10,6 —	8,7 —	18,9 —	18,9
„ 4 и б.	11,4 —	7,8 —	37,4 —	29,8

*) Именно: по Воронежской—5 уѣздовъ, Вятск.—7, Московск. —13, Нижегородской—1, Олонец —1. Орловской,—2. Саратовск.—10, Пермск —2, Полтавск —14, Рязанск.—1, Самарск.—1, С.-Петербургской -2, Смоленской—3, Таврической—1, Ярославской—10, Въ 33 уѣздахъ губерній Московской) Саратовской и Ярославской не было общихъ повторныхъ переписей. и переучету подвергалось лишь количество крестьянскаго скота.

За три-пять лѣтъ, отдѣляющихъ первыя переписи отъ вторыхъ, произошло очень сильное перемѣщеніе различныхъ слоевъ крестьянской массы,-которое можно назвать общей подвижкой **внизъ**: верхніе сильно сократились, т. е. значительная часть **одна четверть** (25 %) „сельской буржуазіи", къ которой г. Ильинъ причисляетъ всѣ дворы съ 3-мя и больше лошадьми, перешли въ ряды среднихъ крестьянъ и „пролетаріата" двухъ- одно-и безлошадныхъ. А такъ какъ такое перемѣщеніе получилось вслѣдствіи голода 1891—2 г.г., то совершенно ясно, что теорія „дифференціаціи" вслѣдствіе голодовокъ и обнищанія массы не выдерживала критики и въ 1899 году, на основаніи данныхъ, указанныхъ самимъ авторомъ. Голодовки какъ разъ болѣе всего отразились на верхнихъ слояхъ; взамѣнъ „дифференціаціи", выросла сила и значеніе среднихъ и нижнихъ слоевъ, т. е. получился обратный процессъ **нивеллировки**, и вмѣсто развитія „внутренняго рынка", неминуемо должно было послѣдовать его сокращеніе.

Поставивъ такую логическую предпосылку, какъ первоначальную однородность крестьянской массы, построивъ всю свою теорію на **процессѣ** разложенія, авторъ долженъ былъ взять на себя во второмъ изданіи сложную работу провѣрки этого процесса по повторнымъ переписямъ, т. к. теперь ссылаться на отсутствіе матеріаловъ онъ не имѣетъ права.

Отъ этой работы, необходимость которой онъ понималъ, онъ отдѣлался двумя страничками по поводу военно-конскихъ переписей 1896—900г.г., такъ же опровергающихъ его теорію, какъ только что приведенныя нами и закончилъ свой анализъ удивительно нелогичной тирадой по адресу г. Черненкова, на которой стоитъ остановиться. „Г. Черненковъ могъ сдѣлать мнѣ возраженіе, будто я „предвзятымъ" образомъ толкую „дифференціацію", какъ новое. (а не старое) и почему то **непремѣнно** капиталистическое явленіе. Вольно же было г. Черненкову думать, будто я дѣлаю выводы изъ статистики, забывая экономику! (?) будто я доказываю что-либо однимъ лишь измѣненіемъ въ числѣ и распредѣленіи лошадей, чтобы осмысленно взглянуть на разложеніе крестьянства, надо взять все въ цѣломъ: и арен. ду и покупку земель, и машины, и заработки и ростъ торговаго земледѣлія и наемный трудъ. Или можетъ быть, для г. Черненкова это тоже не новыя и не капиталистич. явленія"? (стр. 96).

Эта тирада даетъ такіе исключающіе другъ друга выводы.

а) г. Ильинъ считаетъ, что дифференціація-не новое и не капиталистическое явленіе.

б) Измѣненіе въ числѣ лошадей статистика, а измѣненія въ остальныхъ признакахъ крестьянской неоднородности,

арендѣ, покупкѣ земель, заработкахъ, ростѣ торговаго земледѣлія и т д экономика!

в) Разложеніе крестьянства (дифференціація) опредѣляется перечисленными признаками, которыя суть новыя и капиталистическія явленія. Ergo—„дифференціація"—новое и капиталистическое явленіе.

Оставляя въ сторонѣ изумительное дѣленіе экономическихъ признаковъ неоднородности на статистику и экономику, мы должны заявить г. Ильину, что „дифференціація" крестьянства по всѣмъ перечисленнымъ признакамъ (кромѣ развѣ машинъ) явленіе не только не новое, **а такое же старое, какъ и государство Россійское**. Даже въ удѣльно-вѣчевую эпоху существовали и безлошадные, и многолошадные и развитая аренда и скупка земель и наемный трудъ и ростъ „торговаго земледѣлія". Существовалъ и „пролетаріатъ" и „буржуазія"; и послѣ появленія многочисленныхъ историческихъ трудовъ, дающихъ точныя цифры экономическаго положенія крестьянства, начиная съ XVI вѣка и даже раньше никто не станетъ отрицать того положенія, что **крестьянская масса всегда была неоднородной экономически**.

Центръ тяжести вопроса для современнаго изслѣдователя перенесенъ съ простого констатированія неоднородности на изученіе ея **процессовъ**, которые г. Ильинъ оставилъ безъ всякаго вниманія.

„Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, говоритъ г Черненковъ, что крестьянскія хозяйства никогда не были и не могли быть равно великими, а всегда распадались на группы различной экономической силы. Поэтому вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, **увеличилась** ли за послѣдній періодъ времени (періодъ капиталистическаго развитія" Россіи. И. О.), групповая неоднородность крестьянскаго хозяйства и измѣнился ли существенно самый ея характеръ по сравненію съ прежнимъ временемъ„ (къ характер. крестьянск. хозяйства стр, 153). Итакъ, г. Ильинъ не изучилъ **процессовъ** разложенія крестьянства и поэтому не имѣетъ права говорить о нихъ: но онъ повторяетъ слово „процессъ" на каждой страницѣ своего труда Слѣдовательно, основная логическая ошибка автора—смѣшеніе неподвижнаго состоянія съ процессомъ, **статики** крестьянской неоднородности съ ея **динамикой**. Т. к. динамика не была имъ изучена, то его сочиненіе не имѣетъ научнаго значенія не только какъ обоснованіе теоріи „капиталистическаго развитія", но и просто какъ характеристика экономическихъ процессовъ въ крестьянской средѣ „въ предреволюціонную эпоху". Но если трудъ г. Ильина совершенно несостоятеленъ для опредѣленія

процессовъ экономическаго характера, то быть можетъ, онъ правоспособенъ для констатированія размѣровъ крестьянской неоднородности въ настоящее время, т. е. для **статики** крестьянскаго хозяйства. Вѣдь никто, кромѣ г. Ильина не сдѣлалъ попытки учесть размѣры различныхъ экономическихъ слоевъ, въ крестьянской массѣ; никто не сомнѣвается, съ другой стороны, что эти слои существуютъ. И если г. Ильинъ не ошибается въ своихъ разсчетахъ, если дѣйствительно 73 % населенія состоитъ изъ пролетаріата и буржуазіи, тогда безразлично—новое это или старое явленіе, но непреложный фактъ, что самостоятельнаго трудового крестьянства почти нѣтъ, что есть только эксплуатируемые и эксплуататоры, уничтожаетъ не только теоретически построенія нашихъ народниковъ, но и всѣ политическія программы, направленныя къ сохраненію и развитію единаго трудового крестьянскаго класса. Вотъ почему мы считаемъ своей обязаностью тщательно указать на ошибки автора въ цифровомъ учетѣ крестьянской неоднородности.

2) Ошибки эти мы разбиваемъ на двѣ группы: методологическаго характера и фактическія погрѣшности.

Главныхъ методологическихъ ошибокъ три.

а) хаотическое смѣшеніе всѣхъ элементовъ хозяйства или признаковъ, по которымъ земская статистика устанавливаетъ неоднородность крестьянства. Авторъ сваливаетъ въ одну кучу и надѣлы и посѣвы и скотъ. По нашимъ даннымъ безлошадныхъ дворовъ у насъ—25, 8% (земско-статист. матеріалы 206 уѣздовъ, 28 губ.) безпосѣвныхъ—12, 6% (49 уѣздовъ 18 губ.), безнадѣльныхъ—7,6% (167 уѣздовъ 25 губ.)

Разъ авторъ задался цѣлью опредѣлить размѣры „пролетарскаго“ слоя въ крестьянствѣ, то прежде всего онъ долженъ былъ бы установить, какой изъ экономическихъ признаковъ наиболѣе правоспособенъ для опредѣленія степени „капиталистическаго“ разложенія Въ широкой публикѣ у насъ принято считать всякій дворъ **безъ** какого либо изъ указанныхъ основныхъ элементовъ крестьянскаго хозяйства за пролетарскій. И вотъ одни могутъ утверждать, что пролетаріата у насъ четвертая часть (если остановиться на лошадности, какъ на наиболѣе правильномъ признакѣ), другіе—что одна восьмая, третья—одна тринадцатая. Самъ г. Ильинъ замѣчаетъ, что „вопросъ о пріемахъ сводки подворныхъ записей о крестьянскомъ хозяйствѣ вовсе не такой узко спеціальный,“ (стр. 61). Но ни г. Ильинъ, ни другіе экономисты того-же лагеря не потрудились опредѣлить достовѣрность того или другого признака для характеристики размѣровъ

„вторженія капитализма въ деревню". Пропизируя надъ „цыфирью" надъ „игрой въ цыфирки" они набиваютъ свои книги безъ всякаго разбора этой самой цыфирью, смѣшивая точныя и не точныя цыфры, годныя и негодныя, лишь бы онѣ соотвѣтствовали заранѣе сложившимся апріорнымъ заключеніямъ.

Цыфры, сами по себѣ взятыя, есть своего рода фотографія какого либо соціально-экономическаго элемента вѣчно движущейся, вѣчно переливающейся съ мѣста на мѣсто жизни народныхъ массъ. Только посредствомъ рядовъ цыфръ этихъ моментальныхъ фотографій, мы можемъ уловить какую либо закономѣрность въ причудливомъ хаосѣ переплетающихся массовыхъ жизненныхъ явленій. Болѣе точнаго инструмента, чѣмъ статистика, для индукціи въ сферѣ соціальныхъ знаній мы пока не знаемъ. Есть плохія и хорошія цыфры, какъ есть плохія и хорошія фотографіи Стало быть, первой задачей изслѣдователя, прибѣгающаго къ цыфрамъ, является классификація ихъ по степени достовѣрности, не только внѣшней, технической, но и внутренней, логической. Такъ, напримѣръ, если мы вздумаемъ заключить о богатствѣ данной группы людей по преобладающему цвѣту ихъ волосъ, или по вышинѣ ихъ роста, то хотя бы цыфры о цвѣтѣ волосъ и роста получились благодаря безукоризненнымъ техническимъ пріемамъ, наше заключеніе будетъ ошибочнымъ, потому что между цвѣтомъ волосъ и богатствомъ нѣтъ никакой **логической причинной зависимости**. Г. Ильинъ не установилъ логической достовѣрности цыфръ, надъ которыми оперировалъ.

б) Вторая методологическая ошибка состоитъ въ томъ, что авторъ раздѣлилъ всѣхъ крестьянъ только на **три группы**. Въ дѣйствительной жизни дѣло обстоитъ гораздо сложнѣе: въ любой деревнѣ можно найти дворы безземельные, имѣющіе 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д десятинъ—цѣлую гамму дворовъ различной экономической силы и укладывать эту гамму въ три группы или слоя—слишкомъ грубый пріемъ. Земскіе статистики обыкновенно сводятъ всѣ дворы minimum въ пять слоевъ. Такъ слѣдовало и поступить г. Ильину. Но онъ предпочелъ вписнуть безлошадныхъ и однолошадныхъ въ группу пролетаріата, а дворы съ 3, 4, 5, 6 и т. д. лошадьми —въ группу „буржуазіи", оставивши въ среднемъ слоѣ одни двухлошадные дворы. Само собой разумѣется, что дворовъ съ парой лошадей у насъ сравнительно мало. Но почему однолошадные будутъ пролетаріатомъ, а трехлошадные—капиталистами— г. Ильинъ не говоритъ.

в) Наконецъ третья ошибка—искусственное опредѣленіе

размѣровъ каждой группы Приступая къ сводкѣ разнообразныхъ земскихъ матеріаловъ, авторъ предлагаетъ „**Условимся** брать 20% дворовъ для зажиточнаго крестьянства и 50% для несостоятельнаго“ (стр 80). Авторъ сознается, что этотъ условный пріемъ искусственно сокращаетъ средніе слои и допускаетъ „небольшую ошибку“ (см стр. 81 примѣчанія).

Но во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи онъ забываетъ объ условности этихъ размѣровъ, о томъ, что онъ ихъ выдумалъ самъ и трактуетъ о 20% „капиталистовъ“ и 50% „пролетаріата“, какъ будто они существуютъ на самомъ дѣлѣ.

Задачей автора было именно выдѣлить верхніе и нижніе слои, но не смѣшивать ихъ со средними по своей собственной фантазіи; оторвавши же отъ среднихъ слоевъ очень большую часть, онъ убавилъ ихъ удѣльный вѣсъ и смѣло сталъ трактовать о фактическомъ вымираніи „средняго“ патріархальнаго крестьянства.

Онъ не подумалъ о томъ, что даже въ дѣйствительно развитыхъ капиталистически странахъ не имѣется 50% пролетаріата въ крестьянской средѣ. У насъ перепись насчитала сельско-хозяйственныхъ батраковъ обоего пола 2,7 милліона, т. е. около 8% крестьянскаго рабочаго населенія. Прибавлять къ этимъ батракамъ ихъ женъ и дѣтей нѣтъ никакихъ основаній, потому что батрацкій трудъ оплачивается очень плохо (50—60 руб. въ годъ) и семейства батраковъ въ большинствѣ случаевъ живутъ отъ собственнаго хозяйства.

Итакъ, методологическихъ ошибокъ три: смѣшеніе достовѣрныхъ и не достовѣрныхъ признаковъ, грубое дѣленіе крестьянъ на три группы и фантастическое опредѣленіе размѣровъ каждой группы. Послѣдняя ошибка наиболѣе важна: мы лично, тоже могли бы заявить: условимся, что пролетаріата и капиталистовъ въ крестьянствѣ, ну хотя 2%. Только повѣрилъ ли бы намъ потомъ читатель? . Мы во всякомъ случаѣ имѣемъ право теперь не вѣрить г. Ильину, когда онъ увѣряетъ насъ, что оба „антагонистическихъ класса“ крестьянъ охватываютъ 70% дворовъ, какъ читатель имѣетъ право не вѣрить намъ, если мы скажемъ ему о только что выдуманныхъ нами 2%.

3) Фактическая ошибка—одна. Авторъ взялъ изъ земско-статистическихъ матеріаловъ 21 уѣздъ 7 губерній. По нашимъ, не вполнѣ исчерпывающимъ подсчетамъ, земскія изслѣдованія охватываютъ 250 уѣздовъ 30 губерній, т. е. г. Ильинъ изучилъ только 8% имѣющихся въ наличности матеріаловъ. Но это бы было еще не такъ важно, если бы выбранные имъ матеріалы оказались типичными. Но изъ 7

взятыхъ авторомъ губерній 4, лежатъ на **рѣдко населенныхъ окраинахъ Европейской Россіи**: Таврическая, Самарская, крайне многоземельный Камышинскій уѣздъ Саратовской и Пермская. Поэтому его матеріалы скорѣе годятся для характеристики юга и востока Россіи, гдѣ уже въ силу многоземелья получается естественный перевѣсъ въ численности верхнихъ группъ. Возьмемъ изъ матеріаловъ автора одну и ту же группу дворовъ съ 4 и болѣе лошадьми. Этой группѣ принадлежитъ:

А. Центральные раіоны.

	% дворовъ.	% всей посѣвной площади.	% всего земловладѣнія	% арендованной земли	% купчей земли.	% всего скота.
Нижегород. губ. (3 у.)	2,3	7,7	7,8	11,9	23,5	7,7
Воронеж. губ. . . . (Задонскій уѣз.)	3,2	?	10,6	25,0	47,8	
Орловск. губ. (2 у.) .	7,2	?	20,9	34,0	49,2	20,8

Б. Окраинные раіоны.

Саратовск. губ. . . . (Камышинскій у.)	29,4	65,4	49,6	73,3	47,0	67,3
Самарская губ. . . . (Новоузенскій у.)	36,3	74,9	?	92,0	99,3	77,8

И количество и экономическая сила многолошадныхъ дворовъ на нашихъ многоземельныхъ рѣдко населенныхъ окраинахъ выростаетъ въ 5—10 разъ. Еще больше бы выросло значеніе „капиталистическихъ“ слоевъ, если бы авторъ забрался еще далѣе на востокъ—напримѣръ въ киргизскія степи. Тамъ „20% дворовъ“ сосредоточиваютъ у себя не половину, а **три четверти** средствъ киргизскаго производства—скота. Но ни киргизскія степи, ни ближнія окраины не могутъ служить для центра показателями экономической неоднородности, и выбравъ ихъ изъ земско-статистическаго матеріала, авторъ создалъ искусственный перегибъ въ сторону „капиталистическихъ“ слоевъ. Многоземельныя окраины никоимъ образомъ не могутъ служить показателями экономической неоднородности для малоземельной Европейской Россіи, какъ величина роста гвардейскихъ солдатъ Фридриха Великаго не могла служить показателемъ роста всего нѣмецкаго населенія...

Вотъ основныя неправильности въ пріемахъ и подборѣ матеріала, которыя мы считаемъ наиболѣе существенными. Теперь подведемъ итоги нашему анализу.

Авторъ задался цѣлью опредѣлить путемъ цыфрового анализа **процессъ** разложенія русскаго крестьянства на два антагонистическихъ класса. Вмѣсто изслѣдованія **процесса**, онъ занялся опредѣленіемъ **состоянія** крестьянской неоднородности, т. е вмѣсто **динамики** объектомъ изученія взялъ **статику** крестьянской неоднородности. Но и съ этой задачей онъ совершенно не справился: взявши 8% имѣющихся въ наличности матеріаловъ, направивъ главное вниманіе на рѣдко населенныя окраины, онъ уже этимъ самымъ далъ извращенное понятіе о дѣйствительномъ положеніи вещей. Смѣшавши всѣ хозяйственные признаки въ одну кучу, онъ не потрудился расклассифицировать ихъ по степени достовѣрности; наконецъ, вмѣсто того, чтобы установить, хотя по своимъ матеріаламъ, размѣры верхнихъ и нижнихъ слоевъ („пролетаріевъ и капиталистовъ"), что было его прямой задачей, онъ выдумалъ ихъ изъ собственной головы (20% капиталистовъ и 50% пролетаріевъ), а потомъ, забывши, что эти слои—его собственная выдумка, началъ трактовать ихъ, какъ дѣйствительно существующіе.

Поэтому, мы считаемъ, что сочиненіе г. Ильина не рѣшило вопроса ни о **процессахъ** развитія экономической жизни народныхъ массъ, ни объ экономическомъ состояніи ихъ въ настоящее время. Вопросомъ о процессахъ экономическаго развитія спеціально занимались тѣ [экономисты марксистскаго лагеря] о которыхъ мы будемъ говорить дальше. Но вопросомъ о **состояніи** экономической неоднородности крестьянства не занимался никто, кромѣ г. Ильина. Такъ какъ этотъ вопросъ не рѣшенъ до сихъ поръ, то мы познакомимъ читателя съ нѣкоторыми выводами, истекающими изъ того обширнаго фактическаго матеріала, который былъ въ нашемъ распоряженіи (по 250 уѣздамъ 30 губерній *).

§ 3) Количественное опредѣленіе экономическихъ слоевъ въ крестьянской массѣ.

Мы говорили, что для анализа экономической неоднородности прежде всего необходимо установить, какіе изъ

*) Матеріалъ этотъ спеціально разрабатывался подъ руководствомъ К. Р Качоровскаго для II-го тома коллективнаго труда „Борьба за землю" (см. изд „Трудъ и борьба". I-й томъ уже появился въ свѣтъ) Здѣсь мы приводимъ немногіе суммарные итоги съ добавленіемъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ всеобщей переписи (о семейномъ составѣ хозяйствъ).

элементовъ хозяйства или признаковъ служатъ наиболѣе точными показателями этой неоднородности

Элементы хозяйства, или признаки, по которымъ земская статистика устанавливаетъ неоднородность крестьянства, мы разбиваемъ на три группы.

Первую группу элементовъ мы называемъ **основными**, ибо они составляютъ **основу** земледѣльческаго хозяйства крестьянъ. Ихъ три: **надѣлы, посѣвы, скотъ** (преимущественно рабочій). По этимъ признакамъ въ земской статистикѣ чаще всего группируются крестьянскіе дворы.

Элементы второй группы являются **дополнительными** для крестьянскаго хозяйства: купчія земли, аренда, сдача, способъ обработки.

Наконецъ, элементы третьей группы мы называемъ **прямыми** признаками, потому что они прямо указываютъ на пролетаризацію—капитализацію крестьянскаго хозяйства: это наемный трудъ и продажа—покупка хлѣба. Отдѣльно отъ перечисленныхъ элементовъ хозяйства стоятъ **не земледѣльческіе промыслы**. Группировки по основнымъ признакамъ будутъ самыми правильными для количественнаго опредѣленія слоевъ, какъ по своему значенію для крестьянскаго хозяйства, такъ и потому, что онѣ охватываютъ наибольшее количество уѣздовъ. Теперь намъ надо рѣшить, какой изъ признаковъ: надѣлы, посѣвы, скотъ, наиболѣе правоспособенъ.

Относительно надѣловъ всѣ изслѣдователи (въ томъ числѣ и г. Ильинъ) согласны, что они сравнительно мало характеризуютъ экономическое положеніе даннаго двора. Кромѣ надѣльной, у множества крестьянъ есть купчая земля; дворъ, неимѣющій своего надѣла, можетъ брать въ аренду 20—30 десятинъ, а дворъ имѣющій 30 дес. надѣла, можетъ сдавать ихъ въ аренду и т д.

Рабочій скотъ—признакъ тоже далеко не точный для характеристики крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Въ коллективномъ трудѣ, который предпринимался для разработки земско-статистическихъ матеріаловъ (см. примѣчаніе) было продѣлано множество различныхъ комбинацій для опредѣленія точности каждаго признака, и изъ этихъ комбинацій видно, что, напримѣръ, **двѣ трети безлошадныхъ** (именно 64,7% по даннымъ 14 уѣздовъ 5 губерній) **имѣютъ свой посѣвъ** т. е являются самостоятельными земледѣльческими хозяйствами. Если надѣлы можно сдавать и нанимать, то вѣдь тоже самое легко продѣлать и съ рабочимъ скотомъ, и обработка **наймомъ** очень широко распространена.

Другая причина неточности этого признака,—подвижность рабочаго скота, какъ имущества. Скотъ есть движимость и

гораздо легче подвергается операціи купли-продажи, чѣмъ земля. Скоть можно украсть, землю нельзя; скотъ можетъ издохнуть, состарѣться и износиться, какъ всякое орудіе производства. Можно сказать, что всякое событіе у крестьянина—свадьба, похороны, семейный раздѣлъ приводятъ легко къ утратѣ лошади. Какъ легко потерять лошадь, такъ легко ее и пріобрѣсти, такъ какъ лошадь стоитъ всего нѣсколько десятковъ рублей, а десятина земли—иногда нѣсколько сотъ. Вообще—лошадь самый подвижный, неустоичивый изъ основныхъ элементовъ хозяйства и напрасно не только г.г. марксисты, но и нѣкоторые спеціалисты по статистикѣ, по степени достовѣрности, отводятъ ей первое мѣсто въ ряду другихъ признаковъ.

Самымъ точнымъ и устойчивымъ показателемъ **земледѣльческаго** хозяйства надо считать посѣвную **площадь**. Отсутствіе посѣва, во всякомъ случаѣ доказываетъ, что данный дворъ не занимается земледѣліемъ, величина посѣва является эквивалентомъ размѣровъ земледѣльческаго хозяйства. Въ посѣвѣ, какъ въ фокусѣ, отражаются всѣ стороны хозяйственной жизни земледѣльца: пользованіе надѣломъ, купчей и арендованной землей, количество рабочаго скота, инвентаря, способы обработки и даже системы полеводства (залежная, трехпольная). Насколько посѣвы отражаютъ на себѣ другіе признаки, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: въ то время, какъ двѣ-трети безлошадныхъ дворовъ имѣютъ свой посѣвъ, наоборотъ изъ безпосѣвныхъ $^9/_{10}$ **дворовъ не имѣютъ лошадей** (88, $7^0/_0$ по даннымъ 17 уѣз. 9 губерній). Поэтому, если ставитъ себѣ задачей установить величину слоевъ по чисто земледѣльческимъ признакамъ, то наиболѣе точнымъ признакомъ надо считать посѣвную площадь. Но дѣло въ томъ, что, такъ сказать, сельско хозяйственная неоднородность не всегда совпадаетъ съ дѣйствительной экономической неоднородностью крестьянскихъ массъ. Солидную долю своихъ доходовъ крестьяне получаютъ отъ **не земледѣльческихъ заработковъ**. Безпосѣвный крестьянинъ не всегда пролетарій: онъ можетъ быть кулакомъ, содержателемъ трактира, и стоять по степени благосостоянія выше, чѣмъ хозяинъ, засѣвающій 20 десятинъ. Наконецъ, посѣвная площадь и въ области сельскаго хозяйства рисуетъ намъ лишь сферу чистаго хлѣбопашества въ узкомъ смыслѣ. Скотоводство, огородничество, садоводство, лѣсоводство, пчеловодство и т д. остаются въ сторонѣ. Но, что касается до неземледѣльческихъ заработковъ, то они, собственно говоря, не относятся къ разсматриваемому вопросу, если оставаться въ рамкахъ сельско-хозяйственнаго производства.

Главной нашей задачей является установить, существуютъ ли и насколько велики „антагонистическіе классы“ именно въ сферѣ основного крестьянскаго производства-**земледѣлія**. А для этого достаточно установитъ, что посѣвная площадь есть самый точный, хотя и не всеобъемлющій признакъ. Покончивши съ вопросомъ о сравнительной достовѣрности основныхъ элементовъ хозяйства, укажемъ еще, что при сводкѣ нашихъ матеріаловъ, мы, на основаніи сказаннаго выше, придерживались раздѣленія крестьянскихъ дворовъ не на три, а на **пять группъ** или слоевъ различной экономич. силы.

1) Дворы чисто пролетарскіе въ земледѣльческомъ смыслѣ т. е. не имѣющіе своего земледѣльческаго хозяйства.

2) Дворы, недостаточно обезпеченные своимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ.

3) Дворы средне-обезпеченные.

4) Дворы, имѣющіе хозяйство выше средняго, но не на такомъ уровнѣ, чтобы его можно было принять за товарное.

и 5) Дворы съ самымъ большимъ хозяйствомъ, которое можетъ приближаться къ товарному производству, ведущемуся для сбыта.

Выбравши изъ земскихъ статистическихъ матеріаловъ тѣ уѣзды, въ которыхъ были группировки, подходящія къ этому требованію, и сведя ихъ во едино, мы получили слѣдующія среднія величины всѣхъ 5 слоевъ. *)

$^0/_0$ дворовъ.

	1 слой	2 слой	3 слой	4 слой	5 слой
А) Группировка по надѣламъ 68 у.	Безнад. —	Съ недостаточнымъ надѣломъ (до 5 дес.)	Со среднимъ надѣломъ (5-15 дес)	Выше средняго (15-20-25 дес.)	Съ наивысшимъ надѣломъ (выше 20-25 дес.)
12 губ.	8,7	16,8	50,8	16,4	7,3
Б) По посѣвамъ 33 у 10 губ	Безпос. 12,6	До $2^1/_2$ 5 дес 24,5	отъ $2^1/_2$-5 д. до 9-10 дес. 48,0	отъ 9-10 до 12-15 дес. 11,2	Выше 12-15 дес. 3,7
В) По рабочимъ лош.	Безлош.	съ 1 лош	2 лош.	3 лош	4 и бол.
Земскія переписи 92 у	26,7	37,7	21,5	8,3	5,8
Г) По рабочимъ лошад. Военно конскія переписи 1896-1900 49 г	34,7	38,7	19,4	4,2	3,0 **)

*) Эти данныя опубликованы въ I томѣ „Борьбы за землю“.

**) Военно конскія переписи нѣсколько отличаются отъ земскихъ: тогда какъ земскія считаютъ рабочей лошадью трехлѣтку, военно конскія берутъ предѣльный срокъ въ 5 лѣтъ, поэтому по военно конскимъ пер. $^0/_0$ дворовъ безъ рабочихъ лошадей нѣсколько выше.

Здѣсь сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что между величиной слоевъ по надѣламъ и посѣвамъ больше сходства чѣмъ между величиной слоевъ по посѣвамъ и рабочимъ лошадямъ.

На сколько % разница между однородными слоями.

	I слой	II слой	III слой	IV слой	V слой
Въ группировкѣ по надѣл. и пос.	— 3,9	—7,7	+ 2,8	+5,2	+3,6
Въ группир по посѣв. и раб. лош. (земск. переписи).	+14,1	+13,2	—26,5	—2,9	+2,1
Тоже (военно-конскія перепис.	+22,1	+14,2	—28,6	—7,0	—0,7

Въ то время, какъ разница между слоями по посѣвамъ и надѣламъ не превышаетъ 7,7%.—между слоями по посѣвамъ и рабочимъ лошадямъ она доходитъ до 26, 5—28, 6%, т. е. почти вчетверо болѣе. Между тѣмъ, группировки по рабочимъ лошадямъ должны соотвѣтствовать группировкамъ по надѣламъ и посѣвамъ, т. к. рабочая лошадь обрабатываетъ 4—5 десятинъ, каковые размѣры приняты въ основу нашей группировки. Отсюда снова становится яснымъ, что для земледѣльческаго хозяйства наиболѣе правильный признакъ—**посѣвы.**

И судя по этому, наиболѣе правильному признаку, почти половину всѣхъ дворовъ (48%) составляетъ чистый **средній слой**; третью часть (35,7%)—два промежуточныхъ (съ недостаточнымъ посѣвомъ и выше средняго) и только **шестую** часть (16, 3%) два крайнихъ—„пролетаріатъ“ и „капиталисты“

Вотъ наиболѣе точный учетъ крестьянской неоднородности, насколько онъ доступенъ намъ при нынѣшнемъ состоянія земской статистики. Какъ далекъ этотъ учетъ отъ учета г. Ильина,—ясно само собой. Правильность нашего учета потверждается указаніями **прямого признака** „пролетаризаціи“—„капитализаціи“—именно наемнаго труда. По даннымъ 82 уѣздовъ 17 губерній % дворовъ, нанимающихъ батраковъ, равенъ 6,1%, процентъ отпускающихъ батраковъ—12,7%, т. е. почти совпадаетъ съ количествомъ безпосѣвныхъ.

Такимъ образомъ „разложеніе“ по этимъ признакамъ охватило не болѣе **шестой части крестьянскихъ дворовъ**, т. е. вчетверо менѣе, чѣмъ высчиталъ г. Ильинъ.

Теперь спрашивается, каковы причины этого „разложенія“ правильнѣе неоднородности крестьянства

§ 4. Причины крестьянской неоднородности.

Неоднородность человѣческаго общества существовала во всѣ времена у всѣхъ народовъ Существуетъ она и въ безсознательной природѣ Нѣтъ двухъ деревьевъ, двухъ животныхъ вполнѣ одинаковыхъ...

Отсюда мы заключаемъ, что главную причину неоднородности надо искать не въ экономической, а скорѣе въ органической жизни народныхъ массъ Ее надо искать въ той основѣ крестьянскаго двора, которую недавно такъ мастерски освѣтилъ г. Черненковъ—въ семьѣ. Большинство экономистовъ до сего времени совершенно игнорировали неоднородность семейнаго состава хозяйствъ. Имъ никогда не приходило въ голову, что величина семьи, подобно величинѣ хозяйства, колеблется въ каждой деревнѣ отъ одной души до 15—20 и 30 душъ. Семейный составъ промышленнаго городского хозяйства и семейный составъ сельскаго значительно отличаются другъ отъ друга. Мы убѣдились въ этомъ, сдѣлавши подсчетъ по бывшимъ у насъ въ рукахъ 35 по губернскимъ тетрадямъ первой всеобщей переписи населенія (Таблица II—вторыхъ тетрадей—графы „хозяйства частныя одинокихъ лицъ и лицъ, связанныхъ родствомъ")

Изъ 100 хозяйствъ.

	Одинокихъ	Состоящихъ изъ 2 лицъ	Изъ 3	Изъ 4	Изъ 5	Изъ 6—10	Изъ 11 и бол.
Городское населеніе.	9,3	17,0	16,9	16,1	13,8	25,8	1,1
Сельское.	3,2	8,1	11,1	14,6	16.2	42,0	4,8

Къ сожалѣнію, статистики, обработавшіе итоги всеобщей переписи, установили группировки по шаблонному типу—пятковъ, совершенно не соображаясь со средней величиной семейнаго состава хозяйствъ. Изъ ихъ группировокъ невозможно выдѣлить **среднія** слои, которые, судя по средней величинѣ семьи-хозяйства въ разныхъ губерніяхъ, должны колебаться въ предѣлахъ 4—7 и 5—8 человѣкъ. Поэтому, вмѣсто 5 группъ или слоевъ, мы принуждены сдѣлать болѣе грубую сводку въ три слоя, а именно: малыя семьи въ 1—4 человѣка, среднія и средневысшія 5—10 человѣкъ и самыя большія—семьи въ 11 ч и больше. Сведя приведенныя цифры въ три группы, получаемъ:

Изъ 100 хозяйствъ.

Съ малымъ семейнымъ составомъ (1—4 чел.)	Среднимъ и средне-высш. (5—10 чел).	Наивысшимъ. (11 и бол. чел),

Городское население	59,3	39,6	1,1.
сельское	37,0	58,2	4 8.

Въ то время, какъ въ городскомъ населеніи преобладаютъ малыя семьи-хозяйства, составляя до 60% всѣхъ, въ сельскомъ—такое же мѣсто занимаютъ среднія и средне-высшія. Если сопоставить величину слоевъ по семейному составу сельскаго населенія съ таковой же величиной слоевъ по приведеннымъ выше экономическимъ признакамъ, то получится значительная аналогія.

% хозяйствъ.

	Безъ надѣла и съ надѣломъ до 5 дес	5—25 десят.	свыше 25 дес.
Надѣлы.	25,5	67,2	7,3
	Безъ посѣва и съ минимъ посѣвомъ.	Съ посѣвомъ отъ $2^1/_2$—12—15 дес.	Свыше 12—15 дес.
Посѣвы.	37,1	59,2	3,7
	Безлошадныя	Съ 1—3 лош.	Съ 4 и бол.
Рабоч лошади.			
Земс. переписи	26,7.	68,5.	5,8
военно-конскія.	34,7.	62.3.	3,0

Не смотря на то, что подобрать вполнѣ подходящія семейныя и экономическія группировки при массовыхъ сводкахъ, конечно, не представлялось никакой возможности, мы видимъ, что между размѣрами слоевъ въ тѣхъ и другихъ группировкахъ существуетъ очень значительное сходство, достигающее почти полнаго совпаденія въ наиболѣе достовѣрной экономической группировкѣ по посѣвной площади.

Отсюда мы можемъ заключить, что неоднородность крестьянской семьи, по своимъ размѣрамъ приближается къ экономической неоднородности хозяйства; и въ томъ и въ другомъ случаѣ преобладающее значеніе имѣютъ **средніе слои**.

Но намъ могутъ возразить, что comparaison n'est pas raison, что простая аналогія между неоднородностью семьи и неоднородностью хозяйства еще не доказываетъ, что между размѣрами семьи и размѣрами хозяйства существуетъ какая либо **причинная связь**. Въ отвѣтъ на это мы приводимъ слѣдующую таблицу.

Средній размѣръ семьи въ группировкахъ по посѣвамъ.

Вологод. губ. Грязов. уѣз. Владимир. Юрьев. Костр. Кинешем.	Безпос.		до 3 д	3—6	св. 6 дес.				
	2, 5		4, 5	6, 1	7, 1				
Смолен губ.	Безпос		до 3 д	3—9	св. 9 д				
Вяземск уѣз.	3, 2		4, 8	6, 8	10, 1				
Вятской губ.	Безпос	до 1 д.	1-2½	2½-5	5—7½	7½-10	10-15	15-20	св. 20
6 уѣздовъ.	2. 6	3. 4	4, 1	5, 2	6, 3	7, 4	8, 8	10, 8	12, 6
Перм. губ.	Безпос.	до 2 д.	2—5	5—10	10—15	15—20	20-25	25-50	св. 50
2 уѣзда.	3, 5	4, 4	5, 2	6. 3	7, 6	8. 2	9, 1	9, 5	9, 6
Орлов. губ.	Безпос.	до 1 д	1—2	2—4	4—6	6—10	10-15	15-50	св. 50
2 уѣзда.	3, 8	4, 3	4, 8	5, 5	6, 6	8, 1	10, 1	12-2	15, 1
Воронежс. губ.	Безпос.	до 1 д.	1—5	5—10	10—20	20—40	св. 40		
5 уѣздовъ.	4, 1	3, 8	5, 4	7, 9	10, 8	14, 6	15, 2		
Уральск. обл.	до 2 дес	2—5	5—10	10-50	50-100	св. 100			
2 уѣз. казаки.	4, 2	5. 0	6, 0	6, 7	10, 6	24, 2			
2 уѣз. киргизы.	5. 7	6, 4	10,6	10, 6	14, 0				

По всей Россіи, начиная съ сѣверо—запада и вплоть до киргизскихъ степей, размѣры земледѣльческаго хозяйства

находятся въ прямой неразрывной связи съ **размѣрами семьи**. Въ комбинаціонныхъ таблицахъ, которыя будутъ опубликованы во II томѣ „Борьбы за землю“ эта связь выражается еще рѣзче.

Впрочемъ ее отмѣчали всѣ изслѣдователи, обращавшіе серьезное вниманіе на семейный составъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Ф. А Щербина, также пользовавшійся комбинаціоннымъ методомъ, пишетъ. „Еще рѣзче все это наблюдается при комбинированіи нѣсколькихъ хозяйственныхъ факторовъ. Такъ, средняя семья безъ земли, безъ работника и безъ рабочаго скота равняется только 1,79 душъ, семья безъ земли и безъ работника, но съ одной рабочей лошадью—2,75 душъ, семья безъ земли и безъ рабочаго скота, но съ однимъ работникомъ 3,61 душа, а средняя семья безъ земли, но съ однимъ работникомъ и съ одной рабочей лошадью 3,94 души. Слѣдовательно, цыфры показываютъ, что средняя семья упалыхъ хозяйствъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе оказывается на лицо положительныхъ хозяйственныхъ факторовъ и наоборотъ, она тѣмъ ниже по составу, чѣмъ меньше въ наличности этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ семьи бобылей одиночекъ и упалыя, характеризующіяся малымъ составомъ, даютъ первое и вполнѣ опредѣленное указаніе на строгую зависимость между составомъ средней семьи и хозяйственными факторами. Зависимость эта проходитъ красной нитью и чрезъ обычныя нормальныя формы крестьянской семьи („крест. бюджеты.“ стр. 212).

Итакъ, тѣсная зависимость между размѣрами семьи и размѣрами хозяйства—уже давно установленный фактъ. Эта зависимость происходитъ не отъ „патріархальности“ быта, какъ думаютъ очень многіе экономисты, и не отъ общинныхъ порядковъ, а отъ **глубокой связи между потребленіемъ и производствомъ въ трудовомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ**, потому что она наблюдается не только въ Россіи, но и, напримѣръ въ такой капиталистической странѣ какъ Германія, гдѣ врядъ ли кто рискнетъ говорить о патріархальности быта. По словамъ Зомбарта „собственной сферой **семейной формы производства** является сельское хозяйство. Здѣсь она **играетъ рѣшающую роль** и опредѣляетъ собой своеобразность сельско-хозяйственнаго производства: отдѣльная мелкая семья составляетъ основу производства у мелкаго крестьянства, большая семья—основу производства у крупнаго крестьянства. Причина, почему въ сферѣ сельскаго хозяйства семейное производство играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ хозяйства, состоитъ въ томъ, что **здѣсь производительное и потребительное хозяйство по своему объему**

и содержанію гораздо тѣснѣе связаны между собой, чѣмъ гдѣ бы то ни было, („Современный капитализмъ“ томъ I стр 47.) Зомбартъ свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, что въ Германіи, гдѣ общины нѣтъ и уравнительныхъ передѣловъ по душамъ не бываетъ, семенный составъ также связанъ съ хозяйствомъ, какъ и въ Россіи. Стало быть, крестьянское хозяйство, строится по семейному составу независимо отъ той или другой формы собственности, независимо и отъ степени капиталистическаго развитія націи, а потому, что производство и потребленіе связаны въ немъ тѣснѣй „чѣмъ гдѣ бы то ни было“.

Даже ортодоксальнѣйшій изъ г.г. марксистовъ, Каутскій признаетъ существованіе этой связи „Сельское хозяйство тѣсно связано съ домашнимъ хозяйствомъ, нѣтъ ни одного земледѣльческаго хозяйства безъ собственнаго домашняго хозяйства, но нѣтъ также въ деревнѣ и прочнаго устойчиваго домашняго хозяйства не связаннаго съ земледѣльческимъ хозяйствомъ. (Аграр. вопросъ стр. 212).

Г. Ильинъ, хотя знаетъ о связи хозяйства съ семьей, но совершенно ее игнорируетъ. Г. Масловъ обращаетъ на нее большое вниманія, но объясняетъ ее **паденіемъ производительныхъ силъ** въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. „Чѣмъ ниже стоятъ производительныя силы населенія, тѣмъ болѣе форма хозяйства опредѣляется размѣрами семьи“ (Аграр. воп. I стр. 317).

Послѣ только что сдѣланныхъ ссылокъ на Германію, ясно, что паденіе производительныхъ силъ здѣсь не при чемъ.

Мы еще не разъ встрѣтимся съ вопросомъ объ общемъ характерѣ производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ: имѣетъ ли здѣсь производство потребительное значеніе или значеніе производства на сбытъ, т. е. товарнаго. Пока же ограничимся рѣшеніемъ той задачи, которая поставлена выше; **чѣмъ въ настоящее время обусловлена существующая въ крестьянскихъ массахъ экономическая неоднородность?** Приведенные факты даютъ отвѣтъ: прежде всего **органической неоднородностью семьи.**

Но служатъ ли размѣры семьи **единственной** причиной разницы въ размѣрахъ хозяйства? Конечно нѣтъ. Если бы не было другихъ причинъ, то прежде всего не могло быть безпосѣвныхъ, безлошадныхъ и т. д. дворовъ Дворъ, въ которомъ живетъ одна душа, засѣвалъ бы одну десятину, а дворъ изъ 10 душъ—десять десятинъ. Такого **строгаго** соотвѣтствія между семьей и хозяйствомъ нѣтъ, а слѣдовательно на размѣры хозяйства вліяютъ и другія причины. Если сбросить со счетовъ всю разницу, происходящую отъ размѣровъ

семьи, то между различными экономическими слоями, въ крестьянствѣ все таки остается, хотя и гораздо меньшая, неоднородность.

Пояснимъ примѣромъ: если семья засѣвающая 1 десятину состоитъ изъ 3-хъ человѣкъ, а семья, засѣвающая 20 десятинъ—изъ 15-ти человѣкъ то на ѣдока приходится въ первой семьѣ $^1/_3$ дес. посѣва, во 2-ой $^4/_3$, т. е. **вчетверо** болѣе, а не въ 20 разъ, какъ это бы выходило при учетѣ на дворъ. Слѣдовательно, въ нашемъ примѣрѣ, принятіе въ разсчетъ разницы въ семейно—рабочемъ составѣ сглаживаетъ экономическую разницу, приблизительно, впятеро. Чисто экономическая разница равняется отношенію 1:4.

Но и она отчасти объясняется несовершенствомъ пріемовъ земской статистики. Мы уже говорили, что посѣвная площадь обнимаетъ только одну сторону многограннаго крестьянскаго хозяйства,—чистое земледѣліе, да и то не вполнѣ. Всѣ земледѣльческіе и другіе заработки остаются въ сторонѣ. Если же взять **бюджеты** (учетъ доходовъ и расходовъ), которые мы считаемъ наиболѣе точнымъ показателемъ экономической неоднородности, то разница въ общей суммѣ доходовъ и расходовъ, приходящихся на одного ѣдока въ разныхъ группахъ, будетъ уже очень невелика.

Такъ напримѣръ, на одного ѣдока приходится.

Воронежская губ. (177 тысячъ массовыхъ бюджетовъ)

	Беззем.	до 5 дес.	5—15	15—25	св. 25 дес.
Всей земли десятинъ	—	0,67	1,53	2,25	2,91
Доходовъ въ рубляхъ.	43,47	51,70	57,38	63,36	85,06

Казанская губ. (259 бюджетовъ Царево-Кокшайскій уѣз.).

Земли на 1раб.	1—3 дес.	3—5	5—7	7—10	св. 10 дес.
Расх. хл. на ѣдок. пудов.-фунтов.	18-23	19-8	19-27	18-29	23
Деньгами р.	23,34	20,80	20,85	18,92	38,64

Вятскій уѣз. (632 бюджета).

Дворы съ Посѣвом.	до 1 д	1-2 1/2	2 1/2-5	5-7 1/2	7 1/2-10	10-15	15-20	св 20
Дес пос на ѣ дока	0,1	0,35	0,62	0,89	1.12	1,46	1,52	1.56
Валовой нат дох и чис ден. на ѣдока	47.2	47,0	50,9	54,1	49.5	60,7	56,3	63,8

Въ то время, какъ земли и посѣвовъ на ѣдока и работника въ низшихъ группахъ приходится въ 4—15 разъ меньше, чѣмъ въ высшихъ, доходы и расходы даютъ минимальную разницу въ полтора—два раза.

Итакъ мы имѣемъ передъ собой **три** метода опредѣленія экономической неоднородности массъ.

а) Первый методъ—самый грубый и неточный—опредѣленіе неоднородности по одному изъ основныхъ средствъ производства крестьянскаго двора, какъ **хозяйства**, не принимая въ разсчетъ его потребительно—трудового состава. Экономическій уровень нижнихъ слоевъ оказывается по этому методу ниже экономическаго уровня верхнихъ въ нѣсколько десятковъ разъ.

б) Второй методъ—устанавливающій неоднородность по этимъ же признакамъ, но съ учетомъ потребительно—трудового состава двора, гораздо ближе къ дѣйствительности и сокращаетъ разстояніе между слоями до нѣсколькихъ разъ Но онъ можетъ указать лишь на чисто сельско-хозяйственную неоднородность, т. е., на неоднородность между **размѣрами земледѣльческаго производства**, а не между уровнемъ экономическаго благосостоянія вообще 3) Разницу между экономическимъ благосостояніемъ, можетъ, въ сущности опредѣлить только одинъ методъ—учетъ доходовъ и расходовъ на ѣдока по бюджетамъ, такъ какъ бюджеты охватываютъ, **всѣ стороны** крестьянскаго хозяйства Онъ нивеллируетъ разницу между слоями до 1 1/2—2 разъ.

Г.г. марксисты опирались до сихъ поръ на первый методъ и потому у нихъ сложилось представленіе о громадной разслоенности крестьянства. Но, спрашивается, если бы имъ пришлось изслѣдовать разслоенность пролетаріата на любой фабрикѣ, развѣ они не стали бы брать въ основу доходъ рабочихъ на фабрикѣ. Они такъ и дѣлаютъ: но до сихъ поръ никогда имъ не приходило въ голову, что разница въ дохо-

дахъ чернорабочаго, получающаго 10 руб, въ мѣсяцъ и квалифицированнаго рабочаго съ 75—100 руб. жалованья. принимая въ разсчетъ ихъ семейный составъ гораздо выше, чѣмъ между „пролетарскимъ“ и „капиталистическими“ слоями деревни. Если же они хотя бы разъ призадумались надъ этимъ, то увидалибы, что **„единый“** пролетаріатъ въ сущности **гораздо болѣе разслоенъ экономически, чѣмъ деревенская масса.**

Итакъ, первая по важности причина неоднородност органическаго характера—семья.

Вторая тоже не относится къ категоріи экономическихъ— именно **дѣленіе крестьянъ на разряды,** получившееся благодаря специфическимъ особенностямъ нашего государственнаго строя, начиная, главнымъ образомъ, съ петербургскаго періода исторіи и кончая освободительной реформой. Мы говоримъ о дѣленіи крестьянъ на **государственныхъ, помѣщичьихъ собственниковъ и дарственниковъ.** ×Въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ государственные получили земли въ полтора— два слишкомъ раза больше собственниковъ а эти послѣдніе, въ нѣсколько разъ больше дарственниковъ (14,7дес. 6,8 и 2,4 по Благовѣщенскому см. „сводный сборникъ“). Да и внутри этихъ разрядовъ были большія колебанія въ размѣрахъ ревизскихъ надѣловъ: въ общемъ maximum надѣла превосходитъ minimum въ 48 разъ. Это, конечно, отражается на имущественномъ положеніи разныхъ разрядовъ: напримѣръ у государственныхъ число дворовъ безъ всякаго скота—11% у собственниковъ 15,8, безъ рабочаго скота у первыхъ 19,3%, у вторыхъ—26,7%. На дворъ приходится въ среднемъ головъ крупнаго скота 3,3 и 2,5. Еще больше разница въ числѣ безнадѣльныхъ: 3,9% у первыхъ и 8,5% у вторыхъ.

Теперь представимъ себѣ, что въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на сѣверѣ преобладаютъ государственные, а на югѣ дарственники; общая сводка по уѣзду, надо полагать дастъ картину „двусторонней дифференціаціи“, т. к. дарственники окажутся въ нижнихъ слояхъ, а государственные—въ верхнихъ. Такимъ образомъ, при уѣздныхъ сводкахъ характеръ неоднородности зависитъ не только отъ внутри—общиннаго семейнаго и экономическаго неравенства, но и отъ внѣ—общиннаго, поразряднаго, созданнаго причинами политическаго характера.

Третья причина—личныя качества членовъ семьи, ихъ трудоспособность, возрастной составъ, физическіе недостатки и т. д. Четвертая—различнаго рода случайности, которыя можно назвать удачей или неудачей. Если какой либо дворъ случайно попалъ на хорошую землю, или въ засуху дождь прошелъ полосой, задѣвши его и миновавши сосѣдей—у

него случайно урожай и достатки больше. Другой дворъ погорѣлъ и сдѣлался упалымъ и т. д. и т. д.

Учесть эти причины очень трудно, хотя въ статистикѣ и были любопытныя попытки подобнаго рода (учетъ причинъ безлошадности и бездомовности), но, несомнѣнно, онѣ оказываютъ извѣстное вліяніе на размѣры неоднородности, подобно тому, какъ на одномъ и томъ деревѣ, по случайнымъ причинамъ, плоды бываютъ неодинаковы.

Если мы скинемъ со счетовъ всѣ эти причины, то останется ли разслоенность чисто экономическая и притомъ зависящая отъ факторовъ „пролетаризаціи" „капитализаціи" въ деревнѣ; иначе говоря, существуютъ ли внутри данной общины **капиталистическія отношенія**? Намъ нѣтъ надобности ихъ отрицать: изъ дальнѣйшаго изложенія мы узнаемъ, что они всегда существовали; и повторяемъ, вопросъ не въ ихъ существованіи, а въ **размѣрахъ**. Въ деревнѣ существуетъ и земледѣльческій „**пролетаріатъ**" и мелкая буржуазія—капиталисты, и всякій объективный изслѣдователь, вмѣсто того, чтобы голословно утверждать или отрицать ихъ существованіе, долженъ **опредѣлить ихъ величину**. Такъ мы и поступимъ сейчасъ, приведя на основаніи указанныхъ и другихъ данныхъ приблизительный учетъ размѣровъ **дѣйствительно антагонистическихъ классовъ въ деревнѣ**.

Г. Ильинъ, а также, какъ увидимъ дальше и г. Масловъ, постоянно смѣшиваютъ **уровень благосостоянія съ экономическимъ типомъ хозяйства**. У г. Ильина, перемежаясь, идутъ термины: „наемный рабочій съ надѣломъ" и „бѣднота", сельская буржуазія—„капиталисты" и „зажиточные дворы", какъ будто бѣднякъ не можетъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, а зажиточные дворы не ведутъ натуральнаго хозяйства. Между тѣмъ, благодаря этому смѣшенію, получается въ глазахъ широкой публики представленіе о правильности разсчетовъ экономистовъ изъ марксистскаго лагеря. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдноты—людей, живущихъ впроголодь въ крестьянскомъ быту едва ли не большая половина; зажиточныхъ тоже довольно значительное количество, особенно, если, какъ мы видали, выставить на показъ многоземельныя окраины. Но ни бѣднякъ, ни зажиточный не стоятъ ни въ какой логической связи съ пролетаріемъ и капиталистомъ въ томъ толкованіи этихъ терминовъ, которое общепринято со временъ Маркса.

Пролетарій—работникъ, не владѣющій или не пользующійся самостоятельно орудіями производства. Капиталистъ—хозяинъ, эксплуатирующій чужой трудъ не для натуральнаго, а для **товарнаго** производства.

И для того, чтобы опредѣлить размѣры пролетарскаго и капиталистическаго класса въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ, надо опираться только на указанные признаки, иначе мы запутаемся въ безчисленныхъ противорѣчіяхъ.

Поэтому, оставаясь въ предѣлахъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, чистымъ внутри общиннымъ пролетаріатомъ мы можемъ считать только безпосѣвные дворы *) т. е. не имѣющіе своего собственнаго производства. Такихъ дворовъ— 12,6%. Но т. к. размѣръ семьи у безпосѣвнаго вдвое меньше средняго (въ общемъ около 3-хъ человѣкъ на дворъ) то чистый земледѣльческій **внутри-общинный** пролетаріатъ обнимаетъ около 6—7% крестьянскаго населенія.

Мы напираемъ на признакъ **внутри—общинный**, т. к къ указанному пролетаріату многіе причисляютъ обширной слой деревенскаго **полупролетаріата**, добывающаго главныя средства существованія преимущественно наемнымъ трудомъ **на сторонѣ**. Г Ильинъ даже считаетъ, что онъ имѣетъ право отнести „промыслы“ на счетъ продажи рабочей силы, ибо наемные рабочіе преобладаютъ обыкновенно среди крестьянскихъ „промышленниковъ“ (ст. 53). Но по нашему мнѣнію къ крестьянскому пролетаріату нельзя отнести не только „промышленниковъ“, т. е. кустарей, ремесленниковъ, торговцевъ и другихъ самостоятельныхъ хозяевъ, но и батраковъ. (помѣщичьихъ) поденьщиковъ, чернорабочихъ строительныхъ или иныхъ рабочихъ съ надѣломъ“ (стр. 122). Плотникъ. каменьщикъ, уходящій въ городъ и нанимающійся у подрядчика, фабричный рабочій, сельскій батракъ, работающій у сосѣдняго помѣщика, или гдѣ нибудь на югѣ у колонистовъ—все это пролетаріи **для внѣшняго мира, а не для крестьянской среды**.

Въ крестьянской средѣ такой пролетарій является вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ. Вѣдь главная цѣль, которую преслѣдуетъ г. Ильинъ и другіе, при указаніи на крестьянскую неоднородность, это подчеркнуть **антагонизмъ** внутри—общинныхъ классовыхъ интересовъ. Классовый пролетарскій антагонизмъ у крестьянина, живущаго сторонними заработками, можетъ возникать лишь по отношенію къ тѣмъ предпринимателямъ, у которыхъ онъ работаетъ и которые съ деревней ничего общаго не имѣютъ Для деревни же этотъ пролетарій остается собственникомъ, ergo, въ крестьянской обстановкѣ онъ, по словамъ „учениковъ“ проникается собственническими инстинктами. Такъ и утверждаютъ „ученики“; вспомнимъ.

*) Изъ числа безпосѣвныхъ слѣдуетъ исключить лавочниковъ и ремесленниковъ, не имѣющихъ посѣва. но самостоятельныхъ хозяевъ въ не земледѣльческой сферѣ. Такихъ впрочемъ, меньшинство.

о „двойной душѣ“ живущей въ груди такого крестьянина. И нѣтъ никакихъ логическихъ и фактическихъ основаній ни у г. Ильина, ни у г. Маслова принимать для подтвержденія ихъ доводовъ двѣ разныя „антагонистическія“ души за одну.

Съ этой точки зрѣнія, къ чистому земледѣльческому пролетаріату—безпосѣвнымъ, можно прибавить изъ слѣдующаго слоя—дворовъ съ недостаточнымъ посѣвомъ лишь тѣхъ, которые главныя средства существованія получаютъ наемнымъ трудомъ у своихъ сосѣдей—крестьянъ.

Изъ слоя съ недостаточными средствами производства, дворовъ, отпускающихъ батраковъ вообще, по даннымъ 23 уѣздовъ 5 губерній [*]) отъ $7,_1{}^0/_0$ до $25,_1{}^0/_0$—въ среднемъ около $16^0/_0$. Допустимъ, что половина этого числа уходитъ на заработокъ къ помѣщикамъ, половина—къ „крестьянской буржуазіи“. Тогда изъ слѣдующаго слоя съ не достаточнымъ обезпеченіемъ—мы должны прибавить къ земледѣльческому, внутри—общинному пролетаріату $8^0/_0$ или, круглымъ счетомъ, $2^0/_0$ всѣхъ наличныхъ дворовъ.

Такъ какъ семейный составъ недостаточныхъ дворовъ, также не великъ, то, въ общемъ земледѣльческій пролетаріатъ и полупролетаріатъ охватываетъ $14,6^0/_0$ дворовъ и до $8^0/_0$ населенія.

Само собой разумѣется, что этотъ разсчетъ крайне приблизителенъ, но онъ не преуменьшенъ, что можно подтвердить другимъ разсчетомъ—числа наемныхъ батраковъ у крестьянъ. По даннымъ 82 уѣздовъ 17 губерній, процентъ крестьянскихъ дворовъ, нанимающихъ батраковъ, равенъ $6,_1{}^0/_0$.

Всѣхъ дворовъ въ Европейской Россіи—12,3 милліоновъ (цыфры 1905 года.)

Слѣдовательно, крестьянскихъ дворовъ, пользующихся наемнымъ трудомъ, абсолютно около 750 тысячъ. На одинъ нанимающій дворъ приходится **наемныхъ рабочихъ.**

---

*) Саратовской, Воронежской, Вятской, Нижегородской, Рязанской губерніи очень различны.

Дворы съ посѣвомъ

Орлов. губ.	Безпос.	до 1 д.	1-2	2-4	4-6	6-10	10-15	15-50	св. 50
Дмитровск. у.	1,0	1,2	1,0	1,1	1,1	1,2	1,2	1,5	3,4
Кромской у.	?	1,0	1,0	1,2	1,1	1,1	1.2	1,7	7,3
Вятск. губ.	до 1 дес.	1-2½	2½5	5-7½	7½-10	10,15	15-20	с 20д.	
Оренбургской .	1,3	1,1	1,2	1,1	1,1	1,1	1,5	1,3	
Малмыжск. у.	1,0	1,0	1,0	1.1	1,1	1.2	1,1	1,5	
Уржумск	1,0	1,0	1,2	1.0	1,0	1,1	1,0	1,5	
Вятскій	1,3	1,0	1,2	1,0	1.1	1,1	1,0	1,5	
Калужск. губ	до 3 дес	3-6	6-9	9-12	св 12д.				
Перемыш. у.	1,2	1,1	1,1	1,2	1,4				
Лихвинск. у.	1,1	1,1	1,1	1,4	1,4				
Пермская г.	Безпос.	до 2 д	2-5	5-10	10,15	15-20	20,25	25,50	с. 50
Шадринск у	1,2	1,1	1,3	1,3	1.3	1,4	1,5	2,0	3,2
Самарск. губ.	Безпос	до 3 д.	3-12	12-20	с 20 д				
Новоузен. у	1,1	1,3	1.6	1,3	2,0				

Въ одномъ изъ самыхъ „**разслоенныхъ**“ уѣздовъ—Ананьевскомъ Херсонской губерніи, гдѣ въ среднемъ на одинъ нанимающій дворъ приходится 1,7 батраковъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ нанимающихъ дворовъ:

Нанимаютъ одного батрака	79,2%
двухъ	14,2%
3— 4	7,6
5— 6	2,1
7—10	1,3
болѣе 10—	0,6

Такимъ образомъ, ясно, что minimum, $^1/_5$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ прибѣгающихъ къ найму, ограничиваются **однимъ** батракомъ; и мы, во всякомъ случаѣ, не уменьшимъ количество наемной рабочей силы въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, если будемъ считать на одинъ нанимающій дворъ-по 1,5 батрака, и стало быть, всю батрацкую армію, идущую въ услуженіе къ своему же брату-крестьянину, опредѣлимъ въ 1,125000 человѣкъ (изъ 2, 7 мил. всѣхъ). Прибавляя даже къ нимъ ихъ семейства, мы убѣждаемся, что чистаго внутри—общиннаго пролетаріата не можетъ быть болѣе 3,5 милліоновъ, т. е. около 4% крестьянскаго населенія. Вмѣстѣ съ упалыми семьями, т. е. семьями безъ работниковъ мужского пола, которыхъ по даннымъ 138 уѣздовъ насчитывается 8% (4% населенія), получаемъ выведенные выше по другимъ даннымъ **8 % населенія и до 14–15% дворовъ.**

Перейдемъ къ **верхнему** „полюсу"—капиталистамъ. Слой съ наивысшимъ посѣвомъ (выше 12-15 десятинъ) составляетъ 3,7% дворовъ. Такъ какъ у этого слоя семейный составъ колеблется въ предѣлахъ отъ 10-15 человѣкъ, то онъ охватываетъ тоже, какъ и пролетарскій, 7-8% населенія. Но дѣйствительно ли этотъ слой во всемъ своемъ составѣ, является **капиталистическимъ**? Капиталистическимъ (хотя бы и съ прибавленіемъ эпитета „мелкій") можетъ называться производство, а) цѣль котораго рыночный сбытъ б) основанное на **чужомъ** трудѣ. Сошлемся на Маркса „Небольшія средства производства, служащія самому производителю средствами занятія и не увеличивающіяся **въ своей стоимости посредствомъ присоединенія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала**, точно также, какъ продуктъ, **потребляемый самимъ производителемъ, не есть товаръ**" (капиталъ I стр. 749). Стало быть, только такое крестьянское хозяйство будетъ товарно-капиталистическимъ, которое обращаетъ большую часть своихъ продуктовъ въ товаръ и которое обрабатываетъ землю преимущественно наемнымъ трудомъ. Изъ массовыхъ данныхъ о продажѣ-покупкѣ хлѣба, мы узнаемъ, что по Воронежской губерніи, изъ дворовъ съ землевладѣніемъ выше 25 дес. (что соотвѣтствуетъ, приблизительно, верхнему слою по посѣвамъ), продавало хлѣбъ 76,8%, причемъ на одинъ продающій

дворъ приходилось по 130 рублей чистой выручки отъ продажи. Средній семейный составъ такого двора—13,4 человѣкъ, т. е. на душу приходится выручки отъ продажи 9, 7 рублей въ годъ; въ предыдущемъ слоѣ-съ 15-25 дес. на душу падаетъ 7 руб. выручки, въ среднемъ слоѣ съ 5-15 дес.—6, 4 рубля.

Теперь спрашивается, можно ли считать весь верхній слой, продающій въ годъ на три рубля на человѣка, больше, чѣмъ средній-капиталистическимъ?. Ясно, что **нѣтъ** и что изъ этого слоя надо выдѣлить дворы, ведущіе **дѣйствительно товарное хозяйство**. Какіе же это дворы?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ своими цыфрами г. Ильинъ

На страницѣ 102 онъ приводитъ по воронежскимъ бюджетамъ такіе проценты **денежной** части расходовъ и доходовъ въ разныхъ слояхъ.

Проценты денежной части къ валовому:

	расходу		доходу.
Безъ раб. лошад.	57, 10	—	54, 6.
Съ 1 гол.	46, 47	—	41, 7.
—2	43, 57	—	45, 7.
—3	41, 47	—	42, 3.
—4	45, 43	—	40, 8,
—5 и бол.	60, 18	—	59, 2.

Большая половина доходовъ и расходовъ выражается въ денежной формѣ только у дворовъ **безъ рабочаго скота и съ дворами имѣющими 5 и бол. штукъ**. О нижнемъ слоѣ—безлошадныхъ мы говорили, что хотя онъ въ значительной долѣ пролетаризованъ, но пролетаризованъ **извнѣ** и представляетъ антагонистическій классъ для сельской буржуазіи лишь постольку, поскольку его пролетаризація относится къ внутри общиннымъ сельско—хозяйственнымъ отношеніямъ. Но верхнимъ слоемъ „капиталистами“ можно считать, пожалуй, почти всѣхъ имѣющихъ 5 и болѣе рабочихъ лошадей, т. к. это количество обозначаетъ, minimum, 25—30 десятинъ посѣва. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губ. дворъ съ посѣвомъ въ 10—40 дес. продаетъ чистыхъ 118 пудовъ, съ посѣвомъ свыше 40 дес.—509 пудовъ. Дворъ, засѣвающій 25—30 десятинъ, производя безъ сѣмянъ 800—1000 пудовъ (по среднимъ урожаямъ) — **потребляетъ**, по разсчету на 15 душъ (средній составъ семьи такого двора) около 420 пудовъ и **отчуждаетъ** 380—580 пудовъ. Хозяйство такого двора и можно считать **товарнымъ**. Оно же будетъ и **капиталистическимъ**: изъ приведенной выше таблицы о числѣ наемныхъ работни-

ковъ на 1 дворъ, видно что только посѣвщики 25—50 десятинъ нанимаютъ въ среднемъ по 2 батрака, свыше 50 десят. отъ 3, 2 до 7, 3 человѣкъ на дворъ. Съ другой стороны, только эти дворы въ большинствѣ, не смотря на значительное количество своихъ работниковъ, прибѣгаютъ къ наемному труду.

Изъ 100 зажиточныхъ дворовъ нанимаютъ батраковъ.

	Съ посѣвомъ-		
Орловской губ.	10—15 дес.	15—50 дес.	св. 50 дес.
Кромской уѣз.	—33,9	44,5	90.0.
Дмитровскій	—20,9	38,1	50,0,
Пермской губ.	(20—25)	(25—50)	(св. 50 д.)
Шадрин. уѣз.	38,1	55,5	73,0.
Таврич. губ.			
3 уѣзда	8, 7	34, 7	64, 1.

Только въ группѣ съ посѣвомъ св. 50 дес. изъ всѣхъ зажиточныхъ нанимаютъ отъ 50 до 90% дворовъ, въ остальныхъ не болѣе трети, а двѣ трети довольствуются семейными работниками. Итакъ, мы не погрѣшимъ въ сторону преуменьшенія, если всѣ дворы съ 5 и бол. раб. лошадьми засчитаемъ въ **сельскую буржуазію**.

Изъ 11,1 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ по переписи 1896—900 г.г. въ 48 губ. Европейской Россіи, болѣе 5 рабочихъ лошадей имѣютъ 131 тысяча или 1,2%. Такъ какъ семейный составъ сельской буржуазіи приблизительно въ $2^1/_2$ раза больше нормальнаго, то мелко—буржуазное населеніе охватываетъ около 3% всей крестьянской массы.

Слѣдовательно, оба уже въ дѣйствительности антагонистическихъ полюса деревни, по возможно точному подсчету, составятъ **до 16% дворовъ** и **до 11% населенія** Быть можетъ, этотъ подсчетъ не сходится нѣсколько съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, но скорѣе онъ направляется въ сторону преувеличенія*).

Другихъ объективныхъ данныхъ у насъ не было въ рукахъ. Остальные 84% дворовъ и девять десятыхъ населенія врядъ ли имѣютъ противоположные интересы. Ихъ общій неудержимый вопль „землицы бы“, который, впрочемъ, несется и изъ устъ деревенскаго пролетаріата, раздается десятки лѣтъ по русской землѣ. И если теперь создается на этой почвѣ антагонизмъ, то этотъ антагонизмъ голодныхъ людей, дерущихся изъ за клочка земли ради насущнаго хлѣба, не **имѣетъ** ничего общаго съ тѣмъ **классовымъ** антагонизмомъ, о которомъ не устаютъ твердить г.г. марксисты.

*) Такъ, вѣроятно, далеко не всѣ 5-ти лошадные дворы ведутъ преимущественно товарное хозяйство.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе размѣровъ и причинъ современной крестьянской неоднородности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда мы будемъ анализировать **эволюцію** массовой разслоенности, мы увидимъ, что современная неоднородность далеко не такъ велика, какъ, напримѣръ, та, которая была въ эпоху Московской Руси.

Мы увидимъ, насколько глубоко ошибался г. Ильинъ, который безъ всякихъ основаній позволилъ себѣ все время трактовать **о процессахъ** разложенія крестьянской массы. Его ошибка была понята дальнѣйшими послѣдователями русскаго марксизма. И первый изъ нихъ, взявшійся за внесеніе солидныхъ поправокъ въ старую ортодоксальную теорію, былъ г. Масловъ, къ которому мы и переходимъ.

Глава II.

Теорія „развитія производительныхъ силъ“ г. Маслова.

§ 1) Изложеніе теоріи.

Первое изданіе сочиненія г. Маслова („Аграрный вопросъ въ Россіи“ т. I) вышло въ 1903 г. т. е., спустя четыре года послѣ книги г. Ильина—этой лебединой пѣсни ортодоксальнаго марксизма. За эти четыре года и за границей и въ Россіи экономическая наука успѣла многое выяснить. Въ Германіи были литературно обработаны результаты повторной переписи 1895 года, доказавшей, что крестьянство не только не исчезаетъ съ горизонта, а наоборотъ, самыя большія завоеванія и по отношенію къ землѣ и въ области „прогрессивныхъ теченій“ въ сельскомъ хозяйствѣ, принадлежатъ именно ему, тогда какъ крупное капиталистическое землевладѣніе, подъ давленіемъ конкурренціи заокеанскихъ странъ и вызваннаго ею пониженія цѣнъ—начинаетъ отступать на второй планъ. Жизненная дѣйствительность доказала неправильность чистой догмы; и, подъ вліяніемъ неоспоримыхъ фактовъ, въ Европѣ крѣпнетъ и развивается теченіе ревизіонизма, а у соціалистическихъ партій растетъ интересъ къ крестьянству.

Въ Россію европейскій ревизіонизмъ былъ перенесенъ г. Булгаковымъ въ 1900 г. Специально, обще-русскія данныя о процессахъ, происходящихъ въ крестьянствѣ (повторныя военно-конскія переписи) въ томъ же году подвергаются анализу г. Вихляева, изъ котораго слѣдуетъ, что и въ русскомъ крестьянствѣ „дифференціаціи“ не происходитъ.

Подъ напоромъ критической работы ревизіонизма въ области теоріи, плюсъ реальные факты дѣйствительности, представителямъ русскаго марксизма пришлось взяться за пересмотръ ортодоксальной догмы, каковой пересмотръ и былъ выполненъ г. Масловымъ. Г. Масловъ начинаетъ свою работу съ совершенно правильнаго указанія, что до сихъ поръ **теорія** аграрнаго вопроса была въ загонѣ. „Кромѣ теоріи ренты еще и до настоящаго времени спорной и недостаточно разработанной, не существуетъ почти никакихъ теоретическихъ построеній, болѣе или менѣе удовлетворительно освѣщающихъ огромную массу цифровыхъ матеріаловъ и фактовъ по аграрному вопросу". Во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся, напримѣръ, крестьянскаго вопроса, главный интересъ изслѣдователей—экономистовъ направляется на простое констатированіе присутствія или отсутствія „дифференціаціи", на значеніе общины и т. д.", причемъ никто не обращалъ вниманія на причинную связь этихъ явленій съ **„общимъ процессомъ хозяйственной эволюціи страны"**. Иначе говоря, „вопросъ о **распредѣленіи** ставился и ставится независимо отъ вопроса о **развитіи производительныхъ силъ"**...

Между тѣмъ, **дифференціація** хозяйства, капитализація, раздѣленіе труда и пр... лишь вторичные процессы, играющіе временную переходящую роль при **постоянно** дѣйствующемъ основномъ факторѣ..... и рѣшеніе **частныхъ** вопросовъ объ общинѣ, дифференціаціи крестьянства и т. д. не рѣшаетъ аграрнаго вопроса (стр. 3 и 9 IV-го изданія).

Въ самомъ дѣлѣ, и „дифференціація" и нивеллировка крестьянскихъ хозяйствъ сами по себѣ ничего не доказываютъ. И тотъ и другой процессъ могутъ быть связаны съ хозяйственнымъ развитіемъ страны или могутъ, наоборотъ, явиться результатомъ **остановки этого развитія**. Это бываетъ въ эпохи **кризисовъ**.

„На извѣстной ступени развитія", говоритъ Марксъ, „матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производительными отношеніями. Изъ формы развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ", (Критика нѣкот. положеній политич. экономіи. Цит. по Маслову стр 11).

Значитъ, нельзя строить прямыхъ выводовъ изъ простого констатированія фактовъ дифференціаціи и нивеллировки, а надо прежде установить, въ какой историческій моментъ тотъ или другой процессъ происходитъ: въ моментъ **кризиса**, остановки хозяйственной эволюціи страны, или въ моментъ ея поступательнаго хода впередъ. Это поступатель-

ное движеніе, въ общемъ, несомнѣнно; несомнѣнно, что хозяйственная жизнь націи эволюціонируетъ, хотя, быть можетъ, зигзагами, а не **прямымъ путемъ**. Задача экономистовъ найти этотъ путь, т. е. изучить законы хозяйственнаго развитія страны. Только, установивши эти общіе законы, законы **производства** хозяйственныхъ благъ, можно обратиться къ вопросамъ объ ихъ **распредѣленіи** и тогда уже рѣшать, опредѣляетъ та или иная группировка отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ общественную эволюцію, или, наоборотъ, остановку нормальнаго развитія, которая съ дальнѣйшимъ поступательнымъ ходомъ націи, должна будетъ исчезнуть, какъ исчезаютъ временныя болѣзненныя явленія въ здоровомъ, полномъ жизни организмѣ

Итакъ, прежде, чѣмъ производить анализъ распредѣленія, надо установить законы **производства**. Въ этомъ отношеніи г. Масловъ глубоко правъ. Но, кто виноватъ въ томъ, что до сихъ поръ не изучены законы сельско-хозяйственной эволюціи—это надо спросить у сторонниковъ г. Маслова. Со времени „коммунистическаго манифеста“ на западѣ безраздѣльно царила ортодоксія, игнорировавшая аграрный вопросъ; въ теченіи десятковъ лѣтъ не было неоспоримыхъ фактовъ для выясненія ея утопичности: не было и многаго другого, какъ напр. быстраго сельско-хозяйственнаго прогресса, возникновенія кооперацій и т. д. Исторія всякой экономической науки также имѣетъ свою эволюцію, въ сильной степени зависящую отъ хозяйственной эволюціи въ жизни; и въ жизни и въ наукѣ на слѣдующую ступень можно стать, лишь перешагнувши черезъ предыдущую. Жизнь и наука за 50 лѣтъ поднялись на слѣдующую ступень развитія, съ которой открылись въ аграрномъ вопросѣ гораздо болѣе широкіе горизонты Туманъ догмы, обволакивающій аграрный вопросъ, расчистился, и стало яснымъ, что правильное его рѣшеніе требуетъ прежде всего опредѣленія принциповъ сельско-хозяйственнаго развитія, т е. законовъ эволюціи **производства**.

Ясно это и г. Маслову, и ему кажется, что онъ нашелъ эти законы. Поэтому, мы должны обратить усиленное вниманіе на его сочиненіе. Оно распадается на двѣ части: на изложеніе теоріи и на ея приложеніе къ фактамъ русской дѣйствительности. Сообразно этому дѣленію, мы изложимъ вкратцѣ сначала теоретическую часть, потомъ подвергнемъ ее анализу; тоже самое продѣлаемъ и со второй частью

Приступаемъ къ теоріи. Неизбѣжно (но не постнно, какъ обмолвился г. Масловъ въ приведенной выше цитатѣ) въ хозяйственной жизни страны дѣйствуетъ „основной фак-

торъ". Факторъ этотъ г. Масловъ называетъ **развитіемъ производительныхъ силъ**. „Развитіе производительныхъ силъ является той основной нитью, которая тянетъ общество по пути хозяйственнаго развитія, съ которой всегда приходится считаться и за которую люди сознательно или безсознательно цѣпляются" (стр. 10).

Для всякой теоріи наиболѣе отвѣтственнымъ мѣстомъ является ея исходный пунктъ. Исходный пунктъ для теоріи Маслова—тотъ смыслъ, который онъ вкладываетъ въ терминъ „развитіе производительныхъ силъ", ибо ясно, что этотъ терминъ можетъ имѣть десятки различныхъ значеній; десятки идей, часто взаимно противоположныхъ могутъ покрываться этимъ слишкомъ общимъ и растяжимымъ терминомъ. Каковъ же его смыслъ, какова идея у г. Маслова?

Уловить ее трудно, на что уже указывалъ, наприм. г. Пѣшехоновъ. Опредѣленіе автора гласитъ: „Состояніе производительныхъ силъ даннаго населенія опредѣляется суммой продуктовъ, производимыхъ въ странѣ для дальнѣйшаго производства, т. е. для **производительнаго потребленія**. Развитіе производительныхъ силъ выразится въ увеличеніи количества этихъ продуктовъ" (стр. 23).

Опредѣленіе не ясно, главнымъ образомъ потому, что неизвѣстно, какое именно потребленіе авторъ называетъ **производительнымъ?** Въ отвѣтъ г. Пѣшехонову г. Масловъ сослался на II-ую главу. Изъ этой главы и изъ другихъ мѣстъ во всей книгѣ (стр. 21, 38, 199, 224 и 498) мы узнали, что именно авторъ подразумѣваетъ подъ **не**-производительнымъ потребленіемъ. Это: 1) расходы на милитаризмъ; 2) налоги, расходуемые непроизводительно для населенія и т. д. Такого рода непроизводительные государственные расходы страны г. Масловъ относитъ къ области „программныхъ" вопросовъ и потому не считаетъ нужнымъ на нихъ останавливаться. Для большей ясности, мы бы предпочли отнести расходы этого вида не къ области „программныхъ" вопросовъ, а къ сферѣ **политическихъ факторовъ**, дѣйствующихъ въ данной странѣ: той или иной формѣ правленія, тому или иному международному положенію державы и т. д.

За исключеніемъ такого вида расходовъ г. Масловъ все остальное потребленіе повидимому считаетъ **производительнымъ**. По крайней мѣрѣ, на всемъ протяженіи книги онъ ни слова не говоритъ о другихъ непроизводительныхъ расходахъ. Примѣняя къ сельскому хозяйству опредѣленіе г. Маслова, мы получимъ, что состояніе производительныхъ силъ въ этомъ хозяйствѣ опредѣляется **суммой его продук-**

товъ *) по отношенію къ земледѣльческому населенію. Схема развитія и паденія производительныхъ силъ у автора такова (стр. 22): 1) „Развитіе производительныхъ силъ можетъ происходить при увеличеніи **суммы** производимыхъ продуктовъ по отношенію къ **тому же** количеству населенія. 2) Развитіе производительныхъ силъ населенія можетъ происходить при увеличеніи суммы продуктовъ, производимыхъ **возрастающимъ** населеніемъ, причемъ предполагается не только увеличеніе количества продуктовъ **каждымъ производителемъ**, но и увеличеніе количества производителей. Напримѣръ, если производство продуктовъ **въ земледѣліи** увеличилось по отношенію къ **земледѣльческому населенію** и въ индустріи по отношенію къ промышленному населенію, то произошло развитіе производительныхъ силъ населенія и въ земледѣліи и въ индустріи. 3) **Паденіе** производительныхъ силъ предполагаетъ **уменьшеніе** общей суммы производимыхъ продуктовъ **даннымъ** количествомъ населенія. Напримѣръ, благодаря какимъ нибудь неблагопріятнымъ условіямъ въ земледѣліи страна будетъ получать меньшее количество продуктовъ при томъ же количествѣ населенія. 4) **Паденіе** производительныхъ силъ возможно при **увеличеніи** общей суммы производимыхъ продуктовъ, но при **уменьшеніи** ихъ по отношенію къ **возрастающему** населенію .. Увеличеніе урожайности земли можетъ... сопровождаться паденіемъ производительныхъ силъ, если большее количество населенія прилагаетъ трудъ на ту же поверхность земли и не получаетъ соотвѣтственно **большаго** количества продуктовъ.

Представимъ эту схему, для большей ясности, въ конкретномъ видѣ (по отношенію къ земледѣлію).

Положимъ, въ какомъ нибудь уѣздѣ имѣется 100 тысячъ земледѣльцевъ, собирающихъ со своихъ полей 3 милліона пудовъ по 30 пудовъ на человѣка.

1) Если въ этомъ уѣздѣ черезъ 10 лѣтъ остались тѣ-же 100 тысячъ, или даже число ихъ убавилось—до 80 тыс., а хлѣба они производятъ уже по 40 пудовъ на человѣка, (4 милліона и 3, 2 мил. пудовъ)—произошло **развитіе** производительныхъ силъ.

2) Если здѣсь оказалось не 100, а 150 тысячъ, но сборъ хлѣба выросъ до 6 мил пудовъ, т. е. тоже до 40 пудовъ на человѣка—опять таки мы имѣемъ дѣло съ **развитіемъ** производительныхъ силъ

*) Изъ которыхъ исключаются идущіе на непроизводительное потребленіе указаннаго характера. Но т. к авторъ послѣднее не принимаетъ въ расчетъ, не будемъ этого дѣлать и мы.

3) Если остались тѣ-же 100 тысячъ, но хлѣба они произвели 2 милліона пудовъ—по 20 пудовъ—произошло **паденіе** производительныхъ силъ.

4) Наконецъ, если число земледѣльцевъ поднялось до 150 тысячъ, а хлѣба они стали производить **больше чѣмъ прежде**—3750 тыс. пудовъ (повысилась урожайность), но на одного человѣка стало выходить меньше (по 25 пудовъ) то тутъ будетъ опять **паденіе** производительныхъ силъ.

Слѣдовательно, развитіе и паденіе производительныхъ силъ опредѣляется отношеніемъ между суммой продуктовъ и количествомъ населенія, т. е. въ конечномъ счетѣ,—количествомъ продуктовъ, производимыхъ **однимъ** человѣкомъ—иначе сказать, **производительностью его труда**. За исключеніемъ вліянія политическихъ факторовъ, которые авторъ игнорируетъ, **производительныя силы и производительность труда у автора—синнонимы и онъ въ однихъ и тѣхъ фразахъ постоянно употребляетъ одинъ терминъ вмѣсто другого.**

Мы, по необходимости, такъ старательно изложили исходный пунктъ теоріи автора, ибо разъ сущность эволюціи сельскаго хозяйства отождествляется имъ съ развитіемъ производительности труда, то этимъ самымъ все дальнѣйшее теченіе идей г. Маслова замыкается въ строго опредѣленное русло.

„Обыкновенно увеличеніе производительности труда достигается увеличеніемъ постояннаго капитала въ предпріятіи и относительнымъ **сокращеніемъ** прилагаемаго въ немъ **живого** труда". Поэтому „техническій прогресъ и развитіе производительныхъ силъ.... во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ томъ числѣ и въ земледѣліи обыкновенно, является результатомъ увеличенія цѣнности **орудій** и средствъ производства, когда непосредственно прилагаемый живой трудъ употребляется все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ", т. е. эволюція производства въ сельскомъ хозяйствѣ зависитъ отъ вытѣсненія механическими орудіями (постояннымъ капиталомъ) **живого труда**. Эта точка зрѣнія на возростающую роль постояннаго капитала при эволюціи производства, заимствованная изъ индустріи, вполнѣ **ортодоксальна**. Но дальше г. Масловъ смѣло вступаетъ на новую дорогу, на которую до него ортодоксальные марксисты заходить не рѣшались.

Вмѣстѣ съ **ревизіонистами** онъ признаетъ въ земледѣліи **„фактъ паденія послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда на ту-же площадь земли"**. (Законъ убывающаго плодородія почвы г. Булгакова).

„Главное отличіе земледѣлія отъ индустріи заключается въ томъ, что количество земледѣльческихъ продуктовъ опре-

дѣляется не только количествомъ труда и капитала, прилагаемыхъ для производства продуктовъ, но и размѣрами площади обрабатываемой земли, совокупностью естественныхъ условій: климата, почвы и проч. Между тѣмъ, какъ въ индустріи увеличеніе количества производимыхъ продуктовъ достигается увеличеніемъ капитала и труда, прилагаемаго къ производству, въ земледѣліи оно достигается увеличеніемъ капитала, труда и **площади обрабатываемой земли**. Увеличеніе затраты капитала и труда **безъ увеличенія площади земли** дѣлаетъ трудъ менѣе производительнымъ. Это обусловливается особенностью земледѣлія, въ развитіи котораго до настоящаго времени мы можемъ констатировать фактъ паденія послѣдовательныхъ затратъ капитала и труда. Чтобы получить вдвое большее количество продуктовъ, можно или увеличить вдвое посѣвъ, или затратить новое количество капитала и труда на ту же площадь земли. Но новое увеличеніе затратъ на ту же площадь не сопровождается правильнымъ возрастаніемъ суммы получаемаго продукта“ (стран. 60).

На основаніи факта паденія послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала, отношеніе между суммой затратъ и величиной площади будетъ **обратно пропорціональнымъ**. Чѣмъ больше затрачено на единицу площади, тѣмъ менѣе производителенъ трудъ, тѣмъ болѣе расходовъ для полученія одного и того же пуда зерна. Наиболѣе продуктивно то хозяйство, гдѣ производится менѣе всего затратъ на единицу площади, т. е. самое **экстенсивное** хозяйство. Наиболѣе производительнымъ хозяйствомъ является **кочевое** хозяйство, въ которомъ скотъ пасется на совершенно необработанныхъ земляхъ.... Въ зерновомъ хозяйствѣ наиболѣе производительный трудъ при переложной системѣ полеводства и т. д. (стр. 62).

Не останавливаясь болѣе на этомъ фактѣ, скажемъ только, что авторъ вѣритъ въ него твердо, догматически, и принимаетъ его со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями. Первое же послѣдствіе, которое вытекаетъ изъ этого факта, состоитъ въ слѣдующемъ. „Цѣли и средства, которыми руководствуются хозяйствующіе субъекты, одинаковы, какъ въ земледѣліи, такъ и въ индустріи: цѣлью является стремленіе получить въ своемъ хозяйствѣ наибольшее количество продуктовъ съ наименьшими затратами“ (стран. 89). Такъ какъ въ земледѣліи новыя затраты на ту же площадь менѣе выгодны, то хозяйствующій субъектъ предпочитаетъ оставаться въ скотоводствѣ—при кочевомъ хозяйствѣ, а въ земледѣліи—при переложной системѣ.

Но этому препятствуетъ другой факторъ—**ростъ насе-**

ленія и его потребностей. Когда рость населенія въ какой либо странѣ дойдетъ до такой густоты, что вся свободная и удобная площадь земли будетъ распахана, тогда волей неволей приходится интенсифицировать земледѣліе т. е. увеличивать затраты на ту же площадь. „Въ плотно населенной странѣ расширеніе запашекъ возможно въ ограниченныхъ предѣлахъ и увеличеніе производства земледѣльческихъ продуктовъ достигается лишь интенсификаціей земледѣлія“ (стран. 161).

Въ виду невыгодности интенсификаціи „хозяйствующій субъектъ“ стремится къ экстенсивному земледѣлію, а это послѣднее возможно лишь въ рѣдко населенныхъ странахъ. Отсюда возникаетъ то явленіе, которое г Масловъ называетъ **тенденціей къ разсѣянію земледѣлія**. „Въ промышленныхъ странахъ замѣчается сокращеніе запашки. Чѣмъ дальше страна шагнула по пути къ промышленности, тѣмъ болѣе въ ней **сокращается** „земледѣліе по отношенію къ населенію“.... „Въ колоніяхъ и рѣдко населенныхъ странахъ производство хлѣбовъ, напротивъ, **чрезвычайно расширялось**“ (стр. 143). „Основанное на товарномъ производствѣ капиталистическое хозяйство ставитъ своей задачей не полученіе наибольшаго количества продуктовъ, а **полученіе наибольшей прибыли на затраченный капиталъ**“. Отсюда и „тенденція къ разсѣянію земледѣлія“, т. е его экстенсификація, происходящая посредствомъ передвиженія изъ странъ густо населенныхъ въ рѣдко населенныя.

Кромѣ тенденціи къ разсѣянію земледѣлія, фактъ паденія затратъ труда является одной изъ главныхъ причинъ, образующихъ **капиталистическую земельную ренту**. „Необходимымъ условіемъ для образованія капиталистической земельной ренты является паденіе производительныхъ затратъ на ту же площадь земли“ (стр. 97)

При интенсификаціи, затраты на полученіе одного и того же пуда зерна становятся все больше. Допустимъ, что при перелогѣ, при затратѣ на десятину 15 рублей урожай будетъ 60 пудовъ т. е. каждый пудъ обойдется въ 25 коп.; при трехпольи — затраты удваиваются, но урожай повышается лишь на 30 пудовъ—всего 90 пудовъ. Переходъ на многополье, при затратѣ еще 15 руб. прибавляетъ урожай только на 15 пудовъ; въ послѣднемъ случаѣ каждый лишній пудъ урожая обходится предпринимателю-капиталисту въ 1 рубль, при трехпольи же въ 50 коп. Капиталистъ перейдетъ на многополье лишь тогда, когда на каждый рубль своихъ издержекъ, онъ получитъ обычную прибыль, скажемъ 7% т. е. тогда когда цѣна хлѣба будетъ 1 руб. 7 коп. за пудъ.

Третья, добавочная затрата 15 руб. при такой цѣнѣ, ничего кромѣ обычной прибыли, не принесетъ. **Ренту** (сверхъ—прибыль) принесутъ лишь **первая и вторая затрата**, при чемъ первая затрата даетъ 75 копѣекъ ренты на пудъ, вторая—50 коп. Если бы не было „факта“ паденія затратъ—ясно, что ни первая, ни вторая затрата **не дали бы никакой сверхъ—прибыли, (ренты)**.

Такимъ образомъ, рента образуется прежде всего, благодаря неодинаковой продуктивности затратъ на одну и ту же площадь Вторая причина образованія ренты—различіе производительности труда и капитала на различныхъ по плодородію участкахъ. „Если, при одинаковой затратѣ труда и капитала на участки земли А, В, С, съ перваго участка (А) получается продукта 100 пудовъ хлѣба, со второго (В)—125 и съ 3-го (С)—150 пудовъ, то сверхъ обычной прибыли, получаемой предпринимателемъ съ перваго (**худшаго**) участка, съ участка В получится добавочный доходъ 25 пудовъ хлѣба, а съ участка С—50 пудовъ Этотъ доходъ и будетъ земельной (дифференціальной по терминологіи Маркса) рентой“ (стр. 99).

Ренты съ **худшихъ** участковъ (или при самыхъ интенсивныхъ системахъ)—**абсолютной** по Марксу—не существуетъ. Марксъ утверждаетъ, что абсолютная рента въ земледѣліи получается благодаря болѣе низкому строенію капитала сравнительно съ индустріей (преобладанію перемѣнной части —живого труда) Но дѣло въ томъ, что „конкурренція предпринимателей стремится уравнять норму прибыли и приблизить ее у каждаго предпринимателя **къ среднему уровню въ странѣ**“ (стр 108) Такъ въ водопроводныхъ предпріятіяхъ, гдѣ почти весь капиталъ состоитъ изъ постоянной части, прибавочная цѣнность, получаемая по Марксу, исключительно изъ **перемѣнной** части (отъ труда рабочихъ) будетъ совсѣмъ ничтожной, но водопроводная компанія получаетъ еще излишекъ прибыли изъ прибавочной цѣнности **другихъ предпринимателей при обмѣнѣ**, т. к благодаря конкурренціи, **прибыли стремятся къ среднему уровню во всѣхъ видахъ производства**, въ томъ числѣ и въ земледѣліи Если бы въ данной отрасли производства норма прибыли была выше обычной, то капиталы тотчасъ же устремились бы туда и понизили эту норму до уровня средней во всѣхъ предпріятіяхъ страны. **„Эта предпосылка уничтожаетъ теорію абсолютной ренты“**. Поэтому, г Масловъ считаетъ, что теорія абсолютной ренты въ 3-мъ томѣ Маркса противорѣчитъ всему его ученію и является результатомъ того, что 3-й томъ сохранился лишь въ видѣ посмертныхъ черновыхъ отрывковъ.

Итакъ абсолютной ренты не существуетъ; существуетъ лишь дифференціальная рента, которая получается вслѣдствіе высшей производительности труда или при экстенсивныхъ системахъ земледѣлія, или на земляхъ лучшаго качества.

Третья причина образованія ренты—**отдаленность земель отъ рынка** Чѣмъ дальше данный участокъ находится отъ рынка, тѣмъ больше труда приходится затрачивать на доставку продуктовъ. Владѣльцы ближайшихъ участковъ затрачиваютъ меньше: разница ихъ затратъ и затратъ хозяевъ отдаленныхъ раіоновъ и составляетъ ренту.

Всѣ три условія образованія капиталистической ренты, такимъ образомъ, сводятся къ одному—**къ различію въ производительности труда**, происходящему отъ взаимодѣйствія всѣхъ указанныхъ причинъ. „Всѣ перечисленные виды ренты, въ концѣ концовъ сводятся къ одному и являются слѣдствіемъ **различной производительности** труда и капитала, затрачиваемыхъ въ земледѣліи“ (Стр. 100).

„Рѣшающее вліяніе на образованіе ренты имѣетъ стоимость провоза продуктовъ изъ раіоновъ экстенсивнаго земледѣлія. Въ густо населенныхъ странахъ цѣны на с.-хоз. продукты повышаются противъ цѣнъ въ раіонахъ экстенсивнаго земледѣлія лишь **на стоимость провоза**. А т. к. интенсификація земледѣлія (затраты новыхъ капиталовъ и труда) опредѣляется **цѣнами на сельско-хозяйственные продукты, то производство экстенсивныхъ странъ начинаетъ регулировать культуру хозяйства и систему** полеводства въ странахъ съ интенсивнымъ хозяйствомъ, мѣшаетъ быстрому повышенію земельной ренты и даже понижаетъ ее, по мѣрѣ удешевленія транзита (стр. 114). Однимъ словомъ, цѣна хлѣба (а слѣдовательно и рента „регулируется производствомъ его въ рѣдко населенныхъ странахъ экстенсивнаго земледѣлія“, потому, что только при экстенсивномъ хозяйствѣ производительность труда наивысшая. Отсюда и возникаетъ тенденція къ разсѣянію земледѣлія.

Европа можетъ бороться съ высокой производительностью труда экстенсивнаго земледѣлія—повышая производительность труда у себя, что возможно лишь путемъ **техническаго прогресса**, т. е. путемъ введенія машинъ.

Но, повышенію производительности труда въ интенсивномъ земледѣліи Европы противодѣйствуетъ фактъ паденія послѣдовательныхъ затратъ труда, и борьба съ за океанскими странами была бы ей не подъ силу, тѣмъ болѣе, что экстенсивныя страны примѣняютъ машины еще въ большемъ

масштабѣ—если бы стоимость провоза отъ за океанскихъ странъ до Европы, не **поднимала бы уровня цѣнъ**. ...

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе **общихъ основъ теоріи производительныхъ силъ***)

Переходимъ къ примѣненію общихъ положеній къ тому кардинальному вопросу, который раздѣлилъ соціалистическое направленіе въ Россіи на два враждующихъ лагеря—**къ вопросу о борьбѣ мелкаго и крупнаго хозяйства въ земледѣліи.**

Изложенныя положенія автора клонятся къ тому выводу, что въ сельско-хозяйственномъ производствѣ имѣются на лицо двѣ противоположныя тенденціи.

Въ немъ, какъ и во всякой промышленности господствуетъ стремленіе „хозяйствующаго субъекта“ получить наибольшее количество продуктовъ съ наименьшими затратами, т. е. тенденія къ **развитію производительности труда** (производительныхъ силъ).

Наименьшія затраты въ сельск.-хоз. обусловлены экстенсивностью системъ полеводства и скотоводства, когда на единицу площади расходуется minimum труда. Но при экстенсивныхъ системахъ единица площади даетъ минимальное количество продуктовъ. Неизбѣжный ростъ населенія заставляетъ его стремиться къ **повышенію** количества добываемыхъ продуктовъ съ единицы площади, а это повышеніе связано съ интенсификаціей системъ; интенсификація же сопровождается **паденіемъ производительности труда**.

Такимъ образомъ, въ сельскомъ хозяйствѣ существуютъ двѣ діаметрально противоположныхъ тенденціи: **развитіе производительности труда** и стремленіе къ интенсификаціи, т. е. къ **развитію производительности земли**

Развитіе производительности труда (силъ) въ земледѣліи достигается, по мнѣнію г. Маслова, увеличеніемъ постояннаго капитала, иначе говоря **механическими орудіями производства**, („машинами“) „Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи ведетъ къ замѣщенію живого труда, прилагаемаго къ землѣ, **машинами**“ (стр. 161).

Этой части сельско-хозяйственнаго производства авторъ придаетъ общее наименованіе „**техники**“.

Развитіе производительности земли создается, по терминологіи автора „**культурой**“—т. е. смѣной системъ полеводства, которая требуетъ увеличенія затратъ живого труда, на единицу площади.

Авторъ убѣжденъ, что **усовершенствованная техника со-**

*) Теорія **не** капиталистической ренты относится, собственно, къ вопросу о борьбѣ крупнаго и мелкаго хозяйства; поэтому мы изложимъ ее нѣсколько дальше.

ставляетъ монополію крупнаго капиталистическаго хозяйства. „Техническій прогрессъ, увеличивающій производительность земледѣльческаго труда, какъ и въ индустріи, даетъ огромныя и исключительныя преимущества крупному хозяйству.“ (Стр. 471). Поэтому, „развитіе производительныхъ силъ сопровождается или предполагаетъ обыкновенно **концентрацію** производства и организацію **крупныхъ** предпріятій“; (стр, 46) „крупное капиталистическое хозяйство увеличиваетъ производительность труда и ведетъ къ развитію производительныхъ силъ“. (Стр. 169) и т. д.

Это положеніе г. Маслова, что „**техника**“ т. е. усовершенствованныя орудія, которыя только и развиваютъ производительность труда въ земледѣліи, составляютъ монополію крупнаго капиталистическаго*) хозяйства, проходитъ красной нитью, черезъ всю его теорію и **составляетъ единственную точку опоры** для разрѣшенія аграрнаго вопроса въ духѣ ортодоксальнаго марксизма, т. е. въ выводѣ о необходимости капиталистической концентраціи производства въ земледѣліи. Поэтому просимъ читателей обратить на это положеніе самое усиленное вниманіе.

Почему крупныя хозяйства монополизируютъ машины? Фактическихъ доказательствъ у автора нѣтъ—онъ не вдается въ техническій анализъ производства и только въ двухъ—трехъ мѣстахъ даетъ бѣглыя указанія вродѣ того, что „конныя молотилки, жнейки и сѣялки невыгодны при посѣвѣ менѣе 25 десятинъ“. (Стр. 291).

Но какъ бы тамъ не было, повторяемъ, что убѣжденіе въ монополизаціи „техники“ крупными хозяйствами, составляетъ основной базисъ въ рѣшеніи авторомъ вопроса о борьбѣ крупнаго и мелкаго хозяйства.

Итакъ, въ рукахъ у крупнаго капиталистическаго хозяйства—своего рода двѣнадцати дюймовое орудіе—„техника“. Какія же орудія въ рукахъ у враждебной стороны—мелкихъ трудовыхъ, или какъ авторъ ихъ называетъ, „продовольственныхъ“ хозяйствъ?

„Продовольственное хозяйство **не можетъ** пріобрѣсти молотилки, жнейки, сѣялки, потому, что во первыхъ эти орудія могутъ быть использованы только въ хозяйствѣ болѣе крупномъ, во вторыхъ, потому, что мелкое хозяйство не настолько заинтересовано въ экономіи труда, чтобы дѣлать затраты на пріобрѣтеніе этихъ орудій“. (Стр. 129). Слѣдовательно, „тех-

*) А также **крупнаго** кооперативнаго. Но авторъ убѣжденъ, что кооперація зависитъ отъ соціальныхъ причинъ, т. е. отъ „программныхъ“ вопросовъ, которыхъ онъ не касается.

никой" мелкое хозяйство не можетъ бороться съ крупнымъ. Но у него есть другія средства борьбы.

Первое—„культура земли" (интенсификація). „Культура земли обыкновенно одинаково можетъ примѣняться и въ крупномъ и въ мелкомъ хозяйствѣ. Напримѣръ, смѣна трехполья многополіемъ, увеличеніе количества удобренія, углубленіе вспашки и проч. одинаково примѣнимы и въ крупномъ и въ мелкомъ хозяйствѣ и одинаково (отрицательно Н. О.) вліяютъ на производительность труда" (стр. 770). Авторъ даже склоненъ считать, что величина земледѣльческой площади хозяйства служитъ препятствіемъ для „культуры". „Для увеличенія **урожайности полей** (т. е. производительности земли Н. О.) существуетъ... опредѣленный maximum размѣровъ хозяйства, больше котораго повышеніе урожайности (посредствомъ навознаго удобренія) не выгодно. Стоимость вывозки удобренія возрастаетъ по мѣрѣ отдаленности полей отъ усадьбы. Точно также возрастаетъ стоимость провоза сжатаго хлѣба къ усадьбѣ съ отдаленныхъ полей". (Стр 291).

Другое средство борьбы мелкаго хозяйства, которое по мнѣнію автора наиболѣе дѣйствительно, заключается въ томъ, что мелкое хозяйство **можетъ платить продовольственную ренту**.

Когда земледѣльческое населеніе страны возрастаетъ до большой плотности, и когда въ тоже самое время индустрія не развивается настолько, что бы поглотить въ „огромномъ" количествѣ рабочія руки—образуется ихъ избытокъ, сконцентрированный въ крестьянской средѣ, средѣ „продовольственныхъ" хозяйствъ. Скопленіе избытка рабочихъ рукъ и голодныхъ ртовъ приводитъ къ тому, что крестьянскому населенію необходимо съ одной и той же площади добывать все больше и больше продуктовъ. Не будучи въ состояніи примѣнять машины, крестьяне вынуждены затрачивать все большее количество труда на одну и туже площадь; а это, согласно „факту", понижаетъ производительность труда.

Съ другой стороны, т. к. индустрія неразвита, т. к. живой трудъ, вслѣдствіе его избытка цѣнится очень низко, то и цѣны на хлѣбъ остаются на низкомъ уровнѣ. „Чѣмъ меньше развита индустрія и обработка продуктовъ сельскаго хозяйства, тѣмъ безвыходнѣе положеніе крестьянскаго населенія; единственный заработокъ можетъ дать свое хотя бы и малопроизводительное хозяйство" (стр. 181) но, сплошь и рядомъ, со своего хозяйства крестьянинъ не получаетъ даже и minimuma продуктовъ, необходимыхъ для существованія. Тогда ему приходится обращаться къ сосѣднему „барину" за землицей, откуда и возникаетъ **„продовольственная аренда"** или, по терминологіи г. Маслова **„некапиталистическая рента"**.

„Чѣмъ гуще земледѣльческое населеніе и чѣмъ меньше промышленное, тѣмъ болѣе **побѣждаетъ** мелкое хозяйство, тѣмъ болѣе преобладаетъ между землевладѣльцами сдача въ мелкую аренду". Крупному землевладѣльцу **невыгодно** при низкихъ цѣнахъ или при ихъ паденіи вести свое хозяйство, потому что низкія цѣны вызываютъ паденіе земельной капиталистической ренты.

Во время аграрнаго кризиса, при паденіи хлѣбныхъ цѣнъ, когда рента на землю въ крупныхъ хозяйствахъ должна падать, когда дополнительныя затраты капитала для крупнаго предпринимателя становятся невыгодны, тогда мелкое хозяйство начинаетъ побивать крупное, потому что первое дополнительными затратами труда еще болѣе повышаетъ земельную ренту" (стр 140). Иными словами, при этихъ условіяхъ продовольственная рента будетъ выше капиталистической, благодаря чему капиталисту, вмѣсто экономическихъ запашекъ, станетъ выгоднѣе сдавать землю въ аренду продовольственному хозяйству.

Стало быть, когда условія благопріятны **возрастанію капиталистической ренты**—побѣждаетъ крупное капиталистическое хозяйство, когда они благопріятны рентѣ—капиталистической—побѣждаетъ мелкое продовольственное хозяйство.

Условій, благопріятныхъ капиталистической рентѣ—два.

1) „Повышеніе цѣнъ на хлѣбъ".

2) „Увеличеніе производительности земледѣльческаго труда", т. е. „техническій прогрессъ".

Обратныя условія: **паденіе цѣнъ на хлѣбъ и паденіе производительности труда** („культура" безъ „техники") **благопріятны продовольственной рентѣ**. Резюме автора гласитъ:

„Развитіе сельскаго хозяйства ведетъ къ развитію капиталистической аренды (ренты? Н. О.) и обратно: остановка сельско-хозяйственнаго развитія, вслѣдствіе конкурренціи странъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ и болѣе производительнымъ трудомъ, или вслѣдствіе какихъ либо другихъ условій, ведетъ къ сохраненію и даже развитію **продовольственной аренды**" (стр. 127).

Мы подошли къ конечнымъ выводамъ теоретической части сочиненія. Изъ послѣдней фразы уже видно, что развитіе производительныхъ силъ связано, по представленіямъ автора, съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго хозяйства, а ихъ паденіе, съ господствомъ мелкаго продовольственнаго, т. е. преобладаніе этого послѣдняго **противорѣчитъ сельскохозяйственному прогрессу**. А такъ какъ прогрессъ неизбѣженъ,

то преобладаніе мелкаго хозяйства можетъ быть лишь временнымъ и обозначаетъ ничто иное, какъ остановку, **кризисъ** въ хозяйственной эволюціи страны. „Основываясь на явленіяхъ, вызванныхъ кризисомъ, многіе экономисты поспѣшили обобщить ихъ и пришли къ заключенію, что мелкое производство **само по себѣ имѣетъ преимущество передъ крупнымъ** и на этомъ основаніи дѣлаютъ соотвѣтствующія предсказанія относительно **будущаго народнаго хозяйства** Если бы развитіе производительныхъ силъ не имѣло рѣшающаго значенія въ опредѣленіи тенденціи развитія хозяйства, то можетъ быть, разсужденія о преимуществахъ мелкихъ хозяйствъ и были бы убѣдительными; развитіе мелкаго хозяйства кажется наиболѣе прямымъ путемъ для улучшенія положенія массы земледѣльческаго населенія, потому что во многихъ странахъ замѣчается увеличеніе количества мелкихъ хозяйствъ и потому что, при господствѣ капиталистическаго производства, мелкіе хозяйства увеличиваютъ количество занятыхъ рукъ въ земледѣліи. Но нужно принять во вниманіе, **что только крупному хозяйству** вполнѣ доступна **технически** раціональная культура, что сложная организація труда, дѣлающая его наиболѣе производительнымъ при **машинномъ** производствѣ, доступна **только въ крупномъ** капиталистическомъ или кооперативномъ земледѣльческомъ предпріятіи. **Экономически** раціональная культура также доступна только въ крупномъ хозяйствѣ, располагающемъ достаточнымъ количествомъ земли и капитала“ (стр. 140—1). Ходъ мыслей автора, приведшій его къ такому, вполнѣ логичному выводу, кристально ясенъ. Повторимъ его въ двухъ словахъ...

Эволюція сельскаго хозяйства, подобно эволюціи индустріи, заключается въ развитіи производительныхъ силъ, которыя, за исключеніемъ случаевъ непроизводительнаго потребленія, обусловлены развитіемъ производительности труда. Производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ развивается только „техникой“, т. е. какъ и въ индустріи—машинами. „Техника“ доступна лишь крупному хозяйству, обладающему большой земельной площадью. Поэтому только крупное хозяйство способствуетъ развитію производительныхъ силъ. Развитію производительныхъ силъ въ с. хозяйствѣ препятствуетъ фактъ паденія послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала на одну и туже площадь, неизбѣжный при интенсификаціи земледѣлія, которая, въ свою очередь, неизбѣжна при возрастаніи населенія. „Отъ интенсификаціи хозяйства производительность труда будетъ падать и въ крупномъ и въ мелкомъ хозяйствѣ, но отъ техническаго прогресса она будетъ повышаться только въ болѣе крупныхъ хозяй-

ствахъ" (стр. 471). Рано или поздно, но крупное хозяйство должно побѣдить, **ибо на немъ покоится развитіе** производительныхъ силъ страны.

Итакъ, да здравствуетъ крупное капиталистическое хозяйство!...

§ 2. Анализъ логическихъ и фактическихъ противорѣчій теоріи.

Мы постарались, насколько могли объективно, изложить основныя идеи автора и показать ихъ взаимную связь. Теперь нашей задачей являются не мелочныя придирки, а опредѣленіе правоспособности изложенной теоріи **во всей ея полнотѣ** для рѣшенія той задачи, которая волнуетъ и пишущаго эти строки, которая встала во весь ростъ передъ обществомъ и требуетъ немедленнаго отвѣта; въ чемъ заключается **неизбѣжная, вполнѣ закономѣрная эволюція сельскаго хозяйства**? И должна ли она привести къ **ближайшему** торжеству **капитализма**, или трудовой массы? Если капитализмъ долженъ восторжествовать—отсюда вытекаетъ одна программа, если трудовая масса—другая. Г. Масловъ по своему, рѣшилъ эту задачу и намъ остается также объективно провѣрить это рѣшеніе.

Исходный пунктъ теоріи—отождествленіе общаго туманнаго понятія „производительныхъ силъ", съ болѣе конкретнымъ и яснымъ понятіемъ „производительность труда." При анализѣ сельско-хозяйств. производства, авторъ еще болѣе съуживаетъ и проясняетъ это понятіе, ставя производительность труда въ зависимость отъ „техники", т. е. отъ усовершенствованныхъ орудій, доступныхъ, по его мнѣнію, только **крупному хозяйству**.

Съ этого, наиболѣе съуженнаго и проясненнаго понятія мы и начнемъ. Мы лично считаемъ жизнеспособной только такую теорію, которая соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности. Если этого соотвѣтствія нѣтъ, то жизнь рано или поздно ее смететъ, какъ сметала тысячи различныхъ утопій, какъ бы долго онѣ не господствовали въ умахъ общества. Вотъ почему, мы прежде всего обращаемся къ реальнымъ фактамъ и, начиная съ **конца** теоріи, займемся провѣркой того положенія, что мелкое **трудовое** (или „**продовольственное**") хозяйство не **можетъ** пріобрѣтать усовершенствованныхъ орудій. Для провѣрки остановимся на такой странѣ, о которой, во первыхъ, имѣются наиболѣе полныя и точныя данныя, во вторыхъ—которая изо всѣхъ плотно населенныхъ странъ Европы наиболѣе соотвѣтствуетъ понятію автора о развитіи

производительныхъ силъ. Страна эта—**Германія**. Въ Германіи за послѣднюю четверть XIX в. совершалось наиболѣе быстрое развитіе производительныхъ силъ въ индустріи, въ Германіи согласно переписи 1882-95 г., по даннымъ, приводимымъ самимъ авторомъ „населеніе, живущее сельскимъ хозяйствомъ, уменьшилось съ 19.225.445 д. до 18.501 307 д. т. е, на 724.148 д., а число наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ—на 265,025 д.“ Слѣдовательно, **затраты живого труда въ сельскомъ хозяйствѣ сократились**. Въ тоже время, с -хозяйственная площадь **увеличилась** (на 649 тысячъ гектаровъ), возрасла и площадь подъ зерновыми хлѣбами, не смотря на конкурренцію за океанскихъ странъ, съ 16,527 тыс. гектаровъ (въ 1883 г.) до 16.947 тыс. (въ 1897 г.) (Булгаковъ т. II стр. 131). Возрасла и урожайность. Такимъ образомъ, оказалось, что въ началѣ 80-хъ г.г. на душу земледѣльческаго населенія приходилось 8,1 доппельцентеръ продуктовъ 4-хъ главныхъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы, овса и ячменя; въ 1893—7 г.г.— уже 9,2 дп. *) т. е. **производительность труда** земледѣльческаго населенія **увеличилась** на 13,4% (см. первый случай развитія производительныхъ силъ въ схемѣ г. Маслова). Къ Германіи цѣликомъ можно приложить слѣдующее, очень важное положеніе автора. „Во всякомъ случаѣ, до настоящаго времени увеличеніе производительности труда въ земледѣліи, благодаря техническому прогрессу **было сильнѣе**, чѣмъ уменьшеніе производительности труда благодаря менѣе производительнымъ затратамъ труда и капитала на ту же площадь земли“ (стр. 69).

Согласно теоріи автора, причину увеличенія производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи надо искать въ **„техническомъ прогрессѣ“** т е. въ увеличеніи количества усовершенствованныхъ орудій. И дѣйствительно число машинъ было.

	Въ 1882 г.	1895 г.
Паровыхъ плуговъ	836	1696
Сѣялокъ (рядов. и разбр. . .	64037	169465
Косилокъ	19634	35084
Паровыхъ молотилокъ	75690	259346
Прочихъ молотилокъ.	298367	596869

Такъ какъ „техника“ доступна только крупно-капиталистическимъ хозяйствамъ, то вѣроятно, эти послѣднія окончательно сбили съ позиціи „продовольственныя хозяйства“?...

*) Разсчетъ сдѣланъ по даннымъ г. Булгакова. Площадь зерновыхлѣбовъ въ первомъ случаѣ бралась 1883 г. урожай 1887 г., во 2-омъ— 1895—7 г.

Поищемъ отвѣта у г. Маслова, На стр. 167 у него приведены цифры которыя говорятъ, что за это время площадь „продовольственныхъ хозяйствъ“ (2—20 гектаровъ), **увеличилась на** 669 тыс. гектаровъ, **среднихъ** (20—100 гекторовъ) на 38 тысячъ, а **крупныхъ** (100—1 тысяча гектаровъ)—**уменьшилась** на 48 тыс. *) и лишь площадь латифундій свыше 1000 гектаровъ увеличилась на 94 тысячи. Этими цифрами устанавливается неоспоримый фактъ, что, при **несомнѣнномъ** развитіи производительности труда въ Германіи въ періодъ 1882—95 г.г. одержало побѣду **мелкое** трудовое хозяйство. Сдѣлаемъ логическій выводъ: если производительность труда зависитъ только отъ „техники“, то главное орудіе, которымъ трудовое хозяйство могло побить крупное, было развитіе примѣненія машинъ. Такъ и есть въ дѣйствительности.

Абсолютное число (въ тысячахъ).

	Паровыхъ плуговъ.	Сѣялокъ.	Косилокъ и жнеекъ.	Паровыхъ молотил.	Прочихъ молотил.
Мелкія хоз.	1882-95 г.	1882-95 г.	1882-95 г.	1882-95 г.	1882-95 г.
(До 20 гек.	0,03—0,1	25,5—80,6	1,6—7,9	49,4—197,2	166,2—401,1
Среднія (20-100 гек	0,12—0,3	23,0—62,0	10,7—19,5	18,0—46,8	115,2—180,5
Крупныя св. 100 гек.	0,7—1,3	15,3—26,9	7,3—8,0	84,0—15,3	15,0—15,2

Въ % къ общему числу

Мелкія	4,0	5,5	39,8	47,1	8,2	22,5	65,0	76,1	55,8	67,2
Среднія	10,9	16,3	35,9	35,2	53,0	55,7	23,7	18,1	38,7	30,2
Крупныя	85,1	78,2	24,3	17,7	38,8	21,8	11,3	5,8	5,5	2,6

Эта таблица не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ дѣлѣ развитія „техники“ мелкое хозяйство Германіи не только идетъ далеко впереди крупнаго, но оставляетъ за собой и среднее.

Какъ же быть съ глубочайшимъ убѣжденіемъ автора, что мелкое хозяйство **не можетъ** употреблять машинъ, **неспособно** примѣнять „технику“, а потому **тормозитъ** развитіе производительныхъ силъ страны?... Чтобы покончить съ нимъ, приведемъ еще одну табличку.

---

*) Впрочемъ этой цифры у г. Маслова—нѣтъ. Зачѣмъ онъ скрылъ ее отъ глазъ читателей, а также съ какой цѣлью называетъ продовольственныя хозяйства въ 5—20 гектаровъ—**средними**—предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

На 1000 гектаровъ с.-хозяйственной площади приходилось въ 1895 г.

	Паровыхъ плуговъ.	Сѣялокъ.	Косилокъ и жнеекъ.	Паровыхъ молотил.	Прочихъ молотил
Въ мел.хоз	0,007	5,5	0,5	13,3	27,1
Средн.	0,03	6,3	1.9	4,7	18,3
Крупн.	0,17	3,4	0,9	1,9	1,9

Кромѣ паровыхъ плуговъ, примѣненіе которыхъ настолько ничтожно, что ихъ нечего принимать въ разсчетъ, всѣ остальныя машины при учетѣ **на площадь**, оказываются наиболѣе примѣнимы или въ мелкихъ, или въ среднихъ, но никакъ не въ **крупныхъ** хозяйствахъ. Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ о томъ статистическомъ фокусѣ, который обыкновенно продѣлываютъ г.г. марксисты, начиная съ Каутскаго. Когда имъ надо доказать, что „техника“ болѣе распространена въ крупномъ хозяйствѣ, то они разсчитываютъ, какой процентъ **хозяйствъ** въ каждой **группѣ** (мелкихъ, среднихъ и крупныхъ) употребляетъ усовершенствованныя орудія. Естественно, перевѣсъ оказывается на сторонѣ крупныхъ хозяйствъ, потому что у нихъ площадь земли на каждое хозяйство гораздо больше. Но этотъ перевѣсъ получается, благодаря искусственному статистическому пріему. Широкая публика этого, конечно, не понимаетъ. Но тотъ же самый Каутскій, который на стр. 132 (2-го изд. Агр. вопр.) производитъ такой пріемъ по отношенію къ машинамъ, на слѣдующей же страницѣ разсчитываетъ число **головъ** скота на **площадь земли**. Для чего пріобрѣтаются усовершенствованныя орудія? Конечно, не для удовольствія хозяевъ, какъ видимо думаютъ г.г. марксисты, а для того, **чтобы обрабатывать ими землю**. То хозяйство, у котораго на единицу обрабатываемой площади окажется больше машинъ, и надо признать технически **лучше оборудованнымъ**. Если тысяча хозяйствъ съ общей площадью въ 10 тысячъ десятинъ имѣютъ 500 плуговъ, а 10 хозяйствъ съ такой же площадью—только 50 плуговъ, то ясно, что въ первой группѣ земля больше обрабатывается плугами, хотя здѣсь только 50% хозяйствъ владѣютъ ими, а во второй группѣ всѣ.

Сверхъ того не надо забывать, что кромѣ кооперацій зарегистрированныхъ, въ крестьянскомъ быту всѣхъ странъ широко распространено незарегистрированное общее пользованіе орудіями и скотомъ. Двѣ трети безлошадныхъ хозяйствъ въ Россіи пашутъ на чужихъ лошадяхъ. Тоже самое въ Германіи надо указать на счетъ паровыхъ молотилокъ.

Во всякомъ случаѣ, приведенныя данныя доказываютъ, что 1) мелкія хозяйства примѣняютъ „технику“ гораздо боль-

ше, чѣмъ крупныя; 2) что они далеко опережаютъ въ этомъ случаѣ крупныя хозяйства, а слѣдовательно болѣе способствуютъ развитію „производительныхъ силъ".

Но г Масловъ вправѣ отвѣтить намъ: вѣдь я говорилъ, что развитіе капиталистической ренты и капитализма въ земледѣліи, кромѣ производительности труда, зависитъ отъ **повышенія цѣнъ**. Въ Германіи цѣны падаютъ—ergo капиталистическое хозяйство не въ силахъ бороться съ крупнымъ, т. к. это послѣднее, при пониженіи цѣнъ, побѣждаетъ на почвѣ продовольственной ренты.

„Въ западно-европейскихъ капиталистическихъ странахъ на ряду съ **развитіемъ производительности труда въ земледѣліи** интенсивное хозяйство терпитъ угнетеніе отъ конкурренціи земледѣльческихъ странъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ.... Въ этихъ странахъ (Германіи и Англіи) капиталистическое хоз-во ведетъ борьбу съ мелкимъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, въ зависимости отъ преобладанія того изъ факторовъ, который повышаетъ капиталистическую или некапиталистическую ренту" (стр. 167). Стоя на почвѣ теоріи г. Маслова, мы заключаемъ, что въ Германіи первый факторъ—развитіе производительности труда—на лицо, т. е. въ этой странѣ развитіе производительности труда, благодаря техникѣ, **перевѣшиваетъ** паденіе этой производительности, происходящее благодаря „культурѣ"—интенсификаціи. Но, повидимому этотъ перевѣсъ въ заокеанскихъ странахъ гораздо больше: при экстенсивномъ хозяйствѣ издержки производства очень незначительны, стоимость продуктовъ очень низка: это обстоятельство и создаетъ угнетенное положеніе для капиталистическаго хозяйства интенсивныхъ странъ.

Таковы разсужденія автора въ данномъ вопросѣ. Опираясь на принципіальныя основы его теоріи, попробуемъ рѣшить одинъ важный вопросъ, которымъ авторъ не задавался, хотя этотъ вопросъ самъ собой вытекаетъ изъ существующаго положенія вещей; въ какой связи между собой находятся оба фактора капиталистической ренты: производительность труда и цѣны, т. е. существуетъ ли какая либо **причинная зависимость** между ними? Въ индустріи такая причинно-зависимость есть: повышеніе производительности труда влечетъ за собой **пониженіе** издержекъ производства и **цѣнъ** на обработанные продукты. Только **пониженіемъ цѣнъ на рынкѣ крупное капиталистическое производство бьетъ мелкое, ремесленное, кустарное**. Если г. Масловъ правъ, утверждая, что въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ производительныя силы развиваются въ томъ же направленіи—въ сторону развитія **„техники"**, то результатъ этого развитія въ сельскомъ хо-

зяйствѣ долженъ быть такимъ же—т. е. долженъ вызвать **пониженіе** издержекъ производства, а слѣдовательно и **пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, независимо** отъ заокеанской конкурренціи, на которую ссылается авторъ. Но этотъ результатъ оказывается болѣе благопріятнымъ для мелкаго хозяйства, откуда слѣдуетъ, что развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи зависитъ отъ роста и укрѣпленія мелкихъ хозяйствъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что крестьянское хозяйство въ Германіи наиболѣе развиваетъ „технику“, т. е. этимъ самымъ способствуетъ пониженію цѣнъ на хлѣбъ и при помощи этого пониженія **бьетъ крупное**, подобно тому, какъ въ индустріи, тѣмъ же самымъ оружіемъ фабрика побѣждаетъ ремесло.

Итакъ, не выходя изъ рамокъ теоріи автора, мы попали въ безвыходное противорѣчіе: если основной факторъ хозяйственной эволюціи въ индустріи и земледѣліи одинъ и тотъ-же (увеличеніе постояннаго капитала), то онъ долженъ привести **къ одинаковому результату**—къ сокращенію стоимости издержекъ производства—**къ пониженію цѣнъ**. Вѣдь г. Масловъ самъ, очищая теорію К Маркса отъ противорѣчій, отвергъ существованіе абсолютной ренты, и призналъ, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности существуетъ стремленіе прибыли къ **одному уровню**, и цѣны продуктовъ различныхъ отраслей производства колеблятся около трудовой цѣнности (стр. 110), т. е. около суммы издержекъ, необходимыхъ на производство единицы продукта. Разъ капиталистическое хозяйство можетъ развиваться въ земледѣліи только **при повышеніи цѣнъ**, то этимъ самымъ доказывается, что капиталистическое хозяйство **неспособно** къ сокращенію издержекъ, т. е **не можетъ** развивать производительность труда и въ ходѣ хозяйственной эволюціи должно быть **вытѣснено мелкимъ трудовымъ**, развивающимъ, благодаря усиленному примѣненію „техники“ (что видно изъ только что приведенныхъ фактовъ) **высшую производительность труда**

Неужели, г. Масловъ, принимающій цѣликомъ трудовую теорію цѣнности въ самомъ узкомъ, буквальномъ ея значеніи, не понимаетъ, что развитіе производительности труда влечетъ за собой сокращеніе издержекъ производства, и по закону стремленія прибыли къ одному уровню,—**пониженіе цѣнъ**? И если это пониженіе цѣнъ при германскихъ условіяхъ, т. е. при несомнѣнномъ развитіи производительности труда въ **мелкомъ** хозяйствѣ, благопріятно именно **этому** хозяйству, то отсюда и слѣдуетъ роковой для земледѣльческаго капитализма выводъ. И нечего ссылаться на заокеанскую конкурренцію. Вѣдь то-то и важно, что мелкое хозяйство въ Германіи развивается именно при этой конкурренціи,

то есть, даже при интенсивной культурѣ способно развивать такую высокую производительность труда, которая сокращаетъ издержки производства до уровня экстенсивныхъ странъ!....

Итакъ, г. Масловъ поставилъ для развитія капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ **два взаимно исключающія другъ друга условія**: развитіе производительности труда и повышеніе цѣнъ. Такъ какъ увеличеніе производительности труда вызываетъ пониженіе издержекъ, то согласно ученію К. Маркса о стремленіи прибыли къ среднему уровню, оно само по себѣ должно произвести **пониженіе**, а не повышеніе цѣнъ. Если г. Масловъ признаетъ, что равнодѣйствующая двухъ противоположныхъ факторовъ: развитіе производительности труда и паденія таковой при интенсификаціи въ общемъ ходѣ хозяйственной эволюціи даетъ перевѣсъ въ сторону **перваго** фактора, то этимъ самымъ онъ долженъ признать неизбѣжность паденія цѣнъ. Что въ Германіи равнодѣйствующая даетъ въ итогѣ **развитіе** производительности труда, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ въ только что приведенный цитатѣ (стр 167). Это **развитіе**, независимо отъ заокеанской конкурренціи, на основаніи принциповъ, положенныхъ г. Масловымъ въ основу своей теоріи, должно было **вызвать пониженіе цѣнъ.**

Но это естественное, въ ходѣ сельско - хозяйственной эволюціи Германіи, пониженіе, было, быть можетъ, **искусственно** усилено конкурренціей дешевыхъ хлѣбовъ экстенсивныхъ странъ. Таможенная охрана оказывается недостаточной и капиталистическое хозяйство Германіи, которое вѣдь тоже развивало „технику“, не настолько понизило издержки, чтобы сравняться въ этомъ отношеніи съ Америкой. Мелкое же хозяйство, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, побиваетъ крупное не „техникой“, а **продовольственной рентой,** т. е. „голодной арендой“. Вѣдь не даромъ же г. Масловъ указалъ на борьбу между продовольственной и капиталистической рентой и факты доказываютъ, что сдача земель въ аренду мелкимъ хозяйствамъ въ Европѣ, очень сильно возрасла. Г Кржвицкій говоритъ: „увеличеніе количества мелкихъ участковъ и мелкихъ крестьянскихъ усадебъ, въ значительной степени обнаруживается въ ростѣ арендъ; увеличеніе поземельной площади въ категоріи малоземельныхъ усадебъ **ниже** прироста арендной площади въ предѣлахъ этой категоріи; даже увеличеніе площади средне-земельныхъ усадебъ (5—20 гектаровъ) употреблено въ $^1/_3$ части на аренды; крупно земельная крестьянская собственность (20—100 гектаровъ) не только подверглась уменьшенію, но вмѣсто хозя-

евъ—собственниковъ появились многочисленные арендаторы... Аренда земли вездѣ прогрессируетъ изъ года въ годъ въ послѣднее десятилѣтіе. (Агр. вопр. стр. 155).

Слѣдовательно, въ Германіи должна возрастать **продовольственная рента?**

Но, вѣдь основнымъ условіемъ для развитія продовольственной ренты г. Масловъ считаетъ **паденіе производительности труда**. Между тѣмъ въ Германіи эта производительность возрастаетъ, при томъ возрастаетъ преимущественно въ **мелкихъ** хозяйствахъ. Получилась для теоріи г. Маслова такая картина, какъ въ извѣстной поговоркѣ о птичкѣ, попавшей въ болото: хвостъ (производительность труда) вытащитъ, носъ (цѣны) увязнетъ, носъ вытащитъ, хвостъ увязнетъ

Если оставить пока птичку—теорію въ болотѣ, то для некапиталистической ренты въ Германіи по г. Маслову не будетъ никакихъ причинъ, которыхъ, кромѣ злосчастнаго паденія цѣнъ, онъ выставляетъ **три**:

1) „Чѣмъ меньше земли, приходящейся на все наличное **земледѣльческое** населеніе, тѣмъ выше некапиталистическая рента" (стр. 120). Въ Германіи земледѣльческое населеніе сократилось, а площадь обрабатываемой земли возрасла и въ итогѣ, на **душу наличкаго** населенія площадь с.-хоз. территоріи **поднялась** съ 1,65 гект. до 1,76 т. е. на 7%.

2) „Чѣмъ меньше сторонних заработковъ, чѣмъ меньше развита индустрія.... тѣмъ выше поднимается продовольственная рента". Въ Германіи происходитъ въ эту эпоху гигантское развитіе индустріи.

3) Раззореніе, обнищаніе крестьянскаго населенія, сокращеніе его потребностей (авторъ много говоритъ объ этомъ условіи въ главахъ, касающихся Россіи), въ Германіи совсѣмъ не имѣетъ мѣста. Нѣмецкій мужикъ ѣстъ и пьетъ больше прежняго.

Четвертаго условія—паденія производительности труда нѣтъ и подавно, а что касается до пятаго—паденія цѣнъ такъ вѣдь оно, по прямому выводу, вытекающему изъ теоріи г. Маслова, должно происходить именно, какъ слѣдствіе развитія производительности труда. Германскій мужикъ развиваетъ такую производительность, имѣетъ столько машинъ, что онъ находитъ **выгоднымъ** для себя расширить площадь обработки арендой. Г. Масловъ отлично понимаетъ, что **реальная** основная причина „голодной" продовольственной ренты, говоря просто—**крестьянская нужда**. Если этой нужды нѣтъ, если крестьянинъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ на собственной землѣ, онъ пойдетъ за землей къ ба-

рипу, только тогда, когда это будетъ ему выгодно, т. е. когда арендное хозяйство будетъ давать ему **обычную прибыль**. А разъ это такъ, то германская мелкая и средняя аренда, равно какъ и англійское фермерство — представляютъ изъ себя типъ не продовольственной, а **капиталистической аренды**, и слѣдовательно, этому виду аренды содѣйствуетъ **паденіе цѣнъ**.

Вотъ строго логическіе выводы, вытекающіе изъ примѣненія къ извѣстнымъ г. Маслову и даже указаннымъ имъ отчасти реальнымъ жизненнымъ фактамъ принципіальныхъ основъ теоріи „развитія производительныхъ силъ“. Эти основы приводятъ къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ самъ авторъ. Если развитіе производительныхъ силъ въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ идетъ въ одномъ направленіи, если рыночныя цѣны обусловлены трудовой стоимостью, то вытѣсненіе перемѣннаго капитала (живого труда) постояннымъ (механическими орудіями) въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи должно было вызвать, какъ и въ индустріи понижеиіе цѣнъ. Пониженіе цѣнъ—факторъ благопріятствующій технически вполнѣ правоспособному мелкому хозяйству — слѣдовательно оно вытѣсняетъ крупное въ Германіи, не потому что тамъ происходитъ „кризисъ“, а потому что мелкое трудовое хозяйство болѣе способствуетъ развитію производительныхъ силъ, чѣмъ **крупное**, которое на единицу площади менѣе оборудованно постояннымъ капиталомъ—**машинами**. Если конечный выводъ автора неправиленъ **логически**, то, какъ извѣстно изъ учебниковъ элементарной логики, неправильность умозаключенія во всякомъ силлогизмѣ, зависитъ отъ неправильности одной или нѣсколькихъ его посылокъ. Силлогизмъ автора таковъ: первая посылка—1) сельско-хозяйственная эволюція зависитъ отъ развитія производительности труда, которое обусловлено только „техникой“. 2) „Технику“ развиваютъ только крупныя хозяйства ergo только они способны двигать впередъ сельскохозяйственную эволюцію. 3) Но для развитія крупно-капиталистическихъ хозяйствъ необходимое условіе — повышеніе цѣнъ. Заключеніе. 4) Слѣдовательно, сельско-хозяйственная эволюція требуетъ повышенія цѣнъ. Мы доказали, что вторая посылка фактически невѣрна, и что между второй и третьей посылкой лежитъ неустранимое противорѣчіе; отсюда и выводъ оказался логически неправильнымъ.

Теперь намъ остается перейти къ анализу первой посылки, такъ какъ она составляетъ принципіальную основу всей теоріи автора.

§ 3. Анализъ принципіальныхъ основъ теоріи.

Въ основѣ теоріи, „развитія производительныхъ силъ“ въ земледѣліи лежитъ убѣжденіе, что это развитіе. какъ и въ индустріи. достигается только **механизаціей производства**. Г. Масловъ ставитъ себѣ въ заслугу рѣзкое разграниченіе сельско-хоз. производства на „культуру“ и „технику“. „Если не ошибаюсь, мнѣ пришлось первому **особенно рѣзко** подчеркнуть разницу значенія культуры земли и техническаго прогресса для развитія хозяйства и въ частности, для борьбы крупнаго и мелкаго производства“ (стр. 470). Очевидно, подъ вліяніемъ старыхъ гегеліанскихъ замашекъ марксизма, онъ говоритъ объ **антагонистичности** этихъ двухъ сторонъ производства, противопоставляя ихъ другъ другу, какъ своего рода тезисъ и антитезисъ, для общаго хода сельскохозяйственной эволюціи. Но, рѣзко разграничивая и противопоставляя обѣ стороны производства, въ конечныхъ выводахъ и общихъ фразахъ, авторъ не остановился на мысли, что общія фразы неминуемо будутъ голословными, **метафизическими** построеніями, если въ нихъ не влито конкретное содержаніе. Серіозный, вдумчивый изслѣдователь прежде всего долженъ былъ бы тщательно проанализировать всѣ сложные пріемы и средства сельско-хозяйственнаго производства, и фактически доказать, какіе именно изъ этихъ пріемовъ и средствъ способствуютъ, какіе препятствуютъ развитію производительности труда.

Авторъ упрекаетъ своихъ противниковъ, не понимающихъ **антагонизма** „культуры“ и „техники“ въ „**недостаточномъ знаніи предмета**“, но гдѣ то **знаніе**, которое онъ самъ неизбѣжно долженъ былъ обнаружить, разъ всю свою теорію онъ строитъ на специфическихъ свойствахъ разныхъ сторонъ сельско-хоз производства?...

Тотъ бѣглый—случайный анализъ средствъ производства, который заключенъ собственно только въ трехъ страничкахъ (62—63 и 291) и въ отдѣльныхъ фразахъ IX главыII-й части, полонъ противорѣчій и неясностей Такъ, разсматривая плугъ на стр. 63, авторъ находитъ, „что плуги не только сокращаютъ затраты капитала непосредственнымъ увеличеніемъ производительность труда, но и увеличиваютъ урожайность“, т. е. плугъ **вдвойнѣ** увеличиваетъ производительность труда, и одно изъ самыхъ продуктивныхъ орудій. Но на стр. 285, сказано: „чѣмъ **лучше** сельск.-хоз. орудія, тѣмъ minimum площади земли для ихъ раціональнаго использованія **выше**, а на 291 стр.—что „для пользованія плуговъ минимальный посѣвъ значительно **ниже**“ (чѣмъ у молотилки, жнейки и

даже **у лошади**!) Если чѣмъ лучше орудіе, тѣмъ больше площадь его продуктивности, (т. е. тѣмъ они крупнѣе), то плугъ, рационально примѣняемый на минимальныхъ площадяхъ—**худшее** орудіе; но самъ авторъ расхваливаетъ его на стр. 63.

Какой же страницѣ вѣрить изъ трехъ, заключающихъ въ себѣ весь анализъ производства?... Относительно другихъ усовершенствованныхъ орудій (въ томъ числѣ и **лошади**!), г. Масловъ ограничивается голословнымъ утвержденіемъ, что они развиваютъ производительность труда. Также голословно утверждаетъ онъ, что „различные виды удобренія... уменьшаютъ производительность труда сравнительно съ экстенсивнымъ хозяйствомъ безъ удобренія“ (стр. 62).

Помимо противорѣчій и неясностей, (развѣ лошадь—„техника?“) всякій безпристрастный читатель найдетъ, что на трехъ страницахъ, какъ на трехъ китахъ, теорію развитія с.-хоз. производства строить нельзя. Авторъ забываетъ, что въ началѣ сочиненія онъ самъ поставилъ себѣ вопросъ: „Идетъ ли развитіе различныхъ отраслей промышленности въ одномъ направленіи... или различныя отрасли промышленности могутъ развиваться въ различныхъ и даже противоположныхъ направленіяхъ?“ (стр. 16). Развитіе каждой отрасли промышленности зависитъ отъ структуры ея производства; и если структура производства такова, что его эволюція неизбѣжно связана съ **концентраціей**, то неизбѣжно и развитіе этой отрасли промышленности въ сторону **укрупненія** отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ и наоборотъ.

Итакъ, передъ авторомъ было двѣ задачи: 1) доказать, что производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ развивается только „техникой“, т. е. механическими орудіями. 2) Что сельско-хозяйственныя орудія требуютъ **концентраціи** производства. Ни той, ни другой задачи онъ не выполнилъ, а слѣдовательно, не имѣлъ ни какого права противопоставлять „культуру“ и „технику“ и строить на этомъ противопоставленіи всѣ свои дальнѣйшіе выводы.

Если авторъ не рѣшилъ этихъ задачъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строитъ на апріорныхъ „метафизическихъ“ взглядахъ по этому поводу всю свою теорію, то для провѣрки правильности **основъ** теоріи, намъ самимъ приходится взять на себя попытку ихъ рѣшенія. Мы попробуемъ вкратцѣ охарактеризовать тѣ стороны сельско-хозяйственнаго производства, которыя могутъ дать то или иное рѣшеніе задачамъ, нерѣшеннымъ г. Масловымъ...

Сельско-хозяйств. производство гораздо сложнѣе, чѣмъ индустрія, процессы которой основаны преимущественно на

законахъ физики, механики и химіи; къ нимъ въ сельскомъ хозяйствѣ прибавляются законы геологіи, метеорологіи, бактеріологіи, ботаники, зоологіи и всѣхъ наукъ, соприкасающихся съ этими отраслями знанія.

Структура сельскаго хозяйства осложняется еще тѣмъ, что въ ней соединяются **два вида** промышленности, **добывающая и обрабатывающая** Тѣ процессы производства, въ которыхъ человѣкъ **добываетъ изъ земли сырой продуктъ**: зерно, мясо, молоко и т. д. распадаются на двѣ стадіи: стадію **подготовки почвы** для растеній (и черезъ посредство растеній—для животныхъ) и стадію ухода за животными и растеніями. На третьей стадіи, гдѣ процессы производства уже **отдѣлены отъ земли**, происходитъ **техническая переработка сырья.**

Эта стадія цѣликомъ входитъ въ сферу **обрабатывающей** промышленности.

Первая стадія—подготовка почвы связана, главнымъ образомъ, съ законами физики, химіи и метеорологіи, отчасти бактеріологіи; здѣсь преобладаютъ **физико-химическіе процессы.**

Во второй стадіи человѣкъ имѣетъ дѣло съ живыми организмами; поэтому ее можно назвать стадіей **органическихъ** процессовъ; въ третьей господствуютъ **механическіе** процессы переработки мертвыхъ или омертвѣлыхъ сырыхъ матеріаловъ.

На первой стадіи главныхъ процессовъ производства два: 1) обработка почвы, т. е. разрыхленіе верхняго слоя земли на извѣстную глубину съ цѣлью сдѣлать всѣ питательные элементы, заключающіеся въ почвѣ, болѣе доступными для корней растеній. 2) **удобреніе** почвы—смѣшеніе ея съ питательными для растеній веществами.

Оба процесса направлены—къ улучшенію питанія растеній, посредствомъ чего человѣкъ добивается полученія **необходимаго ему количества продуктовъ**—главной цѣли **добывающей** промышленности.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди занялись хлѣбопашествомъ, они стремятся къ этой цѣли, на всякой ступени развитія, какъ знаютъ и какъ умѣютъ. Древнѣйшіе земледѣльцы копали землю заостренной палкой или концомъ копья, потомъ лопатой или мотыгой, потомъ грубымъ деревяннымъ чурбаномъ съ дышломъ, который постепенно принималъ форму сохи или сабана, и наконецъ—стальнымъ современнымъ плугомъ. Одновременно съ основной цѣлью—подготовить почву такъ, чтобы получился урожай побольше, человѣкъ преслѣдовалъ и **другую цѣль**,—къ которой по своей натурѣ онъ всегда стремится—**облегчить** свою собственную работу, т. е. **развить производительность труда.** И по перечисленнымъ въ послѣдовательномъ порядкѣ орудіямъ, видно, что эту

вторую цѣль въ историческомъ ходѣ сельскаго хозяйства, онъ **никогда не упускалъ изъ виду**. Лопатой **легче** копать землю, чѣмъ палкой, чурбаномъ съ дышломъ, въ который стали впрягать скотину, легче, чѣмъ лопатой, сохой легче, чѣмъ чурбаномъ и т. д. Когда человѣкъ додумывался до того, что новое орудіе дастъ ему облегченіе и лучше подготовляетъ почву, онъ бросалъ старое. Такимъ образомъ **одновременно съ производительностью земли** („культура") человѣчество въ этомъ процессѣ производства развивало **и производительность труда** („техника"); ни какого антагонизма, судя по **орудіямъ** подготовки почвы, между „культурой" и „техникой" въ этомъ процессѣ не имѣется.

Антагонизмъ можетъ возникнуть въ другой сторонѣ этого процесса—не въ орудіяхъ, а въ **пріемахъ** подготовки почвы(которыхъ г Масловъ совсѣмъ не касается) Чѣмъ большія требованія человѣкъ предъявляетъ къ почвѣ, чѣмъ большихъ урожаевъ онъ хочетъ достигнуть, тѣмъ сложнѣе и тщательнѣе должны быть пріемы подготовки. Всѣ пріемы различаются по тремъ признакамъ: **по количеству** (вспашекъ, бороновокъ) **по глубинѣ** вспашки и **по времени**. Только увеличеніе **количества** пріемовъ можетъ понижать производительность труда, т. к. здѣсь повышеніе затратъ не оказывается соотвѣтственнымъ повышенію урожайности. Глубина вспашки зависитъ, при нынѣшнихъ орудіяхъ, отъ нихъ самихъ: соха пашетъ на 2—3 вершка, плугъ 4—6 и т. д. Чѣмъ совершеннѣе орудіе, тѣмъ глубже взрыхляется почва. Слѣдовательно, второй признакъ есть простой придатокъ къ болѣе или менѣе совершенному орудію, придатокъ, увеличивающій производительность труда постольку, поскольку ее увеличиваетъ **само орудіе**.*)

Третій признакъ—**время** вспашки всецѣло относится къ факторамъ, **повышающимъ** производительность труда. Выборъ времени не требуетъ ни какихъ затратъ, а между тѣмъ можетъ очень сильно повысить урожайность. Вотъ примѣръ: „по даннымъ Шатиловской опытной станціи (Новосильскаго уѣзда, Тул. губ.) ранняя обработка пара сопровождается болѣе крупнымъ эффектомъ, чѣмъ полное навозное удобреніе. Рожь, высѣянная по іюльскому пару, обычное время взмета паровъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, принесла 66 пудовъ съ десятины, въ то время, какъ по пару, поднятому въ апрѣлѣ, урожай ржи достигалъ 102 пудовъ, на 36 пудовъ или 55% болѣе" (соціализ. земли вып. I). „Итакъ изъ различныхъ пріемовъ и орудій подготовки только **количество** пріемовъ можетъ (и то не всегда) воспрепятствовать развитію

*) Само собой разумѣется, что это положеніе не примѣнимо къ процессамъ **ручного** труда) въ огородничествѣ, садоводствѣ и т. д.).

производительности труда; всѣ же остальные факторы—глубина вспашки, время и орудія—способствуютъ этому развитію

Отвѣтъ на вторую задачу—есть ли какія либо преимущества мелкаго или крупнаго хозяйства въ этомъ процессѣ—далъ самъ г. Масловъ. Не считая паровыхъ и электрическихъ плуговъ, которые почти не примѣняются, раціональное примѣненіе остальныхъ орудій возможно на ничтожной площади, ergo шансы „продовольственнаго" и капиталистическаго хозяйства здѣсь одинаковы.

Другой процессъ первой стадіи—**удобреніе**. Г. Масловъ считаетъ, что различные виды удобренія понижаютъ производительность труда, но почему—это составляетъ его тайну.

Удобреніе бываетъ навозное и минеральное Мы лично не знаемъ, увеличиваетъ или уменьшаетъ навозное удобреніе производительность труда. Для того чтобы знать это, надо было бы сдѣлать точный разсчетъ суммы издержекъ на удобреніе навозомъ и суммы доходовъ, полученыхъ отъ него (на различныхъ почвахъ) при томъ на много лѣтъ, т. к. навозъ надолго обезпечиваетъ почву азотомъ, а также „создаетъ неизсякаемый источникъ угольной кислоты, увеличиваетъ содержаніе перегноя и бактерій въ почвѣ; онъ ничѣмъ не замѣнимъ по вызываемымъ имъ улучшеніямъ въ физическомъ составѣ почвы, ея температурѣ, водопоглощаемой способности, рыхлости и т. д (Давидъ ст. 306—7). Ни мы, ни г. Масловъ разсчетовъ доходности удобренія навозомъ не дѣлали: поэтому оставляемъ вопросъ открытымъ. Но, что касается до минеральнаго удобренія, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что при умѣстномъ его примѣненіи, оно очень сильно **повышаетъ** производительность труда. И мы лично думаемъ, что тѣ 213 милліон. пудовъ[1]) минеральныхъ удобреній, которые ежегодно употребляются въ Германіи, развиваютъ производительность труда, пожалуй не уступающую, а можетъ быть и превышающую тѣ доходы, которые приносятъ усовершенствованныя орудія. Безспорная продуктивность минеральнаго удобренія доказывается сотнями монографій, безчисленнымъ количествомъ опытовъ и тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что во всѣхъ европейскихъ странахъ его развитіе далеко оставляетъ за собой ростъ употребленія усовершенствованныхъ орудій.

Если-бы г. Масловъ рискнулъ серіозно оспаривать это положеніе—ему пришлось бы бороться съ опытомъ всего міра...

Нечего говорить, что минеральное, иначе искуственное

[1]) См. „Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды" стр. 99.

удобреніе одинаково доступно хозяйству всякой величины, т. к. оно легковѣсно, чего нельзя сказать про навозное удобреніе, которое настолько громоздко, что на отдаленныхъ отъ усадьбы поляхъ становится почти невозможнымъ; иначе сказать, мелкое хозяйство при навозномъ удобреніи получаетъ большія преимущества, съ чѣмъ согласенъ г Масловъ...

Нашъ краткій анализъ первой стадіи с.-хоз. производства приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) почти всѣ пріемы и орудія производства, за исключеніемъ количества вспашекъ и бороновокъ, правоспособны въ производительности труда. 2) Навозное удобреніе въ этомъ отношеніи можетъ подвергаться сомнѣніямъ и 3) что ни мелкое, ни крупное хозяйство никакихъ особенныхъ преимуществъ другъ передъ другомъ не имѣютъ.

Но мелкое хозяйство имѣетъ **одно** преимущество передъ крупнымъ, обрабатывающимъ землю наемнымъ трудомъ, именно **тщательность пріемовъ.**

Это преимущество сказывается и на первой стадіи производства: но главное значеніе оно имѣетъ на второй, къ которой мы и переходимъ.

Вторая стадія—уходъ за животными и растеніями, т. е. за **живыми организмами**. Вплоть до уборки хлѣбовъ и рѣзки скота она представляетъ изъ себя рядъ процеесовъ, направленныхъ, съ одной стороны, къ поддержанію и развитію организмовъ, нужныхъ для человѣка, съ другой—къ уничтоженію препятствій на пути этого развитія. Это ничто иное, какъ заботливая помощь природѣ въ ея плодотворныхъ процессахъ. Въ эпоху беззаботнаго хищническаго переложнаго и кочевого хозяйства этой стадіи почти не существовало. Во время трехполья уже начинается выпалываніе сорныхъ травъ и болѣе усердное ухаживаніе за скотомъ.

Еще большее развитіе эта стадія получаетъ въ полеводствѣ—при плодоперемѣнной системѣ, въ скотоводствѣ—при стойловомъ содержаніи. На этой ступени сельскаго хозяйства она уже во многихъ случаяхъ начинаетъ преобладать надъ первой стадіей. Наконецъ, въ огородной, вольной системѣ и при садовой культурѣ уходъ за растеніями совершенно оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другіе процессы производства.

Отсюда видно, что органическая стадія **растетъ вмѣстѣ съ эволюціей системъ сельскаго хозяйства**, т. е. съ развитіемъ культуры земли. Въ тоже время, на этой стадіи—машинѣ мѣста почти нѣтъ. Въ процессахъ ухода за растеніями—полкѣ, окучиваніи, опрыскиваніи, окапываніи и т. д. хотя и употребляются иногда различные окучники, полольники и

т. д., но они мало продуктивны, т. к. не могутъ достигнуть большой величины: работа ведется между растеніями, которыя легко повредить Точно также и „электрическія машины для доенія коровъ“, примѣняются также рѣдко, какъ и паровые плуги *). Въ скотоводствѣ пріобрѣтаетъ значеніе не только непосредственный уходъ, но и трансформація породъ скота посредствомъ скрещиванія. Такой же искуственный **подборъ производитъ человѣкъ въ мірѣ растеній**. Словомъ, на этой стадіи обязанности человѣка сводятся къ тому, чтобы, приспособляясь къ природѣ, направлять ея работу въ полезную для себя сторону.

Чрезвычайно трудно опредѣлить, способствуетъ ли эта стадія развитію производительности труда? Съ упрощенной „механизированной“ точки зрѣнія г. Маслова, она, конечно, вполнѣ непродуктивна, тѣмъ болѣе, что въ его излюбленномъ экстенсивномъ хозяйствѣ ея нѣтъ. Дѣйствительно,—эта стадія по преимуществу ручного труда и личнаго усердія, вниманія и знаній. Намъ кажется, что для указанія на продуктивность этой стадіи необходимо стать на историческую точку зрѣнія, Тысячу лѣтъ тому назадъ Европа не знала второй стадіи. Тогдашній земледѣлецъ, вспахавши кое-какъ поле, бросалъ въ него сѣмена и предоставлялъ остальныя заботы природѣ. Правда, бывали, по преданіямъ, и въ ту эпоху годы большихъ урожаевъ. Но не чаще ли встрѣчались голодовки? Не заглушали ли всходы „терніи и волчцы“—безчисленныя арміи сорныхъ травъ; не уничтожали ли посѣвовъ гессенскія мухи, саранча, суслики, всякія бактеріи? Эти страшные враги побѣждены интенсивнымъ хозяйствомъ.

Въ скотоводствѣ—тоже самое

Мы лично нѣсколько познакомились съ послѣдствіями страшныхъ „куянжиловъ“—голодныхъ годовъ киргизскихъ степей, когда результаты производительности труда цѣлыхъ поколѣній кочевниковъ исчезали въ одну зиму съ лица земли и эти поколѣнія нищали и умирали съ голода. Не такъ давно въ газетахъ было извѣстіе, что цѣлое племя чукчей, у котораго былъ моръ на оленей, покончило съ собой самоубійствомъ.

Необезпеченность средствъ для существованія, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ въ средніе вѣка, служила, повидимому, одной изъ причинъ, задерживающихъ ростъ населенія. За 1800 лѣтъ до XIX вѣка населеніе Европы при-

*) Впрочемъ процессъ доенія—есть процессъ собиранія продукта, который съ этой стороны, можно сравнить съ уборкой поля. При самомъ же уходѣ за животными никакимъ машинамъ нѣтъ мѣста.

росло меньше, чѣмъ за одинъ XIX вѣкъ. И если сбросить со счетовъ войны и всякія другія смуты, то на долю „глада и мора“ останется еще достаточно жертвъ.

Но оставимъ исторію и возьмемъ современное хозяйство. Въ Россіи, въ экстенсивныхъ раіонахъ Новороссійскомъ и Нижне-Волжскомъ средняя урожайность 20—30 пудовъ съ десятины; въ интенсивной Европѣ—около 80—100 пудовъ. Въ экстенсивнчхъ раіонахъ maximum урожаевъ превосходитъ minimum въ 4—5 разъ.

Каждый неурожай приноситъ страшное потрясеніе для народнаго хозяйства. Европа голодовокъ не знаетъ. Медленное повышеніе урожайности и улучшеніе скотоводства на протяженіи исторіи созданы не только „техникой“, но, главнымъ образомъ, улучшеніемъ пріемовъ подготовки почвы и развитіемъ второй стадіи—ухода за живыми организмами.

И ставши на историческую точку зрѣнія, сравнивши неустойчивость средне-вѣковаго хозяйства и устойчивость нынѣшняго интенсивнаго, мы должны признать за этой сравнительно новой стадіей производства большія заслуги.

Само собой разумѣется, что наша экскурсія въ область исторіи еще не рѣшаетъ вопроса о продуктивности этой стадіи. Мы можемъ лишь сказать, что уходъ за растеніями и особенно за животными въ значительной мѣрѣ обезпечилъ существованіе современному трудовому земледѣльческому населенію. Конкретныхъ непосредственныхъ доказательствъ производительности труда при уходѣ, какъ напримѣръ, выращиваніе цѣнныхъ особей, можно набрать очень много, но они не дадутъ права на общіе выводы.

Общіе выводы можно сдѣлать лишь о всей совокупности сельско-хозяйственнаго производства, въ эволюціи котораго вторая стадія играетъ все большую и большую роль. Потому мы пока оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ. Но что мы можемъ сказать теперь же—это то, что вторая стадія даетъ значительный перевѣсъ **мелкому** хозяйству.

„Въ Германіи наибольшихъ успѣховъ въ скотоводствѣ достигли не въ дворянскихъ имѣніяхъ, не въ областяхъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, а исключительно или почти исключительно на крестьянскихъ дворахъ, въ областяхъ съ мелко-крестьянскимъ землевладѣніемъ“. (Stumpfe—цит. по Давиду стр. 381). Тоже самое и относительно ухода за растеніями „обрабатывающій лично свое поле мелкій хозяинъ въ уходѣ за растеніями пользуется преимуществомъ, недостижимымъ для крупнаго землевладѣльца“ (Ibid. 388).

Мы не касались до сихъ поръ двухъ процессовъ, которыми начинается и заканчивается вторая стадія—процессовъ

посѣва и **уборки** растеній, т. к. эти процессы отличаются по типу отъ характерныхъ особенностей этой стадіи. Тогда какъ середина второй стадіи—длительный уходъ требуетъ почти исключительно ручного труда, быстрые процессы посѣва и уборки сравнительно легко допускаютъ **механизацію**. Автоматическіе взмахи руки при посѣвѣ и уборкѣ, не трудно замѣнить такими же автоматическими движеніями машины. Машина—этотъ автоматъ изъ желѣза и стали схватываетъ только ритмическія, однообразныя движенія.

Поэтому, при этихъ процессахъ **въ большомъ ходу иногда довольно сложныя машины.**

Изъ сѣялокъ наиболѣе распространена **рядовая сѣялка.** Но она непосредственно не сберегаетъ труда (какъ думаетъ г. Масловъ) и даже „вызываетъ значительное повышеніе издержекъ на работу". (Дав. ст. 180), Но съ другой стороны результатъ ея работы—сбереженіе сѣмянъ и повышеніе урожайности, т. е. въ конечномъ счетѣ—развитіе производительности труда, хотя и не особенно большое (20—30%).

Вопреки г. Маслову *) изслѣдователи германскаго хозяйства (Stumpfe) увѣряютъ, что крестьянинъ, владѣющій одной коровой, можетъ имѣть свою рядовую сѣялку „и въ лучшихъ мѣстахъ Силезіи уже имѣетъ самъ или вмѣстѣ съ нѣсколькими сосѣдями".

Кому вѣрить? Повѣримъ, какъ всегда фактамъ. Факты говорятъ, что во 1-хъ) въ Германіи мелкія хозяйства владѣютъ втрое большимъ количествомъ сѣялокъ, чѣмъ крупныя (см. выше § 2). во 2-хъ) что число сѣялокъ было:

	Въ 1882 г.	1895 г.	Увеличеніе въ %.
Хоз. влад. до 2 гект. . .	4807	14949	312
„ „ 2— 5 „ . .	4760	13639	289
„ „ 5—20 „ . .	15980	52003	325

Каждая группа мелкихъ хозяйствъ увеличила число своихъ сѣялокъ втрое; крупныя же хозяйства только на 75%...

Уборка **зерновыхъ** культуръ также доступна механизаціи, чего нельзя сказать про уборку маслячныхъ и корнеплодовъ, которая требуетъ отъ движенія человѣка гораздо больше разнообразія: поэтому свеклокопатели, машины для сбора картофеля и пр, очень несовершенны, мало продуктивны и не распространены. Наоборотъ, жнейки, косилки, сноповязалки, машинныя грабли—пользуются довольно значительной популярностью. Особеннаго примѣненія и совер-

*) Который считаетъ, что для продуктивности сѣялка нужно minimum 25 дес. посѣва.

ненства жатвенныя машины достигли въ Америкѣ, и Крживицкій, восторженный поэтъ машинизма, рисуетъ намъ такое величественное зрѣлище. „Вообразимъ себѣ золотистое поле, простирающееся на 30 квадратныхъ километровъ. Вѣтеръ мягко колышетъ его поверхность и, насколько можно обнять взглядомъ, повсюду видишь одинъ цвѣтъ заходящаго солнца. Тамъ, на горизонтѣ маршируетъ армія: впереди ѣдетъ генералъ; за нимъ штабъ механиковъ. Не сабли и не штыки блестятъ на солнцѣ, клещи и молотки—ихъ орудіе Не звуки, издаваемые музыкальными инструментами, разносятся по воздуху: движется баттарея, состоящая изъ 24 косилокъ—сноповязалокъ, паровики пыхтятъ. Въ одну минуту, отъ одного размаха громадныхъ рукъ, снабженныхъ стальными пальцами, машины убираютъ пространство въ сто футовъ, отбрасываютъ презрительно снопы и снова поднимаютъ свои, не знающіе устали руки“ (ст. 102). Америка—страна экстенсивнаго земледѣлія. На жнейкахъ изъ всѣхъ машинъ первыхъ двухъ стадій больше всего отражается фактъ **пониженія роли машинъ по мѣрѣ интенсификаціи**.

Въ Германіи число сѣялокъ увеличилось за 13 лѣтъ на 105 тысячъ, число жнеекъ-косилокъ—только на 15 тысячъ. Жнейки для полнаго размаха своей силы требуютъ ровнаго большого поля „въ тридцать километровъ“, засѣяннаго однимъ и тѣмъ злакомъ. Если мѣстность не ровная, если культуры разнообразны, примѣненіе жнейки сокращается, что мы и видимъ въ Германіи.

„Равномѣрное движеніе машинъ, идущихъ другъ за другомъ зигзагами“, говоритъ дальше г. Крживицкій.... „особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на наше воображеніе, которое привыкло къ пространству, раздѣленному, какъ шахматная доска, на поля различныхъ цвѣтовъ, къ согнутымъ надъ серпомъ спинамъ людей“. Поля разныхъ цвѣтовъ—результатъ плодоперемѣнной системы, когда рядомъ съ пшеницей засѣяна свекла, рядомъ съ овсомъ—клеверъ, поспѣвающіе въ разное время и требующіе различныхъ пріемовъ уборки.

Такимъ образомъ, жнейка-косилка теряетъ значеніе при интенсификаціи. Сбереженія издержекъ—до 30%. Обыкновенная жнейка безъ сноповязалки по Вюсту и Бензингу производительнѣе, чѣмъ американская со сноповязалками, т. к. стоимость перевязочной бичевы (иногда проволочной) ложится тяжело на расходы. Жнейки не примѣнимы при спутанномъ и полегшемъ хлѣбѣ, что часто случается съ рожью; онѣ требуютъ также колосьевъ одинаковой вышины.

За всѣми недостатками, жнейки всетаки продуктивны, но не болѣе, какъ на 10—30%. Въ Германіи, относительно

площади, этотъ видъ машинъ чаще примѣняется въ **крупныхъ** хозяйствахъ (0,9) на 1000 гектаровъ, чѣмъ въ мелкихъ (0,5), но еще чаще въ **среднихъ** (1,9). Самъ г Масловъ и для жнейки и для сѣялки раціональной площадью считаетъ 25 дес. посѣва, т. е. какъ разъ площадь **средняго** хозяйства, Просимъ читателей обратить на это обстоятельство усиленное вниманіе. Мы уже не разъ замѣчали и будемъ дальше замѣчать у г. Маслова стремленіе смѣшать среднія мелкобуржуазныя или больше-семейныя хозяйства съ **крупно-капиталистическими.** Скажемъ разъ навсегда: хозяйства съ 25 десятинами посѣва будутъ **крупными только въ крестьянскомъ быту** (20—100 гектаровъ по Крживицкому—крупно—крестьянскія) но **по общему масштабу**, это будутъ только среднія, т. е. промежуточныя между продовольственными и капиталистическими Смѣшивать ихъ съ крупными также нелѣпо, какъ смѣшивать силу крыловскаго муравья, который могъ „поднимать большихъ ячменныхъ два зерна“, съ силой какого нибудь циркового атлета.

Въ скотоводствѣ аналогичный съ уборкой процессъ представляетъ **рѣзка** скота. Но онъ играетъ ничтожную роль. Обыкновенно скотъ, поступающій на рынокъ, не рѣжутъ въ своемъ хозяйствѣ, а отправляютъ въ городъ, гдѣ скотобойни зачастую, представляютъ изъ себя фабрики, или вѣрнѣе—мануфактуры. Это процессъ—механическій, не связанный съ пространствомъ и потому цѣликомъ относится къ **третьей стадіи—стадіи обрабатывающей промышленности**, къ которой мы и переходимъ. .

Обрабатывающая промышленность не можетъ преслѣдовать той цѣли, которая является основной для промышленности **добывающей**,—въ данномъ случаѣ, первыхъ двухъ стадій с. хоз. производства, именно **полученія необходимаго количества продуктовъ**, т. к она не можетъ прибавить ни одного атома вещества въ томъ сырьѣ, которое она перерабатываетъ. Поэтому, основная роль ея—переработка сырья, доставляемаго добывающей промышленностью, въ фабрикаты съ **наименьшими затратами труда** Этого она достигаетъ при помощи **механизаціи** процессовъ производства, что вполнѣ доступно третьей стадіи, ибо ручные пріемы въ обрабатывающей промышленности вполнѣ автоматичны и легко замѣняются машинами Машины же тѣмъ продуктивнѣе, чѣмъ онѣ больше; поэтому третья стадія сельско—хозяйственнаго производства идетъ по направленію къ **концентраціи**, также, **какъ и многіе другіе виды индустріи.**

На границѣ между второй и третьей стадіей въ сельскомъ хозяйствѣ находится процессъ выдѣленія и очистки

зерна, т. е. **молотьбы и вѣянія**. Процессъ этотъ уже чисто механическаго характера; растеніе отдѣлено отъ животворящей матери—земли, омертвѣло, но сохраняетъ въ зернѣ зародыши жизни. Тѣмъ не менѣе этотъ процессъ не подходитъ подъ понятіе чистой индустріи, главнымъ образомъ потому, что при немъ, какъ и на первыхъ двухъ стадіяхъ, почти во всей силѣ сохраняется **значеніе пространства**, исчезающее на третьей стадіи. Индустрія достигаетъ наименьшихъ затратъ лишь въ томъ случаѣ, когда **она концентрируетъ наибольшую силу механическихъ двигателей на наименьшемъ пространствѣ**. Производительность механической силы **обратно пропорціональна пространству**, на которомъ она прилагается, т. к. передаточные механизмы (трансмиссіи) производятъ, благодаря тренію, потерю силы, увеличивающуюся по мѣрѣ разстоянія отъ центральнаго мотора. Если бы было возможнымъ транспортированіе сноповъ на большія разстоянія—мы бы увидали громадныя молотильныя фабрики, какъ видимъ теперь паровыя мельницы. Но транспортированіе сноповъ на далекія разстоянія невыгодно и вмѣсто фабрикъ мы имѣемъ лишь **паровыя молотилки** не выше 8—10 лошадиныхъ силъ.

Правда, здѣсь паръ впервые примѣняется въ сельскомъ хозяйствѣ въ наибольшемъ масштабѣ, но пространство, не смотря на механичность самого процесса, ставитъ непреодолимыя препятствія для концентраціи производства. Благодаря пространству, молотильная машина, какъ и всякая земледѣльческая, должна быть сравнительно **легка и подвижна**, а потому относительно **невелика и слабосильна** хотя конечно, она сильнѣе, больше и тяжелѣе всѣхъ другихъ машинъ, примѣняемыхъ на первыхъ двухъ стадіяхъ (кромѣ паровыхъ плуговъ, о которыхъ самъ г. Масловъ благоразумно умалчиваетъ).

Мы видѣли, что размѣры площади для раціональнаго использованія жнеекъ и сѣялокъ, по г. Маслову, составляютъ 25 десятинъ посѣва, что соотвѣтствуетъ площади хозяйства средней величины (по Краффту, котораго цитируетъ Каутскій—70 гектаровъ пашни).

Конныя молотилки, вѣялки и сортировки, относятся къ этому же типу машинъ. Но **паровая** молотилка раціональна по Краффту, на площади въ 250 гектаровъ, т. е. судя по этой цифрѣ, она даетъ перевѣсъ **крупному** хозяйству. Однако, даже и Каутскій сознается, что „молотилка является одной изъ тѣхъ немногихъ (?) машинъ, которыя почти одинаково доступны, какъ крупному, такъ и мелкому производству „(стр. 130). Факты значительно усиливаютъ эту очень осто-

рожную характеристику ортодоксальнѣйшаго изъ марксистовъ. Уже въ 1883 г. по его же даннымъ на 1000 гектаровъ воздѣлыв. поверхности въ хозяйствахъ съ площадью 2—100 гект. приходилось 2,84 паров. молотилки, а свыше 100 гектар. —1,08. т. е. почти втрое меньше, Въ 1895 г. **мелкія** (до 20 гектар) хозяйства **учетверили** примѣненіе паровыхъ молотилокъ (съ 49 тыс. до 197 тыс), среднія (20—100 гектар.) увеличили его въ $2^1/_2$ раза, (съ 18 тыс. до 47 тыс), а крупныя **меньше чѣмъ вдвое** (съ 8 до 15 тыс); и въ 1895 г. по отношенію къ площади мелкія хозяйства примѣняли паровыя молотилки **всемеро** больше, чѣмъ крупныя.

Паровая молотилка—**самая продуктивная** изъ сельскохозяйственныхъ машинъ; по вычисленіямъ Wüst'a, сила, развиваемая локомобилемъ въ 2—10 номинальныхъ лошадиныхъ силъ, обходится въ 3—5 разъ дешевле конной и, приблизительно, въ 8 разъ дешевле ручной силы. Кромѣ того „лучшія паровыя молотилки, оставляютъ въ соломѣ немолотымъ около $1^0/_0$ зерна, не больше; у болѣе мелкихъ, конныхъ и ручныхъ машинъ потеря составляетъ отъ 10—$11^0/_0$, а при цѣпной молотьбѣ необходимо считаться съ еще большими потерями, до $20^0/_0$"? (Давидъ стр. 125). Такимъ образомъ, производительность труда при работѣ паровой молотилкой увеличивается, сравнительно съ ручной работой гораздо болѣе чѣмъ въ 10 разъ (если принять въ разсчетъ сбереженіе зерна), а слѣдовательно, она **во много разъ** превышаетъ производительность труда жнеекъ, увеличивающихъ ее не болѣе, какъ на $30^0/_0$. И вотъ, когда машина наиболѣе выгодна, когда сила пара наиболѣе продуктивна, **перевѣсъ оказывается на сторонѣ мелкихъ продовольственныхъ хозяйствъ**, гдѣ и въ Германіи, и во всей Европѣ и даже въ Россіи пользованіе молотильными машинами построено на кооперативныхъ началахъ. Отсюда возникаетъ выводъ глубокаго значенія, что даже при современномъ общественномъ строѣ, сравнительно крупное производство, тамъ гдѣ оно **нужно** въ сельскомъ хозяйствѣ, вовсе не должно быть капиталистическимъ; и кооперація здѣсь, также какъ супряга при обработкѣ земли, не требуетъ даже благопріятныхъ соціальныхъ условій. Повторяемъ, обычныя шаблонныя понятія о кооперации въ сельскомъ хозяйствѣ, (кредитныя, на сбытъ, потребительныя, далеко не охватываютъ всѣхъ сторонъ производства, въ которыхъ кооперація примѣняется сотни лѣтъ въ крестьянствѣ всего міра...

Послѣ молотьбы и вѣянія, послѣ рѣзки животныхъ идетъ стадія **технической переработки сырья**, которая также механична, какъ механична индустрія вообще.

Роль пространства сокращается здѣсь до minimuma, возможнаго въ сельскомъ хозяйствѣ, процессы производства изъ кочевыхъ становятся осѣдлыми, сжимаются въ зданіяхъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ (молочныхъ) до такой степени, какую допускаютъ затраты на транспортированіе грузовъ сырья (зерна, свеклы, картофеля, молока, шерсти и т. д.) Пространство здѣсь опять таки единственное препятствіе для концентраціи производства, но препятствіе уже значительно меньшее чѣмъ при молотьбѣ, т. к. грузы обладаютъ гораздо большей емкостью, чѣмъ соломенные снопы. Но потому, что это производство уже **оторвано отъ земли**, оно вовсе не требуетъ большихъ территорій, и не связано непремѣнно съ крупными площадями земледѣльческихъ капиталистическихъ хозяйствъ. Въ Германіи, изъ 100 хозяйствъ, имѣющихъ техническія производства приходится.

Хоз. до	Сахар.	Винок.	Крах.	Мук.	Пивов.	Молочн. (въ сел.)
2-х. гект.	— 44,10	— 11,63	— 7,52	— 18,78	— 17,73	— 6,93
2 — 5	— 9,72	— 1.55	— 6,61	— 24,15	— 18,57	— 21,49
5 — 20	— 14.86	— 17,58	— 10,25	— 44,30	— 41,86	— 36.19
20 — 100	— 9,71	— 17,60	— 13.21	— 11.29	— 19,70	— 29.42
в. — 100	— 21,71	— 46,64	— 62 41	— 1,48	— 2,14	— 5,95

Подобно тому, какъ зерно, свекла и др продукты, поступая въ переработку, уже отдѣлены отъ земли, отдѣлены отъ земли и процессы переработки. И если бы не было въ Германіи, да и въ другихъ странахъ, законовъ, направленныхъ для поддержанія юнкерской, крупно-владѣльческой и преимущественно дворянской с. хоз. индустріи, мы увидали бы еще большее перемѣщеніе напр. винокуренныхъ заводовъ изъ крупныхъ въ **мелкія** хозяйства. Терминъ „отдѣленіе сельско хозяйственной индустріи отъ земледѣлія“ понятіе, такъ часто употребляющееся въ нашей литературѣ, обозначаетъ ничто иное, какъ **разрывъ съ сельскимъ хозяйствомъ**, со всѣми его особенностями, проистекающими прежде всего оттого, что сельское хозяйство всегда имѣетъ дѣло **съ землей**. Для с. хоз. индустріи. какъ и для всякой, земля нужна лишь для того, чтобы построить на ней фабричныя зданія. Для великолѣпнаго свекло-сахарнаго завода нужно не болѣе одной десятины; и только трудность транспортированія тяжелыхъ грузовъ удерживаетъ и с. хоз. индустрію отъ переселенія въ города Но, производится ли свекла, картошка и прочее сырье въ мелкихъ или крупныхъ хозяйствахъ—для процессовъ ихъ переработки совершенно безразлично, какъ безразлична и величина владѣнія, на территоріи котораго построенъ тотъ или другой заводъ.

Поэтому, третью стадію мы считаемъ необходимымъ **выдѣлить изъ анализа сельско-хозяйственнаго производства**, т. к. она всецѣло относится къ области чистой индустріи, подвержена тѣмъ же законамъ механизаціи и концентраціи, какъ и эта послѣдняя и является одной изъ ея разновидностей.

Поскольку эта стадія доступна капитализму, а поскольку—кооперація,—это вопросъ не столько техники, сколько общихъ соціально-культурныхъ условій, и на немъ, мы какъ и г. Масловъ, здѣсь не будемъ останавливаться

Итакъ, чистое сельско-хозяйственное производство, какового мы считаемъ тѣ виды его, которые такъ или иначе связаны съ **землей**, заканчивается, по нашему мнѣнію, въ земледѣліи, процессомъ отдѣленія зерна отъ растенія, а въ скотоводствѣ—рѣзкой скота, доеніемъ, стрижкой шерсти и т. д. Подведемъ итогъ нашему краткому анализу. Мы разсматривали процессы сельско-хоз. производства съ двухъ точекъ зрѣнія: развитія производительности труда и преимуществъ мелкаго, средняго и крупнаго хозяйства въ каждомъ процессѣ.

1) Производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ можетъ падать скорѣе всего отъ увеличенія **количества** вспашекъ, бороновокъ и другихъ пріемовъ обработки земли; уходъ за растеніями и животными и навозное удобреніе мало выяснены въ этомъ отношеніи и допускаютъ pro и contra. Всѣ же остальные факторы производства: искуственное удобреніе, глубина и время вспашки, и усовершенствованныя орудія, чаще всего повышаютъ производительность труда; хотя относительно земледѣльческихъ орудій не слѣдовало бы забывать словъ К. Маркса: „машины служатъ до тѣхъ поръ средствомъ удешевленія продуктовъ, пока на ихъ собственное производство расходъ труда менѣе того, который вытѣсняется ихъ примѣненіемъ "(Капит. I. 415) Разсматривая сельское хозяйство внѣ конкретныхъ условій времени и пространства, мы тѣмъ не менѣе признаемъ, что въ зависимости отъ различныхъ условій, производительность труда любого изъ пріемовъ и орудій варьируетъ въ предѣлахъ повышенія и пониженія на очень большую величину, чего индустрія почти совершенно не знаетъ. Каждый процессъ, каждое орудіе, смотря по своевременности или несвоевременности его выполненія, смотря по качеству почвы, климата и т. д. можетъ быть или очень продуктивнымъ или приносить большіе убытки. Человѣкъ въ сельскомъ хозяйствѣ долженъ приспособляться къ природѣ и насколько онъ съумѣетъ направить ея плодотворную дѣятельность въ свою пользу, настолько же онъ и разовьетъ производительность своего труда. Эта приспособ-

ляемость человѣка къ природѣ зависитъ очень сильно отъ личныхъ **качествъ** и потому качество труда рабочаго въ земледѣліи играетъ несоизмѣримо большую роль, чѣмъ въ индустріи.

Такимъ образомъ, нашъ бѣглый анализъ не могъ дать понятія о томъ, **развивается ли вообще производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ, но изъ него слѣдуетъ, что это развитіе зависитъ не только отъ механическихъ орудій производства, но почти отъ любого изъ процессовъ этого производства**, т. е. г. Масловъ не имѣлъ никакихъ основаній ограничивать развитіе производительности труда одной голой „механикой"—сельско-хозяйственными машинами.

2) Различныя орудія и пріемы производства могутъ быть или одинаково примѣнимы въ хозяйствахъ любыхъ размѣровъ, или даютъ преимущества то мелкому, то среднему, то крупному хозяйству. Независимо отъ размѣровъ хозяйства могутъ примѣняться всюду съ одинаковымъ удобствомъ плуги, ручныя орудія (сѣялки, полольники, окучники и т. п.) искуственное удобреніе, пріемы обработки почвы и ухода за растеніями. Преимущества мелкаго трудового хозяйства составляетъ навозное удобреніе.

Ему же принадлежитъ и другое преимущество общаго характера—**качество** труда, особенно повышающее производительность на второй стадіи, значеніе которой возрастаетъ по мѣрѣ интенсификаціи сельскаго хозяйства.

Среднее хозяйство (20-100 гектаровъ въ Германіи, 50-200 десятинъ у насъ) имѣетъ плюсъ, сравнительно съ мелкимъ, въ раціональномъ примѣненіи нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ орудій: большихъ плуговъ, конныхъ сѣялокъ, жнеекъ косилокъ, конныхъ молотилокъ и вѣялокъ.

Крупное получаетъ перевѣсъ только при примѣненіи паровой молотилки; другихъ преимуществъ у него **нѣтъ**. Но и паровыя молотилки, благодаря пространству, не могутъ увеличивать своей силы т. е молотьба **недоступна концентраціи за извѣстными предѣлами**. (250 гект. по Краффту.) Эти предѣлы стоятъ на низшихъ ступеняхъ крупныхъ хозяйствъ, приближающихся по своей площади къ среднимъ.

Отсюда выводъ: ни одинъ изъ процессовъ производства, ни одно изъ орудій, **не даютъ права на утвержденіе, что концентрація въ сторону крупно-капиталистическаго хозяйства есть неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ**. Ни эволюція „техники", ни эволюція „культуры"—не могутъ создать торжества **крупнаго** хозяйства.

Если даже игнорировать „культуру“, какъ дѣлаетъ г Масловъ, если базировать эволюцію только на „техникѣ“, то безспорныя фактическія данныя позволяютъ предвидѣть въ ходѣ эволюціи ближайшее торжество **среднихъ мелко-капиталистическихъ** или кооперативныхъ хозяйствъ; къ этому въ высшей степени важному выводу пришли не только мы лично, но и агрономы—спеціалисты вродѣ кн. Кудашева, Анцабара и др. Идеаломъ хозяйства они считаютъ хозяйство въ десятки и одна—двѣ сотни десятинъ, но никакъ не въ единицы и тысячи Этотъ новый взглядъ начинаетъ, наконецъ, пробивать себѣ дорогу сквозь толщу застарѣлыхъ споровъ о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ и, какъ увидимъ дальше, онъ имѣетъ за собой точку опоры въ современномъ положеніи мірового земледѣлія.

Вотъ выводы, къ которымъ насъ привелъ бѣглый но достачно обоснованный анализъ техники с. хоз. производства.

Эти выводы окончательно опрокидываютъ фундаментъ теоріи г. Маслова, но они не даютъ отвѣта на вопросъ, **развивается ли производительность труда въ общемъ ходѣ сельскохозяйственной эволюціи?**

Общій ходъ эволюціи сельско-хоз. производства заключается въ переходѣ отъ экстенсивныхъ системъ къ б е интенсивнымъ т. е. въ **интенсификаціи** производства. нтенсификація, въ противоположность индустріи, ведетъ къ относительному увеличенію **перемѣннаго капитала**: удобренія и въ особенности **живого труда**. Въ индустріи „при возрастающей интенсивности производства относительное участіе машины въ работѣ увеличивается, въ сельскомъ хозяйствѣ, наоборотъ: чѣмъ выше интенсивность, тѣмъ менѣе машинной работы“. (Давидъ стр. 509). Что роль живого труда увеличивается по мѣрѣ интенсификаціи—это доказываетъ нашъ анализъ: вмѣстѣ съ интенсификаціей неизбѣжно увеличеніе количества вспашекъ, удобренія, и главное—ухода за растеніями и животными.

Но, какъ разъ большинство этихъ процессовъ производства оставлены нами подъ сомнѣніемъ относительно развитія производительности труда. Механическія же орудія, какъ справедливо, въ данномъ случаѣ, говоритъ г. Масловъ, одинаково могутъ примѣняться и при экстенсивной и при интенсивной системахъ. Мы скажемъ болѣе; уже тотъ фактъ, что жнейки болѣе примѣнимы, главнымъ образомъ, тогда, когда громадная площадь засѣвается однимъ и тѣмъ же злакомъ, свидѣтельствуетъ, что употребленіе машинъ **въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ** возможно лишь въ экстенсивномъ

хозяйствѣ; въ интенсивномъ—плодосмѣнный сѣвооборотъ препятствуетъ размаху механической силы....

Но, при сравненіи экстенсивнаго и интенсивнаго хозяйства надо строго различать степень **культурности** того и другого. Отъ культурнаго уровня земледѣльческаго населенія данной страны зависитъ примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ: земледѣліе Китая, гораздо болѣе интенсивное, чѣмъ европейское, (система ручной разсады, огородная культура; урожай при специфическомъ китайскомъ плодосмѣнномъ сѣвооборотѣ доходитъ до большихъ размѣровъ) незнакомо съ машинами И въ Европѣ машины въ сельскомъ хозяйствѣ начали примѣняться за послѣдніе полвѣка и даже правильнѣе, за 20—30 лѣтъ.

Въ Пруссіи въ 1848 г. было всего 48 машинъ, въ 1861 г.—242 (Булгаковъ II, 55).

Точно также и въ экстенсивномъ хозяйствѣ: культурное американское или австралійское экстенсивное землѣдѣліе употребляетъ машины во много разъ больше соотвѣтствующаго ему полукультурнаго хозяйства нашихъ новороссійскихъ, самарскихъ и оренбургскихъ степей.

Иными словами: степень **интенсивности** той или другой системы хозяйства („культуры" по г. Маслову), зависитъ, почти исключительно, отъ роста и густоты населенія и очень мало зависитъ отъ степени его культурнаго развитія; но степень примѣненія машинъ зависитъ больше всего отъ **культурнаго уровня** населенія. И то положеніе, что, по мѣрѣ интенсификаціи, значеніе постояннаго капитала (механическихъ орудій или скота) **сокращается**, относится лишь къ хозяйствамъ, стоящимъ на одномъ культурномъ уровнѣ, какъ напр. американское и европейское; киргизское, манчжурское и китайское. Это положеніе безпорно и съ нимъ соглашается г. Масловъ: „Всякое **техническое** улучшеніе въ гораздо большей степени сокращаетъ издержки производства въ экстенсивномъ, чѣмъ въ интенсивномъ хозяйствѣ" (стр. 97)

Поэтому, не будемъ здѣсь тратить времени на его доказательство.

Слѣдовательно, по мѣрѣ интенсификаціи увеличивается роль и значеніе тѣхъ процессовъ производства, гдѣ требуется главнымъ образомъ ручной трудъ и которые мы, въ большинствѣ случаевъ, включаемъ въ разрядъ сомнительныхъ по отношенію къ развитію производительности; съ другой стороны, въ хозяйствахъ стоящихъ на одномъ культурномъ уровнѣ, въ томъ же направленіи, **сокращается значеніе машинъ.**

Теперь спрашивается, правъ ли г Масловъ, утверждающій, что въ экстенсивномъ хозяйствѣ производительность труда стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ интенсивномъ?

Если г. Масловъ правъ и если направленіе въ сторону интенсификаціи является неизбѣжнымъ для сельско-хозяйственнаго развитія вмѣстѣ съ сгущеніемъ населенія, то отсюда слѣдуетъ, что **сельское хозяйство не можетъ эволюціонировать въ сторону развитія производительности труда.** Если оно эволюціонируетъ въ эту сторону въ Германіи, такъ это потому, что тамъ лѣтъ 30 тому назадъ машины совсѣмъ не примѣнялись, теперь же „техника“ производства въ Германіи дошла, можетъ быть, до возможнаго предѣла и дальше развиваться не въ состояніи, а слѣдовательно и здѣсь должно произойти паденіе производительности труда.

Таковъ выводъ, который самъ собой напрашивается, но съ которымъ, странное дѣло, не согласенъ г. Масловъ, думающій, что въ общемъ сельское хозяйство все таки развиваетъ производительность труда. Но г. Масловъ считаетъ, что это развитіе зависитъ отъ „техническаго прогресса“. Мы же, какъ видѣли читатели, утверждаемъ, что **„техническій прогрессъ“**, т. е. примѣненіе машинъ должно **сокращаться** по мѣрѣ интенсификаціи, если взять для сравненія одинаковый культурный уровень хозяйства различныхъ системъ. Кто изъ насъ правъ?

Обратимся опять таки къ фактамъ: возьмемъ экстенсивную и интенсивную страны, стоящія приблизительно на одинаковомъ уровнѣ культуры: Соединенные Штаты и Германію. Въ Соединенныхъ Штатахъ примѣненіе „техники“ развито болѣе, чѣмъ въ Германіи. По разсчетамъ г. Зака (см. „земля и капитализмъ“) на одного рабочаго въ сельскомъ хозяйствѣ Соединенныхъ Штатовъ приходится основного капитала 677,5 долларовъ, а въ индустріи только 579,5 долларовъ; постоянный капиталъ въ сельскомъ хозяйствѣ Соединенныхъ Штатовъ **превышаетъ** таковой же въ **индустріи.** Дальше трудно идти въ развитіи „техники“.

Теперь примѣнимъ схему г. Маслова къ опредѣленію степени развитія „производительныхъ“ силъ (труда тожъ) въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи. Вычислимъ приблизительно сумму продуктовъ, приходящуюся на душу земледѣльческаго населенія въ обѣихъ странахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ урожай 4-хъ главныхъ зерновыхъ хлѣбовъ: пшеницы, ржи, овса, ячменя, составлялъ въ 1906 г. 41.239 мил. килограммовъ*), земледѣльческое населеніе—30,5 мил.; на

*) Цыфры взяты изъ Зака „Соціально—политическія таблицы всѣхъ странъ міра“ и изъ Гольца „Аграрный вопросъ“.

душу этого населенія приходилось 1352 килограмма; въ Германіи въ 1906 же году, урожай равнялся 25.107 мил. килограммовъ, что при 17 мил земледѣльч. населенія даетъ на душу 1483 килограммовъ: но, въ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ этихъ 4-хъ хлѣбовъ засѣвается почти одна кукуруза: урожай 75463 мил килограммовъ даетъ на душу 2474 килограм.

Въ Германіи—плодосмѣнный сѣвооборотъ и лишь 54,4% пашни занято зерновыми хлѣбами. Подъ всѣми корнеплодами и овощами занято 16,2%. Изъ нихъ одинъ картофель даетъ 42.937 мил. килограммовъ, т. е. по 2526 кил. на душу. Подъ картофелемъ въ 1905 г. было 24,4% площади зерновыхъ хлѣбовъ или 13% всей пашни. Остальные 3,2% заняты свеклой и нѣкоторыми другими овощами. Урожай свеклы нѣсколько выше чѣмъ картофеля, и если послѣдній давалъ 13 тыс. килограммовъ (812 пудовъ) на гектаръ, то урожай свеклы можно принять въ 15 тыс. килограммовъ, т. е. на душу его придется 721 килограммъ, а всего корнеплодовъ 3247 кил. на душу.

Кромѣ корнеплодовъ, подъ стручковыми и проч. мучнистыми и торговыми растеніями было 7,6% пашни. Считая урожай лишь по 2000 килограммовъ (125 пуд.), получаемъ 218 килогр. на душу.

Подъ кормовыми сѣяными травами было 9,6%; урожай можно взять двойной сравнительно съ предыдущимъ (250 пудовъ) на душу—550 килогр Итого на душу килогр. урожая

Въ Соедин. Штатахъ:		Въ Германіи:	
Зернов. хлѣбовъ. . .	1352	Зернов. хлѣбовъ. . .	1483
Кукурузы	2474	Корнеплод.. . .	3247
		Маслич. и пр. . . .	218
Всего . .	3826	Кормовыхъ.	550
		Всего. . .	5498

Если рыночная стоимость картофеля и свеклы ниже, чѣмъ стоимость кукурузы, зато стоимость зерновыхъ хлѣбовъ, масличныхъ и проч. въ Германіи гораздо выше. Но г. Масловъ о стоимости въ своей схемѣ не говоритъ. Прибавляя сюда пріусадебные сады и огороды (около 2% с.-хоз. площади въ Германіи) которыхъ въ Германіи, какъ въ странѣ крестьянскаго земледѣлія относительно гораздо больше, чѣмъ въ Америкѣ, затѣмъ отбросы, особенно значительные при плодосмѣнѣ, и наконецъ, винодѣліе (въ Германіи выдѣлыв. 2,15 мил. гектол. вина, въ Соедин. Шт. 1,4) мы можемъ сказать, что въ интенсивномъ хозяйствѣ Германіи, судя по схемѣ г. Маслова развитіе производительности труда стоитъ

на высшей ступени, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ при наибольшемъ примѣненіи машинъ, какое мы знаемъ въ экстенсивномъ хозяйствѣ.

Таковъ выводъ относительно той отрасли сельскаго хозяйства, въ которой только и примѣнимы машины—относительно земледѣлія. Относительно скотоводства—иная картина.

На душу сельск.-хозяйств. насел. приходится:

	Въ Соедин. Штатахъ.	Въ Германіи
Лошадей и муловъ . . .	0,6	0,2
Кр. рог. ск. .	2,1	0,9
Мелкаго. „ .	3,7	1,2

Въ Соединенныхъ Штатахъ на **душу** населенія приходится въ 2—3 раза больше скота, чѣмъ въ Германіи. Но, спрашивается, при чемъ тутъ техническій прогрессъ? Вѣдь ни какихъ почти машинъ въ экстенсивномъ скотоводствѣ и культурномъ и дикомъ не примѣняется. Продуктивность киргизскаго тебеневочнаго **скотоводства** гораздо **выше** американскаго, если разсчитывать, по методу г. Маслова (на душу населенія), но киргизы уже совсѣмъ машинъ не знаютъ.

Итакъ, въ земледѣліи, гдѣ только и примѣнима „техника", экстенсивное сельское хоз. оказывается развивающимъ меньшую производительность труда, чѣмъ интенсивное. Но этого мало. За счеть кого и за счеть чего развивается „производительность труда" въ экстенсивномъ хозяйствѣ?..

Въ той же самой Америкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ были открыты золотоносныя розсыпи на Аляскѣ.

Первые золотоискатели, ринувшіеся туда, наживали, какъ всегда огромные барыши Изъ какихъ **источниковъ** происходили эти барыши? Г. Масловъ скажетъ, что первые золотоискатели развивали огромную производительность труда, а мы скажемъ, что они **расхищали нетронутыя богатства природы**

Соединенные Штаты и по природнымъ условіямъ и по типу сельскаго хозяйства подходятъ къ нашей Новороссіи, о которой г. Масловъ пишетъ. „На окраинахъ Россіи (т. е. въ Новороссіи) увеличеніе производительныхъ силъ происходитъ исключительно лишь **благодаря увеличенію площади запашекъ**...

Такое расширеніе запашекъ не можетъ быть безграничнымъ... частые неурожаи на окраинахъ вслѣдствіе **истощенія земли** показываютъ, что и окраинамъ грозитъ тяжелое будущее". (Стр. 322).

Расхищеніе нетронутыхъ запасовъ дѣвственной почвы происходитъ и въ Новороссіи и въ Америкѣ. Къ обѣимъ странамъ вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова Маркса: „Прогрессъ въ капиталистическомъ земледѣліи представляетъ не только прогрессъ въ искусствѣ грабить рабочихъ, но и прогрессъ въ искусствѣ **грабить почву: всякое повышеніе плодородія на опредѣленное время есть подрываніе постояннаго источника этого плодородія.** И американскіе и новороссійскіе земледѣльцы, также, какъ и аляскинскіе золотоискатели не развиваютъ производительность труда, а **обкрадываютъ** послѣдующія поколѣнія работниковъ.

Примѣровъ паразитизма въ исторіи и въ современной жизни сельскаго хозяйства безчисленное множество. Мы относимся враждебно ко всякаго рода Колупаевымъ, безжалостно вырубающимъ лѣса въ имѣніяхъ, расхищающимъ рыбныя богатства въ Каспійскомъ морѣ и истребляющимъ цѣнныхъ звѣрей въ Сибири, но почему мы чувствуемъ такое уваженіе къ современному хищническому американскому земледѣлію—этого мы не можемъ понять. Неужели только изъ за гордыхъ баттарей жатвенныхъ машинъ, которыя воспѣваетъ г. Крживицкій?

Всякое хищническое отношеніе къ природнымъ богатствамъ рано или поздно отразится **пониженіемъ производительности труда**; и чѣмъ „производительнѣе“ будутъ расхищаться природные запасы почвы, тѣмъ скорѣе и сильнѣе произойдетъ это пониженіе. Наши предки, тысячи лѣтъ ковырявшіе землю первобытной сохой на 2—3 вершка, имѣвшіе болѣе или менѣе раціональный сѣвооборотъ (7—10 лѣтъ отдыха и 3—5лѣтъ посѣва), конечно, были необычайно бережливыми хозяевами сравнительно съ паразитическими владѣльцами американскихъ „пшеничныхъ фабрикъ“, взрыхляющими землю на большую глубину многолемешными плугами, сѣющими самые истощающіе землю хлѣба, пока они даютъ урожай, не думая о раціональномъ сѣвооборотѣ.

И въ Сѣв. Америкѣ „пониженіе производительности труда“—т. е. истощеніе почвы уже не за горами. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ по показаніямъ 25000 сельскихъ хозяевъ оказывалось, что **издержки не окупали** производства. „Вслѣдствіе этого, площадь посѣва тамъ **сократилась** съ 40 милліоновъ акровъ до 34,6 мил. акровъ“. (Кабл. объ усл. крест. хоз. въ Россіи изд. 2-е стр. 134). Плоды этого сокращенія и паденія урожайности выразились въ томъ, что въ 1904 г. изъ Соединенныхъ Штатовъ не было вывезено ни одного пуда зерна въ Англію, куда до сихъ поръ направлялся глав-

ный экспортъ: Г. Діонео, который указываетъ на этотъ фактъ, прибавляетъ: „не подлежитъ сомнѣнію, что скоро Соединен. Штаты перестанутъ фигурировать въ роли поставщиковъ хлѣба;*) онъ ожидаетъ, что къ 1925 г. Соединенные Штаты изъ страны, вывозящей хлѣбъ превратятся въ страну ввозящую.

Начало паденія тамошняго сельскаго хозяйства можно видѣть также изъ того факта, что въ 1907 г. количество выселяющихся оттуда впервые перевѣсило количество вселяющихся.

Если эти факты могутъ служить свидѣтельствомъ, что для экстенсивнаго хозяйства Соедин. Штатовъ наступаетъ „начало конца“, что ему пора переходить въ **интенсивный** фазисъ (о чемъ свидѣтельствуетъ громадное увеличеніе удобренія), то передъ нашими глазами развертывается поучительная картина быстраго истощенія земли экстенсивнымъ капиталистическимъ земледѣліемъ и машиннымъ производствомъ. За какіе нибудь 50 лѣтъ быстраго развитія „производительныхъ силъ“ истощить необычайно плодородную почву, перепахать и перепортить сотни милліоновъ акровъ дѣвственныхъ степей—на это способны лишь американцы.

И намъ тогда станетъ ясно, какой оптическій обманъ представляетъ изъ себя „производительность труда“ въ хищническомъ экстенсивномъ хозяйствѣ; намъ станетъ яснымъ, что на плечи слѣдующихъ поколѣній тяжелымъ бременемъ ляжетъ неизбѣжная обязанность затратить милліарды капитала и еще больше труда на возстановленіе и развитіе естественнаго плодородія почвы. Но если даже этого и не будетъ на нашихъ глазахъ—истощеніе такого громаднаго пространства такой плодородной почвы въ десятки лѣтъ даже и американцамъ, пожалуй, не подъ силу,—то все таки рано или поздно оно наступитъ безъ интенсификаціи. Экстенсивное хозяйство можно изобразить въ видѣ двухъ линій, соединяющихся подъ угломъ: одна линія—поднимающаяся къ верху—первоначальнаго расхищенія почвы обозначаетъ „развитіе производительныхъ силъ“ г. Маслова. Дойдя до точки пересѣченія, т. е. до истощенія почвы, „развитіе производительныхъ силъ “ смѣняется ихъ **паденіемъ**, по наклонной линіи, которое тѣмъ быстрѣе, чѣмъ круче былъ подъемъ. Отсюда выводъ: для опредѣленія **дѣйствительной производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ** надо брать не одну сторону угла, какъ г. Масловъ—сторону **подъ-**

*) См. ст. „изъ Англіи“ Рус Бог 1908 г. апрѣль

ема и расхищенія нетронутыхъ запасовъ, но и другую сторону **паденія**—истощенія почвы.

Если при подъемѣ урожай былъ въ теченіи, положимъ, 5 лѣтъ по 60 пудовъ на десятину и при паденіи въ тоже время по 30 пудовъ; если цѣна на хлѣбъ стояла все время по 80 коп. пудъ, а издержки равнялись 30 рублямъ, то въ первые 5 лѣтъ подъема чистая прибыль выразится въ 18 рублей ежегодно, во вторые—годы паденія будетъ убытокъ по 6 рублей. За всѣ десять лѣтъ подъема и паденія ежегодная чистая прибыль составитъ 6 руб. Только эти 6 руб. и будутъ указывать на **дѣйствительную производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ**.

Итакъ, коренное различіе между экстенсивной и интенсивной системами хозяйства заключается въ томъ, что первая **безплатно** пользуется запасами плодородія почвы, которые за многія тысячелѣтія накопила природа; вторая отплачиваетъ природѣ, сохраняя и увеличивая эти запасы. **Дикое** экстенсивное хозяйство пользуется безплатно, но бережливо этими запасами (пока не переходитъ въ пестрополье), **культурное** быстро высасываетъ машинами изъ земли всѣ соки. И какъ нельзя по „производительности труда“ первыхъ золотоискателей на Аляскѣ судить объ **общей** производительности труда на этихъ пріискахъ, такъ нельзя по „производительности труда“ земледѣльцевъ, впервые распахивающихъ дѣвственныя степи Дакоты или Новороссіи, судить объ **общей** производительности труда при экстенсивной системѣ земледѣлія.

Эта система фатально привела къ истощенію почвы и голодовкамъ во Франціи въ концѣ XVIII в., въ Германіи въ 40-хъ годахъ XIX в. и въ Россіи—въ концѣ XIX в.; безъ возвращенія землѣ взятыхъ у нея богатствъ, никакое увеличеніе труда—ручного или машиннаго не сможетъ поднять урожай настолько, чтобы окупить издержки. Поэтому „законъ убывающаго плодородія почвы“, или, по г. Маслову—„фактъ паденія послѣдующихъ затратъ труда и капитала“, болѣе всего относится къ экстенсивнымъ системамъ.

Г. Масловъ повѣрилъ этому „факту“ также слѣпо, также догматически, какъ слѣпо вѣритъ онъ въ творческую силу „машинизма“... Но мы не хотимъ быть слѣпыми, мы хотимъ видѣть и понимать видѣнное...

Сто лѣтъ тому назадъ, когда „законъ“ убывающаго плодородія почвы только что былъ изобрѣтенъ, интенсивныхъ системъ земледѣлія почти не существовало; какъ разъ, въ это время застарѣлое европейское трехполье привело во

многихъ мѣстахъ къ плачевнымъ результатамъ. Неудивительно, что „законъ“ показался неоспоримымъ. Теперь, послѣ открытій Либиха, Гельригеля и друг., послѣ широкаго распространенія интенсивныхъ системъ, „законъ“ этотъ подвергается ожесточеннымъ нападкамъ и, подъ ихъ напоромъ, онъ уже съузился въ „фактъ“. Посмотримъ на этотъ „фактъ“ въ обстановкѣ интенсивныхъ системъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ дѣйствуютъ два основныхъ фактора: **производительность труда человѣка и производительныя силы природы**. Г. Масловъ признаетъ производительность только за трудомъ человѣка. По его схемѣ—производительныя силы—это сумма продуктовъ, выработанныхъ **однимъ человѣкомъ**. Природа фигурируетъ у него лишь въ роли **врага** этихъ силъ, въ костюмѣ „убывающаго плодородія почвы“.

Но что такое самъ по себѣ трудъ человѣка? Самъ по себѣ человѣкъ не можетъ создать ни одного атома зерна, мяса и др. продуктовъ; создаетъ ихъ **одна природа** Сельское хозяйство есть промышленность добывающая, цѣль которой—**пріобрѣтеніе новыхъ продуктовъ**, а не переработка сырья. Поэтому, трудъ человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ, **самъ по себѣ не можетъ быть производительнымъ**. Это—простѣйшая аксіома, имѣющаяся въ любыхъ учебникахъ и физики и политической экономіи. Трудъ человѣка является производительнымъ лишь въ связи съ дѣятельностью природы и **постольку, поскольку онъ помогаетъ ей**.

Мы сказали, что въ экстенсивномъ хозяйствѣ человѣкъ пользуется безплатно запасами, накопленными природой; вотъ почему его трудъ можетъ казаться болѣе производительнымъ до тѣхъ поръ, пока миражъ этой производительности не разсѣется паденіемъ урожаевъ. Это такой же обманъ зрѣнія, какъ тотъ, что солнце вертится вокругъ земли. Производителенъ не трудъ, **а земля** и „фактъ“ убывающаго плодородія почвы надо понимать, какъ фактъ паденія **производительной силы земли**, а не производительности **труда** человѣка, т. е. старая формулировка (убывающее плодородіе почвы) для экстенсивныхъ системъ была болѣе правильной.

Въ экстенсивныхъ системахъ, гдѣ человѣкъ пользуется запасами природы безплатно, **онъ** является иногда ея врагомъ, когда сосетъ соки изъ почвы до истощенія, т. е. скорѣе человѣкъ можетъ быть врагомъ природы, а не наоборотъ. Но когда онъ убѣждается, что безплатно пользоваться дарами природы ему просто **невыгодно**, онъ приходитъ къ заключенію, что нужно ей помогать и тогда возникаетъ

интенсивная система земледѣлія. Горькій опытъ Франціи, Германіи, Россіи, а можетъ быть и Америки—все это необходимая ступень для дальнѣйшаго с.-хоз. прогресса Когда человѣчество минуетъ эту ступень, изъ врага природы оно становится ея помощникомъ. Чѣмъ лучше человѣкъ помогаетъ ей, тѣмъ щедрѣе она оплачиваетъ его услуги. Въ интенсивныхъ системахъ стирается мало по малу антагонизмъ дѣятельности природы и эксплуатаціи ея человѣкомъ, который, впрочемъ бываетъ и въ экстенсивныхъ системахъ лишь тогда, когда человѣкъ не даетъ природѣ возстановить самой запасы почвенныхъ богатствъ.

Въ интенсивныхъ системахъ человѣкъ становится сотрудникомъ природѣ въ тѣхъ процессахъ, посредствомъ которыхъ она вырабатываетъ изъ неорганическихъ веществъ живые организмы. Функціи природы, въ сущности аналогичны функціямъ человѣка въ обрабатывающей промышленности. Какъ тамъ человѣкъ перерабатываетъ сырье въ фабрикаты, такъ здѣсь природа перерабатываетъ „сырье“—воздухъ, свѣтъ, теплоту, влагу, минеральныя вещества въ растенія и животныя. И сущность перехода къ интенсивнымъ системамъ именно въ томъ и заключается, что центръ тяжести человѣческой дѣятельности переносится съ эксплуатаціи природы на приспособленіе и улучшеніе для своихъ цѣлей ея творческихъ процессовъ. И чѣмъ глубже человѣкъ постигаетъ сущность этихъ процессовъ, чѣмъ больше онъ приспособляется къ природѣ и этимъ самымъ покоряетъ ее себѣ, тѣмъ выше развивается производительность его труда. Покуда человѣкъ еще не вполнѣ постигъ работу природы, онъ дѣлаетъ много ошибокъ, затрачиваетъ часто безплодно свои силы; но, когда онъ попадаетъ на вѣрный путь, природа отплачиваетъ ему сторицей. Напримѣръ, если въ данной мѣстности хозяинъ съумѣлъ догадаться, что землѣ нужна фосфорная кислота, то, затративъ на эту кислоту, положимъ по 2 руб. на десятину, онъ получаетъ по 20 пудовъ добавочнаго урожая, и г. Масловъ скажетъ, что трудъ этого хозяина былъ въ высшей степени производителенъ. Но, что еще важнѣе такой мимолетной производительности—это то, что нашъ хозяинъ не испортитъ землю, подобно американскому фермеру, а улучшитъ ее и передастъ своему сыну участокъ съ повышеннымъ плодородіемъ почвы...

Итакъ, на поставленный выше вопросъ: развивается ли производительность труда, въ общемъ ходѣ сельско-хозяйственной эволюціи, мы можемъ отвѣтить слѣдующими положеніями:

1) Трудъ человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ самъ по себѣ не можетъ быть производительнымъ. Производительна одна природа; поэтому о производительности человѣческаго труда, можно говорить лишь **условно**, а не по существу, какъ говоритъ г. Масловъ.

2) Степень производительности природы зависитъ отъ того, какъ человѣкъ пользуется ея запасами и насколько онъ съумѣетъ приспособить ея дѣятельность для своихъ цѣлей. При экстенсивныхъ системахъ человѣкъ обращаетъ главное вниманіе на **запасы** природныхъ богатствъ (почвы, растительнаго и животнаго міра), почти игнорируя сущность ея творческихъ процессовъ.

Благодаря этому, онъ иногда истощаетъ эти запасы и тогда появляется дѣйствительное пониженіе производительности природы и мнимое паденіе производительности человѣческаго труда.

3) Въ общемъ ходѣ сельско-хоз. эволюціи „фактъ“ убывающаго плодородія почвы не есть величина неизмѣнная и постоянная. Въ различные моменты эволюціи въ одной и той же странѣ, въ различныхъ странахъ въ одно и то же время онъ колеблется очень сильно. Въ зависимости отъ этихъ колебаній находится и „производительность труда“ человѣка

4) Съ того момента, когда человѣкъ начинаетъ владѣвать творческими процессами природы, т. е. съ момента вступленія въ эру интенсивныхъ системъ, плодородіе почвы, а также творческая дѣятельность природы по отношенію къ живымъ организмамъ уже не **составляетъ самодовлѣющаго фактора**, а связывается съ планомѣрной человѣческой дѣятельностью, благодаря чему исчезаетъ тотъ антагонизмъ между природой и человѣкомъ, на которомъ г. Масловъ построилъ „фактъ“ паденія производительности труда. Въ интенсивныхъ системахъ дѣятельность природы находится уже въ сравнительно большей зависимости отъ дѣятельности человѣка. И чѣмъ дальше человѣкъ начинаетъ проникать въ сущность творческихъ процессовъ природы, тѣмъ сильнѣе развивается производительность его труда.

5) Такимъ образомъ, экстенсивныя системы переживаютъ двѣ эпохи: эпоху первоначальнаго подъема „производительности труда“, когда природныя богатства еще не подверглись истощенію и послѣдующую за ней эпоху **паденія** этой производительности. Интенсивныя системы медленно, но непрерывно должны **развивать** производительность человѣческаго труда, по мѣрѣ приспособленія творческихъ процессовъ природы для своихъ цѣлей.

6) А такъ какъ общій ходъ сельско-хозяйственной эволюціи заключается въ переходѣ отъ экстенсивныхъ системъ къ интенсивнымъ, то и производительность человѣческаго труда въ томъ условномъ смыслѣ, о которомъ мы говорили, по мѣрѣ эволюціи должна **возрастать**.

На многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые здѣсь затронуты очень бѣгло, намъ придется сосредоточить вниманіе въ **положительной** части нашей работы когда мы будемъ опредѣлять закономѣрный ходъ аграрной эволюціи. Тогда окончательно выяснятся многія неясныя стороны. Но уже изъ изложеннаго видно, что „технической прогрессъ", т. е. земледѣльческія машины сами по себѣ не могутъ способствовать устойчивому развитію сельскаго хозяйства, такъ какъ безъ развитія производительности земли, примѣненіе ихъ приводитъ къ неминуемому паденію производительности труда (въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Масловъ). Центръ тяжести устойчивой эволюціи сельскаго хозяйства заключается не въ машинахъ, значеніе которыхъ сокращается по мѣрѣ интенсификаціи, а въ тѣхъ процессахъ производства, которыя были нами оставлены подъ сомнѣніемъ: въ удобреніи, лучшей обработкѣ почвы и уходѣ за растеніями и животными, т. е. въ тѣхъ процессахъ, которые направлены къ сохраненію и развитію **производительности земли въ частности и производительности природы вообще**. И въ общемъ ходѣ сельско-хозяйственной эволюціи **только устойчивое планомѣрное развитіе производительности природы можетъ дать устойчивое развитіе производительности человѣческаго труда**, т. к. повторяемъ, только одна **природа**, по существу производительна, человѣческій же трудъ неспособенъ создать ни одного атома органическаго вещества.

На этомъ мы бы могли покончить съ анализомъ основъ теоріи г. Маслова, такъ какъ, намъ кажется безпочвенность ихъ ясно обнаружена, но мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о **цѣнахъ на хлѣбъ**.

Цѣны на хлѣбъ составляютъ самый вѣскій аргументъ въ теоретическихъ построеніяхъ автора. Доказательство большей производительности труда въ экстенсивномъ хозяйствѣ онъ видитъ въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ; цѣны кажутся ему достаточнымъ аргументомъ для доказательства существованія „факта" убывающаго плодородія почвы. Въ теоріи ренты и въ „тенденціи къ разсѣянію земледѣлія" онъ опять, таки базируется на цѣнахъ въ экстенсивномъ хозяйствѣ. Г. Масловъ—узкій догматическій сторонникъ трудовой теоріи цѣнности, созданной К. Марксомъ. Цѣны на хлѣбъ или **рыночныя мѣновыя** стоимости земледѣльческихъ продуктовъ

кажутся ему во всѣхъ случаяхъ эквивалентами **трудовыхъ стоимостей** т. е. суммы затратъ труда на добываніе продуктовъ. Отсюда его глубокое апріорное убѣжденіе, что чѣмъ **ниже** цѣна, положимъ пуда, зерна, тѣмъ меньше издержекъ затрачено на производство этого пуда, тѣмъ **выше** слѣдовательно „**производительность труда**“ Но принявши въ основу всѣхъ теоретическихъ построеній узкое догматическое толкованіе теоріи трудовой стоимости, г. Масловъ, какъ мы показали, самъ не замѣчая того, впалъ въ неустранимое логическое противорѣчіе, требуя, для развитія капиталистическаго хозяйства двухъ взаимно исключающихъ другъ другъ условій; повышенія цѣнъ и развитія производительности труда. Если бы онъ понялъ это противорѣчіе, если бы онъ вдумался въ происхожденіе цѣнъ въ сельскомъ хозяйствѣ, то онъ можетъ быть и обратилъ бы вниманіе на слѣдующія слова творца теоріи трудовой цѣнности—К. Маркса.

„Только въ актѣ **обмѣна** продукты пріобрѣтаютъ однородное для нихъ всѣхъ общественное существованіе, они становятся стоимостями... пріобрѣтаютъ **свойство, отличное** отъ ихъ разнообразныхъ видовъ **существованія, какъ предметовъ потребленія**. Это раздѣленіе продукта на предметъ **потребленія** и на предметъ, имѣющій **стоимость**, только тогда пріобрѣтаетъ практическое значеніе, когда **обмѣнъ на столько дѣлается распространеннымъ, что предметы потребленія производятся исключительно съ цѣлью обмѣна, когда характеръ ихъ, какъ стоимостей слѣдуетъ уже имѣть въ виду заранѣе, при самомъ ихъ производствѣ** (Кап. I. 42) К. Марксъ, слѣдовательно, рѣзко разграничивалъ **потребительную** стоимость отъ **мѣновой** и только въ основѣ второй стоимости, по его теоріи, лежитъ трудовая цѣнность продукта. Мы не будемъ вдаваться въ дебри споровъ о теоріи цѣнности. Но изъ словъ К. Маркса видно, что къ сельскому хозяйству теорія трудовой цѣнности примѣнима въ ограниченныхъ предѣлахъ.

Изъ анализа сочиненія г. Ильина мы узнали, что личное потребленіе составляетъ основную цѣль земледѣльческаго производства для 97% русскихъ крестьянъ; что даже у остальныхъ 3%, только 60% продуктовъ ихъ производства идутъ въ обмѣнъ, а 40% уходятъ на личное потребленіе. Судя по бюджетамъ европейскихъ крестьянъ, въ такомъ же положеніи находится производство у большинства этихъ послѣднихъ. Наконецъ, даже у англійскихъ и американскихъ фермеровъ, предметы потребленія производятся **не исключительно съ цѣлью обмѣна**. Мы не будемъ преувеличивать значенія этого факта: но онъ все-таки даетъ намъ право утверждать, что значительная доля продуктовъ сельскаго хо-

зяйства относится къ предметамъ личнаго потребленія, а не къ предметамъ обмѣна, и часто, слѣдовательно, уже потому теорія трудовой цѣнности неприложима къ сельскому хозяйству въ полномъ объемѣ.

Но гораздо болѣе важенъ другой фактъ, котораго К. Марксъ не могъ принять въ разсчетъ, т. к. онъ анализировалъ лишь индустріальное производство: это—производительная роль **природы** въ сельскомъ хозяйствѣ. Трудъ человѣка становится производительнымъ лишь въ связи съ дѣятельностью природы и постольку, поскольку онъ помогаетъ ей. На первыхъ ступеняхъ сельско-хозяйственной эволюціи, человѣкъ мало помогаетъ природѣ, но больше истощаетъ ограниченные запасы природныхъ благъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи эволюціи, помощь природѣ все усиливается; человѣкъ становится ея сотрудникомъ, а затѣмъ и руководителемъ. Благодаря: 1) этому самодовлѣющему фактору—**труду природы**. 2) **ограниченности** ея запасовъ, между производительностью человѣческаго труда и рыночными цѣнами на продукты въ сельскомъ хозяйствѣ не можетъ быть и нѣтъ такой тѣсной связи, какъ въ индустріи, гдѣ производителенъ лишь **трудъ человѣка**, который и является эквивалентомъ рыночной цѣны продукта. Иными словами, если въ индустріи рыночная цѣна продукта опредѣляется въ конечномъ счетѣ, общественно-необходимымъ временемъ труда, потраченнаго на производство этого продукта, то въ сельскомъ хозяйствѣ она опредѣляется. 1) Общественно-необходимымъ временемъ человѣческаго труда. 2) Средней производительностью природы и 3) суммой запасовъ даровыхъ природныхъ благъ. И то безвыходное противорѣчіе съ трудовой теоріей цѣнности, въ которое впалъ г. Масловъ, объясняется именно тѣмъ, что онъ признавалъ производительность только за трудомъ человѣка, а на производительныя силы природы смотрѣлъ лишь, какъ на врага этой производительности (законъ убывающаго плодородія почвы).

Итакъ, не вдаваясь въ анализъ условій, создающихъ рыночныя цѣны въ селькомъ хозяйствѣ, который насъ завелъ бы очень далеко, мы можемъ указать автору, что онѣ не являются мѣриломъ производительности человѣческаго труда.

1) Потому, что кромѣ товаро-обмѣна, трудовое земледѣліе преслѣдуетъ цѣли личнаго потребленія, т. е. продукты сельскаго хозяйства имѣютъ и мѣновую и потребительную стоимость.

2) Потому, что кромѣ человѣческаго труда въ сельскохозяйственномъ производствѣ участвуютъ производительныя силы природы; комбинаціи обѣихъ силъ человѣка и природы бываютъ очень разнообразны и уловить, какую долю производительности надо отнести на счетъ человѣка, какую на счетъ природы почти невозможно.

3) Потому что запасы природныхъ благъ ограничены; т. е. въ данномъ случаѣ теорія трудовой цѣнности должна быть замѣнена извѣстной теоріей „австрійской школы".

Повторяемъ, мы не задаемся цѣлью анализировать условія образованія цѣнъ въ сельскомъ хозяйствѣ, т. к. этотъ трудъ самъ по себѣ обширный и сложный Но г. Масловъ тоже не произвелъ этого анализа и очистивъ, какъ ему показалось теорію К. Маркса отъ противорѣчій, самъ зашелъ въ безвыходный тупикъ.

Мы разобрали всѣ главнѣйшіе пункты теоріи г. Маслова. Подведемъ итоги:

1) Безусловно невѣрно то положеніе автора, что мелкое хозяйство не можетъ развивать „технику", т. е. примѣнять усовершенствованныя орудія.

2) Также безусловно невѣрно убѣжденіе, что только „техника" можетъ развивать производительность труда.

3) Отсюда неправильно раздѣленіе сельско-хозяйственнаго производства на два антагонистическихъ фактора: „технику" и „культуру".

4) Если даже допустить правильность всѣхъ этихъ положеній, то все таки преимущества останутся на сторонѣ **средняго мелко**-капиталистическаго или кооперативнаго хозяйства.

5) Благодаря безусловной неправильности этихъ положеній, вся часть теоріи, касающаяся вопроса о борьбѣ мелкаго и крупнаго хозяйства и наиболѣе важная съ точки зрѣнія марксизма, отпадаетъ цѣликомъ.

6) Остовъ **общихъ** положеній теоріи, не относящихся прямо къ вопросу о борьбѣ мелкаго и крупнаго хозяйства, базируется на принципѣ **условной** достовѣрности, именно на отождествленіи эволюціи производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ съ развитіемъ производительности человѣческаго труда. Человѣческій трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ, взятый независимо отъ творческихъ процессовъ природы **по существу** не можетъ быть производительнымъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.

7) Принявши условный принципъ за безусловный, ав-

торъ впалъ, благодаря этому, въ дальнѣйшія ошибки, изъ которыхъ наиболѣе важная—признаніе за творческими процессами природы только **отрицательнаго** значенія въ ходѣ сельско-хозяйственной эволюціи („фактъ“ убывающаго плодородія почвы.) Изъ этой ошибки вытекаетъ другая—убѣжденіе, что наиболѣе производительными являются **экстенсивныя системы** сельскаго хозяйства.

8) Такъ какъ эволюція сельскаго хозяйства заключается въ переходѣ отъ экстенсивныхъ системъ къ интенсивнымъ, то прямой выводъ, истекающій изъ теоріи автора—тотъ, что общій ходъ эволюціи заключается не въ развитіи, а въ **паденіи** производительныхъ силъ, каковой выводъ побоялся сдѣлать самъ авторъ.

9) Изъ этого же услознаго принципа авторъ вывелъ свое узкое догматическое толкованіе теоріи трудовой цѣнности Благодаря такому толкованію, въ теоріи ренты онъ впалъ въ неустранимыя противорѣчія съ самимъ собой.

Заключительный выводъ будетъ такой: отождествивши развитіе производительныхъ силъ съ развитіемъ производительности человѣческаго труда, а эту послѣднюю—только съ механическими орудіями производства, авторъ впалъ въ противорѣчія съ самимъ собой и въ еще большія—съ реальными фактами жизни, вслѣдствіе чего его теорія привела къ логическому абсурду: **взамѣнъ эволюціи производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ получилась картина ихъ попятнаго движенія.**

Отсюда ясно, что основа теоріи невѣрна и что развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ зависитъ отъ другихъ факторовъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ авторъ.

Заканчивая анализъ теоріи, мы не можемъ не сказать, что за г. Масловымъ мы признаемъ одну заслугу—правильную постановку вопроса о необходимости установить принципы аграрной эволюціи.

Этотъ вопросъ онъ поставилъ правильно, до нѣкоторой степени освѣтилъ его важное значеніе, но этимъ плодотворность его работы и ограничивается.

Отсюда его роль сводится къ роли ревизіонистовъ, только **ставящихъ** вопросы, но не разрѣшающихъ ихъ и въ тоже время уничтожающихъ старыя рѣшенія. Г. Масловъ—несомнѣнный ревизіонистъ въ русскомъ марксизмѣ, хотя и безсознательный: онъ разрушилъ храмину священной ортодоксіи, но взамѣнъ ея—создалъ карточный домикъ. И пусть этотъ домикъ красуется еще годъ-другой, пусть еще выходятъ новыя изданія книги г. Маслова: въ свое время жизнь разрушитъ его легкимъ дуновеніемъ.

§ 4) Приложеніе теоріи „производительныхъ силъ“ къ аграрному вопросу въ Россіи.

Изложеніе второй части сочиненія г Маслова, заключающей приложеніе теоріи „развитія производительныхъ силъ“ къ аграрному вопросу въ Россіи, займетъ у насъ мало мѣста. Мы считаемъ эту часть очень малоцѣнной. Больше всего ее обезцѣниваетъ пользованіе недоброкачественнымъ статистическимъ матеріаломъ и, какъ и работу г Ильина—неправильность статистическихъ пріемовъ. Вотъ почему на изложеніе этой части мы потратимъ немного времени.

Основная идея г Маслова такова: **въ Россіи до революціи происходило паденіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ**. На ряду съ упадкомъ производительности с. хоз. труда улучшеніе техники, вліяющей на производительность и земли и труда идетъ крайне медленно“ (стр. 213). Отъ какихъ причинъ это паденіе произошло.

Во 1-хъ) отъ медленнаго развитія „техники“. Во 2-хъ) отъ наименѣе выгоднаго распредѣленія земли по угодьямъ стр. 207, 215 и др.) т е. отъ **экстенсивности системъ земледѣлія** *)

Въ 3-хъ) отъ того, что „въ Россіи урожайность въ нѣсколько разъ ниже, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ и незамѣтно ея повышенія“ (стр. 215). что опять таки зависитъ отъ экстенсивности системы. Въ общемъ, авторъ находитъ, что „земледѣльческое хозяйство въ Россіи падаетъ“.

Въ 4-хъ отъ слабого развитія индустріи. Приростъ крестьянскаго населенія послѣ освобожденія увеличился очень сильно. Образовались громадные избытки земледѣльческаго населенія, которые не могли найти выхода въ индустріи и скоплялись на землѣ. „Чѣмъ быстрѣе въ странѣ развивается индустрія, чѣмъ она больше отвлекаетъ рабочихъ рукъ отъ земледѣлія, тѣмъ больше увеличивается площадь земли по отношенію къ земледѣльческому населенію: это въ свою очередь является необходимымъ условіемъ развитія производительныхъ силъ въ земледѣліи“ (стр. 289).

Въ 5-хъ) благодаря паденію цѣнъ на хлѣбъ. Такимъ образомъ, слабое развитіе техники, экстенсивность системы земледѣлія, слабое развитіе индустріи и низкія цѣны на хлѣбъ—создали паденіе производительности труда и какъ прямое его слѣдствіе—**продовольственную ренту**. Крестьянство, сгущенное быстрымъ естественнымъ приростомъ, не находи-

*) Авторъ сравниваетъ распредѣленіе угодій въ Россіи и въ интенсивной Германіи

ло выхода въ индустрію и бросилось по неволѣ на земли помѣщиковъ, арендуя и покупая ихъ. Цѣны на землю поднялись очень высоко, а заработная плата упала. Помѣщикамъ выгоднѣе сдавать землю въ аренду по „голоднымъ“ цѣнамъ, чѣмъ обрабатывать самимъ. Крупное капиталистическое хозяйство, которое только и способно развивать производительность труда, вытѣсняется мелкимъ, продовольственнымъ, которое не можетъ примѣнять „технику“.

„Чѣмъ ниже производительность земледѣльческаго труда, чѣмъ болѣе бѣдствуютъ крестьяне, тѣмъ это благопріятнѣе для побѣды продовольственныхъ хозяйствъ надъ хозяйствами капиталистическими“. (стр. 281).

Но мало того, что продовольственное хозяйство вытѣсняетъ капиталистическое. Благодаря общему паденію производительныхъ силъ, крестьянская масса и **внутри себя не разлагается** на „пролетаріевъ“ и „капиталистовъ“, а остается въ предѣлахъ „равенства бѣдности и нищеты“. Г. Масловъ опрокинулъ ортодоксальную теорію дифференціаціи вслѣдствія обнищанія, (которую такъ пропагандировалъ г. Ильинъ).

„Вѣдь легко сообразить и безъ теоретическаго анализа условій развитія производительныхъ силъ, что, когда нечего дѣлить, то никто ничего не получитъ; что разслоеніе крестьянства предполагаетъ процессъ накопленія у части крестьянскаго населенія, что, когда оно поголовно голодаетъ, то о накопленіи не можетъ быть и рѣчи: накопляться могутъ лишь крохи. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ экономисты, которые признаютъ особыя, предохраняющія отъ раззоренія свойства крестьянскихъ хозяйствъ, и многіе изъ тѣхъ экономистовъ, которые не признаютъ такихъ свойствъ, смотрятъ на обнищаніе населенія, какъ на благопріятныя условія для „разслоенія“ крестьянства (стр. 318). „Раззореніе населенія, паденіе его производительныхъ силъ, ведетъ къ **нивеллировкѣ** крестьянъ, къ ихъ экономическому равенству, къ уравнительному пользованію“ (стр. 491).

Такимъ образомъ, основные результаты паденія производительныхъ силъ—вытѣсненіе продовольственнымъ хозяйствомъ капиталистическаго и нивеллировка крестьянской массы.

Исключеній изъ этихъ общихъ результатовъ—два: мобилизація земли во всей Россіи и развитіе производительныхъ силъ на рѣдко населенныхъ окраинахъ. Главу о мобилизаціи земли онъ заканчиваетъ такимъ выводомъ. „Общіе итоги даютъ довольно поучительную картину перераспредѣленія различныхъ общественныхъ группъ, причемъ наиболѣе яркимъ фактомъ является общая, свойственная всѣмъ раіо-

намъ Европейской Россіи **замѣна крупныхъ собственниковъ дворянъ крупными и средними собственниками изъ другихъ сословій**" (стр. 235) **главнымъ образомъ** крестьянъ (Н О.)

Второе исключеніе касается окраинныхъ раіоновъ Но прежде всего надо опредѣлить, что такое г Масловъ понимаетъ подъ раіонами вообще.

Понятіе это у него еще болѣе смутное, чѣмъ понятіе производительныхъ силъ, т. к., не смотря на то, что во II-ой части онъ твердитъ о раіонахъ также часто, какъ въ I-ой, о „развитіи производительныхъ силъ"—онъ не попытался ни разу дать точное опредѣленіе понятію раіоновъ въ Россіи.

Въ своемъ изложеніи, онъ сопоставляетъ данныя только **трехъ** раіоновъ (изъ 13 раіоновъ Европейской Россіи): центрально-земледѣльческаго, московско-промышленнаго и Новороссіи. Центрально-земледѣльческій раіонъ обнимаетъ у него 8 губерній, отчасти центральныхъ, отчасти малороссійскихъ и средневолжскихъ (стр. 248). Въ этомъ именно раіонѣ авторъ наблюдаетъ наиболѣе сильное **паденіе** производительныхъ силъ.

Въ московскомъ раіонѣ, котораго онъ касается лишь вскользь, происходитъ, по его мнѣнію, скорѣе **развитіе** производительныхъ силъ. Такъ онъ находитъ, что „въ подмосковномъ раіонѣ возрасла интенсивность хозяйства" (стр. 153), а „развитіе внутренняго рынка, благодаря развитію промышленности, увеличиваетъ емкость территоріи не только по отношенію къ промышленному, но и земледѣльческому населенію". „Развитіе внутренняго рынка ведетъ къ повышенію цѣнъ на хлѣбъ; въ Москвѣ цѣны на хлѣбъ самыя высокія". (Стр. 220). Слѣдовательно, въ московскомъ раіонѣ имѣются существенныя предпосылки для развитія произ. силъ: развитіе индустріи, повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, прогрессъ сельскаго хозяйства. Поэтому отзывъ г. Маслова болѣе благосклоненъ: „въ промышленномъ раіонѣ произошло нѣкоторое развитіе производительныхъ силъ" (въ индустріи), что не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ и на земледѣліи этого раіона".

Въ третьемъ раіонѣ—Новороссіи происходитъ, по мнѣнію автора, несомнѣнное „развитіе производительныхъ силъ", заключающееся прежде всего, въ развитіи „техники". Благодаря рѣдкой населенности,— „техникѣ" есть гдѣ развернуться. Продовольственная рента смѣняется капиталистической; крупные крестьяне ведутъ на своихъ и арендованныхъ земляхъ товарное хозяйство, основанное на наемномъ трудѣ. Результатъ всего этого—**дифференціація** крестьянскихъ хозяйствъ,

т. к. **съ развитіемъ производительныхъ силъ дифференціація крестьянскихъ хозяйствъ усиливается**". (Стр. 295).

Вотъ, всѣ районы, болѣе или менѣе разсмотрѣнные авторомъ. Московскаго раіона онъ касается слегка и главное вниманіе сосредоточиваетъ на двухъ: центрально-земледѣльческомъ и новороссійскомъ. Первый раіонъ онъ всюду смѣшиваетъ со всей Россіей, какъ въ теоретической части онъ смѣшиваетъ въ однихъ и тѣхъ фразахъ производительныя силы и производительность труда (см. гл. IV, VII и X). Остальные раіоны Россіи затронуты имъ лишь въ попутныхъ фразахъ и цыфрахъ.

Вотъ сущность II-й части въ двухъ словахъ. Анализъ этой части будетъ также сравнительно коротокъ. Мы не будемъ напирать на логическое противорѣчіе, которое мы видимъ въ началѣ: на то, что кромѣ слабости „техники", низкихъ цѣнъ, малаго развитія индустріи и т. д., въ Россіи причиной паденія производительныхъ силъ является **экстенсивность системъ земледѣлія**. Здѣсь впервые авторъ начинаетъ натыкаться на ту мысль, что кромѣ **производительности труда** для сельск.-хоз. эволюціи необходимо развитіе **производительности земли**, что безъ второго условія производительныя силы будутъ падать, но эта мысль выражается въ бѣглыхъ случайныхъ фразахъ и авторъ, конечно, не постигаетъ того, что она противорѣчитъ всей его теоріи. Не будемъ и мы останавливаться на этомъ противорѣчіи, т. к. оно случайно. Но гораздо важнѣе противорѣчія автора безспорнымъ статистическимъ даннымъ, недоброкачественность и устарѣлость его собственныхъ матеріаловъ, и наконецъ, частью безсознательная, а частью и сознательная неправильность пріемовъ, которая, какъ мы сказали, совершенно обезцѣниваетъ его работу.

1) Начнемъ съ матеріаловъ. Авторъ почти не пользовался первоисточниками; главныя сочиненія, которыми онъ пользуется въ качествѣ матеріаловъ,*) г.г. Ильина, Постникова, Карышева и Вихляева, иначе сказать земская статистика 80-хъ и начала 90-хъ г.г. и военно-конскія переписи 1888—94—96 г.г. Къ нимъ относится тоже замѣчаніе, которое мы сдѣлали относительно сочиненія г. Ильина. Ни г. Ильинъ, ни г. Масловъ не обработали современныхъ данныхъ земской статистики (по 250 уѣздамъ статику и 73 уѣздамъ динамику) и военно-конскихъ переписей. (1899—903—04—06 г.г.). Также устарѣли и почти не подновлены авторомъ матеріалы по переселенію и мобилизаціи земли.

*) Если исключить спеціальныя главы о кустарныхъ промыслахъ и рабочихъ, матеріалъ которыхъ гораздо обширнѣе.

Но мало того, что авторъ не пользовался первоисточниками, что матеріалы его устарѣли и не подновлены, что было первой обязанностью г. Маслова, какъ и г. Ильина

Но къ г. Маслову мы должны предъявить добавочное обвиненіе—въ пользованіи недоброкачественнымъ матеріаломъ, каковымъ являются, напримѣръ труды Полѣновской коммиссіи, а для II-го тома—обработка г. Лосицкимъ данныхъ первой всеобщей переписи о „самодѣятельности населенія". На послѣдней работѣ авторъ строитъ единственную, хотя крайне краткую характеристику **всѣхъ** раіоновъ Россіи (ст. 96—97 II-го тома).

Труды Полѣновской коммиссіи были забракованы критикой тотчасъ же по выходѣ. Въ частности, самъ авторъ попадаетъ въ просакъ изъ за этихъ трудовъ. На стр. 210 онъ говоритъ, что сборы хлѣбовъ на душу за 1861—95 г.г. понизились **безъ картофеля** на 27%; а на слѣдующей страницѣ мы узнаемъ, что если къ зерновымъ хлѣбамъ прибавить картофель, то произойдетъ не **увеличеніе**, а **уменьшеніе** на 33%. Не объяснитъ ли г. Масловъ, какъ произошло такое чудо?

Что касается трудовъ первой всеобщей переписи, то всякому, слѣдившему за текущей литературой, должно быть извѣстно, что наша перепись совсѣмъ не годится для опредѣленія „самодѣятельнаго" (рабочаго) сельскаго населенія. Доказать это очень легко. Во всѣхъ профессіяхъ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ на 12.3 милліоновъ „самостоятельныхъ" т. е взрослыхъ работниковъ, перепись насчитываетъ 12,2 мил., „членовъ семей"; отношеніе самостоятельныхъ работниковъ къ не рабочимъ членамъ семей, такое, какое, приблизительно, считается нормальнымъ въ демографіи: **1:1**. Но въ сельско-хозяйственныхъ профессіяхъ по переписи на 12.3 мил. „самостоятельныхъ" приходится 56,7 мил. „членовъ семей", т. е. здѣсь тоже отношеніе равно **1:5**. Очевидная нелѣпость этихъ цыфръ, давно указанная въ литературѣ, объясняется тѣмъ, что казенная статистика въ сельскомъ быту считала „самостоятельными" однихъ **домохозяевъ**, а не всѣхъ работниковъ, вслѣдствіе чего и получилось, что на одного „самостоятельнаго" пришлось 5 „членовъ семьи".

Такая нелѣпость не смутила г. Лосицкаго, а черезъ него и г. Маслова. Итакъ авторъ пользовался частью устарѣлымъ, частью недоброкачественнымъ матеріаломъ.

Второй недостатокъ—незнакомство автора со статистическими методами и происходящія отсюда неправильности въ пріемахъ. Ихъ много, но мы укажемъ на три главныхъ.

А) На стр. 207 авторъ сравниваетъ данныя о распредѣленіи угодій въ Германіи и Россіи. У него получается

что въ Европейской Россіи подъ пашней 26,2% **всей** земли, въ Германіи—48,8%. Авторъ не сообразилъ, что надо выкинуть изъ учета угодій всѣ неудобныя земли, (горы, болота, часть лѣсовъ, пески и тундры и т. п.) Въ Германіи неудобныхъ земель—7,7%, въ Европейской Россіи—19,1%, въ 2½ раза больше; если выкинуть ихъ, то % пашни въ Россіи, по даннымъ, приведеннымъ г Масловымъ, долженъ подняться до 32,4%. Но и это невѣрно. Авторъ пользуется **данными объ общемъ распредѣленія угодій**, для опредѣленія группировки ихъ на **крестьянской землѣ**. Между тѣмъ у крестьянъ въ Россіи % пашни равенъ 60,5% по даннымъ 1887 г. (позднѣйшихъ нѣтъ). Незнакомство съ матеріалами и незнакомство съ пріемами приводятъ автора къ ложному выводу о крестьянахъ. Онъ говоритъ „бросается въ глаза чрезвычайно низкій процентъ площади посѣва къ общей площади земли, находящейся у крестьянъ“ (стр. 206). А людямъ, мало мальски знакомымъ съ крестьянскимъ земледѣліемъ „бросается въ глаза“ **перепаханность** крестьянскихъ земель. Глаза то бываютъ разные, г. Масловъ!

Б) Но это еще пустякъ. Вторая неправильность гораздо важнѣе. Она касается все того-же жгучаго вопроса о **дифференціаціи**, который такъ своеобразно былъ рѣшенъ г. Ильинымъ. И г. Масловъ спотыкается на этомъ терминѣ, хотя и не дѣлаетъ такой грубѣйшей ошибки, какъ г. Ильинъ. Онъ понимаетъ, что „дифференціація“, есть **процессъ** разложенія. Пользуясь устарѣлыми данными 1891—96 г г. (по Вихляеву) онъ утверждаетъ, что въ Новороссіи за эти года произошла „дифференціація“ Тѣ цыфры, которыя онъ приводитъ въ своемъ сочиненіи (стр. 295) не говорятъ намъ ни за, ни противъ „дифференціаціи“ Вотъ онѣ:

Число рабочихъ лошадей;

Въ хозяйствахъ	1891 г.	1896 г.	Измѣненія въ %
Съ 1 л.	104.897	103.702	—1,1.
„ 2 „	471.736	585.414	—24,1.
„ 3 „	99.045	125.658	+26,1.
„ 4 „	137.424	194.428	+41,5.
„ 5 „	44.345	64 515	+44,7
„ 6 „	81.459	109.676	+34,7
	938.906	1.183 033	+26.10.

Эти цыфры надо бы было превратить въ % отношенія и тогда лишь можно сравнить неоднородность 1891 г. съ неоднородностью 1896 г. Но авторъ этого не сдѣлалъ. Въ такомъ же видѣ онѣ годятся лишь для указанія, какая группа пріобрѣла больше лошадей. Авторъ думаетъ, что

„значительный прирость"... лошадей въ Новороссіи за эти 5 лѣтъ „выпалъ на долю **многолошадныхъ** группъ". А мы думаемъ, что на долю **среднихъ**—съ 2 и 3 лошадьми, которые прибавили себѣ по этимъ цыфрамъ 140.391 лошадь, а 4-хъ и болѣе лошадные 105.391, т. е. на 35 тысячъ менѣе. Но это не важно. Важно то, была ли въ Новороссіи въ эти года „дифференціація" ибо это единственное доказательство автора въ его новой идеѣ, что дифференціація происходитъ не вслѣдствіе раззоренія, а вслѣдствіе „развитія производительныхъ силъ" Посмотримъ, что говорятъ по этому поводу первоисточники.

% дворовъ въ Новороссіи (по раб лош.)

	Безлош	съ 1 л	2 л.	3 л	4 л. и бол	Сред. число лош. на 1 д.
Въ 1891 г.	46,7	13,1	29,5	4,0	6,7	1,17
„ 1896 „	41,6	11,8	33,2	4,8	8,6	1,34
Изм слоев %	—10,8	—9,9	+12,6	+20,0	+28,3	+14,5

Процентъ лошадей (рабочихъ):

Въ 1891 г.	11,2	50,2	10,6	28,0
„ 1896 „	8,8	49,2	10,7	31,3
Измѣн. слоев. %	—21,4	—2,0	+0,9	+11,7

Въ 1891 г во время холеры и голода крестьяне растеряли много лошадей. Въ 1896 г., послѣ двухъ урожайныхъ годовъ (1893—99 г.г.) они не только возстановили свои потери, но и пріобрѣли кое-что заново.

Общее количество лошадей увеличилось на 259 тыс., **а средняя обезпеченность двора лошадьми поднялась на 14,5%.** Вспомнимъ, что говоритъ г. Черненковъ на счетъ средней обезпеченности: механическая **односторонняя подвижка вверхъ** или **внизъ** зависитъ отъ **средней обезпеченности.** Если эта послѣдняя понижается—происходитъ механическая **подвижка внизъ** (а не нивеллировка); если повышается—подвижка **вверхъ** (а не дифференціація). Здѣсь средняя обезпеченность повысилась; поэтому произошла **механическая односторонняя подвижка вверхъ,** а не **двусторонняя дифференціація.**

Какъ то странно объяснять такія вещи послѣ уроковъ методологіи, которыя далъ г. Черненковъ (см. стр. 124—6). Но приходится объяснять, потому что изъ за непониманія такихъ элементарнѣйшихъ истинъ статистики, г. Ильинъ, г Масловъ и пр. вносятъ въ умы „учениковъ" невообразимую путаницу. Объяснимъ разъ навсегда ту терминологію, которой мы будемъ пользоваться во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи для опредѣленія процессовъ, происходящихъ въ крестьянской массѣ.

Логически мыслимы 4 главныхъ вида процессовъ, получающіеся при сравненіи крестьянской неоднородности въ два періода времени.

1) Если нижніе слои (въ данномъ примѣрѣ—безлошадные и однолошадные) во второмъ періодѣ **увеличились** въ то время, какъ верхніе **уменьшились**, то этотъ процессъ, по удачной терминологіи г. Черненкова, называется **общей подвижкой внизъ**.

Примѣръ: 23 губ. центральной Россіи (взять у г. Вихляева).

	Безлошад	съ 1 л.	2 л.	3 л.	4 и бол.
1888 г.	21,6	44,2	23,2	7,3	3,7
1893, 4 гг.	26,9	46,7	19,5	4,9	2,0

2) Если произошелъ обратный процессъ—уменьшеніе **нижнихъ** слоевъ (безлошадныхъ и однолошадныхъ) и увеличеніе **верхнихъ** (съ 4 и бол. лошадьми)—этотъ процессъ называется **подвижной вверхъ**. Примѣръ см. только что приведенныя данныя о Новороссіи.

Эти два процесса обозначаютъ **механическое перемѣщеніе слоевъ, зависящее отъ измѣненія въ общемъ уровнѣ благосостоянія крестьянской массы**. Подвижка внизъ есть чисто механическій результатъ **общаго раззоренія массы** (пониженія уровня средней обезпеченности). Число крестьянъ, впавшихъ въ бѣдность увеличивается, число зажиточныхъ уменьшается. Въ Европейской Россіи, кромѣ Новороссіи, первыя военно—конскія переписи были въ періодъ 1888—93 гг. (см. первый примѣръ). Ими—то, по обработкѣ г Вихляева, воспользовался г. Масловъ, рѣшившій, что въ Европейской Россіи произошла **нивеллировка вслѣдствіе раззоренія**. Перепись 1893 г. застала крестьянство глубоко раззореннымъ послѣ голодовокъ 1891—2 гг. Отсюда **общая подвижна внизъ**, характеризуемая данными г. Вихляева. Наоборотъ, въ Новороссіи, благодаря тому, что повторная перепись была въ 1896 г. послѣ небывалыхъ урожаевъ, уровень общаго благосостоянія повысился, сократилось число безлошадныхъ и однолошадныхъ и увеличилось число многолошадныхъ дворовъ т е. произошла **общая подвижна вверхъ**.

Въ той же Новороссіи въ 1903—4 г, была **третья** военно-конская перепись: она обнаружила, что средняя обезпеченность двора лошадьми слегка упала съ 1,34 до 1,27 т. е. на 5,1%. Это паденіе чисто **механически** должно было отразиться на крестьянской неоднородности, въ видѣ общей **подвижки внизъ**. Такъ и произошло.

	% дворов.				
	Безлош.	съ 1 л.	2 л.	3 л.	4 и бол.
Въ 1896 г.	41,6	11,8	33,2	4,8	8,6
1903—4 г.	43,8	13,0	33,7	4,4	5,2
% измѣн.					
кажд. слоя	+ 5,3	+ 10,3	+ 1,5	— 8,3	— 39,5

Подвижки вверхъ и внизъ, которымъ г. Масловъ придалъ неправильное наименованіе „дифференціаціи“ и „нивеллировки“—являются **механическими** отраженіями **общихъ измѣненій** въ благосостояніи населенія и ни о дифференціаціи, ни о нивеллировкѣ его не даютъ никакого понятія. Между тѣмъ г. Масловъ, взявши въ основу своихъ разсужденій военно-конскія переписи 1888—93 и 1891—96 гг. рѣшилъ, что въ центральной Россіи происходитъ **нивеллировка вслѣдствіе паденія производительныхъ силъ, а въ Новороссіи дифференціація вслѣдствіе ихъ развитія**. Отсюда его выводъ, который проводится г. Масловымъ **во всей книгѣ**.

„Во всей книгѣ (говоритъ онъ самъ) проводится мысль, что разложеніе крестьянства происходитъ при развитіи его производительныхъ силъ, что тамъ, гдѣ **оно раззоряется, происходитъ нивеллировка**, что тамъ, гдѣ оно обогащается, происходитъ разслоеніе на буржуазію и пролетаріатъ“ (стр. 490).

Нельзя было яснѣе подписать свой собственный приговоръ; если это—основная мысль **всей книги**, то вздумай статистики военно—конской переписи произвести ее въ Новороссіи послѣ голоднаго года (въ 1893 г.) а въ центральной Россіи—въ 1896 г—отъ книги автора ничего бы не осталось

3) Третій типъ процессовъ—самая настоящая **нивеллировка** т. е. сокращеніе **крайнихъ** (верхнихъ и нижнихъ) слоевъ и увеличеніе за ихъ счетъ **среднихъ**. Примѣръ мы нашли по военно-конскимъ переписямъ 3-хъ губерній (1893—1900 гг.): Полтавской, Оренбургской и Самарской, гдѣ за это время средняя обезпеченность лошадьми слегка **повысилась**.

	% лошадей.			
	у однолош.	съ 2 л.	съ 3 л.	съ 4 и бол.
I-ая перепъ.	— 29,2	24,2	13,0	33,6
II-ая перепъ.	— 28,9	26,0	13,7	31,4
% измѣн.				
кажд. слоя	—1,0	+7,4	+5,4	—6,5

Если статистика констатируетъ существованіе этого процесса—тѣмъ самымъ она указываетъ, что средства производства распредѣляются массами болѣе **уравнительно**. Какъ увидимъ дальше, этотъ процессъ происходитъ при общемъ

разоренiи (въ средніе вѣка въ Европѣ) и при общемъ подъемѣ благосостоянія населенія (настоящее время въ Европѣ) т. е онъ въ значительной мѣрѣ **независимъ отъ измѣненій въ уровнѣ благосостоянія** и зависитъ совершенно отъ другихъ факторовъ (сгущеніе земледѣльческаго населенія).

4) Наконецъ, четвертый процессъ **дифференціація**—только одинъ можетъ характеризировать „капитализацію—пролетаризацію" населенія въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова. Онъ заключается въ томъ, что и верхніе и нижніе слои увеличиваются за счетъ средняго. Крестьянство раскалывается на два антагонистическихъ „полярно-противоположныхъ" класса Только въ томъ случаѣ, если безпристрастныя и достовѣрныя цифры, какъ единственный точный инструментъ для наблюденія у экономистовъ, указали бы на существованіе такого процесса въ Россіи и **не между различными раіонами** а внутри одной и тои же мѣстности, только тогда ортодоксальный марксизмъ могъ бы торжествовать полную побѣду.

Къ сожалѣнію, военно-конскія переписи по нашимъ матеріаламъ нигдѣ не даютъ дифференціаціи Изъ 43 губерніи по этимъ переписямъ, 38 уѣздовъ по земскимъ, 72 волостей и 36 поселковъ, по которымъ у насъ были данныя динамики по рабочему скоту, дифференціація оказалась только въ 2-хъ поселкахъ и въ 2-хъ волостяхъ, да по Роменскому уѣзду Полтавской губ. *) цыфры котораго, впрочемъ подозрительны, но для примѣра годятся.

	% измѣненій каждаго слоя.			
Без. рабоч. ск.	Съ 1 г.	съ 2-3 г	4,6 г	7 и бол.
+9,4	—2,0	—0,3	—18,4	+16,6

Итакъ, г Масловъ, не разобравшись ни въ терминологіи, ни въ тѣхъ матеріалахъ, которыми онъ пользовался, во 1-хъ) возвелъ случайныя явленія, какъ переписи послѣ голодныхъ и послѣ урожайныхъ годовъ въ почетное званіе всеобщихъ законовъ „дифференціаціи" и „нивеллировки".

Во 2-хъ) не имѣлъ никакого права примѣнять эти благозвучные термины къ тѣмъ процессамъ, которые онъ видѣлъ передъ собой, а долженъ былъ назвать ихъ по г. Черненкову менѣе благозвучными, но за то правильными терминами „подвижки вверхъ", „подвижки внизъ". А такъ какъ эти подвижки **ничего для экономиста** кромѣ общаго

*) Заимствованы у г. Румянцева Дифференціація есть лишь **въ общемъ итогѣ** по уѣзду—по отдѣльнымъ сословіямъ—казакамъ и крестьянамъ дифференціаціи нѣтъ Нѣтъ ея и во всей Полтавской губерніи.

подъема и паденія благосостоянія не обозначаютъ, то г. Масловъ „во всей книгѣ“ проводилъ мысль, построенную только на собственномъ незнаніи статистической методологіи.

13) Третья методологическая неправильность тоже важна, такъ какъ она касается вопроса о мобилизаціи земли. Но если первыя ошибки явились результатомъ **незнанія**, то это послѣдняя неправильность едва ли не сдѣлана „со злымъ умысломъ“. Дѣло въ слѣдующемъ. Авторъ убѣжденъ, что мобилизація земли идетъ въ сторону крестьянскихъ „капиталистовъ“. „Новѣйшія данныя подтверждаютъ тотъ выводъ (который основанъ на старыхъ данныхъ), что **происходитъ** процессъ **дифференціаціи** крестьянъ при посредствѣ покупки земли изъ рукъ помѣщиковъ въ руки крестьянства, что чѣмъ больше переходитъ къ крестьянамъ помѣщичьихъ земель, тѣмъ дальше идетъ и дифференціація крестьянъ“ (стр. 234) Этотъ выводъ важенъ потому, что на немъ въ сильной мѣрѣ основанъ главный тезисъ II-го тома автора: „стремленіе послѣ общественнаго движенія 1905—7 г. къ образованію крѣпкаго крестьянскаго капиталистическаго хозяйства“. (II 457)

Возражая намъ по этому поводу, авторъ доказываетъ правильность своего вывода такими „фактами“.

„Къ началу текущаго столѣтія (къ 1900) въ руки **частныхъ** покупщиковъ крестьянъ отъ дворянства и другихъ классовъ перешло огромное количество въ 19,803,4 тыс. десятинъ земли, при чемъ въ 1877 г. ея было у крестьянъ въ **личной** собственности только 8574,5 тыс. десятинъ. Слѣдовательно, за 23 года крестьянское **единоличное** владѣніе увеличилось почти на 11 млн. дес. Но если разсмотрѣть покупки крестьянъ по размѣрамъ владѣнія, то мы увидимъ, что изъ 100 дес. земли, купленной крестьянами, **единолично** приходится на покупки

Мелкія	Среднія	Крупныя	Самыя крупныя
(До 5 дес.)	5—25	25—100	(св. 100)
2,7%	14,8%	22,6%	59,9%

Большая публика, не знакомая съ терминами, врядъ ли пойметъ тотъ фокусъ, который продѣлалъ здѣсь г. Масловъ А фокусъ очень простъ. Просимъ обратить вниманіе на подчеркнутыя нами слова: **частные, личные и единоличные** покупщики

Въ началѣ фразы фигурируютъ частные покупщики, подъ которыми въ литературѣ подразумѣваются вообще **всѣ** крестьяне, покупающіе землю **единолично, обществами и то-**

вариществами. О нихъ авторъ говоритъ, что они купили около 20 мил. дес.

Совершенно вѣрно: но затѣмъ онъ прячетъ въ карманъ товарищескія и общественныя покупки, подмѣняетъ терминъ „частныя“ сначала терминомъ личныя, а затѣмъ **единоличныя**. Этотъ фокусъ въ карточной игрѣ называется передергиваніемъ. Не употребляя такого грубаго эпитета, мы все же должны замѣтить автору, что этотъ пріемъ недостоинъ человѣка, претендующаго на званіе ученаго.

Спрятавши въ карманъ товарищескія и общественныя покупки, онъ спряталъ ни много, ни мало, какъ двѣ трети купчихъ крестьянскихъ земель.

Въ 1900 г. было у крестьянъ.

Купленныхъ	единолично	4856,6 тыс дес. .	. 33,3%
—	товариществ.	7.858,6 — —	. . 53,8%
—	обществами	1875,6 — —	. 12,9%
		Всего 14592,8 *)	

Продѣлавъ свой фокусъ, авторъ торжествуетъ „Г. Огановскому угодно это называть „побѣдой **трудового** крестьянства“ и онъ, конечно, вправѣ называть крестьянъ, покупавшихъ болѣе 25 и болѣе 100 дес. даже пролетаріями, но нужно точнѣе опредѣлить, сколько нужно земли, чтобы попасть изъ „трудовыхъ“ крестьянъ въ разрядъ „буржуа„ (ст. 490) **).

Мы считаемъ **по общему масштабу** (а не спеціально крестьянскому) въ Россіи трудовымъ—хозяйство до 50 дес среднимъ (мелко капиталистическимъ) отъ 50 до 200 дес. и крупнымъ свыше этой цифры. Такимъ образомъ, изъ **единоличныхъ** покупокъ трудовыми можно признать minimum, покупки до 25 дес.; покупки обществами и товариществами даже самъ авторъ долженъ отнести къ разряду трудовыхъ, т. к. вмѣстѣ съ надѣльной землей по его же цифрамъ на дворъ приходилось у обществъ 6, 5 дес. у тов-въ 13, 9 дес. (стр. 234). Суммируя единоличныя покупки до 25 дес. съ общественными и товарищескими, получаемъ что къ 1900 г. было.

Въ рукахъ	у трудового крест. хозяйст.	10594,3	72,5
	средняго (мелко буржуазнаго)	1098,0	7,5
	крупнаго	2910,0	20,0

Итакъ три четверти крестьянскихъ покупокъ къ 1900 г. принадлежали именно трудовому крестьянству.

*) См, обзоръ дѣят. крестьянс. банка за 1904 г.

**) Совѣтуемъ г. Маслову, „точнѣе опредѣлить“, но невѣдомо и не сознательно продѣлалъ онъ указанный нами фокусъ.

Новѣйшія данныя (см. статистика землевладѣнія 1905 г). указываютъ, что изъ 25.229,7 тыс. десятинъ купчихъ земель, принадлежащихъ сейчасъ крестьянамъ (а также мѣщанскимъ обществамъ и товариществамъ, которые по размѣрамъ земледѣлія слѣдуетъ причислить къ трудовому крестьянскому хозяйству—633 тыс. десятинъ) 15154,3 тыс. или 60% составляютъ собственность обществъ, товариществъ и единоличныхъ крестьянъ съ участками до 30 дес. т. е. находятся во владѣніи **трудового** крестьянства; **среднимъ** (мелко—буржуазнымъ до 200 дес.) владѣльцамъ принадлежитъ 4390,3 тыс. дес или 17,4%; крупно капиталистическимъ (св. 200 дес.)—5685,1 т дес. или 22,6%. Послѣдній разрядъ—крестьяне только по имени, а на самомъ дѣлѣ это **купцы**, главная цѣль которыхъ до 1905 г. была **перепродажа** имѣній. Эти 5685 тыс. дес. находятся въ рукахъ 9688 владѣльцевъ; средній размѣръ одного владѣнія составляетъ 587 дес. Онъ выше дворянскаго и равенъ **купеческому**. Насколько развита перепродажа имѣній вообще у **единоличныхъ** владѣльцевъ изъ крестьянъ видно изъ того, что за 1863—99 гг. было.

Куплено	Продано	% проданной земли къ куплен.
Единолично 11.910,9	7052,4	59,2
Товарищест 8995,7	1137,0	12,6
Обществ. 2184,4	309,8	14,2

Ясно, что крупные владѣльцы изъ „крестьянъ“, такіе же земельные маклера, какъ и купцы. Къ этому разряду землевладѣльцевъ ихъ и слѣдуетъ причислить. Г. Масловъ могъ бы сообразить, что покупки въ 500 и 1 тыс. десятинъ не по силамъ даже „хозяйственному“ мужичку.

Сбрасывая ихъ со счетовъ, получаемъ, что изъ 19.545 тыс. десятинъ 15154,3 тыс. или 77,5% купчихъ земель принадлежатъ трудовому крестьянству, 22,5% мелко капиталистическому.

Вотъ послѣдній, наиболѣе точный учетъ той „дифференціаціи“, которую, по словамъ г. Маслова, вноситъ покупка частныхъ земель въ крестьянскую среду.

В) Таковы методологическія неправильности автора. Для того, чтобы покончить съ этой частью его труда, укажемъ еще на двѣ **фактическія** неправильности.

I) Для паденія производительныхъ силъ, по его мнѣнію, необходимо, между прочимъ, **паденіе цѣнъ на хлѣбъ**. Въ Россіи съ 1886 г. мы наблюдаемъ скорѣе **повышеніе**. По даннымъ М—ва земледѣлія (сводъ стат. свѣд. по сельск хоз. т. II) цѣны на хлѣбъ были по 50 губ.

	1881—5 гг	86—90 гг.	91—95 гг.	96—900 г.
Яров. пш.	81	77	77	80
Овесъ	58	46	51	53
Рожь	79	56	70	66

Цѣны понизились послѣ 1885 г.; но съ 1886 г. онѣ слегка поднимаются вверхъ и въ послѣднемъ пятилѣтіи выше предыдущаго (кромѣ ржи) не смотря на то, что въ 1891—5 г. было два голодныхъ года съ крайне высокими цѣнами.

Но еще важнѣе тотъ фактъ, что и въ центральномъ районѣ и въ Новороссіи колебанія цѣнъ **одинаковы**.

	81—85 гг.	86—90 г.	91—95 г	96—900 г.
		Центр. земледѣл. районъ		
Рожь	69	43	64	51
Яр. пшен.	76	75	75	77
Овесъ	51	37	48	50
		Новороссія.		
Рожь	69	49	56	58
Яр. пшен.	81	81	66	81
Овесъ	55	47	50	53

Въ Новороссіи паденіе цѣнъ на главный хлѣбъ—пшеницу произошло именно въ 1891—95 гг., послѣ которыхъ была произведена вторая военно-конская перепись, констатировавшая, по словамъ автора, „развитіе производительныхъ силъ“ и „дифференціацію“ Благодаря паденію цѣнъ, не могла вѣдь развиваться и капиталистическая рента, т. е., этотъ фактъ противорѣчитъ всѣмъ теоретическимъ построеніямъ автора.

II) Но самый главный фактическій недостатокъ II-ой части—крайне смутное представленіе о районахъ Россіи. Мы уже указывали, что изъ 13 районовъ Европейской Россіи авторъ сосредоточилъ свое вниманіе только на двухъ: центрально-земледѣльческомъ и Новороссійскомъ. Безъ всякихъ доказательствъ онъ отождествляетъ центральный районъ со всей Россіей. Это тяжкій грѣхъ автора передъ публикой. Въ Россіи понятіе о районахъ существуетъ по крайней мѣрѣ 150 лѣтъ (а то и болѣе). Но до сихъ поръ широкая публика почти совсѣмъ съ ними не знакома. Отождествленіе центральнаго района со всей Россіей показываетъ, что и у самого автора о районахъ крайне смутное представленіе. Это не удивительно Г. Масловъ, какъ мы говорили, почти не знакомъ съ первоисточниками, а обобщающихъ и болѣе популярныхъ работъ по районамъ нѣтъ

Въ частности, почти изумительно игнорированіе крайняго **запада** Россіи, гдѣ индустрія болѣе развита, гдѣ горо-

да поглотили большую часть населенія, гдѣ и „техника“ и „культура“ сельскаго хозяйства стоятъ выше, чѣмъ во всѣхъ другихъ раіонахъ. Мы говоримъ о Царствѣ Польскомъ, гдѣ по всѣмъ теоретическимъ предпосылкамъ автора должно происходить „развитіе производительныхъ силъ“, а слѣдовательно и „дифференціація“. Игнорируетъ авторъ и другіе западные раіоны: Прибалтійскій, Пріозерный, Бѣлорусскій, Литовскій и Юго-западный, т. е. всего 26 западныхъ губерній; не коснулся онъ и сѣвера и Сибири, Крыма, Бессарабіи, Кавказа, Туркестана, Киргизскихъ степей. Почти не говоритъ о сѣверо-восточномъ (пріуральскомъ) раіонѣ; не ясно себѣ представляетъ экономическое положеніе юго-восточнаго р. и промышленнаго центра. Словомъ, какъ будто вся Россія сосредоточилась въ нашемъ „оскудѣвшемъ“ центрѣ и въ Новороссіи. А между тѣмъ, стоило ему копнуть богатый цифровой матеріалъ хотя бы Царства Польскаго, онъ бы увидалъ, что его теорія „дифференціаціи“ вслѣдствіе „развитія производительныхъ силъ“ никуда не годится. Въ Ц. Польскомъ и „техника“ и „культура“ стоятъ высоко. Нигдѣ нѣтъ такого отлива населенія въ индустрію; изстари царитъ „священный“ принципъ частной земельной собственности. И тѣмъ не менѣе безпристрастныя цифры даютъ намъ такое указаніе.

	% дворовъ владѣющихъ		
	До $1^1/_2$ дес.	$1^1/_2$—$7^1/_2$	св $7^1/_2$ д.
Въ 1870 г.	21,8	40,6	37,6
1904 г.	16,2	65,0	18,8

За 34 года произошла глубокая **нивеллировка** слоевъ; чѣмъ дальше растетъ техническое и культурное развитіе польскаго крестьянства, тѣмъ болѣе внутри него крѣпнетъ сила и значеніе **среднихъ** слоевъ. По 1894 г. крестьяне купили у помѣщиковъ 918 тыс. дес., что составляетъ 20% ихъ надѣловъ; и купленные участки распредѣлялись по размѣрамъ такъ.

	До $1^1/_2$ дес.	$1^1/_2$—$7^1/_2$	$7^1/_2$—10	10—15	св 15 дес.
% владѣн.	16,6	67,8	7,0	4,9	3,7

Итакъ „развитіе производительныхъ силъ“ на этой окраинѣ ведетъ къ **нивеллировкѣ**, которая имѣется на лицо и у ея сосѣдки—Германіи. Авторъ забылъ про нее также, какъ и про западъ Россіи. Если въ Россіи происходило разореніе населенія, то въ Германіи, наоборотъ, крестьянство обогащалось и производительныя силы съ невѣроятной быстротой развивались по всѣмъ направленіямъ. Тѣмъ не менѣе въ Германіи больше всего въ земледѣліи выиграли **средніе** трудовые слои крестьянской массы (5—20 гектаровъ).

Изъ этихъ бьющихъ въ глаза фактовъ ясно, насколько авторъ поторопился со своей теоріей „дифференціаціи", вслѣдствіе подъема благосостоянія населенія. Безъ всякихъ, не только фактическихъ, но и логическихъ основаній, онъ смѣшалъ свою теорію „развитія производительныхъ силъ" теорію все-таки довольно стройную съ теоріей дифференціаціи вслѣдствіе обогащенія, уничтоживъ однимъ взмахомъ пера старую ортодоксальную теорію дифференціаціи вслѣдствіе обнищанія. Но ни та, ни другая теорія не выдерживаютъ напора жизненныхъ фактовъ, ибо ни **дифференціація, ни нивеллировка не зависятъ отъ уровня благосостоянія массъ**; отчего онѣ зависятъ, читатель узнаетъ, когда мы перейдемъ къ положительной части нашего труда. Теперь же мы считаемъ нашъ анализъ г. Маслова законченнымъ.)

Итакъ вторая часть его труда, касающаяся Россіи, является весьма малоцѣнной.

1) потому что авторъ пользовался устарѣлымъ и частью недоброкачественнымъ матеріаломъ

2) потому что для доказательства основныхъ положеній II-й части—„дифференціаціи" вслѣдствіе обогащенія и „дифференціаціи" вслѣдствіе мобилизаціи земли авторъ употребилъ завѣдомо неправильные статистическіе пріемы

и 3) потому что, взявши на себя анализъ экономическаго положенія сельско-хозяйственнаго населенія въ различныхъ раіонахъ Россіи, онъ остановился только на десятой части этихъ раіоновъ и свои выводы обобщилъ на всю Россію.

Теоретическая часть произведенія г. Маслова довольно стройна, логически сравнительно обоснована: часть, касающаяся Россіи—полна противорѣчій и представляетъ изъ себя рядъ мало связанныхъ между собой отдѣльныхъ главъ.

Но ни теоретическая часть, ни фактическая (о Россіи) не могутъ дать отвѣта на вопросъ: въ чемъ сущность аграрной эволюціи.

Г. Масловъ, какъ мы уже говорили, только поставилъ этотъ вопросъ, но не далъ мало мальски пріемлемаго рѣшенія.

Г. Ильинъ даже и не думалъ его ставить. Посмотримъ, рѣшилъ ли его новѣйшій теоретикъ аграрнаго марксизма—г. Лященко.

---

*) Есть еще одинъ крупный фактическій дефектъ на счетъ „техники" Объ этомъ дефектѣ см. нашу статью въ I томѣ „Борьба за землю".

Глава III.

Теорія развитія денежно-торговаго капитала г Лященко.

§ 1 Изложеніе теоріи.

Недавно появившійся въ печати трудъ г. Лященко „очерки аграрной эволюціи Россіи", какъ мы уже говорили, заслуживаетъ вниманія потому, что въ немъ мы видимъ первую попытку со стороны изслѣдователей марксистскаго лагеря стать на **эволюціонную** точку зрѣнія. Г. Ильинъ совершенно не затронулъ ни процессовъ эволюціи сельскохозяйственнаго **производства**, ни процессовъ эволюціи **распредѣленія** средствъ производства Г. Масловъ, хотя и говоритъ все время объ эволюціи, но во 1-хъ) совсѣмъ не касается эпохи т. называемаго „натуральнаго" хозяйства, во 2-хъ) въ теоретической части выводитъ законы „развитія производительныхъ силъ" не изъ анализа исторически сложившихся земельныхъ и сельско-хозяйственныхъ отношеній, а изъ своего пониманія **структуры** с.-хоз. производства (дѣленіе ея на „технику" и „культуру") и въ 3-хъ) относительно Россіи беретъ лишь послѣдній періодъ—послѣ 60-хъ гг. Вотъ почему его никакъ нельзя считать эволюціонистомъ.

Между тѣмъ, великій „учитель" К. Марксъ стоялъ на **эволюціонной** точкѣ зрѣнія, перешедшей въ экономику изъ естествознанія со временъ Дарвина. Но эволюціонный методъ изслѣдованія примѣненъ былъ имъ лишь въ сферѣ обрабатывающей промышленности и притомъ онъ захватилъ только небольшой уголъ исторіи индустріи. Зомбартъ заполнилъ этотъ пробѣлъ, давши полную, всестороннюю картину развитія индустріи, начиная со среднихъ вѣковъ (см. „современный капитализмъ").

Но въ области **сельскаго хозяйства** ни на западѣ, ни у насъ не имѣется подобныхъ трудовъ. Экономія сельскаго хозяйства уже сдвинулась съ мертвой точки—съ отождествленія ея съ индустріей, но находится пока въ періодѣ первичной стадіи образованія, такъ сказать, въ періодѣ почкованія. Она лишь выдѣляется, почкуется изъ экономіи индустріи и изъ политической экономіи, сложившейся, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ законовъ этой послѣдней.

Послѣ работы Давида можно считать періодъ первичнаго образованія с.-хоз. экономіи, какъ самостоятельной дис-

циплины, законченнымъ и пора новой научной дисциплины зажить своей собственной жизнью, пойти своей собственной дорогой. И вотъ, чтобы отыскать эту дорогу, **необходимо стать на эволюціонную точку зрѣнія**, т. е. установить путемъ историческаго анализа законы развитія сельско-хозяйственнаго производства и земельныхъ отношеній (эволюцію **распредѣленія**). Первый шагъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ г. Лященко.

Г. Лященко считаетъ одно замѣчаніе Каутскаго, которымъ „изъ чистой теоріи, изъ догмы вопросъ переносится на **историческую почву**“ совершенно правильнымъ. Но какъ марксистъ, г. Лященко подъ „теоріей эволюціи сельскаго хозяйства“ понимаетъ не перенесенное на историческую почву изученіе развитія с.-хоз. производства, не анализъ исторически сложившихся земельныхъ отношеній, а область спеціально **капиталистическихъ** отношеній въ земледѣліи. Бросивъ въ самомъ началѣ бѣглую фразу о старыхъ, и хотя въ сущности не доказанныхъ, но встрѣчающихся во всѣхъ учебникахъ трюизмовъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ изъ „факторовъ производства“ природа имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ промышленности, что с.-хоз. примѣняетъ гораздо больше живого труда, что въ немъ преобладаетъ оборотный капиталъ, что мелкое производство болѣе устойчиво и т. д.“—г. Лященко на всемъ протяженіи толстаго тома своего сочиненія совершенно игнорируетъ эти вопросы.

Такимъ образомъ, авторъ подходитъ къ своей задачѣ совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ его предшественники. Ни **распредѣленіе** (г. Ильинъ), ни **производство** (г. Масловъ) въ сельскомъ хозяйствѣ его не интересуютъ: это—не стоющіе вниманія „трюизмы“. Все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на одной изъ чисто **внѣшнихъ** сторонъ сельскаго хозяйства—на **обмѣнѣ**. Такую постановку изслѣдованія онъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ.

„Развитіе капиталистическихъ отношеній, господство капитала и капиталистическихъ принциповъ вообще никогда не начинается съ подчиненія имъ **непосредственно** и **сразу** сферы производства: производительному капиталу въ общей экономической эволюціи **всегда предшествуетъ торговый капиталъ, экономическому производству—капиталистически организованный обмѣнъ**.

Поэтому, чтобы прослѣдить образованіе современныхъ формъ сельскаго хозяйства, недостаточно взять на разсмотрѣніе только процессъ развитія капиталистическаго **производства**—это будетъ уже **завершеніемъ** развитія капитализма,—но необходимо разсмотрѣть зарожденіе въ сельскомъ

хозяйствѣ болѣе раннихъ феноменовъ капитализма. Имп будутъ прежде всего: экспропріація сельскаго населенія, разрушеніе натуральнаго сельско-хозяйственнаго строя, возникновеніе сельско-хозяйственнаго рынка и образованіе на развалинахъ натуральнаго сельско-хозяйственнаго строя **торговаго капитала. Только послѣ разцвѣта капиталистическихъ отношеній въ области с.-хоз. обмѣна начинается и капитализація с.-хоз. производства**" (стр. 8). Теорія г Лященко сложившаяся, кстати сказать, подъ сильнымъ вліяніемъ идеи Зомбарта, вполнѣ ясна изъ этой цитаты. Вопросъ о томъ— развиваются или нѣтъ „капиталистическія отношенія" въ сельскомъ хозяйствѣ, для него рѣшенъ безповоротно въ утвердительномъ смыслѣ. Но сейчасъ капитализмъ не овладѣлъ вполнѣ производствомъ, а поэтому и распредѣленіемъ Общій ходъ хозяйственной эволюціи и въ индустріи и въ сельскомъ хозяйствѣ одинаковъ: „производительному капиталу въ общей экономической эволюціи всегда предшествуетъ торговый капиталъ". Но сельское хозяйство **отстало отъ индустріи**. Въ то время, какъ въ этой послѣдней капитализмъ уже пережилъ стадію одного обмѣна и заканчиваетъ захватъ производства, въ сельскомъ хозяйствѣ въ настоящій моментъ происходитъ разложеніе натуральнаго строя **торговымъ капиталомъ**. Поэтому авторъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на развитіи мѣновыхъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ, при чемъ, какъ добросовѣстный эволюціонистъ, онъ изучаетъ эти отношенія въ Россіи, начиная съ эпохи удѣльной Руси.

Но фактическому изученію эволюціи обмѣна въ Россіи г Лященко предпосылаетъ теоретическое введеніе, въ которомъ изложено его credo относительно сущности аграрной эволюціи Мы разсмотримъ здѣсь только эту часть сочиненія, т. к. она относится непосредственно къ нашей задачѣ

Основная идея автора—„завоеваніе капиталомъ" (пока торговымъ Н. О.) с.-хозяйственнаго производства „Не только торговля, но и торговый капиталъ, говоритъ Марксъ, старѣе капиталистическаго способа производства и исторически является, въ дѣйствительности. самымъ старинным свободнымъ видомъ существованія капитала". III, 259 цит. по Лященко стр. 12.

„Ни отсутствіе свободнаго труда, ни низкій уровень техники и развитія производительныхъ силъ, ни отсутствіе частной собственности на землю и орудія производства не представляются тѣми препятствіями для развитія торговаго капитала, какими они являются для производительнаго капитализма: торговый капиталъ возникаетъ и овладѣваетъ сфе-

рой обращения и при рабскомъ и при крѣпостномъ трудѣ, такъ же какъ и при свободномъ и при общинномъ и нераздѣльномъ владѣніи землей, какъ и при частной земельной собственности; и при господствѣ крупнаго, также какъ и мелкаго хоз-ва (13)"

Ставши на эволюционную точку зрѣнія, г. Ляшенко отказался отъ того представленія о внезапныхъ переворотахъ, которые якобы производитъ „вторженіе капитализма" въ сельское хозяйство. Торговый капиталъ, этотъ предтеча будущаго мессіи—капитала производительнаго, медленно, но неуклонно разрушаетъ первоначальное натуральное хозяйство

„Капиталистъ, въ образѣ купца, завладѣваетъ исключительно лишь сферой обмѣна продуктовъ, не проявляя никакого вліянія на само производство ихъ и на техническаго рабочаго, на производительное хозяйство. . Но какъ только замкнутое хозяйство начинаетъ работать на рынокъ .. работа на продажу становится уже **цѣлью** производства Роль купца становится уже болѣе вліятельной, хотя это вліяніе вначалѣ и не распространяется на производство" (стр. 23).

Постепенно торговый капиталъ покоряетъ и крупное (феодальное) и мелкое натуральное крестьянское хозяйство. Крупное хозяйство при феодализмѣ обладало массой дарового труда, создававшаго избыточное количество продуктовъ, „которые некуда было дѣвать кромѣ сбыта на продажу". Избыточный даровой трудъ началъ побуждать крупное хозяйство того времени къ товарному производству: „крупнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ порожденъ и въ его интересахъ возникъ первоначальный обмѣнъ, возникъ товарный характеръ земледѣльческаго производства, возникли идея и пристинктъ накопленія въ земледѣліи" (стр. 35).

Дифференцировка и разложеніе стараго земледѣльческаго быта захватываетъ не только крупное, но и мелкое крестьянское хозяйство, для котораго старое выраженіе, что „крестьянинъ независимъ отъ рынка" все болѣе отходитъ въ область преданія„ (стр. 36). Главнымъ виновникомъ этого процесса оказывается ростъ городовъ.

Индустрія перекочевываетъ изъ деревни въ городъ, деревенская промышленность становится ненужной и изъ деревни начинаютъ исчезать сначала ремесленникъ, потомъ кустарь. „Развитіе городского ремесла и городской промышленности погубило деревенское ремесло". Благодаря исчезновенію ремесла изъ деревни, крестьянинъ, продававшій раньше на рынокъ продукты своей „индустріи", теперь вынужденъ продавать **земледѣльческіе** продукты для покрытія нужды въ деньгахъ „Постъ паденія деревенской—домашней

промышленности земледѣльческій трудъ сталъ единственнымъ источникомъ покрытія всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ расходовъ хозяйствъ" (стр. 40).

И вотъ, „какъ мелкое некапиталистическое хозяйство, такъ и крупное предпринимательское оказались въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ: оба они должны работать для рынка, подчиняясь общему закону рыночнаго обмѣна (стр. 41)".

„Вліяніе рынка на положеніе того и другого было различно, привело къ различнымъ слѣдствіямъ и къ различнымъ въ нихъ самихъ перемѣнамъ" (Ibid).

Старое крупное **натуральное** хозяйство съ широкимъ примѣненіемъ крѣпостного труда, при уничтоженіи феодальныхъ порядковъ, трансформировалось въ крупное **капиталистическое** Въ зависимости отъ различныхъ условій (развитія промышленности, характера освободительной реформы и т. д.) получились въ Европѣ два вида крупно—капиталистическаго хозяйства: **фермерско—капиталистическое арендное хозяйство** (Англія) и **самостоятельное капиталистическое хозяйство земледѣльца собственника** (Германія) (стр. 84) [1]).

Этимъ эволюція крупнаго хозяйства заканчивается, т. к. оно достигаетъ высшей формы развитія—капиталистическаго производства: и дальнѣйшее движеніе „можетъ идти лишь въ сторону накопленія производительнаго капитала, его концентраціи и т. д, а не въ сторону какого либо перехода въ высшую форму"

Переходъ мелкаго крестьянскаго хозяйства въ капиталистическое (мелкое) болѣе сложенъ, хотя и оно эволюціонируетъ въ смыслѣ „измѣненія своего основного хозяйственнаго принципа—хозяйства ради удовлетворенія потребностей —на болѣе или менѣе полно проведенный принципъ: хозяйство ради получения прибыли" (стр. 83). Эволюція превратила однородное натуральное крестьянское хозяйство въ три типа.

1) Земледѣльческое хозяйство „ремесленнаго типа". Эта форма наименѣе развита капиталистически „т. к. въ ней нѣтъ даже въ зачаточномъ видѣ феноменовъ капиталистическихъ отношеній: заработной платы, капитала и прибыли на капиталъ, ренты". Ремесленное хозяйство продаетъ свои продукты „безъ посредниковъ торговцевъ, благодаря близости потребительнаго рынка". Поэтому, оно можетъ существовать лишь въ пригородныхъ районахъ и вырабатывать не

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя отступленія въ сторону, характеризуя сущность арендныхъ отношеній и мобилизаціи земли Эта часть теоріи не относится къ ея основамъ.

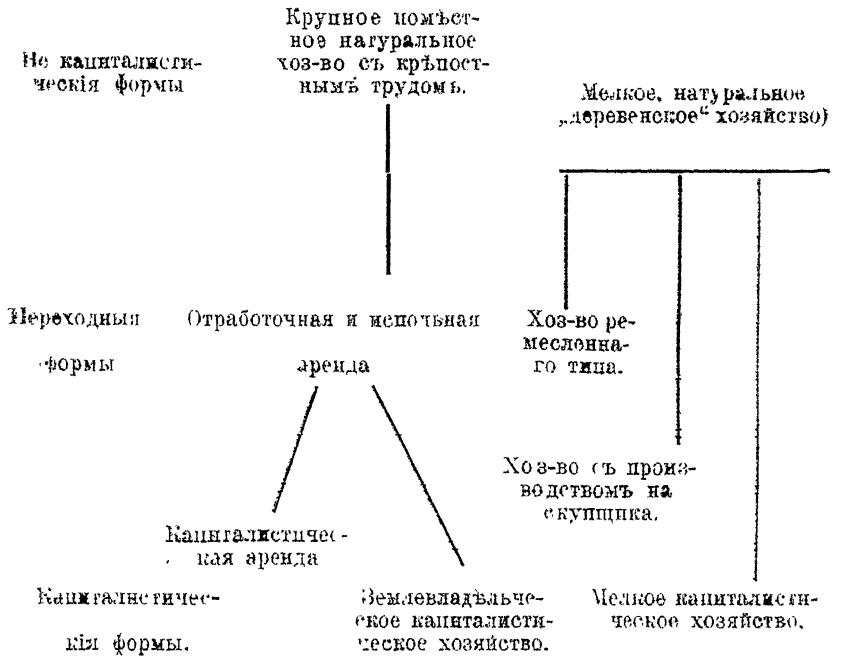
массовой продуктъ (зерно), а продукты мѣстнаго (городского) потребленія, не выдерживающіе далекой перевозки (овощи, молочные продукты, мясо, птицу). Такія хозяйства часто достигаютъ высокой степени интенсивности. Но, благодаря тому, что возможность существованія такого хозяйства ограничена пригородными раіонами—этотъ типъ имѣетъ мало распространенія.

2) Второй типъ гораздо болѣе распространенъ. По мнѣнію автора, въ настоящее время, его можно считать преобладающимъ въ Россіи. Это—**хозяйство на скупщика.**

„Сохраняя свою формальную независимость, фактически хозяйство представляется всецѣло подчиненнымъ торговому капиталу. Скупщикъ эксплуатируетъ независимый трудъ крестьянина, какъ простого наемнаго рабочаго, удѣляющаго, въ видѣ прибавочной стоимости, часть своей рабочей платы для доставленія капиталу прибыли. Сохраняя свои орудія и средства производства, до земли включительно, свою самостоятельность въ производствѣ, такой сельскій производитель долженъ чувствовать тѣмъ больше свою зависимость отъ торговаго капитала, что по условіямъ организаціи производства, онъ долженъ производить массовой продуктъ для обширнаго внѣшняго рынка“ (стр. 84). Этимъ способомъ „самостоятельный“ производитель на скупщика низводится, въ сущности на степень наемнаго рабочаго у торговца, подобно кустарю въ индустріи.

3) Третій типъ противоположенъ предыдущему. „Производитель на скупщика является замаскированнымъ пролетаріемъ: крестьянинъ третьяго типа **капиталистъ въ крестьянской оболочкѣ.** Его хозяйство носитъ всѣ признаки капитализаціи: приложеніе капитала, наемнаго труда, образованіе прибыли, заработной платы и ренты, работы не ради снисканія пропитанія, а ради полученія прибыли. Пріобрѣтая эти новые признаки, хозяйство можетъ, по внѣшности, сохранять и признаки прежняго „крестьянскаго“ хозяйства, оставаясь, напр. **такимъ же мелкимъ по размѣрамъ,** или сохраняя свой сословный характеръ по формамъ землевладѣнія. Это послѣднее обстоятельство не уничтожаетъ, однако, необходимости признавать въ немъ чисто капиталистическую организацію хозяйства, если только указанныя капиталистическія отношенія пріобрѣли въ немъ достаточное развитіе. Другими словами, при современныхъ экономическихъ условіяхъ и **крестьянское хозяйство можетъ эволюціонировать въ чисто капиталистическое** (стр. 90)

Итакъ, вотъ схема параллельной эволюціи мелкаго и крупнаго хозяйства.



Отсюда видно, что г. Лященко не считаетъ неизбѣжнымъ результатомъ капиталистическаго развитія сельскаго хозяйства поглощеніе мелкаго хозяйства крупнымъ. Онъ признаетъ за мелкимъ хозяйствомъ возможность самостоятельной эволюціи и даже иногда переходъ крупнаго хозяйства въ мелкое, при чемъ этотъ переходъ вовсе не будетъ обозначать паденія „производительныхъ силъ“

„Общую эволюцію формъ организаціи с. хоз. производства нельзя выразить одной прямой линіей. Такіе прямые переходы, какъ концентрація земельной собственности вмѣсто ея раздробленія, развитіе крупнаго производства на мѣсто мелкаго, могутъ осложняться другими явленіями, хотя и приводящими въ итогѣ дѣйствительно къ развитію капиталистическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ, но безъ концентраціи земельной собственности или, наоборотъ, даже съ распространеніемъ болѣе мелкаго хозяйства вмѣсто крупнаго“ (стр. 91).

Въ Соединенныхъ штатахъ и на югѣ Россіи послѣ освобожденія рабовъ и крѣпостныхъ крупныя владѣнія „стали

дробиться на болѣе мелкія формы или переходить въ руки болѣе мелкихъ сельскихъ предпринимателей“

Крупное хозяйство, пока торговый капиталъ не закончилъ своей разлагающей роли, безусловно монополизируетъ лишь одну область—**сельско—хозяйственной индустріи.** Эта область недостижима для мелкаго хозяйства. „Обыкновенно мелкое крестьянское хозяйство по своимъ производительнымъ функціямъ и тенденціямъ рѣзко отграничивается отъ крупнаго частно—владѣльческаго; и при зерновой системѣ хозяйства и при скотоводственной и даже при развитіи культуры промышленныхъ растеній на долю крестьянскаго хозяйства остается лишь собственно **органическій** процессъ с. хоз. производства“ (стр. 97).

Въ этой органической области мелкое хозяйство можетъ довольно успѣшно конкуррировать съ крупнымъ.. .

Все изложенное выше приводитъ автора къ той мысли, что для „выясненія степени капитализаціи земледѣльческой промышленности представляется совершенно излишнимъ и безплоднымъ разрѣшеніе напр. такого, такъ неоднократно и безрезультатно дебатируемаго вопроса—предетавляетъ ли преимущества крупное земледѣльческое хозяйство сравнительно съ мелкимъ и развивается ли численно это крупное хозяйство за счетъ уменьшенія и раззоренія мелкихъ производителей“ (стр. 106). “Иногда и распространеніе мелкихъ хоз-въ за счетъ разложенія крупныхъ можетъ ознаменовать собой прогрессивный въ смыслѣ усложненія зависимости отъ капитала фактъ.“ Эта зависимость, обыкновенно, выражается въ томъ, что мелкое хозяйство начинаетъ работать не для собственнаго потребленія, а для посредника—торговца, или прямо на рынокъ, словомъ подчиняется **торговому капиталу**. Вотъ почему авторъ убѣжденъ, что, **„громадная. почти рѣшающая роль въ судьбѣ аграрной эволюціи европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ принадлежитъ денежно-торговому капиталу“.**

Торговому капиталу сначала покоряется сбытъ, затѣмъ производство; наконецъ и само производство становится капиталистическимъ. Поэтому „борьба крупнаго и мелкаго хозяйства можетъ являться лишь показателемъ борьбы мелкаго и крупнаго производственнаго капитала. Она представляется, поэтому, характерной лишь для высшихъ стадій развитія капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. капитализаціи производительнаго процесса земледѣлія. Для первоначальныхъ же стадій этого процесса—именно и преобладающихъ въ современномъ, особенно мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, характерной является все возрастающая зависи-

мость его отъ рынка, отъ торговаго капитала, развитія въ немъ производства, хотя еще и не капиталистически организованнаго, но все-же преслѣдующаго уже цѣли **торговаго** земледѣлія, вмѣсто организаціи, служившей прежде удовлетворенію натуральныхъ потребностей. **Только послѣ этого подчиненія земледѣльческаго хозяйства денежно-торговому капиталу и начинается широкое развитіе въ немъ капиталистическихъ отношеній, приводящее въ концѣ къ капитализаціи всего земледѣльческаго производства**". (стр. 107).

На этой фразѣ заканчивается теоретическое введеніе автора. Въ слѣдующей части своей книги авторъ излагаетъ преимущественно развитіе „торговаго земледѣлія въ Россіи". Эта часть тѣсно связана со второй частью нашего труда и здѣсь мы не будемъ ея касаться.

§ 2. Анализъ теоріи.

Основная идея автора—что капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, подобно индустріи, сначала захватываетъ сферу обмѣна; потомъ торговый капиталъ подчиняетъ себѣ производство, которое начинаетъ служить цѣлямъ рынка, но само по себѣ еще не подвергается капитализаціи, влекущей концентрацію. Въ настоящее время рынокъ уже подчинилъ своей власти и крупное капиталистическое и мелкое крестьянское хозяйство. И то и другое работаютъ для **сбыта**, но область **производства** непосредственно капитализмомъ еще мало затронута. Такимъ образомъ земледѣліе **отстало отъ индустріи**, гдѣ капиталъ царитъ уже и въ сферѣ производства. Въ дальнѣйшемъ капиталъ неминуемо долженъ покорить и эту послѣднюю твердыню—сельско-хозяйственное **производство**.

Для насъ сейчасъ же возникаетъ вопросъ, **почему?** Мы хорошо знаемъ, почему капиталъ покорилъ производство въ индустріи: потому, что индустрія—это **обрабатывающая** промышленность, техника которой легко механизируется, легко схватывается машинами, не связана съ пространствомъ, не зависитъ отъ органическихъ процессовъ природы и отъ прочихъ „трюизмовъ"—иными словами, не только допускаетъ, но **прямо требуетъ концентраціи производства**. И самъ г Ляшенко находитъ, что с.-хоз. индустрія и сейчасъ—дѣло **крупнаго** сконцентрированнаго хозяйства. Слѣдовательно въ тѣхъ стадіяхъ с. хоз. производства, которыя такъ же маханичны, какъ и индустрія, сельское хозяйство не „отстаетъ" отъ этой послѣдней въ концентраціи; и если пер-

выя двѣ стадіи не подчиняются „капитализму“, то навряд ли потому, что онѣ отсталыя. Земледѣліе древнѣе индустріи.

Почему же „органическіе процессы“ земледѣлія „отстали“ и почему они все-таки неизбѣжно должны привести къ „капитализаціи“ „концентраціи“ и т. д.?

Авторъ не задается такимъ вопросомъ; вообще онъ совершенно игнорируетъ всѣ вопросы, касающіеся **производства** и **распредѣленія** въ сельскомъ хозяйствѣ. Его нисколько не удивляетъ, что въ Россіи и въ Европѣ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому привелъ, не къ концентраціи, а наоборотъ къ **раздробленію** землевладѣнія. Онъ знаетъ, что знаменитая „дифференціація“, существовала еще въ удѣльно-вѣчевую эпоху—но это его нисколько не интересуетъ. Все это, молъ, ничего не значитъ. Вотъ, когда торговый капиталъ окончательно завоюетъ сельское хозяйство, тогда мы и поговоримъ на счетъ „дифференціаціи“. Но когда это будетъ? Черезъ 200—500—тысячу лѣтъ? Да и будетъ ли это завоеваніе?,

Авторъ отвѣчаетъ презрительно: всѣ эти вопросы—скучные „трюизмы“.

Но отрицая важность этихъ „трюизмовъ“, г. Ляпценко, самъ того не замѣчая, вырылъ яму марксистскому міровоззрѣнію, т. к. онъ не въ примѣръ своимъ предшественникамъ г г Ильину и Маслову, изображая **фактически вѣрно** исторію торговаго земледѣлія, указалъ на три подрывающихъ теорію „капиталистическаго развитія“ факта.

1) Что переходъ отъ натуральнаго сельскаго хозяйства къ мѣновому не есть какой либо рѣзкій **переворотъ** „революція“, какъ обыкновенно его представляютъ себѣ экономисты, вродѣ г. Ильина. Начиная съ кіевскаго періода, Русь знакома съ торговымъ капиталомъ. „Князья—купцы“, „князья землевладѣльцы... были прежде всего землевладѣльцы рентьеры (сдававшіе свою собственную землю въ аренду смердамъ и холопамъ) а затѣмъ капиталисты торговцы,“ (стр. 131) „Въ сущности о „натуральномъ“ народномъ хозяйствѣ можно говорить лишь въ высокой степени абстракціи. Въ дѣйствительности, денежное хозяйство хотя и не являвшееся цѣлью само по себѣ, было уже и тогда широко распространено даже въ деревнѣ“ (стр. 142).

Слѣдовательно, не было и не могло быть рѣзкаго переворота, перелома, какъ думаютъ тѣ экономисты, которые не заглядывали въ эпоху до „вторженія капитализма въ деревню“. Капитализмъ въ деревнѣ существовалъ всегда; и все, что можетъ констатировать историкъ—это лишь медленный

поступательный ходъ развитія мѣновыхъ отношеній въ теченіе вѣковъ: медленную эволюцію, а не внезапную революцію. Между эпохами „натуральнаго“ и „мѣнового“ хозяйства оказывается лишь **количественная** а не **качественная** разница. и вторая эпоха есть лишь развитіе первой.

2) При переходѣ во вторую эпоху, крупное хозяйство зачастую вытѣсняется мелкимъ, слѣдовательно развитіе мѣновыхъ отношеній благопріятно мелкому хозяйству. (Не забудемъ, что въ аграрной эволюціи торговый капиталъ играетъ „почти рѣшающую роль“).

3) Крестьянское мелкое хозяйство не только эволюціонируетъ по схемѣ г Лященко, но очень часто на рынкѣ побиваетъ крупное.

Поэтому, изложеніе эволюціи торговаго капитала въ земледѣліи, должно привести г. Лященко къ выводу, что то „разложеніе“, которое этотъ капиталъ производитъ въ прежнемъ натуральномъ хозяйствѣ, есть разложеніе преимущественно **крупнаго**, а не мелкаго хозяйства. Мелкое хозяйство, подпадая вліянію капитала на рынкѣ, въ тоже время, **въ сферѣ производства** освобождается отъ власти привиллегированныхъ классовъ и **становится все болѣе самостоятельнымъ**. Древній смердъ и холопъ, въ началѣ русской исторіи часто не имѣли собственной земли. „Поскольку позволяютъ судить историческіе памятники, или все крестьянское населеніе Руси, или значительная часть его, никогда не были собственниками обрабатываемой ими земли.“ (стр. 117).

Точно также крестьяне того времени зачастую не имѣли ни скота, ни орудій. Работникъ, не имѣющій собственныхъ средствъ производства, есть пролетарій. Слѣдовательно, въ древней Руси былъ едва ли не наиболѣе развитъ крестьянскій пролетаріатъ *) и наименѣе **самостоятельное** крестьянское хозяйство. Сходство съ современнымъ пролетаріатомъ усиливается еще тѣмъ, что крестьяне того времени, не имѣя зачастую самостоятельнаго хозяйства, вплоть до развитія крѣпостного права, были **лично** свободными (не считая сравнительно немногочисленнаго класса холоповъ).

Личную свободу теряютъ они въ эпоху развитія крѣпостного права, но пріобрѣтаютъ нѣкоторую **хозяйственную** самостоятельность. Орудія производства и скотъ считаются de facto ихъ собственностью, и крестьянинъ крѣпостного права обрабатываетъ господскую землю **своимъ скотомъ и инвентаремъ**, тогда какъ въ удѣльно—вѣчевую и отчасти въ москов-

*) Процентъ безпахотныхъ бобылей во 2-ой половинѣ XVI в. и въ началѣ XVII доходилъ до 40% и болѣе всего крестьянскаго населенія того времени.

скую эпоху, а также въ началѣ среднихъ вѣковъ на западѣ Европы онъ работалъ зачастую господскимъ скотомъ и инвентаремъ. Наконецъ, послѣ освобожденія, онъ пріобрѣтаетъ право владѣнія частью земли

Этотъ процессъ постепеннаго усиленія самостоятельности крестьянскаго хозяйства, тянувшійся, съ различными колебаніями, въ теченіе многихъ вѣковъ, идетъ параллельно съ процессомъ подчиненія земледѣлія „торговому капиталу". Особенно усиливается это „подчиненіе" съ эпохи освобожденія, т. е. съ пріобрѣтеніемъ крестьянами правъ на землю, которую они обрабатывали. Г. Ляшенко не указываетъ никакихъ препятствій для дальнѣйшаго развитія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства и для окончательнаго завоеванія крестьянами той земли, которая еще осталась въ рукахъ господствующихъ классовъ—въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ.

Пусть г Ляшенко правъ, что крестьяне все больше и больше работаютъ на рынокъ, подпадаютъ подъ власть торговаго капитала, но эта потеря самостоятельности съ избыткомъ компенсируется той самостоятельностью, которую они пріобрѣли, получивши въ свои руки и землю, и орудія производства. Превратившись изъ „ролейнаго закупа" въ крѣпостного, изъ крѣпостного во владѣльца недостаточнаго надѣла, крестьянинъ и теперь, подобно древнему закупу, арендуетъ господскую землю, но обрабатываетъ ее **своими** орудіями и скотомъ; пріобрѣтая „навѣчно" ту землю, которую онъ арендовалъ, онъ становится хозяиномъ и на ней Процессъ мобилизаціи земли всюду идетъ въ сторону мелкихъ хозяйствъ, но особенно въ Россіи онъ двинулся гигантскими шагами со времени освобожденія И такую эволюцію самостоятельности крестьянскаго хозяйства производитъ торговый капиталъ, если вѣрить г. Ляшенко, что онъ почти **рѣшающій** факторъ аграрной эволюціи.

Итакъ, крестьянское земледѣльческое хозяйство, подчинившись торговому капиталу, стало въ тоже время самостоятельнымъ въ сферѣ **производства** Г. Ляшенко думаетъ, что „въ той же народной жизни назрѣваютъ и условія капитализаціи земледѣльческой промышленности также, какъ и обрабатывающей" (стр. 424). Но игнорируя сельско хоз. производство, онъ не даетъ никакихъ доводовъ въ пользу своего убѣжденія. Это убѣжденіе есть результатъ слѣпой вѣры, вѣры въ таинственную могучую силу капитала, который является для него, какъ и для всякаго марксиста, всемогущимъ божествомъ. Г. Масловъ все—таки попытался **доказать**, что с -хоз производство неминуемо ведетъ къ концентраціи:

г. Лященко, повидимому, считаетъ, что истинная вѣра не нуждается въ доказательствахъ: и въ то время, какъ факты изложенные имъ самимъ, влекутъ его къ противоположнымъ выводамъ, онъ со стойкостью средневѣкового христіанина, провозглашаетъ свое credo.

Но, такъ ли велико уже **подчиненіе** сельскаго хозяйства **торговому капиталу**? Г. Лященко производитъ довольно остроумныя вычисленія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что въ настоящее время въ Россіи изъ 2.110 мил. **чистаго** сбора продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ овса и картофеля и исключая расходъ на сѣмена) 1002 мил. пудовъ т. е около 40% поступаютъ въ круговоротъ товарообмѣна. Спеціально крестьяне производятъ 1633 мил. пудовъ, изъ которыхъ на рынокъ поступаетъ 525 мил. (покупаются частью крестьянами, частью идутъ въ города и за границу)

Пусть этотъ разсчетъ будетъ правильнымъ.)

Но г Лященко взялъ **чистый** сборъ (безъ сѣмянъ). Сѣмена—вѣдь это сырье, входящее цѣликомъ въ продуктъ производства. Развѣ вычитаютъ хлопокъ при учетѣ стоимости производства ситца? Поэтому для опредѣленія, какую часть крестьянскаго зернового производства захватываетъ рынокъ, надо причислить къ чистому сбору **сѣмена**, т. е. брать **валовой сборъ**, который, благодаря этому, повысится до 2000—2050 мил. пудовъ. Отсюда выводъ, что въ настоящее время **рынокъ захватилъ лишь четвертую часть зернового крестьянскаго производства** Этотъ выводъ, вѣроятно, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, его можно подтвердить цыфрами массовыхъ воронежскихъ бюджетовъ (по 177 тыс. хоз—въ) Годичный доходъ отъ хлѣбовъ и другихъ полевыхъ растеній выражается въ этихъ хозяйствахъ въ суммѣ 25,4 мил. руб. причемъ натурой получено на 19,2 мил. р., деньгами—6,2 мил. т. е. денежная, **мѣновая** часть дохода отъ хлѣбовъ равнялась одной четвертой части общей суммы дохода.

Такимъ образомъ, по разсчетамъ самого г. Лященко выходитъ, что три четверти продуктовъ крестьянского земледѣльческаго производства остаются **внѣ рыночнаго оборота**. Можно ли сказать послѣ этого, что крестьянское хозяйство

) Хотя въ немъ есть довольно значительные дефекты: напр г Лященко считаетъ, что на купчихъ земляхъ у кр-на такой же процентъ посѣва, какъ и у частныхъ владѣльцевъ. Это не вѣрно: купчія крестьянскія земли засѣваются едва-ли не больше надѣльныхъ, на которыхъ % посѣва ко всей землѣ—38 6%, а у частныхъ владѣльцевъ только 24,2%. Сообразно этому и сумму сборовъ на крестьянскихъ купчихъ земляхъ надо было увеличить по крайней мѣрѣ, на 100 мил пудовъ точно также и сборы съ арендныхъ земель (150 мил п.) слишкомъ малы.

уже втянуто цѣликомъ въ рыночный оборотъ, что оно потеряло свою самостоятельность, и превратилось въ „ремесленное“ производство, или „производство на скупщика“? Мы думаемъ, что нѣтъ, а г. Лященко увѣряетъ насъ, что это „невѣроятно, но фактъ.“

Эта глубокая ошибка автора, какъ мы сказали, произошла отъ пренебреженія къ анализу с.-хоз. производства. Заимствовавъ отъ Зомбарта терминологію: „ремесленное производство“, производство „на скупщика“, г. Лященко, безъ всякихъ доказательствъ, перенесъ цѣликомъ понятія, заключающіяся въ этихъ терминахъ и относящіяся къ индустріи, въ область сельскаго хозяйства. Между тѣмъ, если бы онъ обратилъ вниманіе на глубокую разницу, лежащую между структурой производства въ сельскомъ хозяйствѣ и въ индустріи, онъ бы не сдѣлалъ такого смѣлаго переноса. Въ индустріи и ремесленникъ и кустарь (производитель на скупщика) въ какую угодно эпоху работаютъ **исключительно на продажу**. Египетскіе и ассирійскіе **ремесленники**, какъ и средне—вѣковые и современные **производили и производятъ исключительно товаръ, который ихъ непосредственно не кормитъ.**

Сапожникъ дѣлаетъ сапоги и изъ сотенъ паръ сапогъ, которые онъ сдѣлаетъ въ годъ, самъ потребляетъ одну—двѣ пары. Всю остальную массу сапогъ онъ долженъ пустить на продажу, чтобы въ **обмѣнъ** получить продукты, необходимые для существованія и прежде всего—продукты **пищи**—жизненные припасы. Мало этого: несложныя орудія производства и сырой матеріалъ ремесленникъ и кустарь или покупаютъ или получаютъ въ кредитъ у предпринимателей и посредниковъ. Такимъ образомъ, **производство ремесленниковъ и кустарей въ обрабатывающей промышленности никогда не было и не могло быть натуральнымъ**: и отъ временъ сѣдой древности до нашихъ это производство является **мѣновымъ**, благодаря специфическимъ **свойствамъ производимыхъ продуктовъ**. Съ тѣхъ поръ, какъ ремесленникъ сталъ профессіоналомъ, онъ не переставалъ работать исключительно на рынокъ; и найти натуральное ремесленное производство въ любую эпоху мало мальски организованной общественной жизни также трудно, какъ рѣшить задачу квадратуры круга.

Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ какую бы то ни было эпоху развитія, при какой бы то ни было системѣ земледѣлія, въ сельско—хозяйственномъ производствѣ остается солидная доля продуктовъ, идущая либо на непосредственное личное потребленіе производителя, либо поступающая въ качествѣ перемѣннаго капитала, (сырья) въ круговоротъ его производства

Натуральное потребленіе продуктовъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ дѣлится на **личное** и **хозяйственное**. Разсмотримъ отдѣльно оба вида потребленія. Основную часть **личнаго** потребленія составляютъ **пищевые продукты**. Потребность въ пищѣ—самая насущная для человѣческаго организма. Она гораздо обширнѣе и настоятельнѣе тѣхъ потребностей, которыя удовлетворяются продуктами индустріи (одежда, обувь и т. д.) Въ бюджетѣ громаднаго большинства и городского и сельскаго населенія любого государства расходы на пищу составляютъ и всегда будутъ составлять не менѣе, а то и болѣе половины всѣхъ расходовъ. Изъ приведенныхъ у г. Щербины данныхъ (см. „крестьянскіе бюджеты“) видно, что % расходовъ на пищу **ко всѣмъ** расходамъ составлялъ.

У Киргизъ . . .	51, 5%
У Воронежс. кр. . .	38,25%
У Нѣмцевъ (рабочихъ) .	52, 2%
У Американцевъ (тоже) .	44, 5%
У Англичанъ (тоже) . .	48, 5%
У Бельгійцевъ (тоже). .	65,89%

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ расходы на пищу удовлетворяются **натурой**. Вторая по важности группа личныхъ расходовъ **на жилище**—удовлетворяется крестьяниномъ тоже въ значительной степени натурой (частью собственнымъ матеріаломъ для постройки, частью ремонтомъ жилища посредствомъ собственнаго труда).

По Ворон. бюджетамъ на строенія, лѣсные матеріалы и топливо тратится 4,2 млн. руб., въ томъ числѣ 3,2 млн. натурой.

Третья группа личныхъ потребностей—въ одеждѣ, обуви, мебели и т. д. Эта группа расходовъ составляетъ 11% всѣхъ расходовъ по воронежскимъ бюджетамъ (7 млн. изъ 64,4 млн.) и натурой удовлетворяется въ настоящее время сравнительно рѣдко.

Расходы **хозяйственные** заключаются прежде всего въ расходахъ на сырье—сѣмена и кормъ скоту. Въ то время, какъ въ индустріи ремесленникъ и кустарь пріобрѣтаютъ свое сырье **покупкой**—крестьянинъ и помѣщикъ пользуются имъ **натурой**. По воронежскимъ бюджетамъ расходы на сѣмена равняются 5 млн. рублей, кормъ скоту—8,7 млн. руб., всего 13,7 млн. т. е. 21,2% всѣхъ расходовъ.

Сырье относится къ перемѣнному капиталу въ производствѣ. На **постоянный** капиталъ—инвентарь, сбрую, покупку скота—воронежскія хоз-ва тратятъ всего 3,6 млн. рублей, т. е. **вчетверо** менѣе, чѣмъ на одно сырье, которое почти цѣликомъ удовлетворяется натурой.

Другой видъ перемѣннаго капитала—рабочія руки. Нечего и говорить, что крестьяне въ своемъ производствѣ пускаютъ въ ходъ „натурой“ этотъ неотъемлемый отъ нихъ капиталъ. У воронежскихъ крестьянъ было своихъ работниковъ (обоего пола) 574 тыс. Считая годовую стоимость работы каждаго взрослаго крестьянина и крестьянки только по 50 р., получаемъ 27,7 мил натуральнаго перемѣннаго капитала. На наемныхъ батраковъ, воронежскіе крестьяне израсходовали 2,1 мил. въ томъ числѣ деньгами только 1 мил. (остальное натурой) Слѣдовательно почти изъ 30 мил. стоимости живого труда, на денежную часть падаетъ лишь $^1/_{30}$ доля

Послѣдній видъ производственныхъ расходовъ—удобреніе, которое частью составляетъ постоянный капиталъ, частью перемѣнный—затрачивается натурой, когда удобреніе—навозное и деньгами—когда минеральное)

Теперь спрашивается, въ какую сторону эволюціонируютъ разные виды расходовъ въ общемъ ходѣ аграрной эволюціи.

1) Изъ личныхъ расходовъ—расходы на пищу, какъ мы видимъ изъ цифръ, приведенныхъ г Щербиной, эволюціонируютъ вмѣстѣ съ общимъ уровнемъ культуры Вмѣстѣ съ подъемомъ культурности населенія, съ развитіемъ сельскаго хозяйства, развиваются вообще всякія личныя потребности, въ томъ числѣ и пищевыя Въ то время, какъ русскій мужикъ питается мясомъ нѣсколько разъ въ году, (0,9 пудовъ въ годъ на душу по ворон. бюджетамъ; французскій на душу потребляетъ 66 фунтовъ, нѣмецкій—еще больше*), а англійскій и американскій фермеръ ѣдятъ мяса чуть ли не вдвое больше французскаго. Потребленіе мяса увеличивается въ деревняхъ Франціи: за 1840—92 г г. оно поднялось съ 14,9 килогр. до 26,3 кил (т е на 76,5%).

По Дену (экономич географія стр 313) зерновыхъ продуктовъ русскій человѣкъ потребляетъ въ годъ 20,49 пуд., а въ Германіи 32,02 пуда.

Русское крестьянство выбрасываетъ на рынокъ не только избытки своего производства, но и значительную долю продуктовъ, необходимыхъ для нормальнаго питанія Г. Лященко какъ будто думаетъ, что нашъ крестьянинъ не доѣдаетъ для удовольствія „торговаго капитала“. На самомъ дѣлѣ онъ не доѣдаетъ потому, что ему надо уплатить аренду и подати.

) Въ общемъ итогѣ всѣхъ расходовъ, у воронежскихъ крестьянъ 43,1 мил натурой, и 21,3 мил. деньгами.

*) Во всемъ французскомъ насел на душу приходится 87,5 фр. (35 кил) мяса, въ германскомъ—100 (40 кил)

Даже Каутскій, указывающій, что россійскій хлѣбный экспортъ зависитъ отъ этихъ факторовъ, не могъ надоумить нашего автора.

На аренду наши крестьяне тратятъ приблизительно 315 мил рублей, на подати (до отмѣны выкупныхъ)—свыше 200 мил Это расходы **непроизводительные**. Только вслѣдствіе этихъ непроизводительныхъ расходовъ, наши крестьяне вынуждены отчуждать часть продуктовъ, необходимыхъ для нормальнаго питанія и понижать уровень всѣхъ своихъ личныхъ потребностей Если вліяніе этихъ факторовъ, зависящихъ, въ значительной степени, отъ политическихъ условій, будетъ ослаблено, тѣмъ самымъ отчасти ослабится и вліятельная роль посредническаго „торговаго капитала“ въ русскомъ крестьянствѣ Вотъ, когда наши крестьяне повезутъ на рынокъ дѣйствительные излишки, а не будутъ отрывать кусокъ отъ голоднаго рта, тогда мы и будемъ говорить о естественномъ ростѣ рыночныхъ отношеній. Теперь же этотъ ростъ есть результатъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ находится наше крестьянство.

Итакъ, по мѣрѣ культурной и хозяйственной эволюціи по мѣрѣ пріобрѣтенія политическихъ правъ, натуральное потребленіе въ пищу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, должно расти въ крестьянскомъ быту Ихъ ростъ прямо пропорціоналенъ сельско-хозяйственной культурной и политической эволюціи.

2) Натуральные расходы на жилище и особенно на одежду и пр находятся въ **обратномъ** отношеніи съ общимъ ходомъ эволюціи. Чѣмъ выше культурно-политическая и хозяйственная эволюція, тѣмъ меньшая доля этихъ видовъ личныхъ потребностей удовлетворяется натурой. Но ни жилище, ни одежда и проч. прямого касательства къ чистому **сельско-хозяйственному производству** не имѣютъ. Потребности этихъ видовъ удовлетворяются индустріей, которая все болѣе и болѣе отдѣляется отъ непосредственныхъ земледѣльцевъ.

3) Хозяйственные расходы, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, развиваются въ сторону **перемѣннаго капитала**, при переходѣ экстенсивныхъ системъ земледѣлія въ интенсивные. Это относится и къ **сырью**, и къ **живому труду**. Кто знакомъ съ нашимъ экстенсивнымъ земледѣліемъ (перелогъ) тотъ знаетъ, что при немъ на казенную десятину высѣваютъ отъ 3 до 6 пудовъ сѣмянъ, при трехпольи 6—9 пудовъ, при многопольи—еще больше. При плодосмѣнѣ играютъ большую роль корнеплоды (картофель, свекла), которые засѣваются по нѣсколько десятковъ пудовъ на десятину.

Словомъ, расходъ на сѣмена возрастаетъ пропорціонально интенсификаціи. Также возрастаетъ расходъ на кормъ скоту—при переходѣ отъ подножнаго корма (тебеневки) на стойловое содержаніе.

Еще въ большей степени возрастаетъ другой видъ перемѣннаго капитала—**живой трудъ**.

По Бензингу на площадь въ 60 гектаровъ надо употребить:

При трехпольи.	712	раб дней.
„ плодосмѣнѣ	1615	„ „
„ свекловичн. хоз.	3179	„ „

По Веттегасту на 1 гектаръ ручной работы (въ дняхъ):

При постоянномъ пастбищѣ (тебеневкѣ) . .	7—8	дней.
Луговомъ	16—40	„
Хлѣбномъ и полевомъ хоз-вѣ (трехпольи) .	48—80	„
Плодосмѣнѣ	120—280	„
При прочихъ промышл. культ. (хмель, табакъ, виноградъ, корнеплоды . .	240—520	„

И сырье и рабочія руки, крестьянское хозяйство поставляетъ натурой; слѣдовательно, **натуральные хозяйственные** расходы, относящіеся къ перемѣнной части капитала, растутъ въ крестьянской средѣ вмѣстѣ съ общимъ ходомъ аграрной эволюціи.

Что же касается до **постоянной** части (рабочій скотъ, орудія), то мы уже говорили, что ея ростъ, особенно орудій, зависитъ не отъ интенсивности хозяйства, а отъ уровня культурнаго развитія производителей. Экстенсивное американское земледѣліе примѣняетъ больше усовершенствованныхъ орудій, чѣмъ интенсивное нѣмецкое: экстенсивное киргизское земледѣліе пускаетъ въ работу гораздо больше скота, чѣмъ интенсивное китайское. И если въ Европѣ и въ Россіи интенсификація теперь идетъ параллельно съ развитіемъ примѣненія усовершенствованныхъ орудій, то это зависитъ отъ того, что европейское и русское крестьянство двигается одновременно съ интенсификаціей своего производства, по пути культурнаго развитія.

Но, т. к. употребленію усовершенствованныхъ орудій положенъ предѣлъ, который въ интенсивныхъ системахъ, гораздо ближе, чѣмъ въ экстенсивныхъ системахъ, то роль постояннаго капитала при интенсификаціи сокращается.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ интенсификаціей, съ увеличеніемъ перемѣннаго капитала, увеличивается въ крестьянскомъ хозяйствѣ натуральная доля производительныхъ расходовъ

Общій выводъ будетъ таковъ:

Тогда какъ въ индустріи мелкое производство никогда не было натуральнымъ, въ сельскомъ хозяйствѣ крестьянское производство въ общемъ ходѣ аграрной эволюціи неминуемо будетъ удерживать въ значительной долѣ свой натуральный характеръ.

Вотъ почему всѣ эти термины: „ремесленное производство", „производство на скупщика", перенесенные г. Лященко безъ всякаго анализа производства изъ индустріи въ сельское хозяйство, не имѣютъ здѣсь рѣшительно никакого смысла, и весь вопросъ опять таки сводится къ старому спору о борьбѣ крупнаго (товарно-капиталистическаго) и мелкаго натурального хозяйства.

Если г. Лященко признаетъ возможность существованія и эволюціи мелкаго трудового хозяйства, то этимъ самымъ онъ долженъ признать существованіе и эволюцію хозяйства въ значительной долѣ **натуральнаго** и **самопотребляющаго**. Никогда крестьянинъ, обладающій площадью не выше трудовой нормы, не откажется отъ потребленія своихъ собственныхъ продуктовъ, отъ своего собственнаго сырья и рабочихъ рукъ.

Не надо забывать, что интенсификація связана, главнымъ образомъ, **со сгущеніемъ населенія**. Если при интенсификаціи повышается урожайность единицы площади, то, съ другой стороны, **размѣры каждаго хозяйства сокращаются**, такъ что сумма продуктовъ въ трудовомъ хозяйствѣ по отношенію къ населенію, измѣняется очень немного.*)

Немного, слѣдовательно, измѣняется и количество излишковъ отъ личныхъ и хозяйственныхъ расходовъ, которые можно пустить на продажу. Еслибы г. Лященко доказалъ, что по мѣрѣ с.-хозяйственной эволюціи, которая является результатомъ **сокращенія** с.-хоз. площади на душу земледѣльческаго населенія, мелкое трудовое хозяйство **должно** вытѣсняться **крупнымъ**, т. к. этого требуетъ эволюція с.-хоз. **производства**, тогда онъ могъ бы говорить о неминуемомъ торжествѣ мѣновыхъ отношеній надъ натуральнымъ строемъ. Но пока онъ этого не доказалъ, мы будемъ знать, что на-

*) Положимъ, при переложной системѣ крестьянское хозяйство изъ 5 душъ, обладаетъ площадью въ 40 десятинъ, изъ которыхъ засѣваетъ 12; тоже хозяйство при трехпольи на площади въ 20 дес., будетъ засѣвать 10; при плодосмѣнѣ на площади въ 10 десятинъ—6. Урожай съ десятины: при перелогѣ—30 пудовъ, (нашъ юго вост.) трехпольи—40, плодосмѣнѣ—80. Общая сумма урожая: въ первомъ случаѣ—360 пудовъ, второмъ—400, третьемъ 480. Повышеніе относительно невелико: оно, вдобавокъ, поглощается увеличеніемъ расходовъ на сырье (сѣмена).

туральное производство и потребленіе въ трудовомъ крестьянскомъ хозяйствѣ должно оставаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ это послѣднее. Зачѣмъ, спрашивается, крестьянинъ станетъ продавать **всѣ продукты** своего земледѣльческаго производства въ полномъ объемѣ? Ему нужно ѣсть и сколько ему нужно на ѣду—онъ и оставитъ себѣ. Вѣдь, если онъ продастъ продукты, необходимые для пропитанія, ему придется ихъ же покупать на рынкѣ **гораздо дороже**.

Такъ и бываетъ съ русскими крестьянами, которые осенью продаютъ „по нуждѣ", чуть ли не половину своего нормальнаго довольствія, а весной покупаютъ, приплачивая 10—20 коп. на пудъ.

Наши крестьяне поступаютъ такъ нелѣпо потому, что они находятся въ ненормальныхъ условіяхъ. Въ нормальной хозяйственной жизни такой „круговоротъ" товарообмѣна явно нелогиченъ. Цѣна на рынкѣ всегда будетъ выше, чѣмъ реальная стоимость продукта въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Тоже надо сказать и относительно сырья и живого труда.

И чѣмъ крупнѣе трудовое хозяйство, вплоть до мелкобуржуазнаго (съ посѣвомъ не менѣе 30 десятинъ у насъ), тѣмъ болѣе оно потребляетъ натурой. Самъ г. Лященко говоритъ, что въ крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ норма пищевого потребленія выше, чѣмъ въ среднемъ и мелкомъ. Такъ по Воронежской губ доходъ отъ земледѣльческихъ продуктовъ получали.

		Натурой.	Деньгами.
Хоз-ва до	5 дес.	72%	28%
„	5—15 „	73%	27%
„	15—25 „	78%	22%
св.	25 „	80%	20%

Члены крупнаго хозяйства продовольствуются лучше мелкаго и продаютъ дѣйствительные излишки...

Чтобы покончить съ теоріей г. Лященко, укажемъ еще на одинъ крупный пробѣлъ. Въ предыдущей главѣ мы указывали, что третья стадія с.-хоз. производства, принадлежитъ, по своей структурѣ, къ обрабатывающей промышленности, а потому требуетъ **концентраціи** и благопріятна **крупному** хозяйству. Кромѣ этой стадіи, въ сельскомъ хозяйствѣ крупной массовой постановки дѣла требуютъ **торговыя операціи**, къ которымъ относятся: **кредитъ, сбытъ, покупка**.*) Это—та именно сторона сельскаго хозяйства, которую г. Лященко спеціально изучаетъ, которой онъ отводитъ „почти рѣшающую роль"

*) См. нашу брошюру „Земельный переворотъ въ Россіи".

и въ которой прежде всего крестьянство организуется на почвѣ **кооперації**. Г. Лященко **ни одного слова не сказалъ о кооперативномъ движеніи**. А ему, какъ изслѣдователю исключительно рыночныхъ отношеній, слѣдовало бы хотя немного вниманія удѣлить этому явленію, которое заинтересовало, наконецъ, широкіе слои общества и у насъ...

Вотъ основные доводы, на основаніи которыхъ мы считаемъ, что теоретическую часть работы г Лященко нельзя признать болѣе или менѣе правильно опредѣляющей принципы аграрной эволюціи. Что же касается до фактической части, то она очень интересна по содержанію, стройна, довольно полна по изложенію и, какъ мы уже замѣчали, важна какъ первая попытка изложенія **эволюціи** одной изъ сторонъ многограннаго сельскаго хозяйства. Въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, которые авторъ себѣ поставилъ (эволюція торговаго земледѣлія) и которые онъ, по недоразумѣнію счелъ достаточными для рѣшенія вопроса объ аграрной эволюціи вообще, задача прослѣдить исторію рынка выполнена очень тщательно. Но и тутъ авторъ даетъ очеркъ развитія торговли собственно **зерновыми** продуктами, не касаясь ни продуктовъ скотоводства, ни другихъ отраслей земледѣлія, (напр. льноводства), ни лѣсной торговли и т. д.

Такимъ образомъ г. Лященко, собственно говоря, написалъ **исторію торговли зерновыми продуктами въ Россіи**. Работа почтенная, но не слишкомъ ли спеціальная для человѣка, претендующаго на широкіе горизонты обобщающей теоріи.

Мы покончили съ анализомъ трехъ теорій капиталистическаго развитія сельскаго хозяйства, которыя сейчасъ имѣются на лицо въ нашей литературѣ. Мы пришли къ выводу, что всѣ онѣ несостоятельны, главнымъ образомъ потому, что или несоотвѣтствуютъ дѣйствительности (г.г. Ильинъ и Масловъ) или строютъ широкія обобщающія формулы на узенькомъ основаніи одной, сравнительно незначительной стороны аграрнаго вопроса (г. Лященко). Но все таки, сравнивая ихъ между собой, мы должны признать, что г.г. марксисты, хотя и зигзагами, но движутся впередъ.

И вмѣстѣ съ этой эволюціей марксистскаго мышленія происходитъ любопытное явленіе: „дифференціація“ „пролетаризація“, „капитализація“ все болѣе отодвигается въ туманную даль грядущихъ вѣковъ.

Ортодоксъ г. Ильинъ увѣрялъ насъ, что крестьянское хозяйство уже „разложилось“ на „антагонистическіе классы“. Его уже нѣтъ:—эти сто милліоновъ—фикція, обманъ зрѣнія.

Г. Масловъ, поразмышлявши надъ новыми фактами послѣднихъ 20 лѣтъ, говоритъ: „нѣтъ разложенія!“ нѣтъ „дифференціаціи“ сейчасъ, но подождите немного: вотъ кончилась „буржуазная революція“ и „дифференціація“ начнется на нашихъ глазахъ; недаромъ хозяйственные мужички покупаютъ землю.

Г. Лященко, охватившій, хотя бы и съ узкой точки зрѣнія рыночныхъ отношеній всю исторію Россіи, говоритъ: нѣтъ, надо подождать гораздо больше. Дифференціація всегда была, но это еще ничего не значитъ; торговый капиталъ тысячу лѣтъ упорно работающій надъ „разложеніемъ“ не довершилъ своего громаднаго дѣла. Когда онъ его довершитъ—я не знаю; можетъ быть черезъ 100—500—1000 лѣтъ. Но я вѣрю, что послѣ работы торговаго капитала—этого предтечи будущаго мессіи—капитала производительнаго—явится самъ мессія и создастъ на сей разъ уже окончательно царство „капитализаціи“ „пролетаризаціи“ и т. д. Подобно меланхолическимъ героямъ Чехова, онъ мечтаетъ объ этомъ царствѣ, какъ эти герои мечтали о царствѣ равенства, правды, свободы черезъ 300, 500, 1000 лѣтъ. Но если царство капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ наступитъ черезъ сотни лѣтъ, то когда же наступитъ соціалистическій рай? Должно быть тогда, когда солнце застынетъ и земля превратится въ море льда. И пусть въ этомъ ледяномъ раю въ наказаніе за свою теорію сидитъ тѣнь г. Лященко...

Мы же мечтаемъ, вопреки чеховскимъ нытикамъ, что наше царство, нашъ рай, придетъ на землю гораздо раньше, чѣмъ она обратится въ ледъ, что можетъ быть, даже наши дѣти увидятъ его однимъ глазкомъ. И вотъ, чтобы рѣшить, на сколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности наши мечтанія, мы и приступаемъ къ изложенію нашей собственной точки зрѣнія на эволюцію сельскаго хозяйства.

Отдѣлъ II.

Общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи.

Глава IV.

Эволюція формъ и размѣровъ хозяйства.

§ 1. Эволюція формъ и размѣровъ хозяйства въ индустріи.

Въ предыдущей главѣ мы говорили, что экономія сельскаго хозяйства только недавно начала выдѣляться, какъ самостоятельная научная дисциплина, изъ экономіи индустріи. Это выдѣленіе касается пока преимущественно **структуры производства**. Въ области же чистой с.-хоз. экономіи новыя понятія только начинаютъ формироваться и въ очень многихъ случаяхъ существуетъ полное смѣшеніе ихъ съ понятіями, выработанными исключительно на основаніи законовъ производства и распредѣленія промышленности обрабатывающей. Это смѣшеніе отражается на представленіяхъ о ходѣ эволюціи вообще и эволюціи формъ хозяйства въ особенности. Поэтому, мы считаемъ необходимымъ, раньше чѣмъ перейти къ изложенію принциповъ аграрной эволюціи, выяснить, въ общихъ чертахъ, эволюцію хозяйственныхъ формъ въ индустріи, въ томъ видѣ, въ которомъ она установлена новѣйшими изслѣдователями (главнымъ образомъ, Зомбартомъ).

Современныя идеи эволюціи хозяйственныхъ формъ носятъ на себѣ слѣды вліянія законовъ эволюціи, установленныхъ въ естествознаніи Дарвиномъ и обобщенныхъ въ другихъ отрасляхъ знанія, главнымъ образомъ Спенсеромъ.

Подъ эволюціей вообще принято понимать **процессъ внутренняго органическаго развитія** (саморазвитія).

Дарвинъ указалъ, что процессъ саморазвитія въ органическомъ мірѣ носитъ характеръ **дифференціаціи** менѣе совершенныхъ видовъ животныхъ и растеній, происходящей путемъ естественнаго и искуственнаго подбора. Спенсеръ установилъ общую формулу эволюціи для неорганическаго, органическаго и соціальнаго міра: это—законъ перехода отъ **безсвязной неопредѣленной однородности, къ связной опредѣленной разнородности**, т. е. законъ внутренней органической дифференціаціи. Идея дифференціаціи скоро укоренилась въ

области соціальныхъ знаній, сначала въ исторіи, а затѣмъ въ экономіи, гдѣ Марксъ, спеціально не занимавшійся вопросомъ объ эволюціи хозяйственныхъ формъ, тѣмъ не менѣе придалъ ей болѣе или менѣе оформленный видъ (ученіе о техническомъ „мануфактурномъ“ и общественномъ раздѣленіи труда).

Изъ современныхъ схемъ эволюціи хозяйственныхъ формъ наибольшей популярностью пользуется схема **Бюхера**: по этой схемѣ хозяйственная эволюція проходитъ три ступени: 1) ступень **замкнутаго** домашняго хозяйства (производство для собственнаго потребленія). На этой ступени, производитель и потребитель представляютъ одно и тоже лицо, т. е. здѣсь мы видимъ безсвязную неопредѣленную однородность производства и потребленія. 2) Ступень **городского** хозяйства (производства на потребителя) или ступень **непосредственнаго** обмѣна. Производитель и потребитель уже разныя лица, прежняя однородность распалась: но они еще близки другъ къ другу, т. к. между ними не существуетъ торговаго посредника. Ремесленникъ, живущій въ городахъ, самъ продаетъ свои продукты покупателю на городскомъ рынкѣ. Покупатель является или изъ города, или изъ ближайшихъ деревень. Каждый городъ съ окрестными деревнями представляетъ изъ себя замкнутое цѣлое.

3) Ступень **народнаго** хозяйства (производство товаровъ, ступень товарнаго обмѣна). Здѣсь дифференціація идетъ еще дальше: между производителемъ и потребителемъ появляется цѣлый рядъ посредниковъ-торговцевъ. Современное промышленное предпріятіе (фабрика) не видитъ потребителя своихъ продуктовъ: оно работаетъ на рынокъ или для данной страны, или даже для цѣлаго міра. Продуктъ въ видѣ товара путешествуетъ сотни и тысячи верстъ, проходитъ черезъ десятки рукъ и потребитель какой нибудь глухой деревушки получаетъ американскій товаръ отъ мелочного торговца или разнощика.

Эволюція хозяйственныхъ фирмъ у Бюхера, такимъ образомъ, сводится къ эволюціи формъ **обмѣна**. Онъ не затрагиваетъ ни эволюціи формъ **производства**, ни эволюціи **распредѣленія** средствъ производства.

На первой ступени обмѣна не существуетъ, на второй возникаетъ непосредственный обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ. На третьей—народный и міровой товарообмѣнъ. Мейеръ и Зомбартъ доказали, что эти ступени эволюціи обмѣна не соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности. Достаточно вспомнить древнихъ финикіянъ или нашъ „великій путь изъ Варягъ въ Греки“, чтобы убѣдить-

ся, что никогда исключительно замкнутаго домашняго, **натуральнаго** хозяйства не существовало. Съ другой стороны, Зомбартъ указываетъ, что современныя громадныя промышленныя предпріятія, вродѣ Крупповскаго, сплошь и рядомъ работаютъ непосредственно на заказъ.

Зомбартъ устанавливаетъ схему эволюціи формъ производства и формъ обмѣна. Формы обмѣна у него отчасти сходятся съ Бюхеровскими: 1) **индивидуальное** хозяйство, при которомъ „все необходимое для потребительнаго хозяйства производится въ томъ же самомъ хозяйствѣ", т. е. замкнутое домашнее хозяйство Бюхера.

2) **Переходное** хозяйство, въ которомъ значительная часть продуктовъ еще производится для собственнаго потребленія, но другая часть создается со спеціальной цѣлью отчужденія на рынкѣ. „Здѣсь уже достигнуто состояніе обобществленія (производства) но обобществленія еще не высоко развитого, еще не характеризующагося высокой степенью дифференціаціи".

3) **Общественное** хозяйство. Почти всѣ продукты производства вырабатываются для рынка. „Дифференціація производительныхъ хозяйствъ и ихъ сплетеніе въ единое неразрывное цѣлое завершилась" („Соврем. капитал." стр. 73).

Схема обмѣна Зомбарта, какъ и схема Бюхера базируются на основной идеѣ хозяйственной эволюціи—перехода отъ **натуральнаго къ мѣновому строю**. Этотъ переходъ связанъ съ дифференціаціей обмѣна и съ дифференціаціей производства. Индивидуальное хозяйство Зомбарта и замкнутое домашнее Бюхера—аналогичны простѣйшему одноклѣточному организму въ сферѣ біологіи. Какъ у какой нибудь амебы одна и таже клѣтка выполняетъ всѣ функціи организма,—такъ и въ эпоху натуральнаго строя каждое домашнее хозяйство—этотъ одноклѣточный „простѣйшій" организмъ, выполняетъ всѣ свои жизненныя функціи вполнѣ самостоятельно, независимо отъ другихъ хозяйствъ. Натуральный строй—это безсвязная неопредѣленная однородность человѣческаго общества. Въ переходную эпоху уже нѣкоторыя стороны каждой отдѣльной клѣтки—домашняго хозяйства выпускаютъ отростки, которые сплетаются съ отростками другихъ хозяйствъ; и въ то время, какъ однѣ хозяйственныя функціи продолжаютъ жить замкнутой жизнью въ тѣлѣ переходнаго хозяйства, другія „обобществляются" и, благодаря этому обобществленію, начинаютъ дифференцироваться и спеціализироваться.

На третьей ступени обобществленное производство, со-

вершенно вытѣснило индивидуальное изъ хозяйственной сферы. Каждое отдѣльное хозяйство въ общественномъ организмѣ связано безчисленными нитями съ хозяйственной жизнью всего общества, подобно тому, какъ каждая изъ милліоновъ клѣточекъ сложнаго человѣческаго организма связана съ жизнью всего тѣла безчисленными нервными волокнами. И каждая клѣтка въ человѣческомъ тѣлѣ, каждое хозяйство въ общественномъ организмѣ выполняютъ спеціальныя функціи, становятся въ зависимость не отъ личныхъ потребностей, а отъ потребностей всего общества, націи, міра.

Такова основная идея перехода отъ безсвязной неопредѣленной однородности замкнутаго натуральнаго хозяйства къ связной опредѣленной разнородности общественнаго мѣнового хозяйства, которую устанавливаютъ современные теоретики-экономисты.

Эволюція формъ производства у Зомбарта построена на томъ же самомъ принципѣ постепеннаго обобществленія и спеціализаціи хозяйственныхъ продуктовъ.

Теперь спрашивается, соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности изложенныя схемы эволюціи хозяйственныхъ формъ?..

Экономія всякой отрасли промышленности распадается на три части: **производство, распредѣленіе** и **обмѣнъ**. Если мы задаемся цѣлью изучить эволюцію индустріи, мы должны изучать развитіе ея производства, распредѣленія и обмѣна продуктовъ. Изложенныя схемы касаются, главнымъ образомъ, эволюціи обмѣна, но эта эволюція тѣсно сплетена въ индустріи съ эволюціей производства и распредѣленія. Мы сейчасъ сказали, что эволюція хозяйственныхъ формъ связывается съ основной идеей перехода отъ натуральнаго къ мѣновому хозяйству. Натуральное хозяйство противопоставляется мѣновому, какъ первичная, зачаточная форма быта, которая **вытѣснена** въ ходѣ эволюціи сначала хозяйствомъ непосредственнаго обмѣна, а затѣмъ, хозяйствомъ, построеннымъ на началахъ исключительно товарнаго производства. Въ концѣ концовъ строй натуральный и строй мѣновой начали противопоставляться другъ другу, какъ совершенно различныя **эпохи** хозяйства не только въ области индустріи, но рѣшительно, во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни народа, въ томъ числѣ и въ области сельско-хозяйственнаго производства.

Но, мы уже указывали, что эта основная идея, которая проводится и сознательно и безсознательно въ сочиненіяхъ любого изъ современныхъ экономистовъ,—является въ значительной долѣ неправильной, для той же самой **индустріи**

На любой стадіи развитія общества, какъ только человѣкъ, знающій ремесло сталъ профессіоналомъ (а это случилось очень рано), т. е. какъ только индустрія выдѣлилась, какъ спеціальное занятіе, ремесленное хозяйство перестало быть натуральнымъ, и **всецѣло превратилось въ мѣновое**. Развѣ горшечникъ и мѣдникъ эпохи Гомера какъ и средневѣковый и современный, производили и производятъ посуду, латы и мечи для **собственнаго потребленія?** Они или работали **на продажу** или по заказу своего господина, который за это кормилъ ихъ и одѣвалъ. Въ любую эпоху исторіи всякій работникъ, всякій профессіоналъ въ области обрабатывающей промышленности **не могъ вести натуральнаго самопотребляющаго хозяйства по той простой причинѣ, что продукты его производства—горшки, мечи и латы не могли непосредственно, безъ обмѣна накормить его самого.**

Изъ этой простой истины слѣдуетъ такой выводъ: почти на всемъ протяженіи исторіи, **обрабатывающая промышленность не знала эпохи натуральнаго хозяйства**, т. к. хозяйство, спеціализировавшееся на индустріи, не можетъ быть натуральнымъ, самопотребляющимъ, ибо продуктами индустріи питаться нельзя. И отъ начала до конца исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ обществу сталъ нуженъ классъ лицъ, занятыхъ спеціально „технической переработкой сырья", продукты производства этого класса **становятся объектами обмѣна.** Такимъ образомъ, разницы по существу, разницы **качественнаго характера** между различными эпохами въ эволюціи индустріи **не существуетъ.**

Эволюція индустріи въ исторіи представляется лишь въ видѣ:

1) Увеличенія видовъ отраслей производства и обмѣна: въ средніе вѣка имѣлось нѣсколько сотъ видовъ индустріи; теперь германская профессіональная перепись насчитала ихъ свыше 10 тысячъ [1]). Нѣсколько менѣе увеличилось число профессій въ торговлѣ.

2) Увеличеніе **числа лицъ,** занятыхъ въ производствѣ и обмѣнѣ; наглядное доказательство—ростъ городовъ.

3) Увеличеніе количества вырабатываемыхъ и поступающихъ въ обмѣнъ **продуктовъ.** Всѣ эти признаки эволюціи— **количественнаго** характера: увеличеніе количества видовъ производства и обмѣна, количества занятыхъ лицъ и количества продуктовъ.

---

[1]) См о профессіяхъ „Handwörterbuch der Staatswissensch"... (русское изданіе подъ заглавіемъ „Промышленность") Бертильонъ. Курсъ административной статистики.

Разницы качественной, разницы въ основной **цѣли** производства мы не видимъ на всемъ протяженіи исторіи индустріи, съ тѣхъ поръ какъ она выдѣлилась въ спеціальную профессію особаго класса лицъ

Какъ произошло такое колоссальное недоразумѣніе, какъ не могли замѣтить этой самоочевидной истины изслѣдователи, которыхъ, во всякомъ случаѣ, нельзя упрекнуть въ отсутствіи объективнаго пониманія положенія вещей въ другихъ сторонахъ хозяйственной эволюціи?

Причиной этого ослѣпленія, намъ кажется, явился тотъ фактъ, что политическая экономія, какъ наука, развилась въ XIX вѣкѣ, въ эпоху **разцвѣта индустріи и обмѣна**.

XIX вѣкъ—вѣкъ мощнаго развитія городской жизни въ Европѣ и мірового товарнаго хозяйства, вѣкъ распространенія механической силы пара, электричества, представлялъ въ глазахъ современниковъ настолько новую эпоху, что тысячелѣтія, прожитыя человѣчествомъ раньше, казались отдѣленными непроходимой пропастью, черезъ которую геніальный умъ людей XIX вѣка сдѣлалъ быстрый скачекъ. Хозяйственная жизнь нашего времени и жизнь нашихъ предковъ—это два антипода: это небо и земля, тезисъ и антитезисъ, строй натуральный и строй мѣновой, капиталистическій. И непродуманная, непровѣренная иллюзія пропасти, раздѣляющей натуральный строй отъ мѣнового, объ ихъ абсолютной несоизмѣримости, признается аксіомой, не требующей никакихъ доказательствъ и кладется въ основу современной экономической науки...

Для насъ же лично ясной кажется другая аксіома: что **индустрія всегда была исключительно мѣновымъ производствомъ** и хозяйство, связанное съ индустріей не могло быть самопотребляющимъ, натуральнымъ *). Если мы примемъ эту аксіому, то намъ станетъ понятнымъ, какъ получилась иллюзія перехода изъ натуральнаго строя въ мѣновой въ XIX вѣкѣ Въ этомъ вѣкѣ въ крупныхъ европейскихъ странахъ большинство сельскаго населенія переселилось въ города и превратилось изъ земледѣльческаго въ промышленное и торговое. Въ хозяйственномъ строѣ большинства европейскихъ странъ индустрія стала доминировать надъ сель-

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ древности и у насъ въ крѣпостную эпоху барское хозяйство само потребляло продукты индустріи, выработанные рабами и дворней, мы видимъ прототипъ средневѣкового городского хозяйства. Какъ ремесленники въ городахъ получали жизненные припасы изъ окрестныхъ деревень въ обмѣнъ на свои фабрикаты, такъ рабъ и крѣпостной холопъ получали отъ барина пропитаніе въ обмѣнъ на свои

скимъ хозяйствомъ, а т. к. индустрія имѣетъ цѣлью товарное производство и вызываетъ громадное развитіе обмѣна, то получилась иллюзія перехода всей хозяйственной жизни страны изъ натуральнаго строя въ мѣновой. Быстрое развитіе индустріи наряду съ незамѣтнымъ для „невооруженнаго глаза“ развитіемъ сельскаго хозяйства, которое г. Масловъ умудрился даже превратить въ паденіе *), окрасило современную эру хозяйственной жизни во всемъ ея объемѣ въ однообразный цвѣтъ „товарнаго“ производства. Получилось такое же явленіе, какое мы видимъ, напримѣръ, если въ стаканъ, наполненный до половины чистой водой вливать красное вино. Если мы нальемъ сначала нѣсколько капель вина, то для глаза будетъ видно, что въ стаканѣ преобладаетъ вода; если затѣмъ мы нальемъ стаканъ виномъ до краевъ, то большинство неопытныхъ людей будетъ думать, что въ стаканѣ чистое вино, а не вода съ виномъ. Такъ, изслѣдователи, упоенные блескомъ развитія индустріи, совершенно забыли, что въ хозяйственной жизни страны по прежнему остается „вода и вино“, сельское хозяйство и индустрія. Яркая окраска индустріи, сразу широкой струей влившейся въ хозяйственную жизнь Европы XIX в., совершенно потопила безцвѣтную окраску древнѣйшаго производства человѣчества—сельскаго хозяйства.

Мы думаемъ, что у „воды“ и „вина“—сельскаго хозяйства и индустріи различная природа и различныя качества, что изучать ихъ въ смѣшанномъ видѣ товарнаго хозяйства нѣтъ никакихъ основаній, т. к. структура этихъ различныхъ отраслей промышленностей имѣетъ очень мало общаго. Это теперь твердо установлено наукой и поэтому всякій изслѣдователь долженъ отдѣлить эволюцію индустріи отъ эволюціи сельскаго хозяйства и изучать закономѣрный самостоятельный ходъ каждой отрасли хозяйственной дѣятельности независимо отъ другой. Такъ поступимъ и мы. Предварительно, въ общихъ чертахъ мы изложимъ **исторически вѣрную** эволюцію формъ производства и распредѣленія въ индустріи, а затѣмъ обратимъ свое вниманіе исключительно на сельское хозяйство. Изложеніе эволюціи индустріи намъ необходимо, чтобы доказать, что дѣйствительно она имѣетъ мало общаго съ сельско-хозяйственной эволюціей: смѣшеніе ихъ чрезвычайно глубоко укоренилось въ умахъ широкой публики и точное опредѣленіе различій въ этомъ случаѣ неизбѣжно, какъ неизбѣжно при химическомъ анализѣ разложеніе сложнаго тѣла.

*) „Тенденція къ сокращенію земледѣлія“ замѣчается во всѣхъ промышленныхъ странахъ стр. 145.

Итакъ, приступаемъ къ краткому изложенію эволюціи индустріи. . Экономистъ прежде всего долженъ различать эволюцію **производства** отъ эволюціи **распредѣленія**.

Характеръ производства въ очень сильной степени вліяетъ на **распредѣленіе** средствъ производства въ индустріи, но даже и здѣсь на распредѣленіе оказываютъ давленіе побочные факторы, какъ напр. покровительство крупной буржуазіи со стороны правящихъ классовъ (въ видѣ льготнаго кредита, субсидій, гарантій и т. д.). Въ сельскомъ же хозяйствѣ на распредѣленіи отражаются, какъ увидимъ дальше, и политическіе и психологическіе факторы.

Эволюція формъ производства въ индустріи пережила три, обычно упоминаемыхъ въ литературѣ, фазиса ремесленный, мануфактурный, машинный. Зомбортъ вмѣсто этой шаблонной классификаціи предлагаетъ другую, болѣе сложную*), но для бѣглаго изложенія достаточно обычнаго шаблона. Эти фазисы, съ точки зрѣнія техники производства представляются ничѣмъ инымъ, какъ фазисами „мануфактурнаго **раздѣленія** труда", по Марксу, или правильнѣе, техническаго раздѣленія труда.

Въ ремесленномъ фазисѣ промышленности каждый работникъ изготовляетъ продуктъ отъ начала до конца, т. е. производитъ рядъ манипуляцій, необходимыхъ, напр., для того, чтобы изъ кусковъ кожи получился готовый сапогъ; въ мануфактурѣ этотъ рядъ манипуляцій раздѣляется между группой работниковъ, изъ которыхъ каждый спеціализируется на одномъ какомъ либо пріемѣ. Когда въ мануфактурѣ производство одного предмета распалось на рядъ простѣйшихъ чисто автоматическихъ пріемовъ, рабочіе, дѣлавшіе ихъ руками, были замѣнены машинами.

Такимъ образомъ, эволюція техническаго раздѣленія труда въ индустріи есть ничто иное, какъ **дифференціація процессовъ обработки продукта**,—переходъ отъ безсвязной мало опредѣленной однородности пріемовъ одного лица—къ связной, опредѣленной разнородности автоматическихъ пріемовъ, которые производятъ машины на фабрикахъ. Техническое раздѣленіе труда возможно лишь въ томъ случаѣ, если процессъ обработки продукта допускаетъ разчлененіе его на рядъ простѣйшихъ пріемовъ, которые могутъ быть **механизированы**. Только тогда, когда въ мануфактурѣ про-

*) Одиночное производство, семейное, производство съ помощниками, расширенное производство съ помощниками, индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ, общественное производство въ мелкихъ размѣрахъ, мануфактура, фабрика, (общественное производство въ крупныхъ размѣрахъ)

цессъ производства распался на автоматическіе простѣйшіе пріемы—на мѣсто человѣка стала машина. И сейчасъ, кромѣ стараго „художественнаго“ ремесла, машинное производство порождаетъ массу новыхъ видовъ ремесла, не поддающихся механизаціи, т. к. они не допускаютъ автоматичности движеній человѣческой руки. Техническое раздѣленіе труда есть, въ сущности, процессъ автоматизаціи и механизаціи труда.

Техническое раздѣленіе труда связано съ другой стороной дифференціаціи—съ **концентраціей** производства. Чтобы всѣ разчлененные пріемы производства были цѣлесообразно выполнены, необходимо, чтобы они производились по одному опредѣленному плану, подъ однимъ руководствомъ. Чѣмъ **проще** каждый пріемъ, тѣмъ онъ становится производительнѣе, т. к тѣмъ быстрѣе идетъ движеніе руки человѣка или машины. Простота достигается усиленнымъ расчлененіемъ пріемовъ; усиленное расчлененіе ведетъ къ тому, что процессъ производства охватываетъ все большую группу людей и машинъ занятыхъ въ немъ, а такъ какъ эта группа людей должна работать для одной цѣли (сложная кооперація К. Маркса), то и происходитъ **концентрація** производства, подъ однимъ управленіемъ, по одному плану.

Точно такую же картину дифференціаціи и концентраціи представляетъ эволюція **общественнаго** (промышленнаго) раздѣленія труда И въ самой индустріи и въ обмѣнѣ взамѣнъ прежнихъ десятковъ и сотенъ профессій появляются десятки тысячъ; въ то же время какой нибудь трестъ, какой нибудь Морганъ или Рокфеллеръ начинаютъ управлять міровой отраслью производства и обмѣна, какъ министръ управляетъ государственной отраслью.

Итакъ, эволюція **производства** въ индустріи даетъ картину несомнѣнной внутренней дифференціаціи и концентраціи, благодаря механичности пріемовъ индустріи. Такую же картину, по мнѣнію марксистовъ, давала и эволюція **распредѣленія**. Ремесленникъ—это и рабочій и предприниматель—неопредѣленная однородность, вродѣ крестьянина, который, впрочемъ еще сложнѣе: онъ и рабочій и предприниматель, и рантьеръ и продавецъ и потребитель. Въ индустріи связь производства съ распредѣленіемъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ то время, какъ въ этомъ послѣднемъ владѣлецъ латифундій очень часто ведетъ самое мизерное хозяйство, въ индустріи размѣры фабрики, мануфактуры, мастерской всегда указываютъ на размѣры производства; и если эволюція производства неизбѣжно влечетъ за собой концентрацію, то большинство продуктовъ даннаго вида промышленности будетъ вырабатываться не сотнями

тысячъ самостоятельныхъ ремесленниковъ или кустарей въ своихъ мастерскихъ и „свѣтелкахъ“, а сотнями тысячъ рабочихъ, лишенныхъ средствъ производства, на нѣсколькихъ десяткахъ фабрикахъ. **Концентрація производства ведетъ къ концентраціи средствъ производства**; сотни тысячъ ремесленниковъ, имѣвшихъ свои орудія, свои мастерскія превратились въ пролетаріевъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ рабочихъ рукъ; всѣ средства производства сосредоточились въ рукахъ немногихъ счастливцевъ изъ ихъ среды Произошла, слѣдовательно, внутренняя органическая дифференціація распредѣленія...

Но это шаблонное представленіе о разложеніи ремесленниковъ на пролетаріевъ и капиталистовъ, сильно видоизмѣнено детальнымъ историческимъ анализомъ Зомбарта. Оказывается, внутренней дифференціаціи одного класса ремесленниковъ на два антагонистическихъ въ исторіи не было. Извѣстная часть ремесленниковъ, именно тѣхъ, производство которыхъ легко подвергалось механизаціи, была вытѣснена капиталистами и превратилась въ пролетаріевъ, но капиталисты изъ рядовъ ремесленниковъ не выходили. Зомбартъ говоритъ, что въ предѣлахъ какой либо „хозяйственной дѣятельности ремесленнаго характера, по меньшей мѣрѣ очень невѣроятно возникновеніе имуществъ достаточно крупныхъ, для того, чтобы они могли дать толчекъ преобразованію хозяйственной жизни въ капиталистическомъ направленіи. Или выражаясь съ большей точностью: предполагать, будто богатые люди, съ которыми мы встрѣчаемся въ городахъ западной Европы на исходѣ среднихъ вѣковъ, выдѣлились, благодаря своей ремесленной дѣятельности, изъ рядовъ мелкихъ mercatores (торговцевъ или продавцевъ на рынкѣ), населяющихъ эти города въ первыя столѣтія ихъ существованія—предполагать это—значитъ увѣровать въ чудо“ (стр. 213).

Капиталъ въ индустріи и торговлѣ явился изъ того же источника, изъ котораго, по библейскому сказанію, произошли и мы—**отъ земли** черезъ посредство тружениковъ земли—крестьянъ. Въ Италіи родоначальникомъ капитала были папскіе сборы, разныя „десятины на крестовые походы“ и другіе виды папскихъ сборовъ и сборовъ духовенства, которые въ концѣ концовъ попадали въ руки банкировъ, сформировавшихся изъ богатыхъ купцовъ. Второй источникъ—короли, феодалы и рыцарскіе ордена, которые собирали сотни милліоновъ въ видѣ податей и повинностей съ крѣпостныхъ „вѣрноподданныхъ“, частью пускали ихъ сами въ торговый и промышленный оборотъ, частью проживали въ ге-

родахъ, гдѣ ими пользовались опять таки банкиры и купцы Общій выводъ Зомбарта таковъ: **„земельныя ренты превращенныя въ денежную форму, послужили основой для возникающаго современнаго капитализма.** (стр. 280)". „Тѣ суммы на которыя въ Италіи и Фландріи въ XIII вѣкѣ и даже раньше, а въ другихъ странахъ съ XIV столѣтія учреждались финансовыя и торговыя предпріятія въ широкомъ масштабѣ; тѣ суммы, которыя, по всей справедливости слѣдуетъ разсматривать, какъ первичныя состоянія; эти суммы представляютъ ничто иное, какъ **накопленную земельную ренту**" (стр. 274.)

Другимъ источникомъ накопленія капиталовъ послужило „колоніальное хозяйство" или точнѣе, какъ называетъ это хозяйство Замбортъ ,,**разграбленіе колоній**": „мы сдѣлались богатыми, потому что цѣлыя расы и племена вымерли для насъ и цѣлыя части свѣта для насъ обезлюдѣли". (стр. 323.) Колоніи же доставляли и золото, котораго въ рудникахъ и розсыпяхъ Европы было очень мало.

Такимъ образомъ, денежный капиталъ въ городахъ Европы накопился **извнѣ**; его доставили крестьяне черезъ посредство духовенства и феодаловъ; его привезли изъ заокеанскихъ странъ. Ремесленникъ подпалъ подъ власть этого накопленнаго извнѣ капитала. Господствуя на рынкѣ, денежный капиталъ въ лицѣ торговцевъ, съ одной стороны, ссужалъ ремесленника нужнымъ ему сырьемъ, съ другой стороны, въ возвратъ ссуды, забиралъ производимые ремесленникомъ товары и получалъ двойную прибыль. Намъ лично на югѣ Уральской области довелось наблюдать это первоначальное развитіе капитализма въ сферѣ рыбопромышленности. На сѣверо-восточномъ побережьи Каспійскаго моря, въ киргизскихъ степяхъ, находится рыбопромышленный поселокъ „—Жилая коса". Здѣсь въ 60-хъ г.г. поселилось нѣсколько русскихъ торговцевъ. Они забирали въ Астрахани жизненные и рыболовн. припасы (муку, чай, сахаръ, рыболовн. принадлежности) и выдавали ихъ въ кредитъ (въ заборъ) ловцамъ—киргизамъ осенью. Во время весенняго лова, ловцы—заборщики расплачивались рыбой и, конечно, никогда не вылѣзали изъ долговъ. Такимъ путемъ торговцы быстро нажили большіе капиталы. Такая же заборная система существуетъ въ Россіи въ кустарныхъ раіонахъ, существовала и въ Западной Европѣ въ средніе вѣка. Она приводила ремесленниковъ къ полной потерѣ самостоятельности; другая часть накопленныхъ капиталовъ направилась непосредственно на созданіе крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Напримѣръ, горное дѣло сразу превратилось въ крупное производство. Однако до конца среднихъ вѣковъ въ индустріи преобладало мел-

кое ремесло, причемъ сами ремесленники все болѣе опутывались торговымъ капиталомъ. Развитію крупной индустріи препятствовалъ слабый ростъ населенія, связанный, въ свою очередь, съ государственнымъ нестроеніемъ, съ постоянными войнами, грабежами, голодовками, моромъ и крѣпостнымъ правомъ. До конца XVIII в. на континентѣ и до XVII въ Англіи населеніе растетъ очень медленно. Это было одной изъ главныхъ причинъ „того явленія", говоритъ Зомбартъ, „что капитализмъ въ Англіи опередилъ континентальный капитализмъ на 50—100 лѣтъ. На континентѣ Европы рѣшительный поворотъ наступаетъ лишь съ начала XIX в., въ особенности, по окончаніи наполеоновскихъ войнъ. Въ это время ростъ населенія разомъ принимаетъ небывалый до того времени темпъ.... деревенское населеніе возрастаетъ до такой степени, что, несмотря на все еще сильный отливъ въ колоніальныя области, очень скоро возникаетъ избытокъ предложенія надъ спросомъ на рабочія силы. Это.... и является характернымъ для количественныхъ отношеній населенія въ концѣ ранняго капиталистическаго періода, который такимъ образомъ, созрѣваетъ для того, чтобы уступить мѣсто новой фазѣ въ развитіи капитализма." (стр. 383). Слѣдовательно, денежный капиталъ, добытый извнѣ, остается преимущественно въ формѣ торговаго капитала, пока деревенское населеніе, доставлявшее городу до сихъ поръ только денежныя средства, не предложило ему появившійся вслѣдствіе быстраго прироста населенія, избытокъ рабочихъ рукъ.

Въ общемъ итогѣ, деревня (плюсъ колоніи) доставила городу и средства и работниковъ—два главныхъ фактора современнаго капитализма. Небольшой по численности классъ ремесленниковъ, отчасти лишь поглощенный капитализмомъ, игралъ незначительную роль въ этой эволюціи.

Изъ этого краткаго изложенія историческаго хода эволюціи распредѣленія въ индустріи видно, что „органическаго" развитія, внутренней дифференціаціи первоначальной неопредѣленной однородности—ремесленниковъ—въ дѣйствительности не было. „Связная опредѣленная разнородность"—пролетаріевъ и капиталистовъ выросла извнѣ, сверху и снизу тонкаго слоя ремесленниковъ и поглотила его лишь настолько, насколько тотъ или другой видъ ремесла допускалъ механизацію. *)

*) Отсюда, крайне нелѣпымъ должны казаться потуги нашихъ марксистовъ доказать неизбѣжность внутренней дифференціаціи крестьянства, которой не было и въ сферѣ индустріи.

Но, какъ бы тамъ не было, а концентрація капитала въ индустріи—фактъ, наблюдаемый и теперь. Въ Германіи, изъ ста лицъ занятыхъ въ промышленности, участвовало,

	Въ 1882 г.	Въ 1895 г.	Уменьшеніе или увеличеніе въ %
Въ мелкихъ предпріятіяхъ (до 5 чел.)	—59,0	46,5	—21,2
Среднихъ	(5—50)—19,0	23,9	+25,8
Крупныхъ	(св. 50 ч.) 22,0	29,6	+34,5 *)

Въ средніе вѣка въ мелкихъ мастерскихъ работало, вѣроятно свыше 90% занятыхъ въ промышленности, т. е. къ настоящему времени мелкое производство, **относительно** сократилось не менѣе, чѣмъ наполовину; но **абсолютно** даже и теперь число мелкихъ предпріятій и лицъ, занятыхъ въ нихъ растетъ (2882,8 тыс. предпр. съ 4338 тыс. лицъ въ 1882 г. и 2934,7 тыс. предпріятій съ 4770,7 тыс. лицъ въ 1895 г.

Крупныя предпріятія, не поглощая мелкихъ, вырастаютъ рядомъ съ ними. Впрочемъ число лицъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, не даетъ еще точнаго понятія о концентраціи капитала т. к. есть милліонныя предпріятія съ десятками работниковъ, и есть тысячныя съ сотнями ихъ.

Насколько концентрируются въ обществѣ капиталы вообще (а не только въ индустріи) могутъ дать понятіе слѣдующія цифры, касающіяся двухъ наиболѣе промышленныхъ странъ: Англіи и Саксоніи. (См. стр. 148).

Таблица доходовъ въ Англіи указываетъ на легкую дифференціацію: классъ бѣдныхъ—нижній слой повысился относительно на 2,6%, средній классъ (525—6000 марокъ) слегка сократился, а верхній классъ повысился очень сильно, (свыше 30%). Точно также убавилась въ нижнихъ классахъ и доля доходовъ въ общей суммѣ.

Но **благосостояніе** нижнихъ слоевъ осталось на **одномъ уровнѣ** (400—402 м., 926—928 мар. на одного плательщика). Иными словами въ Англіи низшіе классы увеличились по размѣрамъ, но не стали ни бѣднѣе, ни богаче. Верхніе классы богатѣютъ одни.

Слѣдовательно, процессъ имущественнаго неравенства въ Англіи, скорѣе выражается въ видѣ **подвижки вверхъ** чѣмъ дифференціаціи; эта подвижка сопровождается концентраціей накопленныхъ богатствъ въ верхнихъ классахъ, причемъ нижніе классы, увеличиваясь количественно, удерживаютъ свое имущественное благосостояніе на одномъ уровнѣ. На эту подвижку вверхъ, а не дифференціацію иму-

*) См. Косинскій „къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи".

А. АНГЛІЯ (по Зоетберу).

Доходы д.	% плательщиковъ. 1876 г.	% плательщиковъ. 1890 г.	% прироста и убыли плательщ.	% суммы доходовъ. 1876 г.	% суммы доходовъ. 1890 г.	% прироста и убыли доходовъ	На одного плательщика доходовъ. *) 1876 г.	На одного плательщика доходовъ. *) 1890 г.
мелкіе до 525 мар. . .	39,11	40,11	+2,6	16,85	16,58	—0,2	400	402
Средніе 525 — 2000	55,57	54,05	—2,7	55,42	51,53	—7,0	926	928
Средніе 2000 — 6000	4,53	4,81	+6,2	15,52	16,08	+3,6	3174	3248
Крупные 6000 — 20000	0,69	0,90	+30,4	7,12	8,88	+24,7	9601	9639
Крупные 20000—100.000	0,10	0,13	+30,0	3,64	4,77	+31,0	8093	37855
Крупные св. 100.000				1,44	2,21	+46,5	212681	276789

Б) САКСОНІЯ

Доходы.	% ПЛАТЕЛЬЩИКОВЪ. 1879 г.	% ПЛАТЕЛЬЩИКОВЪ. 1894 г.	% прироста и убыли каждаго слоя.	% СУММЫ ДОХОДОВЪ. 1882 г.	% СУММЫ ДОХОДОВЪ. 1888 г.	% прироста и дохода убыли.
Мелкіе до 800 мар.	76,39	65,30	—14,5	40,36	36,07	—10,6
Средніе 800—3300	20,94	22,24	+6,2	33,72	35,87	+6,3
Средніе 3300—9600	2,22	2,79	+25,6	13,14	13,03	—0,8
Крупные свыше 9600	0,45	0,77	+71,1	12,78	15,03	+17,5

*) См. Handwörterbuch „Промышленность“ ст. „Доходы“ и Геркнеръ „Рабочій трудъ въ Зап. Европѣ“.

щественнаго положенія въ Англіи указываютъ и цыфры Энгеля за періодъ 1852—73 гг.

Доходъ каждаго плательщика возросъ:

Имѣвшихъ до 400—талеровъ	на 1,23%
400—1000	1,75
1000—1600	2,10
1600—3200	2,32
3200—6000	2,54
6 т.—12 т.	3,25
12 т.—24 т.	4,71
24 т.—52 т.	5,76
52 т.—100 т.	5,68
100 т.—200 т.	5,33
св 200 тыс.	22,0

Англія въ настоящее время изъ страны индустріи превращается въ страну денежно-торговаго капитала и рабочіе замѣняются клерками въ банкирскихъ конторахъ, благодаря чему уровень благосостоянія нижнихъ слоевъ долженъ бы нѣсколько повышаться, на что указываютъ разные дополнительные признаки (напр. ростъ потребленія). Но если относительно Англіи цыфры заставляютъ насъ колебаться въ ту или другую сторону, то цифры, касающіяся Саксоніи, указываютъ на несомнѣнную и быструю **подвижку вверхъ**; нижніе слои сокращаются, иначе говоря, они переходятъ въ высшій разрядъ. Чѣмъ выше слой. тѣмъ больше онъ увеличивается. Доля доходовъ въ нижнемъ слоѣ сократилась **меньше** чѣмъ доля населенія (первая на 10,6% вторая на 14,5%) т. е. уровень благосостоянія нижняго слоя повысился.

Въ общемъ итогѣ, при несомнѣнной концентраціи капиталовъ въ верхнихъ слояхъ*), можно сказать, что обѣдненія нижнихъ слоевъ эта концентрація за собой не влечетъ; не влечетъ она и пролетаризаціи самостоятельнаго класса ремесленниковъ, который, какъ мы видѣли изъ цыфръ германской переписи, даже растетъ. Слѣдовательно, ортодоксальная теорія обнищанія, теорія внутренней органической дифференціаціи, въ эволюціи **распредѣленія** средствъ производства и доходовъ индустріи и торговли, оказывается несостоятельной. Шишко въ своей замѣчательной брошюрѣ:

*) Въ Англіи по Шиппелю 80% населенія, составляющихъ рабочіе классы, владѣютъ 40% дохода Верхи, обнимающіе 1,7% населенія, владѣютъ 36,5% дохода, т. е. почти такой же суммой, Въ Пруссіи 5256 милліонеровъ владѣютъ капиталомъ въ 6.813,7 мил. марокъ; а 767.204 чел. съ-капиталомъ отъ 6-ти до 32 тыс. мар. имѣютъ на 1621 мил. марокъ меньше.

„По программнымъ вопросамъ", пишетъ: „... было установлено, что о буквальномъ физическомъ и при томъ общемъ обнищаніи рабочихъ массъ, занятыхъ въ крупной промышленности, не можетъ быть и рѣчи; напротивъ того, оказывается, что даже **средній** уровень экономическаго положенія этихъ массъ въ промышленно развитыхъ странахъ, не только не понижался абсолютно, но, напротивъ того, хотя медленно и неровно, но подвигался въ сторону повышенія; если же можно говорить о пониженіи этого общаго уровня, то лишь объ **относительномъ**, лишь въ смыслѣ увеличенія соціальнаго разстоянія между рабочимъ классомъ и господствующими имущественными классами". (стр. 23).....

Нашъ бѣглый анализъ эволюціи индустріи приводитъ къ такимъ выводамъ.

1) Съ тѣхъ поръ, какъ обрабатывающая промышленность становится профессіей особаго класса лицъ, индустрія является производствомъ **мѣнового** характера. Поэтому, перехода натуральнаго строя въ мѣновой въ индустріи не было и представленія о подобномъ переворотѣ—есть иллюзія современныхъ экономистовъ.

2) Эволюція хозяйственныхъ формъ вообще и индустріи въ частности въ современной экономикѣ мыслится, какъ внутренняя органическая дифференціація. Это представленіе, заимствованное изъ естествознанія, въ области индустріи справедливо лишь по отношенію къ эволюціи **техники** обработки. Механичность техническихъ пріемовъ обработки продуктовъ способствуетъ развитію **раздѣленія труда**, а это послѣднее, въ свою очередь, приводитъ къ необходимости создавать **кооперацію** пройзводства, т. е. соединеніе разчлененныхъ процессовъ труда подъ однимъ общимъ управленіемъ и по одному плану. Техническое раздѣленіе труда приводитъ и къ **общественному** раздѣленію труда, т. е. къ образованію десятковъ тысячъ спеціальныхъ профессій.

Итакъ, въ эволюціи **производства** въ индустріи мы наблюдаемъ процессъ внутренней органической дифференціаціи.

3) Но въ сферѣ **распредѣленія** внутренней дифференціаціи не было. Классъ капиталистовъ и классъ пролетаріевъ образовался не **внутри** класса ремесленниковъ, а **надъ** нимъ и **подъ** нимъ; изъ класса торговцевъ и банкировъ и изъ избыточнаго крестьянскаго населенія. Деревня доставила капиталистамъ большую часть ихъ капитала, деревня же дала этому капиталу рабочія руки. Классъ ремесленниковъ, очутившійся **между** этими антагонистичес-

кими классами, удерживается количественно въ прежней позиціи и даже слегка возрастаетъ абсолютно. Крупное производство выросло рядомъ съ мелкимъ, остающимся, приблизительно, въ неподвижномъ состояніи. Такимъ образомъ, вмѣсто внутренней двусторонней дифференціаціи, эволюція распредѣленія въ индустріи представляетъ изъ себя **одностороннюю подвижку вверхъ**, приводящую къ концентраціи вновь образующихся, накопляемыхъ капиталовъ, почти исключительно въ верхнихъ слояхъ.

Ту же самую подвижку вверхъ мы видимъ и въ имущественномъ благосостояніи отдѣльныхъ слоевъ: нижніе слои не бѣднѣютъ, но богатѣютъ только верхніе классы. Слѣдовательно, теорія обнищанія стараго ортодоксальнаго марксизма оказывается несостоятельной

§ 2. Эволюція формъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ предыдущемъ § мы бѣгло разсмотрѣли всѣ стороны эволюціи индустріи: эволюцію производства, распредѣленія и обмѣна. Въ этомъ § мы не будемъ касаться подробно ни эволюціи производства, ни эволюціи распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ. И та и другая эволюція составятъ главную тему послѣдующаго изложенія. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ на различія въ общемъ ходѣ эволюціи сельскаго хозяйства и индустріи и рѣшимъ вопросъ о развитіи формъ с. хоз. предпріятій съ точки зрѣнія **обмѣна**. Вѣдь именно на развитіи обмѣна построено современное представленіе объ эволюціи хозяйственныхъ формъ вообще и если мы не разберемъ предварительно степень достовѣрности этого шаблоннаго представленіи о несоизмѣримости „натуральнаго“ и „мѣнового“ строя, въ сельскомъ хозяйствѣ, оно станетъ поперекъ дороги всѣму нашему дальнѣйшему изложенію.

Поэтому начнемъ со сравненія результатовъ общаго хода эволюціи индустріи и сельскаго хозяйства.

Эволюція индустріи, какъ мы видѣли, если не привела къ внутренней органической дифференціаціи, то во всякомъ случаѣ, создала концентрацію средствъ производства въ рукахъ небольшого класса капиталистовъ. Накопленіе капитала въ европейской индустріи, тянется на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Капиталъ не рождается внезапно на порогѣ XIX вѣка, подобно Венерѣ, выходящей изъ мор-

скои пѣны—его происхожденіе теряется въ сѣдой старинѣ. Родоначальникомъ капитала въ индустріи Зомбартъ называетъ **земельную ренту**. Земельная рента могла появиться лишь съ развитіемъ началъ личной **собственности на землю**, т. е. съ начала среднихъ вѣковъ. (VIII—IX в. в. въ средней Европѣ). Отсюда начинается почкованіе капитала—его отдѣленіе отъ всеобщей матери—земли.

Эпоха начала среднихъ вѣковъ—есть вмѣстѣ съ **тѣмъ эпоха первоначальнаго захвата свободныхъ территорій господствующими классами**. Эти классы—классы феодаловъ, т. е военно-служащаго элемента тогдашняго государства съ одной стороны и духовенства—съ другой, экспропріируютъ сначала власть надъ незанятой землей, а затѣмъ надъ землей, бывшей въ пользованіи трудового крестьянскаго населенія и закабаляютъ это послѣднее въ ярмо крѣпостного права. Эпоха среднихъ вѣковъ, является эпохой владычества **крупнаго** землевладѣнія. „Система феодализма", говоритъ Левитскій, заключалась въ томъ, что верховныя права на землю перешли къ привиллегированнымъ классамъ, а пользованіе землей соединилось съ массой обязательствъ по отношенію къ этому классу со стороны лицъ, фактически ее обрабатывающихъ" (исторія политич. экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. стр 66)

Власть надъ основнымъ средствомъ производства—землей и надъ самими производителями оказалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они зачастую владѣли прочимъ капиталомъ въ видѣ скота и земледѣльческихъ орудій, которымъ и ссужали крестьянъ, закабаляя ихъ еще больше Средніе вѣка*) были эпохой не только крупнаго землевладѣнія, но и крупнаго **хозяйства**. Накоплялась земельная рента, сельское населеніе превращалось въ не оплатныхъ должниковъ и вѣчныхъ работниковъ на господской нивѣ. Во всей Германіи къ концу среднихъ вѣковъ, не было ни одного клочка обработанной земли, за право пользованія которымъ крестьянинъ не былъ обязанъ платить подать и отбывать повинность сеньору, королю, духовенству. Феодализмъ царилъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ и во всякомъ государствѣ, прожившемъ тысячелѣтнюю исторію: въ Японіи, Китаѣ, Индіи и т. д.

Что же произошло съ основнымъ средствомъ производства—землей и прочими средствами—орудіями и скотомъ? Развѣ этотъ основной капиталъ сельскаго хозяйства сосредоточенъ сейчасъ въ рукахъ крупныхъ хозяевъ? Вотъ цыфровой отвѣтъ на этотъ вопросъ.

*) **Примѣчаніе**—во второй половинѣ т е. послѣ XVI вѣка.

% площади земли, находящейся въ пользованіи хозяевъ.

	Мелкихъ (До 18 дес.)	Среднихъ (18—91 дес.)	Крупныхъ (св. 91 дес.)
Бельгія (1903 г.)—	68,7	25,0	3,4*)
Германія (1895 г.)—	45,7	30,3	24,0
Данія (1895 г.)—	(До 18 дес.) (19,3)	(18—108 дес.) 65,1	(св. 108 дес.) 15,6
Великобританія (1895 г.)—	(До 18,5 дес.) 15,0	(18,5—111 дес.) 57,6	(св. 111 дес.) 27,4

Крупныя хозяйства охватываютъ только отъ 3,4% до 27,4% всей площади. Мелкимъ и среднимъ хозяйствамъ принадлежитъ **болѣе трехъ четвертей**. Еще большія доли орудій и скота сосредоточены въ рукахъ этихъ хозяйственныхъ группъ. Слѣдовательно, въ тотъ же самый періодъ, въ который средства производства въ индустріи концентрировались въ рукахъ верхнихъ слоевъ, въ сельскомъ хозяйствѣ они переходили отъ верхнихъ къ среднимъ и нижнимъ слоямъ. И, взявши отправной точкой для эволюціи индустріи и сельскаго хозяйства одну и ту же эпоху—начала среднихъ вѣковъ, мы увидимъ, что процессъ эволюціи **распредѣленія** въ обѣихъ отрасляхъ промышленности **діаметрально противоположенъ**. Въ то время, какъ индустрія въ средніе вѣка въ Европѣ дробилась въ сотняхъ тысячъ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, теперь она концентрируется, увеличившись въ своихъ размѣрахъ въ десятки разъ, въ немногихъ крупныхъ предпріятіяхъ. Наоборотъ, сельское хозяйство въ средніе вѣка, притянутое, сконцентрированное вокругъ монастырскихъ стѣнъ и феодальныхъ замковъ, раздробилось на милліоны мелкихъ и среднихъ хозяйствъ и процессъ раздробленія идетъ все дальше и дальше.

Вотъ какое колоссальное явленіе было потеряно изъ виду многими изслѣдователями XIX вѣка. Если сельское хозяйство подвержено тѣмъ же законамъ дифференціаціи и концентраціи, которые были установлены въ индустріи, то почему эволюція **распредѣленія** въ сельскомъ хозяйствѣ отъ начала до конца противоположна таковой же въ индустріи? Почему накопленный капиталъ—земельная рента, уходитъ

*) Во Франціи группировка по землепользованію, къ сожалѣнію не соотвѣтствуетъ принятой нами Но преобладаніе мелкаго и средняго землепользованія во Франціи общеизвѣстно. Площадь хозяйствъ свыше 50 гектаровъ, въ число которыхъ входятъ, слѣдовательно (50—100 гект.) и среднія въ 1884 г. охватывала только 35,3% всей.

въ города, и крупнаго землевладѣльца—хозяина вытѣсняетъ крестьянинъ?...

Причина той или иной эволюціи распредѣленія, если оставаться въ предѣлахъ чистой экономики (не касаясь политики) зависитъ, главнымъ образомъ отъ эволюціи **производства**. Слѣдовательно, если средства производства въ сельскомъ хозяйствѣ раздробились, а не концентрировались, то причиной этого процесса должны явиться специфическія особенности и структуры и эволюціи с.-хоз. производства. Такъ долженъ разсуждать всякій послѣдовательно мыслящій человѣкъ. Но не такъ разсуждаютъ современные экономисты. Для нихъ достаточно довода, что въ средніе вѣка былъ натуральный хозяйственный строй, а теперь товарный и что поэтому средневѣковыя формы хозяйства несравнимы съ нынѣшними.

Мы показали, что въ индустріи немыслимо въ любую эпоху существованіе натуральнаго строя. Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло въ сельскомъ хозяйствѣ.

Анализируя теорію г. Лященко, мы между прочимъ установили, что крестьянское трудовое хозяйство, уже потому, что оно **трудовое**, должно быть въ своей основѣ натуральнымъ. Но понятіе „натуральное хозяйство“ теоретики экономической эволюціи; вродѣ Бюхера, смѣшиваютъ съ понятіемъ „замкнутое“ т. е. „самопотребляющее“. Всѣ продукты, производимые крестьяниномъ, потребляются **внутри** его хозяйства. При анализѣ теоріи г. Лященко мы не разграничивали этихъ понятій, но этотъ анализъ уже указываетъ, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ, надо отличать расходы **производства** (хозяйственные) отъ расходовъ личнаго **потребленія** (личные).

Въ бюджетной статистикѣ такъ всегда и дѣлается, т. к. **производство можетъ быть натуральнымъ, а потребленіе мѣновымъ**. Напримѣръ, пригородныя хозяйства (ремесленныя по терминологіи г. Лященко) въ своемъ производствѣ расходуютъ трудъ и сырье **натурой**; но **продукты** этого производства они могутъ отчуждать на рынокъ цѣликомъ и въ обмѣнъ получать **продукты личнаго потребленія**.

Отсюда слѣдуетъ, что **производство** крестьянскаго **трудового** хозяйства всегда было, есть и будетъ преимущественно **натуральнымъ**; что же касается до **потребленія**, то мы сейчасъ докажемъ, что крестьянское хозяйство никогда не было въ этомъ отношеніи „замкнутымъ“ самопотребляющимъ.

Мало того: г. Лященко прибавляетъ къ натуральному хозяйству эпитетъ „самостоятельное“, т. е. такое, производство котораго независимо отъ внѣшняго воздѣйствія. Мы

утверждаемъ, что крестьянское хозяйство **никогда самостоятельнымъ не было.**

Итакъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ надо различать степень натуральности и самостоятельности производства и степень натуральности потребленія.

Установивши нашу точку зрѣнія, обратимся къ исторіи.

Въ средніе вѣка значительная доля продуктовъ крестьянскаго производства и крестьянскаго труда не потреблялась въ самомъ хозяйствѣ, а уходила, въ видѣ податей и повинностей, въ руки господствующихъ классовъ и здѣсь превращалась въ накопленную земельную ренту, которая послужила основой промышленнаго капитала. Крестьяне выплачивали дань господствующимъ классамъ въ трояком видѣ: въ денежной формѣ, продуктами и трудомъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ и въ Европѣ и въ Россіи денежная форма повинностей была довольно развита. Затѣмъ, европейскіе доменіальные крестьяне и наши казенные, а также крѣпостные оброчники на всемъ протяженіи исторіи выплачиваютъ оброки чаще деньгами. Въ Германіи, въ эпоху развитія крѣпостного права, (ласситы (арендаторы въ собственномъ смыслѣ) выплачивали ренту деньгами. Къ концу среднихъ вѣковъ (XVI—XVIII в.в. на западѣ, конецъ XVIII и начало XIX в. у насъ), крупное помѣстное землевладѣніе становится товарнымъ хозяйствомъ и тогда взамѣнъ оброковъ развивается **барщинная система**, система трудовой формы повинностей. Тогда „помѣщикъ живетъ не на счетъ ренты, получаемой съ крестьянъ; нѣтъ, онъ является самъ сельскимъ хозяиномъ, онъ ведетъ собственное хозяйство, далеко превосходящее по своимъ размѣрамъ хозяйство крестьянъ, онъ существуетъ доходами съ хозяйственно-эксплуатируемаго имѣнья и получаетъ отъ крестьянъ, главнымъ образомъ, не деньги, не продукты, а **трудъ**, который получаетъ потребительную форму уже въ видѣ дохода отъ хозяйства. Господско-крестьянскія отношенія по своему внутреннему смыслу суть отношенія хозяйственныя, основанныя на работѣ крестьянъ въ пользу помѣщика". (Освоб. кр—нъ на Западѣ стр. 136). Значитъ, въ средніе вѣка крестьянское хозяйство не было „замкнутымъ" самопотребляющимъ. Значительная часть продуктовъ уходила, въ видѣ податей или въ денежной или въ натуральной формѣ изъ сферы личнаго потребленія. При уплатѣ повинностей деньгами, крестьянинъ долженъ былъ предварительно отчуждать на рынкѣ свои продукты, т. е. вступать въ непосредственный обмѣнъ. Не надо забывать, что въ ту эпоху с.-хоз. индустрія, а также и ремесло еще не были отдѣлены отъ земледѣлія. Кресть-

янинъ самъ варилъ пиво, дѣлалъ вино, гналъ водку, ткалъ полотно и холстъ, изготовлялъ одежду и обувь, ладилъ деревянные борону и плугъ и т. д. Когда онъ приготовлялъ этихъ предметовъ больше, чѣмъ нужно для собственнаго потребленія, излишки онъ вывозилъ на рынокъ, какъ теперь вывозитъ излишки зерна.

Поэтому и въ средніе вѣка крестьянское хозяйство и потребленіе не было чисто натуральнымъ. Оно было **смѣшаннымъ**: натурально-мѣновымъ. **Такимъ же оно осталось и по сію пору**. Разница между нынѣшней эпохой и средневѣковой можетъ быть, какъ и въ индустріи, только **количественной, а не качественной**, т. е. въ настоящее время доля продуктовъ крестьянскаго производства, идущая въ обмѣнъ, можетъ быть больше, чѣмъ въ средніе вѣка. Насколько увеличилась эта доля—за отсутствіемъ цыфръ прошлаго, нельзя сказать. Надо помнить лишь, что въ средніе вѣка крестьянинъ продавалъ и продукты индустріи и сельскаго хозяйства, а теперь преимущественно одни сельско-хозяйственные продукты.

Но если нельзя рѣшить вопроса о количественной эволюціи въ сферѣ обмѣна, то нѣтъ никакихъ сомнѣній, что современное крестьянское хозяйство **гораздо болѣе самостоятельно**.

Та доля продуктовъ и личнаго труда (перемѣннаго капитала въ производствѣ), которая отчуждалась въ эпоху крѣпостного права въ пользу господствующихъ классовъ, гораздо больше той доли продуктовъ и труда, которую теперь крестьяне тратятъ на этотъ видъ непроизводительныхъ расходовъ (непроизводительное потребленіе г. Маслова). По массовымъ бюджетамъ Воронежской губ на подати уходитъ на дворъ по 19 р., на аренду по Карышеву—25 р.; на духовенство по первому источнику—14 р., всего 58 руб. Годовой бюджетъ двора по индивидуальнымъ бюджетамъ 10 губ. *)—434 руб.; 8 губ. позднѣйшаго періода—467 руб. **); но т. к. индивидуальные бюджеты обыкновенно выше средняго уровня, то болѣе правильнымъ надо считать бюджеты массовые, по которымъ годичный расходъ двора равенъ 364 р.; 58 руб составятъ 16% этой суммы. Такова доля непроизводительныхъ расходовъ крестьянскаго хозяйства въ настоящее время.

Но въ той же Воронежской губ. при крѣпостномъ пра-

*) См ст. Щербины во „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ т. II.
**) См стат. ежегодникъ Тверской губ. на 1906 г.

въ господствовала барщина; каждый дворъ—тягло, по закону, работалъ на барина три дня въ недѣлю. Съ тягла сходило въ годъ 140 рабочихъ дней съ добавленіемъ подводныхъ, сѣнныхъ и т. д. Положимъ по 50 коп. за рабочій день—получаемъ 70 руб. Прибавимъ сюда духовенство и разныя добавочныя повинности и увидимъ, что при крѣпостномъ правѣ непроизводительные расходы съѣдали едвали не половину крестьянскаго производства.

Отсюда видно, что если теперь, можетъ быть, большая доля продуктовъ крестьянскаго производства поступаетъ непосредственно на рынокъ, то съ другой стороны, значительно меньшая доля продуктовъ и главное—труда отчуждается на непроизводительные расходы.

Итакъ: а) крестьянское хозяйство никогда не было замкнутымъ, самопотребляющимъ, б) крестьянское производство теперь самостоятельнѣе, чѣмъ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Свой, въ **основѣ натуральный характеръ**, оно не потеряетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ. Что же касается до личнаго потребленія, то оно, конечно, удовлетворяется теперь при помощи обмѣна, больше чѣмъ прежде Но 1) не слѣдуетъ смѣшивать личнаго потребленія съ производствомъ, 2) если опредѣлить на глазъ, то вѣдь общеизвѣстно, что нынѣшніе крестьяне по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. питаются лучше, чѣмъ крѣпостные, т. е. личное натуральное потребленіе абсолютно увеличилось ..

Переходимъ къ **крупному** хозяйству.

Крупное хозяйство въ началѣ среднихъ вѣковъ, вѣроятно, было гораздо болѣе замкнутымъ, самопотребляющимъ, чѣмъ теперь. И въ сферѣ производства оно пользовалось даровымъ натуральнымъ трудомъ крѣпостныхъ. Тѣмъ не менѣе, оно и тогда въ значительной степени было товарнымъ. Первые феодальные князья, короли, всадники были не только воинами и земледѣльцами-рантьерами, но и **торговцами**. Феодальные и монастырскіе дворы очень скоро превращаются въ базары, а затѣмъ и въ городки, гдѣ владѣльцы продаютъ продукты труда крѣпостного населенія. Къ концу крѣпостного права товарный характеръ крупнаго землевладѣнія становится его выдающейся чертой и по существу никакой разницы въ этомъ отношеніи нѣтъ между тогдашнимъ барщиннымъ и современнымъ крупно-владѣльческимъ хозяйствомъ. Что же касается до оброчныхъ имѣній (особенно оброчная система была развита во Франціи), то вѣдь эта система аналогична нынѣшней сдачѣ въ аренду. Слѣдовательно и здѣсь не было какого то внезапнаго переворота, прыж-

ка изъ натуральнаго хозяйства въ мѣновое, а было лишь совершающееся въ теченіе столѣтій увеличеніе доли продуктовъ крупнаго хозяйства, поступающихъ на рынокъ.

Крупное хозяйство теперь стало почти исключительно товарнымъ. Производство въ немъ основано на наемномъ трудѣ, но сырье (сѣмена и кормъ) до сихъ поръ ускользаютъ изъ круговорота товарообмѣна. Но можно ли назвать это товарное хозяйство—**капиталистическимъ** *), цѣль котораго—накопленіе прибыли для расширеннаго воспроизводства, каковая цѣль, по мнѣнію экономистовъ, составляетъ основное отличіе современнаго хозяйства отъ хозяйства эпохи „натуральнаго“ строя?

Основное ядро крупныхъ землевладѣльцевъ въ Европѣ состоитъ до сихъ поръ изъ потомковъ феодаловъ—дворянъ плюсъ—подражающіе имъ магнаты капитала.

Дворяне—классъ не **накопляющій цѣнности**, а какъ мѣтко назвалъ ихъ Шульце-Геверницъ—**классъ, пожирающій капиталы**.

Тѣ милліарды земельной ренты, которые они получили за тысячу лѣтъ, тѣ милліарды выкупныхъ, которые имъ достались при эмансипаціи и тѣ милліарды ипотечнаго капитала и ренты, которые они продолжаютъ получать теперь, не уходили и почти не уходятъ въ круговоротъ с.-хозяйственнаго производства и рѣдко удерживаются въ ихъ рукахъ. Современный англійскій лордъ, германскій юнкеръ, русскій помѣщикъ, подобно средне-вѣковому феодалу, предпочитаютъ скорѣе тратить, чѣмъ пріобрѣтать. Такимъ образомъ, крупное хозяйство, сохраняя основную цѣль своего производства—**личное потребленіе**, въ тоже время трансформируется въ теченіе столѣтій изъ натуральнаго въ мѣновое. Средневѣковый баронъ, пока жилъ въ своемъ замкѣ, тратилъ на себя продукты въ натуральномъ видѣ, получая ихъ посредствомъ оброка или барщины. Но вотъ появляются города: часть феодаловъ устремляется туда, на службу или для веселой жизни. Въ городахъ натуральное потребленіе затрудняется уже транспортировкой громоздкихъ продуктовъ и помѣщикъ такого типа скорѣе всего склоненъ къ денежнымъ оброкамъ; оставшіеся на землѣ феодалы находятъ наиболѣе выгоднымъ сбывать продукты на рынкѣ. Но ни тотъ, ни другой типъ не стремятся къ расширенію производства, а къ расширенію **личнаго потребленія** и денежные знаки, по-

*) Конечно, по формальнымъ признакамъ—примѣненію чужого труда оно будетъ капиталистическимъ. Но здѣсь мы говоримъ не о формальномъ, а о внутреннемъ признакѣ—цѣли предпріятія.

лученные за оброкъ или за товаръ уплываютъ одинаково въ города, въ мануфактурные и бакалейные магазины.

Такимъ образомъ, ни мелкому, ни крупному хозяйству Европы и сейчасъ нельзя придать эпитета **капиталистическаго**, ибо главная цѣль того и другого—**не производство для накопленія прибыли, а производство для личнаго потребленія**. Эта психологическая черта крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ рѣзко отличающая ихъ отъ крупной буржуазіи, въ индустріи, зависитъ, по всей вѣроятности, отъ исторически-сложившихся традицій. Предметы сельско-хозяйственнаго производства—наиболѣе насущные для всякаго человѣка. Въ средніе вѣка, феодальный сеньоръ (нашъ удѣльный князь), обладая большими запасами жизненныхъ продуктовъ, прокармливалъ множество своихъ слугъ и дружинниковъ и становился хозяиномъ ихъ тѣла и души. Чѣмъ больше народа онъ могъ прокормить, тѣмъ могущественнѣе онъ становился.

Физическое и политическое могущество связывалось съ почетнымъ положеніемъ, которое, въ концѣ концовъ, базировалось на широкихъ непроизводительныхъ тратахъ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Отсюда, намъ кажется, и происходитъ привычка къ широкой жизни и отсутствіе страсти къ накопленію прибыли у современныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ.

Но современное европейское земледѣліе не прокармливаетъ всего европейскаго населенія. Быстрый приростъ сельскаго населенія въ началѣ XIX в., наполнившій города десятками милліоновъ избыточной крестьянской массы, опередилъ развитіе европейскаго сельско-хозяйственнаго производства, которое стало не въ состояніи прокормить города.

Въ тоже время окончательная экспропріація земли господствующими классами въ Великобританіи, а также освободительная реформа съ „отрѣзками“ земли въ Германіи погнали сначала Ирландцевъ, потомъ и нѣмецкихъ крестьянъ за океанъ. И вотъ избытки населенія, получившіеся благодаря приросту и послѣднимъ экспропріаціямъ земли, населяютъ дѣвственныя степи Америки и Австраліи. Эти страны скоро становятся житницей для европейскихъ городовъ...

Колоніальное земледѣліе является дѣйствительно совершенно новой формой сельскаго хозяйства, развившейся на протяженіи XIX в. Въ колоніяхъ съ ихъ громаднымъ плодородіемъ почвы хищническое экстенсивное хлѣбопашество стало давать громадные доходы. Потомокъ ирландскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и прочихъ крестьянъ, американ-

скій фермеръ имѣлъ скромныя потребности: у него не было поколѣній раззолоченныхъ предковъ, оставившихъ ему въ наслѣдство принципъ „noblesse oblige“.

За покрытіемъ нормальныхъ потребностей здороваго человѣка, всѣ излишки своего хищническаго и потому „производительнаго“ хозяйства, онъ сталъ отправлять на прежнюю родину за океанъ. Полученную прибыль онъ обращалъ на дальнѣйшую экстенсивную распашку новыхъ цѣлинныхъ пространствъ.

За 40 лѣтъ, съ 1850 по 1890 гг. площадь подъ фермами въ Соединенныхъ Штатахъ увеличилась съ 293,6 мил. акровъ до 623,2 мил., сельско-хозяйственная съ 113 мил. до 358 мил. акровъ.

Площадь посѣвовъ увеличилась за 1866—1900 г.г. съ 86,7 мил. акровъ до 223,4 мил. Производство хлѣбовъ за 50 лѣтъ (1839—1889 г.г.) возросло **вшестеро** (съ 615 мил. бушелей до 3519 мил.). Это производство было по своему характеру не только **товарнымъ но и капиталистическимъ**, т. е. имѣвшимъ цѣлью не столько удовлетвореніе личныхъ потребностей, сколько стремленіе накоплять прибыль для расширеннаго воспроизводства.

Такимъ образомъ, новая форма хозяйства, порожденная XIX вѣкомъ, отличается цѣльнымъ товарно-капиталистическимъ характеромъ. Но вотъ чего не замѣтили современные экономисты: американскія хозяйства, въ большинствѣ случаевъ, **среднихъ** размѣровъ. Въ 1890 г. въ Соединенныхъ Штатахъ земля принадлежала.

% площади:

Мелкимъ хозяйствамъ.	Среднимъ	Крупнымъ
(До 37,0 дес.)	(37—185 дес.)	(Св. 185 дес.)
15,0%	73,0%	12,%*)

73% площади принадлежатъ среднимъ хозяйствамъ, чего въ Европѣ нѣтъ. Изъ крупныхъ европейскихъ странъ, только въ Англіи почти также распространены среднія фермерскія хозяйства, (18,5—111 дес.), охватывающія 57,6% площади; они также развились въ XIX вѣкѣ и по типу близко подходятъ къ американскимъ, т. е. производство ихъ носитъ тоже товарно-капиталистическій характеръ. Но англійскія фермы возникли на территоріи крупнаго земле-

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Россіи, благодаря экстенсивной системѣ, мы считаемъ мелкимъ хозяйство до 40—50 дес., среднимъ—40—50 до 200 дес., крупнымъ св. 200. Въ Европѣ грани между хозяйствами будутъ, приблизительно вдвое меньше. Цыфры Соединенныхъ Штатовъ взяты изъ „Handwört.“ „Землевладѣніе“ стр. 222, а предыдущія—изъ Булгакова и Дена.

владѣнія лендлордовъ: на нихъ тяжелымъ бременемъ ложатся непроизводительные расходы на выплату ренты. Американскія фермы построены на свободной землѣ. Въ то время, какъ захватъ свободной земли феодалами, въ теченіе среднихъ вѣковъ привелъ къ образованію крупнаго землевладѣнія, современный захватъ въ колоніальныхъ странахъ не только Америки, но и Австраліи быстро принимаетъ размѣры среднихъ хозяйствъ, не даетъ образоваться крупнымъ и даже идетъ по пути къ дальнѣйшему раздробленію.

Происходитъ это оттого, что средневѣковый захватъ былъ политическимъ, современный—экономическимъ. Политическіе факторы перестали играть преобладающую роль въ распредѣленіи земли въ XIX в. и новая форма хозяйства отличается, поэтому, новыми размѣрами, болѣе соотвѣтствующими **современнымъ требованіямъ техники производства**...

Итакъ мы имѣемъ въ наличности, съ точки зрѣнія развитія обмѣна, три формы хозяйства въ земледѣліи.

1) Мелкое крестьянское хозяйство Европы, сохраняющее, начиная съ среднихъ вѣковъ, по преимуществу натуральный и потребительный характеръ. Самостоятельность крестьянскаго хозяйства скорѣе усилилась къ настоящему времени, благодаря тому, что современный крестьянинъ стряхнулъ съ себя солидную часть непроизводительныхъ расходовъ на различнаго рода повинности и ренту.

2) Крупное помѣстное хозяйство Европы, получившее товарный характеръ еще на протяженіи среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени эволюціонировавшее въ этомъ направленіи. Но большинство этихъ хозяйствъ, будучи товарными, не относятся къ типу чисто капиталистическихъ, т. к. основная цѣль ихъ владѣльцевъ—личное потребленіе, а не дальнѣйшее расширеніе производства.

3) Новая форма хозяйства—чисто товарно-капиталистическаго типа **среднихъ** размѣровъ. Она появилась въ XIX в. въ Соединенныхъ Штатахъ, развивается въ Австраліи послѣ законовъ 80 г.г.; въ Европѣ—(въ Англіи) въ видѣ арендаторовъ—фермеровъ.

На континентѣ Европы фермерскія капиталистическія хозяйства имѣются, но уже въ гораздо меньшемъ количествѣ—въ Бельгіи.. Въ Германіи, во Франціи и у насъ въ Россіи фермеровъ—капиталистовъ мало. Среднія хозяйства въ этихъ странахъ относятся скорѣе къ типу **крупно-крестьянскихъ** съ большой семьей, и слѣдовательно, съ большими расходами на личное потребленіе.

Вотъ три основныхъ формы современныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Сравнивая ихъ съ формами пред-

пріятій въ индустрій, мы видимъ прежде всего, что тогда, какъ въ этой послѣдней XIX вѣкъ породилъ крупное предпріятіе—фабрику, въ сельскомъ хозяйствѣ на свободныхъ пространствахъ заокеанскихъ территорій и въ Англіи на территоріи крупнаго землевладѣнія лендлордовъ нарождается новый типъ товарно-капиталистическаго хозяйства **среднихъ** размѣровъ. Въ тоже время, на континентѣ Европы наибольшія завоеванія дѣлаетъ **мелкое** трудовое хозяйство. Такимъ образомъ, сельско-хозяйственное производство, а слѣдовательно и обмѣнъ, поскольку онъ связанъ съ той или другой формой, концентрируются не въ рукахъ крупныхъ, а въ рукахъ **среднихъ** и **мелкихъ** хозяйствъ. Мелкія и среднія хозяйства вытѣсняютъ крупныя изъ той господствующей позиціи, которую эти послѣднія занимали вплоть до XIX вѣка И взамѣнъ десятковъ тысячъ „пшеничныхъ фабрикъ“ XIX вѣкъ создалъ десятки милліоновъ мелкихъ и среднихъ мастерскихъ; взамѣнъ концентраціи—разсѣяніе земледѣлія по всему земному шару...

Можно ли послѣ сказаннаго считать товаро-обмѣнъ первопричиной такой эволюціи хозяйственныхъ формъ?...

Завоеванія мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ не могутъ явиться слѣдствіемъ эволюціи товаро-обмѣна, т. к. эти хозяйства менѣе всѣхъ другихъ склонны къ мѣновому производству.

Среднія хозяйства, поскольку они относятся къ типу товарно-капиталистическихъ, а не крупно-крестьянскихъ, дѣйствительно имѣютъ цѣлью исключительно товаро-обмѣнъ. Они есть результатъ промышленнаго роста Европы. Но и самый этотъ ростъ и заокеанское земледѣліе имѣютъ одну **общую** причину своего развитія—именно **быстрый приростъ населенія.**

Сельское хозяйство имѣетъ своей прямой непосредственной задачей удовлетвореніе наиболѣе **насущныхъ** продовольственныхъ потребностей населенія (городского и сельскаго). Такъ какъ въ городахъ хлѣбъ не растетъ, а Европа для городовъ его давала мало, то отсюда и явилась необходимость въ переносѣ земледѣльческой территоріи за океанъ; не будь роста населенія Европы, не было бы и заокеанскаго земледѣлія, а вмѣстѣ съ нимъ не было бы и **мірового товаро—обмѣна** сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Итакъ, товаро-обмѣнъ не есть **первопричина** новыхъ хозяйственныхъ формъ въ земледѣліи; его возникновеніе, какъ и этихъ формъ, есть слѣдствіе **двухъ причинъ**: а) убыстреннаго роста населенія, б) того факта, что сельское хозяйство

Европы, благодаря **специфическимъ свойствамъ производства**, не могло доставить продовольственныя средства возросшему населенію также быстро, какъ напримѣръ, на фабрикахъ приготовляется обмундированіе солдатъ во время внезапной военной мобилизаціи. Отсюда выводъ: и своеобразный ходъ эволюціи сельскаго хозяйства, и разсѣяніе земледѣлія и порожденный имъ товарообмѣнъ вмѣстѣ съ новыми формами предпріятій—все это слѣдствія двухъ основныхъ причинъ: специфическихъ свойствъ эволюціи сельско—хозяйственнаго производства и роста населенія. Посмотримъ, каковы эти свойства и какимъ образомъ связанъ съ ними ростъ населенія.

Глава V.

Эволюція сельско—хозяйственнаго производства.

§ 1). факторы сельско—хоз. производства.

а). Природные.

Теперь твердо установлено въ нашей литературѣ, что кромѣ человѣка, въ сельско—хозяйственномъ производствѣ принимаетъ вполнѣ самостоятельное участіе **природа**. Даже г. Масловъ признаетъ, что „главное отличіе земледѣлія отъ индустріи заключается въ томъ, что количество земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется не только количествомъ труда и капитала, прилагаемыхъ для производства продуктовъ, но и размѣрами **площади** обрабатываемой земли, совокупностью естественныхъ условій: климата, почвы и. т. д.“ (стр. 61).

Мы идемъ еще дальше: по нашему мнѣнію, с. хоз. продукты есть результатъ **органическаго** творчества природы, но не **механическаго** творчества человѣческаго труда. Индустрія не имѣетъ дѣла съ областью органической жизни: ея сфера—обработка мертваго матеріала, доставляемаго природой. И въ индустріи человѣкъ не создаетъ новаго вещества: его роль заключается лишь въ перемѣщеніи атомовъ сырыхъ матеріаловъ; въ хлопчато—бумажной ткани плюсъ отбросы заключается столько же атомовъ матеріи, сколько ихъ было въ хлопкѣ и въ краскахъ, изъ которыхъ выработана ткань. Но въ индустріи человѣкъ **самъ** перерабатываетъ сырье. Въ

сельскомъ хозяйствѣ, подчиненномъ тому же закону сохраненія матеріи, природа замѣняетъ человѣка: изъ сырья—земли, воды, свѣта, теплоты, газовъ воздуха, при помощи разныхъ организмовъ, природа вырабатываетъ тѣ живые организмы, которые нужны для человѣка. Человѣкъ не умѣетъ самъ вырабатывать живыхъ организмовъ и его роль сводится къ приспособленію творческихъ процессовъ природы для своей цѣли—**добыванія** продовольственныхъ средствъ. Вотъ почему сельс. хоз. промышленность есть промышленность **добывающая** съ точки зрѣнія человѣческой дѣятельности. Какъ опредѣляетъ Каблуковъ—сельское хозяйство есть „добыча сырья при помощи обработки земли".

Главная цѣль сельскаго хозяйства не добываніе **наибольшаго** количества продуктовъ—человѣкъ не можетъ добыть столько продуктовъ, сколько захочетъ—а добываніе такого количества продуктовъ, которое бы обезпечило населенію удовлетвореніе его насущныхъ потребностей.

Итакъ, основной дѣятель сельско—хозяйственнаго производства, отсутствующій въ индустріи—природа. Намъ нѣтъ нужды, послѣ работы Давида и др. останавливаться на всестороннемъ значеніи природныхъ факторовъ, и мы ограничимся указаніемъ только на одну сторону ихъ, наиболѣе важную для с. хоз. производства—именно на степень доступности ихъ воздѣйствію человѣческаго труда.

Было время, когда все человѣчество, подобно современнымъ дикарямъ, предоставляло природѣ дѣйствовать самостоятельно, не принимая никакого участія въ ея работѣ. Но это время прошло: въ умѣренномъ поясѣ Европы природа въ дикомъ видѣ, безъ помощи человѣческаго труда, доставляетъ уже очень небольшое количество продуктовъ. Главная масса продуктовъ получается, благодаря воздѣйствію человѣческой дѣятельности на тѣ факторы природы, которые доступны этому воздѣйствію. Основной изъ природныхъ факторовъ въ сельскомъ хозяйствѣ—**земля** или вѣрнѣе ея **верхній слой—почва**. Къ подпочвеннымъ слоямъ сельское хозяйство прибѣгаетъ сравнительно рѣдко.

Дѣятельность земной почвы выражается въ двоякаго вида функціяхъ:

1) почва, по опредѣленію Давида, является средой и участницей въ физическихъ, химическихъ и біологическихъ процессахъ, благодаря которымъ въ результатѣ получаются живые организмы растеній, а черезъ ихъ посредство—животныхъ, т. е. почва есть **орудіе производства**. 2) Она входитъ, въ качествѣ **сырого матеріала**—въ растеніе.

Человѣкъ можетъ оказывать замѣтное вліяніе и на ту

и другую функцію почвы. Разрыхляя ее на извѣстную глубину. онъ усиливаетъ ея дѣятельность, какъ орудія производства; доставляя почвѣ удобреніе, онъ увеличиваетъ количество сырого матеріала для живыхъ организмовъ. Но если человѣкъ воздѣйствуетъ на дѣятельность почвы, то и природныя качества почвы воздѣйствуютъ на человѣческую дѣятельность, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ требованія рынка, на которыя указываетъ г. Лященко. Выборъ растеній въ сѣвооборотѣ зависитъ больше всего отъ почвы. У насъ въ Россіи пропорція культуръ въ черноземной и нечерноземной полосѣ въ 1906 г. была такова.

		Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Пшеница.	Прочіе злаки	Маслич, кукуруза, бобов. и корнеплоды.
Нечерн. пол.	К-не	43,1	28,4	7,7	4,9	3,6	12,3
	Влад.	39,1	28,6	6,6	7,4	4,5	13,8
Черн. пол.	кр-не	31,1	14,3	10,7	28,0	8,0	7,9
	Влад.	24,0	16,4	11,4	37,6	4,8	5,8

Города сосредоточены больше въ нечерноземной, чѣмъ въ черноземной полосѣ; по переписи 1897 г. въ черноземной полосѣ было 10,7% городского населенія, въ нечерноземной—15,4%. Городское населеніе предпочитаетъ потреблять **пшеничный** хлѣбъ. Поэтому, если бы въ сельскомъ хозяйствѣ доминировали требованія рынка, а **не почвы**, то въ нечерноземной полосѣ мы бы увидали не 5% и 7% посѣвовъ пшеницы, а больше чѣмъ въ черноземной, т. е. 30% и 40%, тѣмъ болѣе, что и заграничные потребители предпочитаютъ пшеницу. Но т. к. почвы нечерноземной полосы требуютъ **иного** сѣвооборота, чѣмъ почвы черноземной, то даже у чисто товарнаго владѣльческаго хозяйства мы видимъ 39,1% посѣвовъ ржи и только 7,4% посѣва пшеницы; тогда какъ въ черноземной—наоборотъ, 37,6% пшеницы и 24% ржи.

Роль почвы, какъ самостоятельнаго фактора производства, нѣсколько сокращается по мѣрѣ интенсификаціи, когда человѣкъ, внося то или иное удобрительное вещество, можетъ приспособлять почву для того или иного сѣвооборота уже **по своему выбору**. Тѣмъ не менѣе выборъ культуръ въ сѣвооборотѣ и въ интенсивныхъ системахъ, въ большинствѣ случаевъ, приспособляется къ естественнымъ качествамъ почвы. Только, въ т. наз **вольной** системѣ, когда человѣкъ беретъ почти исключительно на себя обязанность почвеннаго питанія растеній, выборъ посѣвныхъ культуръ всецѣло находится въ его власти. Но и при вольной системѣ урожайность, т. е. производительность почвы не можетъ идти

дальше извѣстнаго предѣла.

Производительность почвы зависитъ не только непосредственно отъ ея структуры—химическаго состава почвы, но и отъ **физическихъ** свойствъ, которыя почва проявляетъ по отношенію къ „газамъ воздуха, свѣту и теплу“ (Давидъ) Это—общая проницаемость почвы и въ частности ея **водопроницаемость**, способность поддаваться вывѣтриванію, размельчанію и т. д. Въ связи съ физическими свойствами почвы находится дѣятельность другого рода природныхъ факторовъ, которые получаются изъ **надземной** среды—изъ **атмосферы**.

Атмосфера доставляетъ и землѣ и организмамъ сырой матеріалъ—свѣтъ, теплоту, различные газы и воду. Весь этотъ матеріалъ перерабатывается отчасти въ почвѣ, отчасти поступаетъ непосредственно въ растенія и животныхъ. Кромѣ почвы, переработкѣ сырыхъ матеріаловъ атмосферы въ удобоусвояемый для растеній видъ—помогаютъ почвенныя **бактеріи**—главнымъ образомъ, та ихъ разновидность, которая обладаетъ азотособирающими свойствами.

Гельригель и Пражмовскій доказали существованіе такихъ бактерій, которыя находятся на корняхъ бобовыхъ растеній и назначеніе которыхъ—усвоять свободный азотъ воздуха. Тимирязевъ утверждаетъ, что, вѣроятно, процессъ усвоенія свободнаго азота корневыми бактеріями происходитъ **въ самой почвѣ**, а не въ растеніи*). Азотъ усвояется черезъ посредство **почвы**, тогда какъ усвоеніе другихъ питательныхъ элементовъ атмосферы: соединеній углерода, водорода, кислорода—происходитъ главнымъ образомъ, въ листьяхъ, т. е. непосредственно изъ самой атмосферы. Третья группа питательныхъ веществъ—**минеральныя** (элементы золы: калійныя, фосфорныя, известковыя, магнезіальныя „желѣзныя и т. д. соединенія) лежатъ неподвижно въ почвѣ, т. е. составляютъ ея постоянную часть.

Растеніе питается частью черезъ посредство листьевъ—изъ атмосферы, частью черезъ посредство корней—изъ почвы. Человѣкъ властенъ только надъ **корневымъ** питаніемъ растеній, т. е. надъ элементами почвы и надъ тѣми элементами атмосферы, которые находятся въ почвѣ въ усвояемомъ для корней растеній видѣ. Непосредственно надъ атмосферой **власть человѣка безсильна**. Атмосфера остается постояннымъ природнымъ факторомъ, дѣйствующимъ на сельско хозяйственное производство **помимо человѣческой воли**.

*) См. „Земледѣліе и физіологія растеній“ стр. 247.

Совокупность различныхъ соединеній воздуха, тепла, свѣта и влаги въ атмосферѣ образуютъ **климатъ и времена года**. Ни климатъ, ни времена года не могутъ быть измѣнены людьми въ сколько нибудь замѣтной степени. Небольшія оранжереи, парники, дождевыя и градовыя мортиры— вотъ жалкіе плоды человѣческихъ усилій покорить себѣ эту группу природныхъ факторовъ. Атмосферные газы, свѣтъ, тепло и вода останутся, вѣроятно, надолго, **постояннымъ самодовлѣющимъ** факторомъ сельско-хозяйственнаго производства, направляющимъ его по усмотрѣнію безсознательной природы.

Итакъ, человѣкъ можетъ оказывать непосредственное воздѣйствіе лишь на тонкій верхній слой земли, именуемый почвой и на тѣ производительные процессы природы, которые связаны съ ней. Онъ можетъ видоизмѣнять и улучшать почву, какъ орудіе производства, разрыхляя ее для растеній на нужную глубину; онъ можетъ улучшать ея качественный составъ, прибавляя питательныя вещества; онъ можетъ до извѣстной степени регулировать тѣ части атмосферы, которыя проникаютъ въ почву, прибавляя и убавляя азотъ (сѣвооборотъ съ бобовыми), осушая почву, или наоборотъ, орошая ее. **Но надъ земной поверхностью онъ безсиленъ**. Такимъ образомъ **сельско-хозяйственная дѣятельность человѣка можетъ быть связана только съ производительными силами земли** (верхняго слоя) Но, кромѣ почвы и атмосферы, сельско-хозяйственное производство знаетъ еще одинъ факторъ, котораго почти не знаетъ индустрія. Это **пространство**. Благодаря тому, что естественная производительность земли (почвенные запасы) ограничена, что человѣкъ можетъ на каждой ступени сельско-хозяйственной дѣятельности поднимать эту производительность лишь до извѣстнаго предѣла, размѣры сельско хозяйственнаго производства связаны съ извѣстными размѣрами **площади земли** т. е. съ пространствомъ. По мѣрѣ интенсификаціи производства человѣкъ повышаетъ производительность земли и становится способнымъ добывать съ одной и той же площади все большее количество продуктовъ. Слѣдовательно, хозяйственное значеніе пространства сокращается по мѣрѣ эволюціи производства.

Значеніе это **отрицательнаго** характера по отношенію къ труду человѣка.

1) Увеличеніе размѣровъ площади заставляетъ затрачивать на передвиженіе **совершенно непроизводительно** значительное количество труда. Г.г. марксисты, въ родѣ г. Маслова, восхваляющіе экстенсивное хозяйство, забываютъ, что это хозяйство для производства одного и того же коли-

чества продуктовъ, требуетъ въ нѣсколько разъ большей площади, т. е. увеличенія непроизводительныхъ затратъ труда на передвиженіе. Между тѣмъ, они прекрасно вычисляютъ, сколько труда затрачивается даромъ нашимъ общинникомъ крестьяниномъ на проѣзды по полоскамъ, разбросаннымъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, но не считаютъ, сколько тратится на передвиженіе въ крупномъ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ, пространство требуетъ по существу непроизводительныхъ затратъ труда на передвиженіе, которые сокращаются вмѣстѣ съ сокращеніемъ площади, по мѣрѣ эволюціи с.-хозяйственнаго производства. **Роль пространства обратно пропорціональна производительности земли.** И поскольку человѣкъ овладѣваетъ этой производительностью, постольку онъ сокращаетъ отрицательное значеніе пространства для производительности человѣческаго труда.

2) Пространство, какъ видно изъ II-й главы нашей работы (§ 3)—одно изъ главныхъ препятствій для механизаціи и концентраціи с. хоз. производства. Мы указывали, что напр. молотьба—процессъ чисто автоматическій, легко могла бы быть не только механизирована, но и **сконцентрирована** на молотильныхъ фабрикахъ, если бы пространство не препятствовало перевозкѣ тяжелыхъ сноповъ на большія разстоянія. Благодаря пространству, с хоз. машины вообще должны быть малы, легки и подвижны и поэтому **слабосильны.** Иначе говоря, пространство препятствуетъ широкому примѣненію механической силы, и концентраціи с. хоз. производства. Поэтому крупное сельское хозяйство не можетъ быть фабрикой, гдѣ всѣ машины приводятся въ дѣйствіе однимъ центральнымъ моторомъ. Фабрика—есть **сложная техническая кооперація**, гдѣ всѣ процессы производства и всѣ орудія тѣсно связаны между собой Крупное сельскохозяйственное предпріятіе есть не **кооперація**, а по терминологіи Зомбарта—**индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ**. гдѣ всѣ орудія и группы людей работаютъ вполнѣ самостоятельно, отдѣленныя другъ отъ друга пространствомъ.

Вотъ два отрицательныхъ свойства пространства: но пространство имѣетъ и свои положительныя стороны.

Такъ какъ климатъ и времена года независимы отъ человѣка, то пространство очень часто нивеллируетъ вредныя стороны этихъ природныхъ факторовъ. Напримѣръ вредная съ точки зрѣнія излишнихъ затратъ труда разбросанность общинныхъ дѣлянокъ, бываетъ полезна въ томъ случаѣ, когда дождь, градъ идетъ, какъ говорится, полосой

Если однѣ дѣлянки пропадаютъ отъ засухи и выбиваются градомъ, то другія поливаются дождемъ и спасаются отъ града.

Еще полезнѣе роль пространства въ **народномъ и міровомъ** производствѣ, конечно, при современныхъ путяхъ сообщенія. Въ средніе вѣка въ Россіи и въ Европѣ бывали случаи, когда въ однихъ раіонахъ населеніе вымирало отъ голода, благодаря неурожаю, а въ другихъ не знало куда дѣвать хлѣбъ, который гнилъ въ амбарахъ вслѣдствіе громадныхъ урожаевъ. Исторія намъ говоритъ, что при экстенсивномъ хозяйствѣ колебанія урожаевъ—явленіе постоянное; и вплоть до настоящаго момента, начиная съ XI вѣка мы видимъ, что въ однихъ мѣстахъ Россіи—голодъ, въ другихъ—урожай; т. е. въ однихъ раіонахъ атмосферныя условія климата въ данный моментъ были благопріятны, въ другихъ—нѣтъ. Пространство нивеллируетъ колебанія климатическихъ условій и, при развитомъ транспортѣ, даетъ возможность всей націи избѣжать мѣстныхъ голодовокъ, всегда возможныхъ при экстенсивномъ хозяйствѣ.

Времена года нивеллируются пространствомъ при міровомъ современномъ товарообмѣнѣ. Въ то время, какъ въ Европѣ зима, въ январѣ въ Австраліи, Новой Зеландіи, Чили и Аргентинѣ—происходитъ жатва хлѣбовъ; каждый мѣсяцъ въ какой нибудь странѣ созрѣваютъ и убираются злаки и европейскому населенію нѣтъ надобности сберегать свои хлѣбные запасы „до новины“.

Итакъ, климатъ и времена года т. е. природные факторы атмосферы, недоступные прямому воздѣйствію человѣка, могутъ быть нивеллированы человѣкомъ, благодаря тому, что сельское хозяйство связано съ пространствомъ.

Кромѣ почвы, атмосферы, пространства—главныхъ природныхъ факторовъ, есть и второстепенные факторы: рельефъ мѣстности, естественные пути сообщенія, величина береговой линіи, тоже почти недоступные воздѣйствію человѣка. На нихъ мы не будемъ останавливаться, т. к. значеніе ихъ указывается въ любомъ учебникѣ.

Но одинъ природный факторъ, имѣющій, впрочемъ, только историческое значеніе, упускается изъ вида современными изслѣдователями. Это первоначальный **растительный покровъ** земли. Только геологи и отчасти историки останавливаются на этомъ факторѣ. Но его значеніе въ исторіи сельскаго хозяйства громадно: отъ характера растительнаго покрова (лѣса и степи) зависѣлъ типъ первобытнаго хозяйства—охотничьяго или пастушескаго, зависѣли и разновидности первоначальнаго земледѣлія: подсѣки и залежь.

Вмѣстѣ съ растительнымъ покровомъ измѣнялось и количество труда, которое приходилось человѣку вкладывать въ землю для полученія одного и того же количества продуктовъ. Характеръ растительнаго покрова отражался и на **распредѣленіи** земли, на формахъ быта и формахъ землепользованія. Словомъ изслѣдователь исторіи сельскаго хозяйства не можетъ игнорировать этого природнаго фактора, и мы въ дальнѣйшемъ, не разъ будемъ сталкиваться съ нимъ...*)

Растительный покровъ—факторъ, сильно поддающійся воздѣйствію человѣка, и, по мѣрѣ вырубанія лѣсовъ, распашки степей, онъ исчезаетъ съ горизонта хозяйственной жизни, такъ что при анализѣ современнаго производства можно игнорировать его значеніе.

Такимъ образомъ, непосредственному прямому вліянію человѣка теперь изъ природныхъ факторовъ доступна лишь **производительность земли**. Посмотримъ, отъ какихъ условій зависитъ сама человѣческая дѣятельность въ сельскомъ хозяйствѣ.

Б) Факторы воздѣйствія человѣка на природу въ сельскомъ хозяйствѣ.

Факторы человѣческой дѣятельности мы раздѣляемъ на двѣ группы: на **внѣшніе**, не относящіеся непосредственно къ самому сельско-хозяйственному производству, но тѣмъ не менѣе дѣйствующіе на него помимо сознательной воли человѣка, и **внутренніе**, техническіе, составляющіе сущность планомѣрной сознательной дѣятельности человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ.

Подъ внѣшними факторами мы подразумѣваемъ а) **ростъ** и густоту населенія и уровень его потребностей; б) степень культурнаго развитія населенія; в) племенныя и расовыя черты.

1) Самый главный внѣшній факторъ—**ростъ и густота всего населенія** (городского и сельскаго) и **его потребностей**. Ростъ населенія играетъ рѣшающую роль въ эволюціи с.-хоз. производства. Уровень населенности данной страны отражается обыкновенно и на состояніи обрабатывающей промышленности въ этой странѣ, но гораздо слабѣе. Напримѣръ, африканскіе дикари, или малайцы, живущіе часто очень скученно, не имѣютъ развитой индустріи. Но если бы

*) Въ эпоху Юлія Цезаря сплошной лѣсъ (который онъ называлъ Герцинскимъ) начинался отъ Франціи, покрывалъ большую часть современной Германіи и шелъ на востокъ черезъ всю Россію, теряясь въ Сибири.

тропическая природа не была такъ производительна—въ южныхъ странахъ не было бы скученнаго населенія. Примѣръ едва-ли не самой высокой населенности, самой высокой степени интенсивности сельскаго хозяйства и крайне слабо развитой индустріи, представляетъ Китай. Наоборотъ, примѣръ рѣдкаго населенія, экстенсивнаго земледѣлія и высоко развитой индустріи—Соединенные Штаты.

Эти примѣры доказываютъ, что а) между степенью развитія индустріи и населенностью страны близкой обязательной связи нѣтъ. б) что между степенью развитія производительности земли (природной или явившейся результатомъ человѣческой дѣятельности) и населенностью существуетъ **прямая неразрывная связь**. Эта въ высшей степени важная черта сельскаго хозяйства зависитъ отъ того, что оно производитъ **самые насущные для человѣка продовольственныя средства**. Пища—**ежедневная настоятельная потребность** человѣческаго организма, все равно, къ какому бы классу человѣкъ не принадлежалъ.

Продукты индустріи, напримѣръ, одежда не нуждаются въ ежедневномъ возобновленіи. Вторая особенность продовольственныхъ потребностей—ихъ слабая **растяжимость**. Mininum суммы питательныхъ веществъ (бѣлковъ, жировъ и углеводовъ), необходимыхъ для человѣческаго организма не можетъ спускаться **ниже** извѣстной границы (Въ Россіи—12 пудовъ хлѣба на душу въ годъ); за этой границей начинаются „голодныя"—болѣзни (тифъ, цынга) и смерть. Maximum количества продовольственныхъ средствъ, которое въ состояніи поглотить человѣкъ, лежитъ сравнительно недалеко отъ minimum' а. Трудно представить себѣ такого обжору, который бы съѣдалъ въ день по 13 фунтовъ хлѣба или соотвѣтственное по питательности количество мяса, или другихъ пищевыхъ продуктовъ. 13 фунтовъ хлѣба въ день —120 пудовъ въ годъ. И мы, вѣроятно, мало ошибемся, если опредѣлимъ отношеніе mininimum' а питательныхъ веществъ, необходимыхъ для человѣческаго организма, къ maximum' у ихъ **количества**, которое человѣкъ можетъ поглотить, какъ 1:10.*)

Между minimum'омъ и maximum'омъ потребленія продуктовъ индустріи разстояніе гораздо больше: даже въ нашемъ суровомъ климатѣ бѣдняки носятъ одни и тѣ-же лохмотья по

*) Мы говоримъ о **количествѣ** питательныхъ веществъ, а не о **качественномъ** составѣ пищи, которое конечно, варьируетъ гораздо сильнѣе. О пищевыхъ нормахъ см. Щербина „Кресть. бюджеты" (продовольственныя нормы)

нѣсколько лѣтъ, тогда какъ знатные люди имѣютъ сотни перемѣнъ одежды. Императрица Елизавета оставила, если не ошибаемся, гардеробъ въ 15000 платьевъ; но она не могла съѣдать въ 15 тыс. разъ больше своей послѣдней подданной.

Итакъ, связь между количествомъ населенія и степенью производительности сельскаго хозяйства гораздо тѣснѣе, чѣмъ между населенностью и степенью производительности индустріи

Съ теченіемъ времени, съ подъемомъ культуры, нормальныя потребности въ пищѣ ростутъ, но далеко не такъ сильно, какъ потребности въ продуктахъ индустріи

Потребности въ пищѣ видоизмѣняются съ культурностью населенія не столько количественно, сколько **качественно**; именно, растительная пища (въ умѣренномъ поясѣ), смѣняется животной

Но **количественно** (по составу питательныхъ веществъ) продовольственныя потребности эволюціонируютъ сравнительно мало.

На первомъ планѣ, поэтому, остается ростъ **самого** населенія, на второмъ—его потребностей.

Теперь возникаетъ такой вопросъ: есть ли ростъ населенія факторъ **самодовлѣющій** или, наоборотъ, онъ самъ зависитъ отъ уровня развитія сельско-хозяйственнаго производства? Мы знаемъ, напримѣръ, что каждый неурожай влечетъ за собой увеличеніе смертности и сокращеніе прироста населенія. Въ Россіи нормальный естественный приростъ равняется въ послѣднія десятилѣтія 14.5 чел. на тысячу; но въ 1892 г послѣ неурожая онъ понизился до 4,8 чел. на 1000, т. е **втрое** противъ нормальнаго. Совершенно вѣрно: но, во первыхъ, неурожай отражается только на приростѣ одного года, во вторыхъ на приростѣ отражаются только слишкомъ рѣзкіе неурожаи, которые бываютъ сравнительно рѣдко; въ третьихъ на паденіи прироста въ 1892 г. отразилась и холера; наконецъ въ четвертыхъ—неурожаи бываютъ лишь при экстенсивныхъ системахъ.

Неурожай—**случайное**, а не постоянное явленіе, которое далеко не всегда отражается на приростѣ населенія.

Вообще же, если сумма продовольственныхъ средствъ не спускается ниже minimum'a, **ростъ населенія не зависитъ отъ уровня развитія сельско-хозяйственнаго производства.** Такъ, во Франціи роста населенія нѣтъ, а въ Россіи приростъ наивысшій въ Европѣ, на смотря на то, что во Франціи и въ Европѣ интенсивное хозяйство и крестьяне хорошо

питаются, а въ Россіи хозяйство экстенсивное и крестьяне питаются скверно.

Ростъ населенія, поэтому, по отношенію къ сельско-хозяйственной эволюціи можно считать факторомъ **самодовлѣющимъ**: т. е. самостоятельно вліяющимъ на сельско-хозяйственное производства.

Размноженіе населенія подобно размноженію любого вида животныхъ, происходитъ, не считаясь съ запасомъ продовольственныхъ средствъ—основныхъ средствъ для существованія. Сельское хозяйство имѣетъ главной цѣлью удовлетворять потребности растущаго населенія; поэтому, между количествомъ населенія и уровнемъ сельско хозяйственнаго производства всегда должно **существовать равновѣсіе**.

Такое равновѣсіе мы наблюдаемъ въ Европѣ въ теченіе тысячи лѣтъ (съ IX до XIX вѣка), когда населеніе возрастало очень мало и сельское хозяйство оставалось почти на томъ же уровнѣ—уровнѣ трехпольной системы. Во всей Европѣ населеніе со времени римскаго императора Августа и до конца XV в. увеличилось менѣе, чѣмъ вдвое; въ 1480 г. оно равнялось едва 40 мил. *) при Августѣ 23 милліонамъ. Во XVI в. оно увеличивается на 30%, въ. XVII только на 25%, въ XVIII—на 50%, достигая въ 80-хъ гг. этого вѣка (съ Россіей), по Янсону—164 милліоновъ, къ 1802 году—170,5 милліоновъ. Но уже въ 1835 г. оно возрастаетъ до 226 мил., къ 1867 г. до 300,5 мил., къ 1900 г. 383 мил. За весь XIX вѣкъ населеніе Европы сразу выростаетъ на 208 мил. или на **118%**.

Ясно, что до конца среднихъ вѣковъ населеніе возрастало крайне медленно и главной причиной медленности роста—надо считать **политическіе** факторы: войны, усобицы и постоянно увеличивающаяся эксплоатація крестьянъ господствующими классами. Крѣпостное право понижаетъ уровень прироста населенія, и въ Россіи передъ освобожденіемъ число крѣпостныхъ кр—нъ за первую половину XIX в даже сократилось.

Другая причина—эпидеміи, особенно чума (красная смерть). Подобно войнамъ (столѣтней и 30-ти лѣтней) чума сразу сократила населеніе; и тогда, какъ во Франціи, къ началу XIV в. насчитывалось 20—22 мил. человѣкъ, послѣ

*) См. Брокгаузъ, „Населеніе“, Handwörterb „Народонаселеніе“, Янсонъ. „статистика населенія“. Закъ. „соціально политическія таблицы“.

чумы и столѣтней войны къ концу XVI в. оно понизилось до 14 мил. Если къ этому прибавить неурожаи и голодовки, то намъ будетъ понятнымъ, почему на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ населеніе росло мало и почему сельское-хозяйство держалось почти на одномъ уровнѣ трехпольной системы. Но вотъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. во Франціи и Германіи крѣпостное населеніе получаетъ свободу. Прекращаются наполеоновскія войны, наступаетъ успокоеніе, крестьянская свобода и **сразу небывалый** приростъ населенія. Во Франціи съ 1784 по 1846 гг. населеніе выростаетъ съ 24,8 мил, до 35,4 мил.—почти на одну треть, тогда какъ во 2-ую половину XIX в. до 1901 г. оно увеличивается лишь на 3,6 мил. Въ Германіи съ конца XVIII в. до 1850 г. населеніе возрастаетъ на 93% (18,4 мил. и 35.4); за второе 50 лѣтіе до 1900 г. лишь на 59% (до 56,4 мил).

Усиленный ростъ населенія въ первую половину XIX в, **нарушаетъ равновѣсіе между количествомъ населенія и количествомъ продовольственныхъ средствъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ при трехпольной системѣ.** И вотъ, подъ давленіемъ прироста, начинается переходъ къ интенсивнымъ системамъ, наиболѣе замѣтный со второй половины XIX в. Но благодаря тому, что интенсивное развитіе сельскаго хозяйства нѣсколько запоздало, явилась необходимость въ отливѣ избыточнаго населенія отъ земли, частью въ города, частью за океанъ.

Если бы природные факторы всецѣло были доступны воздѣйствію человѣка, если бы можно было повышать урожай по своему усмотрѣнію, какъ фабриканты по своему усмотрѣнію повышаетъ и понижаетъ количество вырабатываемыхъ продуктовъ—тогда европейское населеніе, вѣроятно, осталось бы сидѣть на землѣ. Но производительность земли при интенсификаціи можетъ повышаться сравнительно медленно: вслѣдствіе этого, европейскіе крестьяне были принуждены покинуть землю, идти въ города и переплывать океанъ. За океаномъ въ колоніяхъ сразу возникаетъ быстрый приростъ: въ Соединенныхъ Штатахъ за XIX в. населеніе возрастаетъ въ 16 разъ. Происходитъ быстрое экстенсивное развитіе производительности дѣвственныхъ колоніальныхъ земель, которое возстанавливаетъ нарушенное равновѣсіе между количествомъ населенія и суммой необходимыхъ для него продовольственныхъ средствъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ быстраго роста населенія въ XIX в. произошло быстрое развитіе производительности земли **вширь** (въ колоніяхъ) и **вглубь** (въ Европѣ).

Итакъ исторія говоритъ намъ, что **ростъ населенія и его потребностей** есть самостоятельный факторъ эволюціи сельско-

хозяйственнаго производства, оказывающій на ея ходъ наиболѣе сильное вліяніе. Сельско-хозяйственное производство должно всегда стоять на такомъ уровнѣ, чтобы сумма продуктовъ, добываемыхъ этимъ производствомъ, находилась въ равновѣсіи съ суммой потребностей населенія въ каждый данный моментъ. Въ настоящее время, при развитомъ транспортѣ, количество продуктовъ, производимыхъ сельскимъ хозяйствомъ каждой данной страны, можетъ быть или выше или ниже того количества, которое необходимо для удовлетворенія потребностей населенія этой страны. Но **міровое сельско хозяйственное производство должно находиться въ состояніи равновѣсія съ суммой потребностей мірового-населенія.** *)

Вотъ интересная таблица, взятая у Крживицкаго и доказывающая это положеніе.

Ростъ въ предѣлахъ международной территоріи.

	1840 г.	1866 г.	1887—8 гг.
Числа людей .	—100	—125	—158
Рукъ, занятыхъ въ земледѣл.	—100	—122	—154
Акровъ обрабатыв. земли	—100	—119	—163
Полученныхъ бушелей хлѣба	—100	—139	—221
Тоннъ прод. скотовод.	—100	—120	—158
Производ. зем. (урожаевъ)	—100	—116	—133
Количества хлѣба, произ. однимъ рабочимъ	—100	—114	—150

Ростетъ и производительность труда и производительность земли и **вширь** и **вглубь**, увеличеніе распашекъ и урожайности; въ результатѣ удвоеннаго роста, с.-хоз. производство не только догоняетъ ростъ населенія, но и перегоняетъ его (въ земледѣліи). Тогда какъ за 48 лѣтъ міровое населеніе (Европы, Остъ-Индіи, Сѣв. Америки и Аргентины) увеличилось на 58%—производство хлѣба возросло на 121%—относительно вдвое больше. Міровое производство съ избыткомъ покрыло приростъ населенія. Избытокъ поглощенъ отчасти ростомъ личныхъ потребностей—улучшеніемъ питанія, отчасти развившейся с.-хоз. индустріей.

Тѣмъ не менѣе и **внутри каждой страны** ростъ населенія отразился на сельскомъ хозяйствѣ, ускоривъ его эволюцію.

Второй по важности внѣшній факторъ—**степень культурнаго развитія населенія.**

Культурное развитіе дѣйствуетъ и косвеннымъ и прямымъ путемъ. Косвенно оно увеличиваетъ потребности; прямо—воздѣйствуетъ больше всего на уровень „**техники**“ произ-

*) Подъ міровымъ населеніемъ и производствомъ, въ данномъ случаѣ, мы подразумѣваемъ населеніе странъ, втянутыхъ въ міровой товарообмѣнъ продуктами сельскаго хозяйства.

водства, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово г. Масловъ: культурный уровень повышаетъ примѣненіе усовершенствованныхъ орудій. Мы уже говорили, во 2-ой главѣ, что степень экстенсивности системы хозяйства зависитъ отъ культурнаго уровня населенія гораздо меньше, чѣмъ отъ **густоты** населенія.

Въ рѣдко населенныхъ частяхъ Америки и въ нашихъ самарскихъ, оренбургскихъ и башкирскихъ степяхъ приблизительно однородныя системы земледѣлія и скотоводства; въ густо населенной Манчжуріи и Германіи—царитъ плодосмѣнный сѣвооборотъ.

Но культурныя націи употребляютъ въ земледѣліи усовершенствованныя орудія при всякихъ системахъ, некультурныя—не имѣютъ о нихъ понятія. Если въ земледѣліи культурность населенія отражается болѣе всего на орудіяхъ, то въ скотоводствѣ—на породахъ скота. Въ Австраліи разводятъ мериносовъ и породистыхъ высокорослыхъ лошадей; въ аналогичной обстановкѣ киргизскихъ степей бродятъ курдючныя овцы съ малоцѣнной спутанной шерстью и маленькія, хотя очень выносливыя лошадки.

Культурный уровень отчасти отражается и на пріемахъ обработки почвы и на примѣненіи различныхъ видовъ удобренія (главнымъ образомъ, искуственнаго) и на различныхъ меліораціяхъ, хотя далеко не такъ сильно, какъ въ области механической стороны с.-хоз. производства Арычная система орошенія у сартовъ съ чихирями (водяными колесами), компостное удобреніе китайцевъ, система разсады—все это показываетъ, что интенсивное некультурное хозяйство въ этомъ отношеніи мало чѣмъ уступаетъ культурному. Вообще, культурный человѣкъ гораздо быстрѣе примѣняетъ разныя техническія улучшенія, производимыя **внутри** данной системы земледѣлія, ведущія или къ сбереженію его труда или къ количественному улучшенію производства.

Итакъ, степень густоты населенія, независимо отъ культурнаго уровня, отражается на степени **интенсивности** системъ хозяйства; культурный уровень же вліяетъ на технику производства **внутри** данной системы. Такимъ образомъ, можно различать экстенсивное и интенсивное хозяйство, культурное и некультурное.

Третій внѣшній факторъ—племенныя и расовыя черты точнѣе **привычки быта** разныхъ народовъ и племенъ.

Прежде всего сюда относятся привычки къ той или другой **пищѣ**. Если переселить китайца въ Россію, онъ навѣрное попробуетъ засадить гаолянъ и чумизу, а русскій въ Манчжуріи будетъ сѣять рожь, малороссъ въ киргизской

степи посадить баштаны и попробуетъ развести „вишневые садочки". 1) *) Привычки въ пищѣ отражаются, слѣдовательно, на выборѣ культуръ растеній и животныхъ. Но важнѣе этихъ привычекъ—привычка къ формамъ разселенія, **землепользованія и землевладѣнія**.

Мы знаемъ, что кельты предпочитали селиться хуторами или клановыми постройками, а древніе германцы—деревнями. Древне—германская деревня носила форму скученной въ безпорядкѣ группы домовъ, древне—славянская выстраивалась въ два ряда съ улицей посерединѣ. 2)**) и т. д. Въ Полтавской губ. потомки казаковъ до сихъ поръ предпочитаютъ хутора, потомки крестьянъ—деревни и подворно—чрезполосное землепользованіе. Кофодъ утверждаетъ, что польскіе кр— не съ гораздо большей легкостью соглашаются на переходъ на хутора, чѣмъ нѣмецкіе. Въ южной Германіи крестьяне упорно не соглашаются на выселеніе изъ деревень.3)*)

Привычки быта имѣютъ сильное вліяніе и на общинные порядки и на обычное семейное право (право наслѣдованія) но эта сторона уже относится къ **распредѣленію** земли,

Въ общемъ, этотъ послѣдній факторъ скорѣе воздѣйствуетъ на распредѣленіе земли, чѣмъ на сельско-хозяйственное производство и о немъ мы будемъ говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Итакъ, изъ трехъ **внѣшнихъ** факторовъ, наибольшее значеніе для эволюціи с.-хоз. производства мы признаемъ за **ростомъ населенія** и его потребностей.

Факторы **внутренніе техническіе**, составляющіе **сознательную** планомѣрную дѣятельность человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ удобнѣе всего разсмотрѣть вмѣстѣ съ эволюціей сельско-хозяйственнаго производства, къ которой мы и переходимъ.

§ 2) Развитіе производительности земли—основа эволюціи производства. Общій ходъ и фазисы эволюціи.

Предыдущее изложеніе достаточно выяснило, что въ сельско-хозяйственномъ производствѣ сплетается дѣятельность природы и дѣятельность человѣка. **Творчество**—выработ-

1) *) Попытки баштановъ мы сами видали въ Уральск. обл. Переселенцы попробовали насадить ихъ вдали отъ жилья въ степи. Конечно, арбузы пошли „чужеродцы".

2) *) См. Handwörterb „формы разселенія" (очерки экономич. и соціальн. исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ".)

3) *) Кофодъ „Борьба съ чрезполосицей въ Россіи и заграницей". Тамъ есть много подобныхъ примѣровъ.

ка изъ „сырья“—почвы и атмосферы живыхъ организмовъ принадлежитъ въ производствѣ не человѣку, а природѣ. Вся химико-физіологическая лабораторія, необходимая для этой своего рода „индустріи“ во власти природы. Человѣкъ можетъ принимать участіе въ работѣ этой лабораторіи **лишь постольку, поскольку она касается непосредственно самой земли**. Лабораторія атмосферы ему недоступна. Слѣдовательно, въ планомѣрной человѣческой дѣятельности, именуемой сельско-хозяйственнымъ производствомъ, основной цѣлью можетъ быть только **развитіе производительности земли**.

Подъ производительностью земли мы подразумѣваемъ сумму продуктовъ, получаемыхъ населеніемъ со всей удобной территоріи данной страны, какъ обрабатываемой, такъ и не обрабатываемой. Изъ выше изложеннаго слѣдуетъ, что человѣкъ заинтересованъ въ содѣйствіи творческой работѣ природы постольку, поскольку онъ нуждается въ продовольственныхъ средствахъ. Чѣмъ быстрѣе идетъ ростъ населенія, тѣмъ болѣе возрастаетъ потребность въ продовольственныхъ средствахъ. А такъ какъ человѣкъ можетъ добывать продовольственныя средства только путемъ воздѣйствія на производительность земли, то **степень развитія производительности земли человѣкомъ находится въ прямой и непосредственной связи съ ростомъ населенія и его потребностей**.

При густотѣ населенія въ 1 чел. на квадр версту удобной земли количество продовольственныхъ продуктовъ, необходимыхъ для человѣка, выразится, положимъ, въ вѣсѣ 30 пудовъ; слѣдовательно, производительность земли должна стоять на такомъ уровнѣ развитія, что съ 1 кв. версты удобной площади получается не менѣе 30 пудовъ продовольственныхъ средствъ. При густотѣ въ 100 чел. на кв. в. и при ростѣ потребностей до 40 пудовъ на душу, производительность кв. версты земли должна повыситься до 4000 пудовъ. Такимъ образомъ, развитіе производительности земли выражается въ увеличеніи **количества продовольственныхъ средствъ, добываемыхъ съ одной и той же территоріи**. *)

Этого увеличенія человѣкъ достигаетъ, главнымъ образомъ, интенсификаціей системъ полеводства, скотоводства и лѣсоводства.

Системы полеводства дѣлятся на двѣ группы: экстенсивныя и интенсивныя. Экстенсивныя въ исторически послѣдовательномъ порядкѣ располагаются такъ: переложная (залежная и подсѣчная), паровая зерновая (двупольная и трехпольная), улучшенная зерновая съ подсѣвомъ травъ; эта

*) Въ эту территорію включаются, какъ обрабатываемыя, такъ и необрабатываемыя, но удобныя для обработки земли.

послѣдняя составляетъ уже переходъ къ интенсивнымъ системамъ. Интенсивныя системы слѣдующія: плодосмѣнная, промышленная (огородныя, техническія и садовыя культуры) и вольная.

Отличій экстенсивныхъ отъ интенсивныхъ системъ три:

1) Въ экстенсивныхъ системахъ плодородіе почвы возстанавливается **естественнымъ путемъ**—путемъ отдыха почвы отъ посѣва. Чѣмъ экстенсивнѣе система, тѣмъ этотъ отдыхъ продолжительнѣе, т. е. тѣмъ обширнѣе территорія отдыхающей пашни (залежи, подсѣки, пара). При нормальной переложной системѣ, только одна пятая часть пашни находится подъ посѣвомъ; четыре пятыхъ отдыхаютъ. Maximum посѣва при перелогѣ—третья часть пашни.

Когда этотъ maximum достигнутъ—начинается переходъ въ слѣдующую—двупольную систему полеводства, при которой отдыхающая площадь пашни равняется занятой посѣвами. Въ исторіи земледѣлія двуполье играетъ небольшую роль и быстро смѣняется трехпольемъ, при которомъ уже двѣ трети заняты посѣвомъ.

Наконецъ когда начинается подсѣвъ травъ, площадь отдыхающей пашни сокращается, minimum, до одной четвертой.

Такимъ образомъ, эволюція экстенсивныхъ системъ полеводства заключается въ постепенномъ сокращеніи отдыхающей части пашни, т. е. въ сокращеніи періодовъ естественнаго возстановленія плодородія почвы,

Когда площадь пара сокращается до minimum'а, наступаетъ переходъ къ **интенсивнымъ** системамъ. При интенсивныхъ системахъ плодородіе почвы возстанавливается и развивается преимущественно **искуственнымъ** путемъ—удобреніемъ. Чѣмъ интенсивнѣе система, тѣмъ болѣе она требуетъ искусственнаго удобренія и, наконецъ, въ вольной системѣ, человѣкъ беретъ почти все корневое питаніе растеній на себя. Въ этой системѣ „будучи совершенно обезпеченъ въ отношеніи возстановленія производительныхъ силъ земли на счетъ ввозныхъ искуственныхъ удобреній, хозяинъ можетъ уже совершенно отрѣшиться отъ всякихъ заботъ о поддержаніи или возстановленіи плодородія земли естественнымъ путемъ"*).

2) При экстенсивныхъ системахъ въ сѣвооборотѣ преобладаютъ почти исключительно злаковыя культуры. Переходъ къ интенсивнымъ системамъ составляетъ подсѣвъ кормовыхъ травъ.

*) Ермоловъ „организац. полев. хоз." стр. 212 изд. 4-ое.

При интенсивныхъ системахъ, напримѣръ, въ Германіи при плодосмѣнѣ, злаки занимаютъ лишь половину площади пашни; къ нимъ прибавляются кромѣ травъ, семейства бобовыхъ, масличныхъ, корнеплодовъ. Дальнѣйшая эволюція интенсивныхъ системъ заключается въ вытѣсненіи злаковъ этими видами растеній. Плодосмѣнъ имѣетъ цѣлью, какъ и удобреніе, развивать производительность почвы.

Такимъ образомъ, экстенсивныя системы отличаются отъ интенсивныхъ отсутствіемъ заботъ о плодородіи почвы и однообразіемъ культуры. Отсюда вытекаетъ третье отличіе, наиболѣе важное съ точки зрѣнія эволюціи.

3) Экстенсивныя системы развиваютъ производительность земли **вширь**. При перелогѣ, когда подъ посѣвъ отводится не болѣе одной трети пашни—происходитъ, благодаря этому, широкое распространеніе этого вида угодій. Пашня растекается по нетронутымъ удобнымъ территоріямъ. Когда запасъ этихъ территорій въ данномъ раіонѣ истощился, дальнѣйшее расширеніе производительности земли возможно лишь внутри пашни, посредствомъ увеличенія площади посѣва (трехполье). Слѣдовательно экстенсивныя системы переживаютъ два періода: первый—расширеніе переложной пашни по нетронутымъ пространствамъ, второй—расширеніе посѣва внутри пахатныхъ угодій.

Когда процессъ развитія производительности земли **вширь** законченъ, т. е. когда уже невозможно расширеніе площади посѣвовъ, начинается развитіе производительности земли **вглубь**, при помощи удобренія, т. е. стремленіе добиться увеличенія продуктовъ посредствомъ увеличенія урожайности. И дѣйствительно, урожайность при интенсивныхъ системахъ растетъ, сравнительно, очень быстро. Тогда какъ при перелогѣ и трехпольи, на наиболѣе плодородныхъ почвахъ она рѣдко достигаетъ высоты 50 пудовъ съ десятины, нормальная урожайность европейскихъ странъ при плодосмѣнѣ, круглымъ счетомъ, около 100 пудовъ, и эта урожайность постоянно и неуклонно повышается. Исчезаютъ скачки урожайности, ея быстрыя паденія и подъемы, и вмѣстѣ съ ними исчезаютъ и голодовки...

Системы скотоводства разбиваются на три группы по степени интенсивности: пастбищныя, переходныя и стойловыя. Чѣмъ интенсивнѣе система скотоводства, тѣмъ ближе она соприкасается съ системой земледѣлія.

При пастбищной системѣ человѣкъ не заботится о кормѣ для скота, предоставляя ему пастись почти круглый годъ на подножномъ корму, подобно тому, какъ въ земледѣліи при экстенсивныхъ системахъ онъ предоставляетъ забо-

ты о возстановленіи производительности земли самой природѣ. Эта эпоха заканчивается съ переложной системой, т. к. при трехпольи площадь естественныхъ выгоновъ очень мала, что и принуждаетъ человѣка переводить скотину на стойловое содержаніе. Трехполье, поэтому, соединяется съ переходной системой скотоводства, когда лѣтомъ скотъ пасется на остаткахъ выгоновъ, по парамъ и жнивамъ, и къ осени его загоняютъ въ конюшни и хлѣва.

Но вотъ наступаетъ эпоха интенсивныхъ системъ: пары и выгоны почти отсутствуютъ; вмѣсто нихъ человѣкъ засѣваетъ часть пашни кормовыми травами, которыя, вмѣстѣ съ отбросами другихъ растеній, преимущественно корнеплодовъ, даютъ богатую пищу скоту на круглый годъ. Даже естественные луга становятся своего рода пашней, т. к. человѣкъ засѣваетъ ихъ лучшими травами. Скотъ запирается въ стойла и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается эра **качественнаго** улучшенія скота. Улучшаются породы, увеличиваются мясистость, молочность и другія полезныя качества... Подобно тому, какъ въ экстенсивныхъ системахъ полеводства человѣкъ заботится лишь объ увеличеніи количества посѣвовъ, мало думая объ увеличеніи урожайности, въ экстенсивныхъ системахъ скотоводства человѣкъ стремится къ увеличенію количества скота, мало думая объ его продуктивности. Въ интенсивныхъ системахъ полеводства и скотоводства наоборотъ, главное вниманіе устремляется на урожайность земли и продуктивность скота.

Количество же скота увеличивается сравнительно мало. Такъ было:

Во Франціи.

	Въ 1840 г. въ тыс.	1905 г	увелич. въ %
Всего головъ скота въ перев на крупныи.	20960	23168	10,7.

Въ Германіи.

	Начало 60-хъ г.г.	1905 г	
(Тоже)	24390	31587	29,5.

Въ Великобританіи

	1871—5г.г.	1906 г.	
(Тоже)	11277	12488	10,7.

Площади пашни въ этихъ странахъ

Франція.

1840 г.	1892 г.
25227 т. гект.	25771 т. гект.

Германія.

1878 г.	1900 г.
25827 т. гект.	25774 т. гект.

Великобританія.

1873—5 г.	1901—5 г.
18126 т. акровъ.	15301 т. акр.

Въ Германіи только за 10 лѣтъ—1883—92 г.г. число головъ рогатаго скота увеличилось на 11,2%, тогда какъ ихъ живой вѣсъ*) увеличился на 18,3%, а цѣнность на 15,4%. Итакъ, въ интенсивныхъ системахъ производительность земли и продуктивность скотоводства ростутъ гораздо больше **вглубь**, чѣмъ вширь.

Въ тоже время въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ преобладаютъ экстенсивныя системы полеводства и скотоводства, было:

Посѣвъ	Въ 1866 г.	1900 г.	Увеличеніе въ %
въ тыс. акровъ	86,674	223,406	158,8
Головъ скота въ переводѣ на крупн. (въ тысяч).	38,711	116,770	201,6

Развитіе производительности земли **вширь** и увеличеніе **количества** скота во много разъ превосходитъ таковые же въ европейскихъ государствахъ.

Итакъ, интенсификація системъ заключается въ замѣнѣ стремленія къ расширенію сельско хозяйственной территоріи и увеличенія количества скота (что зависитъ тоже отъ расширенія территоріи) стремленіемъ къ развитію производительности земли и продуктивности скота **вглубь. Количественная эволюція смѣняется качественной.**

Поэтому, въ эволюціи сельскаго хозяйства мы не видимъ процесса дифференціаціи и раздѣленія труда, который такъ ярко опредѣляетъ эволюцію техники въ индустріи. Въ эволюціи сельскаго хозяйства не было мѣста ни техническому, ни общественному раздѣленію труда. Первоначальное дикое хозяйство человѣка заключается въ добываніи продуктовъ естественной производительности природы. Это—охота, бортничество, рыболовство въ лѣсныхъ и обильныхъ водой раіонахъ и пастбищное тебеневочное скотоводство кочевниковъ—въ степныхъ. На слѣдующей стадіи развитія, связанной съ повышеніемъ густоты населенія, въ дѣвственную почву лѣсовъ и степей впервые врѣзаются соха и плугъ. Къ охотѣ и скотоводству присоединяется зерновое переложное земледѣліе. При перелогѣ одинъ и тотъ же участокъ земли засѣвается сплошь однимъ видомъ злаковъ до тѣхъ поръ, пока онъ не истощается. На дальнѣйшей ступени

*) См. Денъ „очерки по экономич. географіи ч. I сельское хозяйство".

эволюціи поле дѣлится сначала на двѣ, потомъ на три части: двѣ части засѣваются не однимъ, а обязательно minimum **двумя** видами злаковъ: озимые и яровые; третья часть—паръ доставляетъ кормъ скоту и спеціальные выгоны начинаютъ исчезать. Еще дальше тотъ же самый участокъ дѣлится уже не на три, а на четыре, шесть и восемь частей. Къ злакамъ прибавляются травы и другіе виды растеній. Наконецъ, въ плодосмѣнной системѣ, на томъ же самомъ участкѣ засѣваются десятки самыхъ разнообразныхъ видовъ растеній и поле дѣлится по ихъ количеству, на десятки частей. Одновременно чисто земледѣльческое хозяйство становится невозможнымъ безъ скотоводства и безъ возникновенія сельско хозяйственной индустріи—технической переработки сырья.

Отсюда ясно, что вмѣсто **раздѣленія** различныхъ видовъ **труда** и **упрощенія** пріемовъ, въ развитіи с. хоз. производства мы видимъ **соединеніе различныхъ видовъ труда и усложненіе пріемовъ:** наростаніе новыхъ процессовъ обработки и ухода, новыхъ культуръ и профессій, соединяемыхъ на одномъ и томъ же участкѣ земли и въ лицѣ одного и того же работника. Опредѣленный участокъ земли, въ данномъ случаѣ, можно сравнивать съ мастерской въ индустріи. Представимъ себѣ, что ремесленникъ, самъ работающій въ этой мастерской, первоначально выдѣлываетъ только сапоги, а затѣмъ онъ занялся ткачествомъ; къ ткачеству прибавилъ производство желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, затѣмъ часовое дѣло, потомъ производство керосина и т. д. Ни одинъ ремесленникъ, ни одинъ фабрикантъ этого сдѣлать не въ состояніи, а эволюція сельскаго хозяйства въ томъ и заключается, что вмѣсто раздѣленія вновь возникающихъ спеціальностей и пріемовъ, они остаются въ томъ же самомъ мѣстѣ, въ рукахъ одного и того же человѣка.

Вмѣсто дифференціаціи, вмѣсто перехода отъ безсвязной неопредѣленной однородности въ связную опредѣленную разнородность, мы имѣемъ въ сельско хозяйственномъ производствѣ своеобразную эволюцію **синтетическаго**, а не аналитическаго характера. Каждый вновь возникшій пріемъ труда, предметъ культуры **прибавляется** къ старому и получается нѣчто вродѣ той картины, какую мы наблюдаемъ при размноженіи коралловыхъ полиповъ, когда цѣлыя колоніи этихъ животныхъ выростаютъ изъ ядра своихъ родителей. Но и это сравненіе не будетъ вполнѣ подходящимъ, т. к. выросшіе полипы занимаютъ новое пространство, а усложненіе с. хоз производства происходитъ на одной и той же площади.

Ни земля, ни человѣкъ въ сельскомъ хозяйствѣ не спеціализируются такъ, какъ спеціализируются въ индустріи орудія и профессіи труда. Одинъ и тотъ же работникъ пашетъ, сѣетъ, убираетъ хлѣбъ, молотитъ, ходитъ за скотомъ: нѣтъ и не можетъ образоваться спеціалистовъ пахарей, посѣвщиковъ, молотильщиковъ, какъ въ индустріи образовались спеціалисты ткачи, мѣдники, мыловары и т. д.

Ткачъ ничего не понимаетъ въ мѣдномъ дѣлѣ; крестьянинъ или батракъ долженъ понимать, какъ и въ пашнѣ, такъ и въ уходѣ за лошадью и въ огородѣ.

Словомъ, основная идея эволюціи, какъ **дифференціаціи**, воспринятая изъ естествознанія и перенесенная въ область индустріи, не можетъ быть примѣнима къ развитію техники сельско—хозяйственнаго производства. Причина своеобразнаго хода с. хоз. эволюціи заключается въ томъ, что человѣкъ достигаетъ своей основной цѣли—увеличенія продовольственныхъ средствъ для возрастающаго населенія, только **при помощи развитія производительности земли**, каковое возможно при неизмѣняемости территоріи.—

а) посредствомъ **усложненія** пріемовъ обработки и ухода за растеніями и животными б) посредствомъ **усложненія** сѣвооборота, т. е. введенія въ посѣвъ все новыхъ растеній и в) посредствомъ **усложненія** способовъ возстановленія и развитія плодородія почвы (удобренія).

Лабораторія природы, въ которой вырабатываются живые организмы, слишкомъ сложна, и человѣкъ, принимая на себя все большее участіе въ работѣ этой лабораторіи, тѣмъ самымъ вынуждается усложнять свою дѣятельность...

Во 2-й главѣ мы дали представленіе о трехъ стадіяхъ, на которыя дѣлятся процессы с. хозяйственнаго производства: стадія **подготовки почвы** (физико—химическая), стадія **ухода** за растеніями и животными (органическая) и стадія обработки мертвыхъ продуктовъ (механическая). Каждая изъ этихъ стадій, по мѣрѣ эволюціи производства, развивается неодинаковымъ темпомъ. При экстенсивныхъ системахъ первая стадія играетъ преобладающую роль. Давидъ говоритъ „экстенсивная обработка поля, существующая и теперь на обширной площади восточной Европы, а также въ западной и южной Америкѣ, ограничивается поверхностнымъ разрыхленіемъ почвы сохой или плугомъ, что производится весной и осенью, затѣмъ разбрасываніемъ сѣмянъ и предоставленіемъ милостивому Богу заботы о дальнѣйшемъ“ (стр. 265).

На первой стадіи человѣкъ воздѣйствуетъ на производительность земли при помощи а) орудій обработки почвы и

посѣва б) пріемовъ обработки—количества вспашекъ, ихъ глубины и времени и в) удобренія.

Орудія и пріемы являются механической стороной первой стадіи процесса производства.

Всякая система хозяйства—экстенсивная и интенсивная можетъ быть и культурной и дикой. Чѣмъ культурнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе въ немъ усовершенствована **механическая** сторона процессовъ. Первобытный дикарь употребляетъ для взрыхленія почвы заостренныя палки, изъ которыхъ развивается мотыга, изъ мотыги—плугъ. Типъ первобытнаго плуга только съ дышломъ и лемехомъ можно и сейчасъ видѣть у насъ въ Закавказьи. Само собой разумѣется, что эти орудія съ точки зрѣнія „производительности труда“ и со стороны развитія производительности земли гораздо ниже тѣхъ хитроумныхъ плуговъ, которые примѣняются въ современномъ культурномъ экстенсивномъ хозяйствѣ. Экстенсивное культурное и дикое хозяйство сильнѣе всего различаются **орудіями** обработки почвы. Въ **пріемахъ** обработки эта разница уже значительно сглажена. Что же касается до удобренія—то отсутствіе его во всякой и культурной и дикой экстенсивной системѣ составляетъ ихъ главную общую черту, отдѣляющую ихъ отъ интенсивныхъ системъ. Ни западный американецъ, ни австраліецъ, ни киргизъ, ни самарскій крестьянинъ не думаютъ объ удобреніи, орошеніи, вообще о различныхъ меліораціяхъ почвы и въ этомъ отношеніи одинаково предоставляютъ заботы „милостивому Богу“.

Такимъ образомъ, на первой стадіи въ экстенсивномъ хозяйствѣ степень культурнаго развитія имѣетъ довольно сильное вліяніе, отражаясь больше всего на орудіяхъ, и отчасти, на пріемахъ (глубина вспашки повышается по мѣрѣ усовершенствованія орудій). По количеству же затрачиваемаго труда (количество вспашекъ) и по отсутствію заботъ объ искуственномъ восстановленіи и развитіи плодородія почвы, всѣ типы экстенсивныхъ хозяйствъ болѣе или менѣе равновелики. Въ интенсивномъ хозяйствѣ на той же стадіи увеличивается **количество** пріемовъ подготовки почвы (вспашекъ, бороновокъ) т. е. затраты живого труда и возникаетъ усиленное примѣненіе удобренія и различныхъ меліорацій. По отношенію къ затратамъ труда, удобренію и даже меліораціямъ (арычное орошеніе), культурное интенсивное хозяйство **не отличается отъ некультурнаго**. Китайцы, которые стоятъ на высшей ступени интенсивности, чѣмъ европейцы (огородная система полеводства) и получаютъ очень большіе урожаи, соотвѣтственно этому, тщательнѣе обрабатываютъ

почву и употребляютъ лучшіе виды удобренія (компостное, человѣческіе экскременты). Ближе къ европейскому земледѣлію по степени интенсивности стоитъ Манчжурія. Здѣсь тотъ же способъ разсады и компостнаго удобренія, какъ и въ Китаѣ, но менѣе тщательная обработка и болѣе низкіе урожаи. Урожаи съ „шана" (1320 кв. с.)—бобовъ до 100 пудовъ (182 п. съ десятины) гаоляна 100—150 п. (182—243 п.) чумизы 80 п. (146 пудовъ) пшеницы 40—60 п. (73—110 п.) а ячменя 60—70 п. (110—125 п). т. е. пшеница и ячмень по урожайности, одинаковы съ европейскими. Орудіе вспашки у манчжуровъ—плугъ, пашущій на глубину 6 дюймовъ и болѣе съ однимъ универсальнымъ раломъ, который „отъ европейскаго отличается только тѣмъ, что остріе сошника загнуто внизъ и между грядилью и сошникомъ помощью веревокъ укрѣпляется откидная желѣзная доска"*) Есть у манчжуровъ еще одно орудіе—нѣчто вродѣ культиватора, служащее для образованія въ грядкѣ небольшихъ бороздокъ при посѣвахъ; самый посѣвъ не всегда дѣлается руками, а иногда несложной ручной сѣялкой. Бороны нѣтъ —ее замѣняютъ грабли.

Слѣдовательно, при интенсивной некультурной системѣ орудія первой стадіи и посѣвныя уже лучше, чѣмъ при таковой же экстенсивной; а т. к. орудія культурныхъ интенсивныхъ системъ въ Европѣ менѣе совершенны, чѣмъ американскія, то мы можемъ заключить изъ этихъ фактовъ, что разница въ механической сторонѣ производства, зависящая отъ культурности хозяйства, нѣсколько сглаживается при интенсификаціи. Еще болѣе сглаживается разница въ пріемахъ обработки, которыя по количеству и глубинѣ вспашекъ сходятся у манчжуровъ и европейцевъ.

Отсюда слѣдуетъ, что уровень культурнаго развитія населенія, на первой стадіи, отчасти теряетъ свое значеніе при интенсификаціи.

Вторая органическая стадія—уходъ за растеніями и животными—почти невѣдома экстенсивному хозяйству. Эта стадія, почти исключительно, ручного труда, и ея значеніе растетъ вмѣстѣ съ интенсификаціей системъ полеводства. Уровень культурнаго развитія не накладываетъ различій на способы ухода, и китайскіе или манчжурскіе мужики ухаживаютъ за растеніями не хуже, если не лучше европейскихъ. Наука и тысячелѣтній непосредственный опытъ въ данномъ случаѣ почти равносильны. Только благодаря наукѣ, европейское земледѣліе въ нѣсколько десятилѣтій

*) См. „очеркъ дѣятельности интенданства Восточн. отряда" Воен. сб. за 1907 г.

достигло такого высокаго уровня культуры, до котораго азіатское доходило тысячи лѣтъ. Наука сократила Европѣ „опыты быстротекущей жизни“.

Промежуточные процессы между второй и третьей стадіей—жатва и молотьба, отличаются большой механичностью и главную роль здѣсь пріобрѣтаютъ **орудія**, одинаковыя на одномъ уровнѣ культурности, не смотря на различіе въ степени интенсивности хозяйствъ. Манчжуры жнутъ изогнутымъ ножемъ, молотятъ каменными катками, которые волочатся быками (способы, примѣняемые и въ киргизскомъ и въ русскомъ экстенсивномъ земледѣліи.) Американцы жнутъ машинами; европейцы—чаще серпомъ. Но и американцы и европейцы молотятъ при помощи пара. Однимъ словомъ, разница въ этихъ процессахъ зависитъ не столько отъ интенсивности, сколько отъ культурности хозяйства.

Третья стадія, подобно второй, возникаетъ только при интенсивной системѣ. Т. к. интенсивное хозяйство связано съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ, то оно немыслимо безъ технической переработки массы корнеплодовъ, масличныхъ и другихъ растеній, которыя сравнительно мало идутъ на непосредственное продовольствіе населенія.

Европейское интенсивное хозяйство обязательно влечетъ за собой развитіе с. хоз. индустріи. Даже у китайцевъ сильно развито винокуренное и маслобойное производство (растительныхъ маслъ) не смотря на то, что у нихъ, вслѣдствіе громадной густоты земледѣльческаго населенія и расовыхъ привычекъ, большинство продуктовъ потребляется непосредственно въ пищу.

Итакъ, по мѣрѣ эволюціи с. хоз. производства, не только усложняются **системы** хозяйства, но и усложняются **процессы** человѣческаго труда. При экстенсивныхъ системахъ преобладающее значеніе имѣетъ одна первая стадія процессовъ. Въ интенсивныхъ къ ней прибавляется вторая и третья, а въ первой стадіи—такой сложный и важный процессъ, какъ удобреніе.

Изъ трехъ элементовъ производства: орудій труда, пріемовъ труда и удобренія, первый элементъ—орудія зависитъ отъ уровня культурнаго развитія.

Но по мѣрѣ интенсификаціи, **орудія теряютъ свое значеніе**, т. к. вторая стадія и въ значительной мѣрѣ удобреніе, требуютъ ручного труда.

Давидъ устанавливаетъ такой принципъ. „При прогрессирующей интенсивности производства возникаетъ гораздо болѣе **новаго ручного труда**, чѣмъ тотъ, который замѣненъ земледѣльческими машинами. Прогрессирующая интенсив-

ность сельско-хозяйственнаго непользованія даннаго участка земли требуетъ, слѣдовательно, сильнаго увеличенія живой рабочей силы". (стр. 194—5).

Такимъ образомъ, степень интенсификаціи хозяйства прямо пропорціональна количеству живого труда человѣка и животныхъ и развитіе производительности земли связано съ относительнымъ развитіемъ живого труда.

Пріемы обработки, уходъ за растеніями и животными, удобреніе, меліораціи находятся тоже въ прямомъ отношеніи къ интенсивности хозяйства: и сумма живого труда, который затрачивается на эти процессы производства, тѣмъ болѣе перевѣшиваетъ сумму механическаго труда, доставляемаго орудіями производства, чѣмъ дальше ушло впередъ развитіе производительности земли. Развитіе производительности земли, поэтому, находится въ обратномъ отношеніи къ механизаціи процессовъ производства и экстенсивное хозяйство гораздо легче поддается механизаціи, чѣмъ и пользуются культурныя націи заокеанскихъ колоній.

Фазисы эволюціи с. хозяйственнаго производства.

Предыдущее изложеніе уже указало намъ, что эволюція сельско-хозяйственнаго производства естественно разбивается на два фазиса: **экстенсивный и интенсивный**. Главное различіе между ними заключается въ томъ, что въ экстенсивномъ фазисѣ производительность земли развивается **вширь**, въ **интенсивномъ—вглубь**.

Эволюцію интенсивнаго и экстенсивнаго фазиса въ XIX в. мы наблюдаемъ въ Европѣ и въ заокеанскихъ колоніяхъ.

Въ Европѣ въ XIX в. происходитъ развитіе производительности земли вглубь, т. е. увеличеніе урожайности.

Ломка трехполья и чисто зерновыхъ культуръ начинается въ Германіи еще во второй половинѣ XVIII в.; къ концу этого вѣка довольно обычное явленіе—посѣвы клевера и картофеля на поляхъ. Тѣмъ не менѣе, еще въ началѣ XIX в. въ Германіи 70% пашни занято злаками, 25% лежало подъ паромъ и лишь 5% было отведено подъ кормовыя травы, корнеплоды и торговыя растенія.*) Гольцъ полагаетъ, что таковая пропорція пара была во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы, т. е. культурная Европа въ это

*) см. Handwort землевл. и сельск. хоз. стр. 19.

время начиная переходить отъ трехполья къ плодосмѣну и травосѣянію. Въ концѣ XIX в. изъ всей пашни было:

	Зерн. хл. и стручковые съ льномъ и хмелемъ	Корнеп.	Кормов. травы.	Пастбища	Паръ.
Германія (1900 г.)	62,3	18,5	10,3	4.1	4,8
Франція (1892 г.)	60,3	14.0	12,6	13,1	
Англія (1901-5 г.)	46,6	18,2	32,9	2,3	

Только къ концу XIX в. паръ и пастбище въ пашнѣ сокращаются до $^1/_8$—$^1/_{5}$ пашни, т. е. только къ этому времени плодосмѣнный сѣвооборотъ одерживаетъ окончательную побѣду. Насколько за это время поднялась урожайность?....

Во Франціи въ концѣ XVIII в. по Грандо съ одного гектара пшеницы собирали 6 квинталовъ (40 пудовъ); въ 1899 г.—14,5 квинталовъ (97 пудовъ), увеличеніе въ $2^1/_2$ раза.

Подъемъ былъ вполнѣ послѣдовательный. *)

Въ 1816—20	гг.	—	10,22 гект.
21—30	„	—	11.90 „
31—40	„	—	12,77 „
41—50	„	—	13,68 „
51—60	„	—	13,99 „
61—70	„	—	14,28 „
71—80	„	—	14,60 „
81—85	„	—	15,77 „

Въ Германіи въ 1879—88 собиралось 14,7 доппельцентнеровъ пшеницы, въ 1899—904 гг.—19 д. п. ц. или 125 пудовъ съ десятины.

По Дельбрюку, въ крупныхъ хозяйствахъ Германіи за 100 лѣтъ количество зерна, собираемаго съ моргена земли, увеличилось вдвое „Во второй половинѣ столѣтія повышеніе шло болѣе скорымъ темпомъ, чѣмъ въ первой. Особенно повысились урожаи за послѣдніе два десятилѣтія“ (Давидъ стр. 590). Только въ Великобританіи, которая гораздо раньше европейскаго континента перешла къ интенсивнымъ системамъ, но гдѣ преобладающее товарно-капиталистическое хозяйство фермеровъ было сильнѣе всего подорвано за океанской конкурренціей, урожайность остановилась на точкѣ замерзанія. Средній урожай пшеницы (въ бушеляхъ съ акра).

За 1857—63 гг. — 28,4
93—97 гг. — 29,1 — (126 пудовъ съ гектора).

По другому источнику (Handwörterb) урожайность пшеницы повысилась съ 29,9 буш. съ акра въ 1884 г. до 34,75 въ 1898 г.

*) Свѣдѣнія взяты изъ Чупрова (мелкое земледѣліе) Handwörf, Майо-Смитъ „статистика и экономика“, Пажитнова и Дена.

Переходъ къ интенсивнымъ системамъ на континентѣ Европы совершился преимущественно за послѣдніе 50—60 лѣтъ и наиболѣе сильное повышеніе урожайности наблюдается именно за этотъ періодъ времени *)

Такъ какъ **ширь** за этотъ періодъ посѣвная площадь росла только за счетъ пара, то въ общемъ развитіе производительности земли, исключая восточной Европы (Пруссіи и Австріи) повысилось, приблизительно, въ $2^1/_2$ раза за 100 лѣтъ, преимущественно въ послѣдніе полвѣка.

За сто лѣтъ населеніе Германіи и Франціи вмѣстѣ (съ 1802 г. по 1900 г.) увеличилось съ 54 милліоновъ до 95, т. е. на 77%—вдвое меньше, чѣмъ выросла производительность земли.

Увеличилась и **производительность труда**. Мы уже видѣли, что въ Германіи сельское населеніе за послѣдніе годы сократилось: тоже произошло и во Франціи, гдѣ въ 1876 г. на 1 кв. километръ приходилось 35, 9 чел. с.-хоз. населенія, а въ 1891 г.—33,0**). Въ Великобританіи число самодѣятельныхъ лицъ, участвовавшихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, упало съ 1760 тыс. въ 1851 г. до 1341 тыс. въ 1881 г.

Производительность труда увеличилась, во 1-хъ, благодаря увеличивавшемуся примѣненію усовершенствованныхъ орудій; ***) во 2-хъ) вслѣдствіе громаднаго ввоза искуственныхъ удобреній. Во Францію въ половинѣ 80-хъ гг. минеральныхъ туковъ ввозилось на 60 мил. франковъ, въ 1896 г.—на 120 мил.; въ Германіи ввозъ однихъ томасшлаковъ и калійныхъ удобреній поднялся съ 457 тыс. доппельцентн въ 1880 г. до 19789 тыс.—113 мил. пудовъ въ 1902—3 гг. (т. е. увеличился болѣе чѣмъ въ 40 разъ). Фосфоритовъ и селитры въ 1902—3 гг. ввезено 15,5 мил. доппельцентн. (93 мил. пудовъ).

Искуственное удобреніе, будучи сравнительно легковѣстнымъ, по этому самому требуетъ меньшихъ затратъ труда, и, такимъ образомъ, повышаетъ его продуктивность.

Въ 3-хъ) только при интенсивной системѣ тотъ запасъ живого труда, который представляетъ изъ себя с.-хоз. населеніе. используется наиболѣе **раціонально**. По Бензингу, при многопольной системѣ (со свекловицей) количество работниковъ, необходимыхъ для обработки пашни въ Германіи составляло 6337 тыс. чел.

*) Только съ середины 70-хъ гг. до перваго пятилѣтія 900-хъ—урожайность въ 7 госуд. Европы поднялась съ 172,6 гектолитровъ на гектаръ до 213,6 гектол. т. е. на 41 гектолитръ

**) Гольдштейнъ „Проблеммы населенія во Франціи".

***) Хотя не надо забывать что усов. орудія въ сельск. хоз—вѣ мало повышаютъ производительность труда сами по себѣ.

На самомъ дѣлѣ, въ Германіи число самостоятельныхъ сельско хоз. работниковъ доходитъ до 8.292 тыс. т. е. по этому разсчету, % раціонально использованной рабочей силы равенъ 76,4%. Въ Россіи, при господствѣ трехполья, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, количество излишнихъ рабочихъ рукъ доходитъ до 24,5 мил., т. е. 60% рабочей силы не используется раціонально. Какъ бы ни были проблематичны эти разсчеты, они доказываютъ, что интенсификація ведетъ не только къ количественному повышенію затратъ на одну и ту же площадь, но и къ качественному повышенію продуктивности этого труда путемъ болѣе раціональнаго его примѣненія.

Итакъ, въ интенсивномъ фазисѣ **растетъ и производительность земли и производительность труда.**

Образецъ экстенсивнаго фазиса и культурнаго хозяйства представляютъ заокеанскія страны—Америка, (Соединенные Штаты) и Австралія Въ теченіи XIX в. въ этихъ странахъ происходитъ громадный приростъ населенія и **развитіе производительности земли вширь, т. е. увеличеніе площади распашекъ.** За 40 лѣтъ (1850 г.—1890 г.).

Населеніе увел. на 170% (съ 23,2 до 62.6 мил) — на 4 % ежегод.
С-хоз. территорія — 216% („ 113— „ 358 мил акр) — 5,4% „
Посѣвная площадь — 158% („ 87— „ 223 мил. акр) — 4,7% „
(за 34 г. 1866—900 г.)
Производ. пшеницы— 85% („ 404— „ 748 мил. буш.) — 3.4% „
(25 л 1876—901 г)

Быстрѣе всего идетъ **расширеніе** с.-хоз. площади оно обгоняетъ и ростъ посѣвной площади и ростъ населенія и ростъ производства пшеницы. Впрочемъ, цыфры взятыя за разные года нѣсколько несравнимы: напримѣръ, производство хлѣбовъ за 1839—89 гг. увеличилось на 472% (съ 615,6 мил. буш. до 3518 мил.) т. е. на 9,4% ежегодно.

Экстенсивное расширеніе запашекъ къ концу XIX в. сокращается, т. к. значительная доля удобныхъ земель въ Соединенныхъ Штатахъ уже оказывается занятой. Это и вызвало сокращеніе экспорта въ послѣдніе годы, а раньше вызвало замедленный ростъ пашни, посѣвовъ, а слѣдовательно и производства хлѣбовъ. „Производительность труда земледѣльческаго населенія росла также сильно: земледѣльческое населеніе ежегодно выростало на 2,9% (за 1860—90 гг. всего на 118%), и ростъ сельско хозяйственной площади далеко обгонялъ ростъ земледѣльчес. населенія, что обусловлено крайне быстрымъ развитіемъ машиннаго труда. Тѣмъ не менѣе, наиболѣе характернымъ для эволюціи американскаго земледѣлія является не развитіе производительности труда, которое трудно опредѣлить, т. к. и машины, вѣдь,

представляютъ овеществленный трудъ, а значительно обгоняющее его экстенсивное развитіе производительности земли вширь.

Въ другой колоніальной странѣ—Австраліи расширеніе земледѣльческой территоріи подвигается еще быстрѣе. Въ 1840—50-хъ гг. (См. Уго Раббено, „Аграрный вопросъ въ Австралійскихъ колоніяхъ)“ въ Австраліи было до 230 тыс. акровъ обраб. земли. Въ настоящее время (1905 г.) площадь однихъ посѣвовъ составила въ Австраліи и новой Зеландіи 3233 тыс. гектаровъ, т. е. увеличилась болѣе, чѣмъ въ 30 разъ за 50—60 лѣтъ. Правда и населеніе врядъ ли уступало посѣвной площади въ быстротѣ роста. Въ 20-хъ гг. прошлаго вѣка въ Австраліи было 42 тыс. чел., а въ 1901 г. 4356 тыс.—увеличеніе болѣе чѣмъ въ 100 разъ за 80 лѣтъ.

Въ новомъ южномъ Валлисѣ въ 1861 г. подъ зерновыми хлѣбами было 123 тыс. акровъ, въ 1884 г.—275 тыс; населеніе штата возросло съ 358 тыс. до 905 тыс.

Такимъ образомъ, говоритъ Раббено „ростъ земледѣлія только лишь не отставалъ отъ роста населенія, не представляя никакого реальнаго прогресса“) Стр. 141.

Слѣдовательно, сущность эволюціи экстенсивнаго земледѣлія заключается не въ развитіи продуктивности почвы (урожайности) и не въ развитіи производительности труда (какъ думаетъ г. Масловъ), а преимущественно въ расширеніи территоріи пахотныхъ земель и затѣмъ территоріи посѣвовъ внутри пашни, т. е. въ **развитіи** производительности земли **вширь** насчетъ нетронутыхъ удобныхъ пространствъ.

Итакъ, основная цѣль сельско-хозяйственнаго производства—развитіе производительности земли для удовлетворенія потребностей возрастающаго населенія, достигается **экстенсивнымъ** расширеніемъ территоріи **и интенсивнымъ** подъемомъ производительности одной и той же **площади**.

Въ экстенсивномъ фазисѣ эволюціи производительность земли **расширяется**, растекается по удобной еще нетронутой территоріи, какъ масляное пятно на бумагѣ; въ интенсивномъ производительность земли **углубляется**, оставаясь территоріально неподвижной. Эволюція экстенсивнаго земледѣлія кочевая, подвижная, интенсивнаго-осѣдлая, неподвижная.

Эволюція экстенсивнаго земледѣлія возможна лишь дотѣхъ поръ, пока существуютъ а) запасы нетронутыхъ дѣвственныхъ земель б) пока не истощено естественное плодородіе почвы.

При увеличеніи населенія—основномъ факторѣ хозяйственной эволюціи, экстенсивное земледѣліе, дойдя до своего конца непремѣнно должно перейти въ интенсивное.

Когда истощаются запасы нетронутыхъ земель и запасы естественнаго плодородія почвы, дальнѣйшее существованіе экстенсивныхъ системъ, при **возрастающемъ населеніи, невозможно** потому, что усиленная распашка той части пашни, которая именуется паромъ и которая является регуляторомъ, задерживающимъ истощеніе почвы, приводитъ неминуемо къ этому истощенію, а вмѣстѣ съ нимъ и къ **паденію производительности земли.**

Паденіе производительности земли, при возростаніи населенія, обозначаетъ такой кризисъ, изъ котораго возможны только два выхода: или вымираніе населенія отъ голодной смерти, или переходъ въ интенсивный фазисъ. Поэтому, **при условіи безостановочнаго роста населенія, въ предѣлахъ одной и той же страны и одной и той же мѣстности фазисъ экстенсивнаго развитія производительности земли обязательно переходитъ въ фазисъ интенсивнаго развитія, т. е. первый фазисъ хронологически всегда предшествуетъ второму** *).

Вотъ опредѣленіе двухъ основныхъ фазисовъ естественной, органической эволюціи земледѣлія **во времени.**

Экстенсивный фазисъ, какъ видно изъ изложеннаго выше, разбивается **на два періода**. Въ первомъ періодѣ господствуетъ **переложкая** система (залежь и подсѣки), во второмъ трехпольная. Переложная система длится до тѣхъ поръ, пока имѣется запасъ нетронутыхъ цѣлинныхъ пространствъ. Это—по преимуществу, періодъ **кочевого** земледѣлія и въ Европѣ онъ господствовалъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, а въ Россіи—въ эпоху колонизаціи нечерноземной полосы, когда черноземная степная полоса была занята кочевниками, уничтожившими кіевскую Русь. И въ средней Европѣ и въ Россіи значительныя пространства были заняты лѣсомъ и преобладающая переложная система была лѣсопольная (подсѣчная) требующая, вслѣдствіе сравнительно малаго плодородія почвы подъ лѣсомъ, частыхъ передвиженій. Обыкновенно, при лѣсопольной системѣ, снимаютъ 3—4 жатвы подъ рядъ, затѣмъ бросаютъ уча-

*) **Примѣчаніе.** Если хорошо усвоить это простое положеніе, то теорія г. Маслова, видящаго въ экстенсивномъ хищническомъ культурномъ хозяйствѣ высшую ступень с.-хоз. эволюціи, покажется удивительно нелѣпой. Самъ г. Масловъ прекрасно знаетъ, что экстенсивная система—временный фазисъ, что развитію производительныхъ силъ на окраинахъ Россіи грозитъ тяжелое будущее. Какое же это развитіе, какое понятіе объ эволюціи, которая, дойдя до извѣстной точки, должна непремѣнно скатиться по наклонной плоскости? Ясно, что г. Масловъ, вмѣсто общей картины эволюціи, поставилъ во главу угла одинъ ея фазисъ, притомъ такой, который на извѣстномъ пунктѣ обязательно влечетъ сельское хозяйство къ самоуничтоженію.

стокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не поростетъ снова лѣсомъ. Частая смѣна участковъ требовала частыхъ передвиженій.

Когда населеніе сгущается настолько, что является необходимость увеличивать посѣвную площадь, когда подъ пашню захвачены всѣ удобныя земли, тогда переложная система смѣняется трехпольной. Трехполье возникаетъ съ момента осѣданія на одномъ мѣстѣ—со времени возникновенія постоянныхъ поселеній, вокругъ которыхъ земли подвергаются болѣе частой распашкѣ. Обыкновенно, въ средніе вѣка, трехполье начиналось именно съ этихъ ближайшихъ участковъ и наши писцовыя книги отмѣчаютъ три вида пашни: ближайшія къ селу мѣстности обозначаются терминами: пашни **паханныя**, т. е. тѣ, которыя пашутся **постоянно**, преимущественно при трехпольномъ сѣвооборотѣ; затѣмъ **перелоги**, которые пашутся не ежегодно, и наконецъ пашни **„наѣздомъ“** или „лѣсомъ поросло“, которыя изрѣдка, случайно, когда является нужда въ новыхъ распашкахъ.

Постепенно, съ возрастаніемъ населенія, перелоги и пашни „наѣздомъ“ (сибирскія „заимки“) превращаются въ трехполье, которое удерживаетъ преобладающее значеніе въ Европѣ въ теченіи тысячи лѣтъ.

Такимъ образомъ, экстенсивный фазисъ земледѣлія дѣлится на два періода: переложный, **подвижный** и трехпольный **осѣдлый**. Въ первомъ періодѣ происходитъ расширеніе **пашни** за счетъ нетронутыхъ пространствъ, во второмъ—расширеніе **посѣвовъ внутри** пашни за счетъ тѣхъ ея запасовъ, которые регулируютъ естественное плодородіе почвы.

Итакъ, эволюцію земледѣлія мы дѣлимъ на два фазиса: экстенсивный и интенсивный, а экстенсивный фазисъ дѣлится на періодъ **подвижнаго** переложнаго земледѣлія и періодъ **осѣдлаго** трехполья.

Но исторія учитъ насъ, что еще до возникновенія земледѣлія была эпоха, когда человѣчество не принимало никакого участія въ творческой работѣ земли, ограничиваясь лишь даровой эксплуатаціей тѣхъ продуктовъ, которыя природа производила самостоятельно.

Это—фазисъ **до земледѣльческаго** хозяйства, къ которому мы причисляемъ охоту, рыболовство, древнее бортничество и кочевое скотоводство. Собственно говоря, къ сельско-хозяйственному производству, т. е. къ планомѣрному, сознательному участію человѣка въ дѣятельности природы, могутъ быть причислены тѣ стадіи до земледѣльческаго фазиса, когда человѣкъ прилагаетъ сколько нибудь труда къ уходу за животными и насѣкомыми (скотоводство и отчасти бортничество) и поэтому охоту и рыболовство слѣдуетъ вы-

черкнуть изъ сельско-хозяйственной сферы. Но такъ какъ, въ видѣ побочныхъ промысловъ при сельскомъ хозяйствѣ, эти занятія и теперь сохраняютъ кое-гдѣ большое значеніе, а въ средніе вѣка ихъ значеніе было еще больше, то надо имѣть ихъ постоянно въ виду, такъ какъ иначе невозможно, напримѣръ, объяснить, почему крестьяне московской Руси XVI в. зачастую распахивали очень небольшіе клочки, которые не могли ихъ прокормить, если бы добавочныя продовольственныя средства не получались ими отъ этихъ промысловъ.

Такимъ образомъ, въ до земледѣльческомъ фазисѣ, планомѣрная сельско-хозяйственная дѣятельность человѣка, имѣется только въ скотоводческомъ (пастушескомъ) періодѣ.

Мы лично могли въ общихъ чертахъ прослѣдить эволюцію кочевого скотоводства въ киргизскихъ степяхъ Уральской области. На крайнемъ юго-востокѣ этой области, въ Темирскомъ уѣздѣ кочуютъ киргизы—адаевцы. Плотность всего населенія Темирскаго уѣзда—1,06 чел. на кв. версту (по переписи 1897 г.).

Впрочемъ, адаевцы своей территоріи не имѣютъ. Это характерная особенность до земледѣльческаго фазиса—отсутствіе всякаго понятія о земельной собственности. У адаевцевъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ (зимовыхъ стойбищъ—„кстау“ землянокъ). Круглый годъ они кочуютъ на всемъ пространствѣ закаспійскихъ степей, подходя лѣтомъ къ Уилу и Темиру, а на зиму, передвигаясь въ Закаспійскую область и дальше вплоть до Хивы и Бухары. Взадъ-впередъ они дѣлаютъ ежегодно до 3000 верстъ. Останавливаясь для того, чтобы пасти скотъ, который у нихъ многочисленнѣе, чѣмъ у другихъ киргизскихъ родовъ, они разбиваютъ не обычныя киргизскія кибитки—сооруженіе довольно громоздкое, а легкія джуламейки—кошемныя палатки на 3 кольяхъ. Это—все ихъ жилище. Само собой разумѣется, что скотъ адаевцевъ не знаетъ иного корма, кромѣ подножнаго, а сами адаевцы не знаютъ другихъ орудій производства, кромѣ аркана и прикола, да вдобавокъ мултука (ружья).

Къ юго-западу отъ Темирскаго уѣзда лежитъ Гурьевскій уѣздъ. Это совершенно безплодная солончаковая степь. Плотность населенія здѣсь выше —1,75 чел. на кв. в. Киргизы живутъ въ этомъ уѣздѣ только зимой, скучивши свои зимовыя стойбища по берегу Каспійскаго моря, гдѣ ихъ скотина питается прибрежнымъ камышемъ. Въ зимовкахъ они живутъ 3—4 мѣсяца. Въ концѣ февраля или въ началѣ марта, когда начинается оттепель, гурьевскіе киргизы (кромѣ рыболововъ) собираются на кочевку; они кочуютъ на сѣ

веръ до Уила, Уральскаго уѣзда и даже Тургайской области, возвращаясь къ зимѣ обратно. Время ихъ кочеваній 8—9 мѣсяцевъ, длина пути 1000—1500 верстъ. У нихъ уже есть землянки и запасы камыша и сѣна—корма для скота, хотя незначительные.

Два остальныхъ уѣзда области—Лбищенскій и Уральскій, занимающіе ея западъ и сѣверъ, можно разбить на восточную степную и сѣверо-западную, т. называемую прилинейную часть (на западѣ побережья рѣки Урала—бывшая линія казачьихъ форпостовъ; на сѣверѣ—побережья рѣкъ Илека и Хобды). Въ степной части плотность населенія 2—3 чел. на кв. в.; чѣмъ ближе къ западу и сѣверу, тѣмъ она выше, доходя въ нѣкоторыхъ волостяхъ до 10—15 чел. Здѣсь попадаются уже настолько крупныя скопленія жилищъ, что они напоминаютъ наши русскія села (возлѣ базаровъ и мечетей). Параллельно съ повышеніемъ плотности, эволюціонируетъ киргизское хозяйство. Чѣмъ ближе къ западу и сѣверу, тѣмъ болѣе сокращается и періодъ и разстояніе кочеванія; чѣмъ дольше киргизъ осѣдаетъ въ зимовкахъ, тѣмъ больше становятся сѣнные запасы и тѣмъ сильнѣе развито **земледѣліе**.

На Уральской области мы наблюдаемъ воочію, какъ, съ увеличеніемъ плотности населенія, постепенно происходитъ переходъ кочевого пастушескаго быта въ земледѣльческій. И основной ходъ эволюціи, по нашимъ наблюденіямъ, заключается въ **сокращеніи раіоновъ** и **времени передвиженія**.

Сокращеніе кочеваній происходитъ вслѣдствіе вростанія земледѣлія въ кочевое скотоводство и вслѣдствіе необходимости, благодаря возростающей плотности, переводить скотъ съ подножного корма на сѣнное довольствіе. Киргизъ ведетъ залежное земледѣльческое хозяйство; онъ распахиваетъ, по своему выбору, удобные клочки земли на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ вокругъ своей зимовки; кочуя лѣтомъ со своимъ скотомъ, онъ производитъ всѣ земледѣльческія работы и сѣнокосъ, соображая съ ними мѣста своего кочеванія *). Окончивъ уборку хлѣба, онъ прикочевываетъ къ зимовкѣ на осеннія пастбища (кузеу).

Такое же кочевое земледѣліе встрѣчаемъ и у уральскихъ казаковъ и у сибирскихъ старожиловъ (хутора-заимки). Оно было характернымъ явленіемъ для Европы до VIII—IX в.в., Московской Руси до XVI в., въ XVII в. оно распространяется по Поволжью и южной украйнѣ (нынѣш-

*) См. нашу работу „Переселенческое дѣло въ Уральской обл.“ Памятная книжка Урал обл. на 1900 г.

немъ центрально-земледѣльческомъ раіонѣ) и въ Малороссіи; а къ концу XVIII в.—въ Новороссіи. Первый періодъ экстенсивнаго земледѣлія вообще отличается почти такой же подвижностью, какъ послѣдній періодъ пастушескаго скотоводства. Чѣмъ дальше развивается экстенсивный фазисъ земледѣлія, тѣмъ неподвижнѣе становится сельское хозяйство, и наконецъ, когда залежь и подсѣки окончательно уступаютъ мѣсто паровому трехполью, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и то при общинномъ землепользованіи, встрѣчаются такъ называемые „запольные клины", на которыхъ иногда, за дальностью разстоянія, производится пашня „наѣздомъ", т. е. случайно, смотря по обстоятельствамъ, одинъ—два раза въ нѣсколько лѣтъ. Въ чистомъ трехпольи земледѣліе разстается съ кочеваніемъ навсегда.

Наше краткое описаніе эволюціи киргизскаго хозяйства указываетъ на одну характерную черту естественной органической эволюціи сельско-хоз. производства вообще. Мы видимъ, что у киргизъ нѣтъ рѣзкихъ скачковъ изъ дикаго тебеневочнаго скотоводства къ стойловому содержанію скота, изъ пастушескаго кочевого быта въ земледѣльческій осѣдлый. Сѣнокошеніе, сокращеніе кочеваній и земледѣліе эволюціонируютъ постепенно, шагъ за шагомъ, подъ вліяніемъ такого же постепеннаго медленнаго увеличенія плотности населенія вслѣдствіе естественнаго прироста *). Киргизы не сразу бросаютъ скотоводство и садятся на землю; но по мѣрѣ перехода къ земледѣлію, они сокращаютъ раіонъ кочеваній. И долгое время земледѣліе и кочевое скотоводство идутъ рядомъ другъ съ другомъ; но по мѣрѣ того, какъ земледѣліе все болѣе и болѣе внѣдряется въ хозяйственную жизнь киргиза, точно въ такой же степени сокращается его дикое тебеневочное скотоводство. Эта типичная картина **органической** эволюціи производства показываетъ, что смѣна фазисовъ эволюціи происходитъ посредствомъ **вростанія одного фазиса въ другой**. Земледѣльческій экстенсивный фазисъ вростаетъ въ фазисъ до земледѣльческій, пастушескій, и медленно, но неуклонно вытѣсняетъ этотъ послѣдній.

Русскія племена, послѣ того, какъ нашествіе кочевниковъ заставило ихъ уйти на сѣверъ, принуждены были врубаться въ лѣса, сплошной чащей покрывавшіе московское

*) Уральская область интересна тѣмъ, что въ ней до послѣднихъ лѣтъ почти не было русскихъ переселенцевъ. Естественный приростъ у киргизъ сравнительно слабъ (0,9% ежегодно) и здѣсь мы наблюдаемъ именно органическую эволюцію хозяйства, независимую отъ внѣшнихъ вліяній (см. нашу работу „Историко-стат. обзоръ Уральск. обл." Пам. кн. за 1904 г.).

царство. Въ этихъ лѣсахъ первоначальное преобладаніе было за звѣринымъ промысломъ и бортничествомъ. По мѣрѣ расчистки лѣсовъ и истребленія звѣрей, звѣриный промыселъ и бортничество уступали мѣсто земледѣлію. Но совмѣстное ихъ существованіе тянется на протяженіи столѣтій. Поскольку пашня **вростаетъ** въ лѣса, постольку земледѣліе вытѣсняетъ до земледѣльческій фазисъ.

Когда до-земледѣльческій фазисъ окончательно отходитъ на второй планъ, когда наступаетъ полное преобладаніе переложнаго подвижного земледѣлія, рядомъ съ нимъ уже возникаютъ зачатки трехполья.

Какъ мы уже говорили, трехполье формируется сначала вблизи деревень. Въ средніе вѣка вокругъ многихъ деревень можно было наблюдать нѣчто вродѣ тюненовскихъ поясовъ. Ближайшій къ деревнѣ поясъ—трехполье, дальше идетъ поясъ болѣе или менѣе урегулированнаго переложнаго земледѣлія; еще дальше—случайныя пашни „наѣздомъ; и наконецъ, въ послѣднемъ поясѣ, гдѣ царствуетъ дремучій лѣсъ—сохраняется еще звѣроловное хозяйство и бортничество. Но населеніе разростается, каждая деревня выпускаетъ отростки—„починки", вокругъ каждаго починка вскорѣ образуется поясъ трехполья, вытѣсняющаго перелогъ, и затѣмъ лѣсопоросльія пашни; и. наконецъ, очередь доходитъ до дремучихъ лѣсовъ.

Въ настоящее время смѣсь залежи и подсѣковъ съ трехпольемъ, которая господствовала въ Московскую эпоху въ центральныхъ областяхъ Россіи, существуетъ на сѣверѣ и въ менѣе населенныхъ раіонахъ Сибири.

На первыхъ же ступеняхъ трехполья **при плохомъ качествѣ почвы**, быстро истощающейся, каковы наши глинистыя почвы нечерноземной полосы (покрытой первоначально сплошнымъ лѣсомъ) человѣкъ замѣчаетъ паденіе урожайности и знакомится съ необходимостью **возстановленія(но не развитія)** плодородія почвы искусственнымъ путемъ. Уже въ XVI столѣтіи въ подмосковныхъ раіонахъ крестьяне приступаютъ къ **удобренію** (золой и навозомъ). Въ нечерноземной полосѣ почти одновременно съ развитіемъ трехполья распространяется удобреніе, т. к. тамъ безъ удобренія, повидимому, только переложная система способна была давать сносные урожаи. Но въ черноземной трехпольной полосѣ удобреніе мало развито до сихъ поръ. Такимъ образомъ, быстрота интенсификаціи земледѣлія зависитъ отъ количества запасовъ естественнаго плодородія почвы, т. е. ея качества. Чѣмъ выше качество почвы, тѣмъ

дальше сохраняется экстенсивный характеръ трехполья. Но каково бы ни было качество почвы, удобреніе при трехполь**и не идетъ дальше сохраненія плодородія почвы въ состояніи устойчиваго равновѣсія**. На этой стадіи—стадіи трехполья съ удобреніемъ, при устойчивомъ плодородіи почвы, европейское земледѣліе находилось почти тысячу лѣтъ, а русское земледѣліе въ московско-промышленной области, болѣе 400 лѣтъ, т. к. первыя извѣстія о трехпольи относятся къ 1462 году*). Московское трехполье, переходящее сейчасъ въ улучшенную зерновую систему съ травосѣяніемъ, не привело къ истощенію почвы далеко не лучшаго качества, именно, благодаря удобренію, не смотря на свое 400 лѣтнее существованіе. Наоборотъ, напримѣръ, въ центрально-земледѣльческомъ раіонѣ, на югѣ Воронежской губерніи, трехполье началось лишь съ XIX в. и къ нашему времени привело уже къ сокращенію посѣва, вслѣдствіе выпаханности болѣе слабыхъ почвъ на протяженіи какихъ нибудь ста лѣтъ и менѣе.

Интенсификація трехполья не можетъ идти дальше консервативнаго равновѣсія плодородія. **Развитіе** производительности земли **вглубь**, т. е. добываніе съ одной и той же площади прогрессивно возрастающаго количества продуктовъ—систематическое повышеніе урожайности, возможно лишь при замѣнѣ трехполья многопольемъ: улучшенными зерновыми системами съ травосѣяніемъ (многопольно-травяная) и плодосмѣномъ. Вростаніе многопольно-травяной системы въ трехполье происходитъ у насъ теперь въ раіонахъ московскомъ и сѣверо-западномъ. На юго-западѣ, въ трехполье, повидимому, внѣдряется плодосмѣнъ (свекловица, картофель, масличныя). Даже безъ свекловицы, въ 1906 г. эти группы растеній занимали у крестьянъ 8,8%, у владѣльцевъ 9,5% пашни. Свекловица въ 1898 г. въ этомъ раіонѣ занимала 234,3 тыс. дес., т. е. **около 3% пашни** Отсюда слѣдуетъ, что этому раіону не такъ уже далеко до европейскаго плодосмѣннаго сѣвооборота.

Конечно, внѣдреніе новыхъ культуръ въ трехполье съ исключительно злаковыми растеніями происходитъ вначалѣ очень безпорядочно, но оно все таки происходитъ сейчасъ на нашихъ глазахъ. Не только въ указанныхъ раіонахъ, но и во всей центральной Россіи, картофель, горохъ, подсолнухъ, кормовыя травы и т. д. переселяются изъ огородовъ

*) Хотя и русскіе и нѣмецкіе историки относятъ первоначальное возникновеніе трехполья къ болѣе раннему періоду (въ Германіи—къ V вѣку.).

въ поле и площадь посѣвовъ этихъ культуръ растетъ очень быстро. Во всѣхъ 50 губ. было посѣвовъ въ тыс. десят.

	Въ 1881 г	1901 г	Увеличеніе въ % (1881 г. принятъ за 100).
Горохъ-чечевица-бобы . . .	955	1256	132
Картофель	1364	2611	191
Ленъ и конопля . . .	1883	2069	111
Кормовыя травы . . .	541	1085	201
Всего . .	4743	7021	148

Площадь новыхъ культуръ многополья—увеличилась за 20 лѣтъ въ полтора раза. По отношенію ко всѣмъ посѣвамъ она поднялась съ 7,6% до 9,6%, т. е. **относительно** увеличилась на 27%. Наиболѣе возросли тѣ культуры, которыя и въ Германіи составляютъ основу современнаго сѣвооборота (кромѣ злаковъ): картофель и кормовыя травы.

Сейчасъ въ Россіи—процессъ вростанія многопольнаго сѣвооборота въ трехполье—явленіе стихійное, безпорядочное, не урегулированное **знаніемъ**. Но если бы ему, какъ было въ Германіи въ первой половинѣ XIX вѣка, подали руку помощи наука, общество и общественныя учрежденія, если бы кооперативное движеніе создало устойчивый мелкій кредитъ въ деревнѣ—мы бы увидали картину быстраго вытѣсненія экстенсивнаго трехполья интенсивными системами полеводства.

Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что у насъ, подобно Германіи, въ общемъ преобладаніе останется за злаковыми растеніями, т. к. Россія преимущественно—крестьянская страна. Крестьянамъ зерновыя культуры необходимы для продовольствія. Съ другой стороны, благодаря слабому развитію индустріи и городовъ потребленіе продуктовъ технической переработки спеціальныхъ культуръ плодосмѣна (сахара, крахмала и т. д.) незначительно и некуда было бы дѣвать эти продукты.

Итакъ, основная черта органической эволюціи сельскохозяйственнаго производства—**вростаніе** однихъ фазисовъ и системъ хозяйства въ другіе.

Изъ этой черты вытекаютъ двѣ характерныя особенности сельскаго хозяйства.

А) Сравнивая его эволюцію съ эволюціей индустріи, мы замѣчаемъ, что въ послѣдней болѣе совершенная система

производства (машинная или мануфактурная), если взять **общую** сумму предпріятій всѣхъ видовъ промышленности данной страны, даннаго раіона не **вытѣсняетъ** менѣе совершенную, а развивается **рядомъ съ ней**. Въ индустріи господствуетъ эволюція раздѣленія труда, дифференціаціи различныхъ видовъ производства. Тѣ виды производства, которые легко механизируются, захватываются мануфактурой и фабрикой. Но другіе виды, не допускающіе механизаціи, остаются во власти ручного труда,—**ремесленнаго** производства Тѣ отрасли ремесла, изъ которыхъ его изгоняетъ машина, замѣняются другими, и ремесло вообще, какъ **первоначальный фазисъ** эволюціи индустріи, можетъ не только сохраняться, но и развиваться рядомъ съ фабрикой, какъ это мы видимъ въ любомъ городѣ, любой странѣ.

И въ Бельгіи и въ Германіи, и въ Америкѣ и въ Австраліи самыя совершенныя фабрики стоятъ на тѣхъ же самыхъ улицахъ, гдѣ работаютъ ремесленники съ примитивными орудіями въ своихъ мастерскихъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ техническая эволюція заключается не въ раздѣленіи, а въ **усложненіи и соединеніи новыхъ процессовъ** труда. Ни одна система хозяйства не дифференцируется въ ходѣ эволюціи, а остается **на одномъ и томъ же мѣстѣ**. Поэтому, въ сельскомъ хозяйствѣ новые фазисы, новыя системы, врастая въ старыя, **въ тоже время вытѣсняютъ ихъ**. Немыслимо, чтобы на одной и той же десятинѣ земли существовали бокъ о бокъ плодосмѣнъ и залежь. На извѣстной стадіи развитія болѣе совершенная система обязательно вытѣсняетъ старую, т. к. с.-хоз. эволюція **связана съ пространственнымъ ограниченіемъ**. Киргизы сокращаютъ кочеваніе, потому что, когда населеніе возросло, скажемъ до 5—6 чел. на кв. в., то, при безграничномъ кочеваніи, подобномъ адаевскому, они стали бы сталкиваться другъ съ другомъ, мѣшать другъ другу. Залежная система немыслима при густотѣ въ 40—50 чел на кв. в., такъ какъ залежное хозяйство требуетъ, круглымъ счетомъ 40—50 десятинъ для пропитанія семьи изъ 6 душъ и на кв. верстѣ помѣстятся только 2—3 такихъ семьи. Каждый фазисъ и каждая система хозяйства требуетъ опредѣленной площади земли для своихъ функцій. Чѣмъ интенсивнѣе система и фазисъ, тѣмъ **шире** должна быть эта площадь и наоборотъ. Такъ какъ пространство удобной земли въ каждомъ государствѣ и раіонѣ **ограничено**, то на извѣстной ступени густоты населенія обязательно происходитъ вытѣсненіе старой экстенсивной системы болѣе интенсивной.

Если въ данной странѣ площадь удобной земли равняется **100** тыс. десятинъ и если для кочевого хозяйства

надо 200 дес, то до земледѣльческій пастушескій фазисъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока число хозяевъ не превышаетъ 500. При **удвоеніи** числа хозяевъ, кочевое хозяйство будетъ существовать рядомъ съ залежнымъ земледѣліемъ, при **учетвереніи**—(50 дес. на хоз.) залежное хозяйство непремѣнно вытѣснитъ кочевое скотоводство.

Такимъ образомъ, въ сельско-хозяйственной эволюціи, благодаря ограниченности пространства, происходитъ не „дифференціація" фазисовъ и системъ производства, а **поглощеніе, вытѣсненіе** однихъ другими. Каждый новый фазисъ, вростая въ старый, развивается на его счетъ, и чѣмъ дальше идетъ развитіе новаго фазиса, тѣмъ меньше слѣдовъ остается отъ прежняго. Поэтому теорія дифференціации для эволюціи с.-хоз. производства оказывается окончательно непримѣнимой.

Б) Другая особенность касается знаменитаго „закона убывающаго плодородія почвы"

Мы уже затрагивали этотъ вопросъ при анализѣ теоріи г. Маслова. Здѣсь мы отмѣтимъ то значеніе, какое имѣетъ характерная форма „вростанія" новыхъ фазисовъ, системъ и процессовъ производства въ старыя для этого „закона".

Senior говоритъ: „**при условіи, что земледѣльческое искусство остается на одной и той же ступени развитія**, примѣненіе большаго количества труда на опредѣленномъ участкѣ земли даетъ сравнительную небольшую прибыль", т. е. относительно меньшее количество продуктовъ. Эта формула дополняется слѣдующими словами Пажитнова: „то, что является прочно установленнымъ данными опыта, это фактъ, что каждый факторъ въ земледѣліи—механическая обработка, удобреніе, теплота, влажность—взятый въ отдѣльности **имѣетъ свой предѣлъ**, за которымъ дальнѣйшее увеличеніе его дѣйствія—при добавочныхъ затратахъ труда и капитала не даетъ пропорціональнаго увеличенія продукта". (Законъ убыв. плодородія почвы стр. 58).

Иными словами: при одной и той же системѣ, въ одномъ и томъ же фазисѣ, при однихъ и тѣхъ же техническихъ факторахъ производства—орудіяхъ, пріемахъ, удобреніи и т. д. на одной и той же почвѣ—есть **предѣлъ для нормальной продуктивности затратъ труда**. За этимъ предѣломъ каждая новая затрата становится менѣе продуктивной, т. е. не сопровождается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ количества добываемыхъ продуктовъ. Самая главная затрата труда въ чисто кочевомъ хозяйствѣ киргизъ—адаевцевъ это **передвиженіе** съ мѣста на мѣсто для отысканія подножнаго корма скоту,

Сейчасъ они дѣлаютъ до 3 тыс. верстъ въ годъ. Ихъ кочевые пути—длинныя узкія полосы. Въ другихъ полосахъ кочуютъ другіе роды. Теперь представимъ себѣ, что адаевцы въ своей полосѣ стали затрачивать вдвое больше труда, т. е. передвигаться не одинъ разъ въ годъ отъ Хивы до Темира и обратно, а **два** раза, дѣлать не 3000 верстъ, а 6000 вер. пути. Такъ какъ въ первый разъ они будутъ выбирать **лучшія** пастбища, то во второй разъ на ихъ пути останутся только **худшія**, и одинаковая затрата труда—второе передвиженіе дастъ **меньшее** количество корма.

Тоже самое и при залежной системѣ—сначала будутъ распахиваться только лучшіе участки въ данномъ раіонѣ: если при однихъ и тѣхъ же орудіяхъ и пріемахъ населеніе сгустится до того, что придется перейти на худшіе, то однѣ и тѣже затраты труда принесутъ менѣе хлѣба. При смѣнѣ залежи трехпольемъ, когда площадь пара, этого регулятора плодородія—сокращается до $^1/_3$ пашни, наступаетъ истощеніе почвы, если не будетъ примѣняться удобреніе, если не улучшатся орудія и пріемы обработки; соха не смѣнится плугомъ, время вспашки не станетъ болѣе приспособленнымъ къ климатическимъ условіямъ мѣстности и т. д.

При трехпольи „законъ“ убывающаго плодородія почвы даетъ себя знать при перечисленныхъ одинаковыхъ условіяхъ быстрѣе. чѣмъ при перелогѣ, что мы и видимъ отчасти на центральной черноземной Россіи. Такимъ образомъ, въ экстенсивномъ фазисѣ „законъ“ убыв. плодородія сказывается, главнымъ образомъ тогда, когда система поле о - ства доходитъ до конца своего развитія: если она своевременно не смѣняется другой, происходитъ паденіе производительности земли и производительности труда, (въ условномъ значеніи этого термина).

Въ интенсивныхъ системахъ, связанныхъ съ возстановленіемъ и развитіемъ плодородія почвы, истощенія почвы быть не можетъ, и „законъ“ можетъ сказаться только на пониженіи продуктивности послѣдовательныхъ затратъ труда, и капитала. Если одно и тоже удобреніе будетъ употребляться на единицѣ площади въ возрастающемъ количествѣ, то наступитъ моментъ, когда почва будетъ достаточно насыщена этимъ удобреніемъ и послѣдующія его затраты станутъ менѣе продуктивными. Тоже надо замѣтить и относительно пріемовъ обработки, системъ сѣвооборота, ухода за животными и растеніями и т. д. Продуктивность каждаго фазиса, каждой системы и пріемы имѣетъ **свой предѣлъ**.

Но, благодаря характерной особенности с.-хоз. эволюціи—**востанія** новыхъ фазисовъ, системъ и пріемовъ труда

въ старые, сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ человѣчество запаздываетъ съ своевременной замѣной старыхъ, истощившихъ свою продуктивность элементовъ производства новыми.

Человѣкъ обыкновенно не допускаетъ почву до рѣзкаго истощенія. пріемы труда—до потери ими соотвѣтственной продуктивности, замѣняя, тамъ гдѣ это раціонально, старыя системы и пріемы—новыми.

Еще въ предѣлахъ **экстенсивнаго фазиса**, когда главное дѣйствіе „законъ“ убывающаго плодородія можетъ проявить на **системахъ земледѣлія**, приходится чаще вспомнить объ его существованіи, т. к замѣна старой системы полеводства новой—процессъ болѣе сложный и трудный, чѣмъ замѣна одного пріема другимъ, болѣе продуктивнымъ.

Мы говоримъ о замѣнѣ трехполья интенсивными системами полеводства. Быстрый ростъ населенія Европы на порогѣ XIX в., во второй половинѣ этого вѣка у насъ выбилъ трехполье изъ многовѣковой колеи. Но трудность экстренной замѣны трехполья другими сложными системами интенсивнаго фазиса, напримѣръ ломка полей, связанная съ переходомъ на многополье, затормозила своевременный переходъ, благодаря чему по всей Европѣ въ свое время прошла полоса голодовокъ, господствующая у насъ по сію пору. Въ экстенсивномъ фазисѣ вообще, человѣкъ гораздо болѣе зависитъ отъ природы, чѣмъ наоборотъ.

Чѣмъ интенсивнѣе система, тѣмъ выше власть человѣка надъ природой, тѣмъ легче ему регулировать раціональную смѣну пріемовъ съ той цѣлью, чтобы не допустить проявленія „закона“, или „факта“ паденія продуктивности новыхъ затратъ.

Итакъ, эволюція сельско-хозяйственнаго производства, характерную особенность которой составляетъ вростаніе новыхъ фазисовъ, системъ и пріемовъ въ старые, есть главное средство борьбы человѣка съ „закономъ“ убывающаго плодородія. И чѣмъ дальше идетъ человѣчество по пути эволюціи, чѣмъ сильнѣе развивается производительность земли **вглубь**, тѣмъ слабѣе проявляется дѣйствіе этого „закона“. „Законъ“ этотъ пріобрѣлъ наибольшую популярность въ Европѣ на грани XIX в.; въ Россіи его популяризуетъ г. Масловъ на грани XX в.; и въ Россіи и въ Европѣ отмирающее трехполье въ эти періоды не могло и не можетъ удовлетворить потребностямъ возрастающаго населенія—и этотъ фактъ послужилъ главнымъ базисомъ для мальтузіанства и для іереміадъ г. Маслова о „паденіи“ производительныхъ силъ въ Россіи.

Но только въ XIX в. естествознаніе развернуло свои силы. И теперь, когда стихійно идущему впередъ путемъ полусознательныхъ примитивныхъ наблюденій надъ природой невѣжественному населенію подала руку помощи химія, физіологія и въ послѣднее время бактеріологія, мы можемъ спокойно глядѣть на будущее.

Какъ бы ни возрастало человѣчество, оно всегда съумѣетъ добыть себѣ изъ земли и даже съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ прежде, достаточное количество хлѣба и мяса...

Теперь подведемъ итоги нашему изложенію эволюціи фазисовъ сельскаго хозяйства.

Сельско-хозяйственная эволюція переживаетъ три послѣдовательно смѣняющихся фазиса развитія.

1) До земледѣльческій фазисъ, когда человѣчество довольствуется естественными продуктами природы безъ приложенія труда къ землѣ, и безъ развитія производительности земли. Этотъ фазисъ—охотничьяго и пастушескаго хозяйства отличается наибольшей подвижностью—постояннымъ передвиженіемъ населенія по безграничнымъ пространствамъ степей и лѣсовъ.

2) Второй фазисъ экстенсивнаго развитія производительности земли **вширь**, безъ увеличенія естественнаго плодородія почвы. Онъ разбивается на два періода:

а) періодъ **подвижнаго** переложнаго земледѣлія, когда расширеніе производительности земли совершается на счетъ нетронутыхъ запасовъ удобныхъ земель; б) періодъ **осѣдлаго** трехполья, когда производительность земли расширяется посредствомъ увеличенія до возможнаго предѣла площади посѣвовъ въ экстенсивныхъ системахъ, внутри уже занятой подъ пашней территоріи.

3) Третій фазисъ интенсивнаго развитія производительности земли **вглубь**, наступающій тогда, когда экстенсивное расширеніе посѣвовъ становится невозможнымъ ни за счетъ еще нетронутыхъ пространствъ, ни за счетъ пространствъ, сохраняемыхъ внутри пашни для естественнаго регулированія плодородія почвы. Тогда человѣчество начинаетъ стремиться увеличить количество добываемыхъ продуктовъ не посредствомъ увеличенія посѣвной площади, т. е. расширенія безплатной эксплуатаціи запасовъ плодородія, а путемъ развитія плодородія одной и той же площади.

4) Смѣна фазисовъ с.-хоз. эволюціи, системъ хозяйства и процессовъ труда происходитъ посредствомъ **проникновенія** новыхъ элементовъ производства въ старые, причемъ новые

фазисы и системы, вростая въ старые, непремѣнно вытѣсняютъ ихъ, т. к. эволюція сельскаго хозяйства происходитъ въ рамкахъ ограниченнаго пространства каждой страны, раіона и мѣстности.

5) Вслѣдствіе этого ограниченія, ростъ населенія приводитъ къ его **уплотненію** на данной территоріи. Уплотненіе населенія вообще и земледѣльческаго въ частности, есть обязательный основной факторъ с.-хоз. эволюціи; и чѣмъ быстрѣе происходитъ ростъ населенія, тѣмъ быстрѣе смѣняются фазисы эволюціи, системы хозяйства и усложняются процессы труда. **Густота населенія прямо пропорціональна производительности земли.**

Чтобы покончить съ эволюціей сельско-хоз. производства, укажемъ на длительность фазисовъ эволюціи въ связи съ ростомъ населенія въ двухъ странахъ Европы и нѣкоторыхъ раіонахъ Россіи.

Германія. Историческая жизнь Германіи извѣстна намъ съ эпохи Цезаря, т. е. въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. До—земледѣльческій, чисто кочевой охотничій и пастушескій фазисъ безъ земледѣлія протекъ въ Германіи еще до начала христіанской эры, хотя Гольцъ считаетъ, что въ I и II вѣкѣ (эпоха Тацита) еще преобладало пастушеское хозяйство (см. Агр. вопр. ст. 52). Между эпохой Цезаря (I в. до Р. Х) и эпохой Тацита произошло довольно замѣтное осѣданіе германцевъ на землю.

При Цезарѣ отдѣльныя сотни (родовыя группы) постоянно мѣнялись между собой участками, т. е. передвигались съ мѣста на мѣсто. При Тацитѣ сотни уже осѣли на мѣстахъ и земледѣліе пошло болѣе быстрымъ темпомъ.

Частыя сношенія съ римлянами содѣйствовали развитію земледѣлія. Изъ хлѣбовъ воздѣлывался овесъ, отчасти ячмень и полба (Давидъ 332, см. также Handwörterbuch „Землевладѣніе).

Такимъ образомъ, въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры происходитъ вростаніе переложнаго земледѣлія въ скотоводческое и охотничье хозяйство. Развитіе переложнаго земледѣлія, сохраняется до VIII—IX в.в. въ **южной** Германіи. Расчистки „коновъ" (gewanne) изъ подъ лѣса и залежи производились первоначально коллективными группами. „Когда почва истощалась—расчищали новый конъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока первый участокъ не оказывался снова годнымъ для хлѣбопашества. Такимъ образомъ устанавливалась мало по малу очередь въ пользованіи разными конами. Съ увеличеніемъ интенсивности хозяйства, очередь эта пріобрѣтала все болѣе и болѣе правильный характеръ; въ теченіе сто-

лѣтія изъ нея развилось правильное трехпольное хозяйство, первыя достовѣрныя извѣстія о которомъ относятся ко второй половинѣ VIII в., но которое существовало безъ сомнѣнія уже много раньше—быть можетъ даже въ V вѣкѣ" *). Но болѣе быстрое развитіе трехполья происходитъ въ коренной Германіи съ IX в., начиная съ эпохи каролинговъ Этому способствовали двѣ причины. Во 1-хъ убыстреніе роста населенія: „во времена каролинговъ долина Рейна, Вестфалія, Швабскія, а отчасти также Баварскія области были, вѣроятно, уже довольно хорошо населены, какъ это явствуетъ изъ документовъ, отмѣчающихъ относительно большое число мѣстечекъ и участіе ихъ въ колонизаціи восточныхъ, южныхъ и сѣверныхъ земель. Для слѣдующихъ столѣтій приходится предположить **быстрое возрастаніе населенія**: лишь при этомъ предположеніи можно объяснить продолжающуюся до XIII столѣтія колонизацію лѣсовъ въ коренныхъ нѣмецкихъ земляхъ, дѣленіе гуфъ, быстрое и сильное распространеніе нѣмецкаго населенія во вновь покоренныхъ частяхъ Имперіи (въ Австріи, каринтійскихъ и славянскихъ маркахъ) и значительный притокъ населенія въ города". (Handwört. „Народонаселеніе" стр. 19). Вторая причина важнѣе прироста населенія, т. к. онъ былъ сравнительно не такъ великъ. Это—**развитіе феодализма** съ эпохи каролинговъ. Съ этой эпохи, въ IX—XII в.в. происходитъ наиболѣе усиленная раздача феодаламъ пустующихъ земель, не принадлежавшихъ общиннымъ маркамъ (общинамъ—волостямъ), а затѣмъ захватъ и общинныхъ земель. Расчистка лѣсовъ подъ пашню развивается именно на феодальныхъ частновладѣльческихъ земляхъ. Благодаря захвату свободныхъ земель феодалами, крестьяне уже не могли распространять пашни за предѣлы общинныхъ территорій и переходили на этихъ послѣднихъ къ трехпольной системѣ. Такимъ образомъ, началомъ второго періода экстенсивнаго фазиса земледѣлія въ коренной Германіи надо считать IX вѣкъ **). Дальнѣйшая эволюція земледѣлія тормозится сокращеніемъ роста населенія подъ вліяніемъ эпидемій и развитія крѣпостнаго права.

Въ XV—XVI в.в. населеніе опять начинаетъ возрастать: но его ростъ обрывается тридцатилѣтней войной и вплоть до XVIII в. остается весьма слабымъ. Къ концу вѣка снова

*) См. Лампрехтъ. Исторія землевл. въ Германіи (Handwört. „Освобожденіе кр—нъ на западѣ" стр. 62).

**) Пруссія была колонизована въ послѣдующій періодъ XII—XIV в.в. и позже.

начинается усиленный приростъ. Такъ въ Пруссіи за 42 года населеніе возрастаетъ на 69% (съ 2313 тыс. до 3911 тыс. за 1748—1790 г.г.). Въ концѣ XVIII в. плотность населенія на югѣ и западѣ Германіи уже перевѣшиваетъ 40 чел. на кв. километръ, а именно:

Рейнская провинція . .	. 50 чел.
Саксонія	. 52,5
Вестфалія . . .	. 54,8
Силезія . . .	. 45,6

Съ этого времени и начинается переходъ въ интенсивный фазисъ.

Итакъ, первый періодъ экстенсивнаго фазиса тянулся въ Германіи 8—9 вѣковъ, второй—до 1000 лѣтъ.

Франція. Франція раньше вступила въ экстенсивный земледѣльческій фазисъ, т. к. кельты населили ее раньше, чѣмъ германцы появились въ Европѣ, сгустились къ исторической эпохѣ больше и подпали сильному вліянію римлянъ, имѣвшихъ здѣсь многочисленныя колоніи. Уже въ эпоху Цезаря населеніе Галліи достигало 6,7 мил., а въ эпоху Антониновъ—8,5 мил. Но съ IV в. наступаетъ убыль населенія, упадокъ экономической жизни, усилившійся со времени вторженія франковъ и бургундовъ.

При Карлѣ Великомъ населеніе достигаетъ 8—9 милліоновъ. Въ IX и XI в.в. снова происходитъ сокращеніе населенія, вслѣдствіе нашествія норманновъ, венгровъ, сарацинъ и внутреннихъ войнъ.

Съ XI—XIV в.в. сравнительная безопасность способствуетъ приросту населенія и къ XIV в. оно доходитъ до 20—22 мил. (40 челов. на кв. километръ). Затѣмъ черная смерть и столѣтняя война низводятъ населеніе къ 1574—89 г.г. до 14 мил. и только въ XVII в. оно доходитъ опять до цыфры XIV в. До конца XVIII в. идетъ слабый приростъ и къ 1784 г. во Франціи насчитывается 24,8 мил.—на 20% болѣе, чѣмъ въ XVII в.

Благодаря слабому росту населенія, отягченнаго поборами феодаловъ, безчисленной арміи чиновниковъ, интенсивный фазисъ земледѣлія наступаетъ даже нѣсколько позже, чѣмъ въ Германіи, т. к. послѣ революціи ему препятствовали наполеоновскія войны. Послѣ этихъ войнъ, населеніе увеличивается очень быстро (съ 29,6 мил. въ 1816 г. до 38,4 мил., въ 1867 г.—на 30% въ 50 лѣтъ; приростъ какого не знала Франція ни до, ни послѣ этой эпохи) и съ 40 г.

происходитъ переходъ въ интенсивный фазисъ. Изъ 100 гектаровъ пашни находилось.

	Подъ злаками	Корнеплод масл и пр	Кормов. травами	Паромъ
Въ 1840 г. . .	57,7	9,3	7,2	26,8
„ 1892 г. . .	57,6	16,7	12,6	13,1

Типъ плодосмѣна тотъ же самый, что и въ Германіи, гдѣ злаки сохраняютъ преобладающее значеніе: новыя растенія (корнеплоды, травы) развиваются за счетъ пара. Тѣмъ не менѣе во Франціи и сейчасъ подъ паромъ остается 13,1% пашни, а въ Германіи въ 90 хъ г.г. было только 6%, т. е. Германія опередила Францію въ ходѣ эволюціи сельскаго хозяйства, что мы объясняемъ сравнительно медленнымъ приростомъ населенія.

Россія. Эволюція сельскаго хозяйства Россіи будетъ подробно изложена нами во второй части; здѣсь мы отмѣтимъ въ двухъ словахъ главнѣйшіе этапы фазисовъ. Россія вступила въ историческую эру очень поздно: съ IX в., т. е. тогда, когда Германія переходила на трехполье. Въ теченіе VII—VIII в.в. восточные славяне еще двигались съ карпатскихъ горъ на приднѣпровскія равнины и осѣдали родовыми группами. Лѣтопись Нестора считаетъ нашихъ славянъ земледѣльцами, но хлѣбопашество въ IX—X в.в еще не составляло, повидимому, главнаго занятія: по крайней мѣрѣ, южная Русь торговала, главнымъ образомъ, продуктами звѣроловства и бортничества.

Усиленное развитіе хлѣбопашества начинается съ удаленіемъ русскихъ на сѣверъ; но вплоть до XVI в. переложная система земледѣлія существуетъ наряду съ указанными промыслами. Въ первую половину XVI в. въ Московской области начинаетъ развиваться трехполье, чему способствуетъ, подобно Европѣ, раздача земель въ помѣстья и вотчины; но эта же раздача гонитъ людей изъ насиженныхъ гнѣздъ и къ концу XVI в. Московская область опять возвращается, въ значительной степени, къ перелогу. Затѣмъ, эпоха смутнаго времени опустошаетъ страну, и только послѣ смуты трехпольная система окончательно устанавливается въ этомъ раіонѣ.

Московско-промышленный раіонъ для коренной Россіи является самымъ древнимъ (не считая западныхъ раіоновъ и безвременно погибшаго Новгорода). Земледѣльческій экстенсивный фазисъ въ немъ продолжается 800 лѣтъ.

Первый періодъ экстенсивнаго фазиса—перелогъ тянулся приблизительно съ XII до XVI в., т. е. около 400 лѣтъ; второй, съ перерывомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII

в.в.—тоже около этого времени, если предполагать, что настоящій моментъ является моментомъ перехода земледѣлія Московскаго раіона въ многопольно-травяную систему. Въ другихъ раіонахъ эволюція земледѣлія идетъ гораздо быстрѣе; центрально-земледѣльческій раіонъ, гдѣ колонизація началась въ XVII в., переживаетъ паденіе трехполья; Поволжье было заселено еще позже; Малороссія въ XVII столѣтіи пережила множество потрясеній и развитіе сравнительно спокойной экономической жизни начинается тамъ съ XVIII в. Южныя и юго-восточныя окраины Европейской Россіи заселяются лишь въ концѣ XVIII вѣка.

И тѣмъ не менѣе, въ настоящее время земледѣліе во всѣхъ этихъ раіонахъ сравнительно мало разнится другъ отъ друга: Новороссія, напримѣръ, почти на нашихъ глазахъ перескочила изъ перелога въ нестрополье и сейчасъ крестьяне засѣваютъ тамъ $^3/_4$ пашни. Въ 1887 г. изъ 100 дес. пашни у крестьянъ было:

	Подъ посѣвомъ.
Въ Московско-промышл. раіонѣ . .	62,4%
Центр. земледѣльч.	66,3
Малорос.	67,4
Юго-западн.	67,2
Средне-Волжск.	61,3
Новороссійск.	75,8
Нижне-Волжск.	38,2

Только одинъ Нижне-Волжскій раіонъ (и въ немъ преимущественно Оренбургская и Астраханская губернія) сохранилъ переложную систему: остальные раіоны дошли до границы трехполья и нестрополья. Такое сближеніе произошло вслѣдствіе того, что чѣмъ позднѣе началъ колонизоваться тотъ или другой раіонъ черноземной полосы, тѣмъ быстрѣе **сгущалось въ немъ населеніе**. Для образца приводимъ густоту населенія трехъ петровскихъ „губерній“ (охватывавшихъ перечисленные раіоны).

На 1 кв. версту приходилось:

	1724 г.	1897 г.*)	Приростъ въ %.
Въ Московской губ. . .	29,4	52,9	80
„ Кіевской (запад. часть черноземной полосы) . .	11,2	57,5	413
„ Азовской (восточн. часть черноземной полосы) . .	3,9	43,9	1026 *)

*) См. Милюковъ „Очерки по исторіи русской культуры“ ч. I.

Въ то время, какъ населеніе Московской области даже не удваивается за 173 года, населеніе западной части земледѣльческаго центра, увеличивается впятеро, а восточной— въ 11 разъ И всѣ раіоны, по густотѣ населенія уже приближаются другъ къ другу, у всѣхъ свыше 40 чел. на кв, в., что и вызываетъ кризисъ трехполья.

Итакъ, сельское хозяйство Европейской Россіи переживаетъ экстенсивный земледѣльческій фазисъ въ теченіе 150—800 лѣтъ въ разныхъ раіонахъ, тотъ самый фазисъ, который во Франціи и Германіи тянулся до двухъ тысячелѣтій. Такое быстрое теченіе этого фазиса является результатомъ необычайно быстраго прироста населенія, незнакомаго Европѣ.

Еще быстрѣе, какъ мы видали, ростетъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ, увеличившееся за 100 лѣтъ въ 16 разъ. Въ результатѣ, восточные штаты, наиболѣе густо населенные, уже переходятъ въ интенсивный фазисъ, и потребленіе искуственнаго удобренія дошло въ 1895 г. до 123 милліоновъ пудовъ.

Американское земледѣліе, благодаря быстрому приросту, можетъ перескочить изъ залежи въ интенсивный фазисъ въ теченіе сотни-другой лѣтъ...

Эти бѣгло изложенные этапы эволюціи сельскаго хозяйства разныхъ странъ, указываютъ, что въ реальной обстановкѣ исторіи, рѣшающій факторъ эволюціи—**ростъ населенія**.

Глава VI.

Эволюція распредѣленія земли въ сельскомъ хозяйствѣ.

§ 1. Политическіе, экономическіе и психологическіе факторы эволюціи распредѣленія

Если между эволюціей производства въ сельскомъ хозяйствѣ и индустріи мы не видимъ никакого сходства, т. к. въ техникѣ сельскаго хозяйства участвуютъ совершенно новые факторы—именно группа **природныхъ** факторовъ, то эволюція распредѣленія въ изучаемой нами отрасли промышленности имѣетъ еще болѣе сложный и запутанный механизмъ не только сравнительно съ индустріей, но и сравнительно съ механизмомъ самого сельско-хоз. производства.

Въ сельскомъ хозяйствѣ производство сплошь и рядомъ не имѣетъ до сихъ поръ ничего общаго съ распредѣленіемъ, и формы и размѣры хозяйствъ далеко не тождественны съ формами и размѣрами собственности. Развѣ можно представить себѣ фабрику, въ которой работаетъ 10 тыс. рабочихъ, составляющую собственность или одного физическаго или юридическаго лица—компаніи, раздробленной на тысячу мелкихъ мастерскихъ, въ каждой изъ которыхъ хозяйничаетъ вполнѣ самостоятельно, независимо отъ другихъ группа рабочихъ въ 10 человѣкъ, владѣющая своими собственными орудіями, вырабатывающая свой собственный продуктъ и продающая его за свой страхъ и рискъ на рынкѣ?

Такихъ фабрикъ на свѣтѣ нѣтъ: это уже не одна фабрика, а тысяча мелкихъ мастерскихъ.

Между тѣмъ, въ сельскомъ хозяйствѣ на каждомъ шагу встрѣчается такая картина. Латифундія въ 50 и 100 тыс. десятинъ, принадлежащая, обыкновенно, одному физическому лицу, раздѣлена на 5—10 тысячъ вполнѣ самостоятельныхъ арендныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое владѣетъ **своими** орудіями производства, каждое работаетъ независимо отъ другихъ по своему собственному плану и употребляетъ выработанные продукты на продажу или на личное потребленіе по своей доброй волѣ.

Однимъ словомъ, въ индустріи формы и размѣры предпріятія, какъ хозяйственной единицы, обязательно связаны съ формами и размѣрами собственности на средства производства; въ сельскомъ хозяйствѣ въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой обязательной связи. Въ настоящее время въ Европѣ, въ 3-хъ государствахъ: Англіи, Италіи и Бельгіи наблюдается наиболѣе сильное расхожденіе формъ собственности и формъ хозяйства. Къ этимъ странамъ можно причислить и частно-владѣльческую территорію Европейской Россіи. Въ Великобританіи въ 1895 г. находилось въ арендѣ **86**% всей сельско-хозяйственной площади и 84,5% арендаторскихъ хозяйствъ; въ Бельгіи въ тоже время 69% площади въ арендѣ; въ Италіи *) на 2583,5 тыс. человѣкъ, обрабатывающихъ собственныя земли, приходится 50,3 тыс. долгосрочныхъ арендаторовъ, 691,8 тыс. краткосрочныхъ и 2010,1 тыс. половниковъ, т. е. 51,5% всѣхъ хозяевъ работали на арендованной землѣ. Въ Россіи, по даннымъ объ имѣніяхъ, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ за 1896—901 гг.

---

*) См. Стат справ. вып. I, Тотомянцъ „формы аграрнаго движенія“. Брокгаузъ т. XII ст. землевладѣніе. Handwörterb „Землевладѣніе“ Кржвицкій. Стат. землевл. 1905 г. изд. центр. стат. комит.

изъ всей земли этихъ имѣній, обрабатывалось самостоятельно 21%, сдавалось цѣликомъ въ аренду 47% и частью сдавалось, частью обрабатывалось хозяевами 32%; если считать, что изъ послѣдняго числа только половина площади сдавалась въ аренду, то вся площадь сдачи равна 63% площади заложенныхъ имѣній.

Англія, Италія и Россія—страны **крупнаго** частнаго землевладѣнія. Въ Англіи самыя крупныя хозяева, свыше 1000 акровъ владѣютъ 71,9% всей площади; относительно итальянскаго землевладѣнія свѣдѣній у насъ нѣтъ, но распространеніе латифундій въ средней Италіи и Сициліи общеизвѣстно. Въ Россіи въ 1905 г. изъ 85,834 тыс. дес. частной (не крестьянской) земельной собственности. 52,175,1 тыс. дес. или 60,8% принадлежали 13,8 тыс. владѣльцевъ, имѣющихъ свыше 1000 дес. въ томъ числѣ 20798,5 тыс. дес. было у владѣльцевъ латифундій свыше 10 тыс. десятинъ.

Изъ другихъ странъ Европы крупное землевладѣніе распространено еще въ **Венгріи**; площадь владѣній свыше 130 десятинъ охватываетъ 45,4% всей; и процентъ арендуемой площади равняется 30%.

Во Франціи (1892 г.) арендуется 29,3% площади, а очень крупная собственность свыше 200 гектаровъ охватываетъ только 16,29%; въ Германіи—въ арендѣ 13,5% площади; имѣнія свыше 100 гектаровъ составляютъ 24,2% площади; въ Даніи 5% арендованной земли и 15,6% въ рукахъ владѣльцевъ свыше 108 дес.

Эти цыфры показываютъ, что, за исключеніемъ Бельгіи, находящейся въ особыхъ условіяхъ (громадное количество фабричныхъ рабочихъ живетъ въ деревняхъ и арендуетъ мелкіе клочки) всюду **площадь арендованной земли возрастаетъ съ ростомъ доли крупнаго землевладѣнія.**

Площадь аренды возрастаетъ и **во времени**. Во Франціи % арендаторовъ ко всѣмъ самостоятельнымъ хозяевамъ увеличился за 1882—92 г.г. съ 20,24% до 25,41%; въ Германіи (1882—95 г.г.) съ 44,02 до 46,91%; въ Бельгіи (1880—95 г.г.) 68,8% до 72,1%; Голландіи (1888—99 г.г.) 41,5% до 43,6% и только въ чисто крестьянской странѣ—Даніи аренда сократилась (за 1873—95 г.г.) съ 16,4% до 9,2% хоз—въ и съ 10,6% до 5% площади.

Такъ какъ арендующія хозяйства принадлежатъ или къ **мелкимъ** трудовымъ или къ **среднимъ** (мелко-капиталистическимъ, фермерскимъ), то оба факта—возрастаніе аренды по

мѣрѣ преобладанія крупнаго землевладѣнія и общее возростаніе ея во времени, свидѣтельствуютъ, что крупное хозяйство, какъ мы уже указывали въ началѣ предыдущей главы, все болѣе вытѣсняется мелкимъ и среднимъ въ современномъ третьемъ фазисѣ эволюціи производства. Формы **собственности** остаются почти неподвижными въ Европѣ; но формы **хозяйства**, гораздо болѣе связанныя непосредственно съ условіями производства, начинаютъ все дальше расходиться съ формами собственности, которыя очевидно, еще и въ настоящее время зависятъ не только отъ хозяйственно-экономическихъ факторовъ производства, но и отъ факторовъ **другого порядка**, не имѣющихъ ничего общаго съ чисто экономической стороной аграрнаго вопроса.

Факторы этой новой категоріи, которые впервые можно замѣтить, когда начинаемъ сравнивать формы хозяйства и формы собственности на землю, мы называемъ общимъ терминомъ **политическіе**. Политическіе факторы, какъ видно изъ приведенныхъ цыфръ, прежде всего вліяютъ на распредѣленіе основного средства производства—**земли**. Тогда какъ въ индустріи всѣ средства производства (машины, зданія и т. д.) всегда распредѣляются пропорціонально размѣрамъ хозяйства, въ земледѣліи земля распредѣлена не только въ зависимости отъ размѣровъ хозяйства, но и отъ новыхъ факторовъ, незнакомыхъ съ этой стороны индустріи. Причиной расхожденія формъ собственности и формъ хозяйства, въ конечномъ счетѣ, является **ограниченность пространства**. Тогда какъ въ индустріи каждый новый хозяинъ можетъ строить фабрику или мастерскую какихъ угодно размѣровъ, не затрагивая территоріи старыхъ, въ земледѣліи каждая народившаяся семья, каждое новое предпріятіе, когда вся территорія уже захвачена въ собственность прежнихъ хозяйствъ, принуждены тѣмъ или инымъ путемъ—арендой, покупкой и т. д. врѣзываться во владѣнія старыхъ собственниковъ. Такимъ образомъ, собственность на землю, вслѣдствіе ограниченности пространства и вслѣдствіе того, что землю никто, кромѣ природы не можетъ создать, отличается отъ прочихъ видовъ собственности своимъ **монопольнымъ** характеромъ. Такъ какъ монополія земельной собственности **политическаго** происхожденія, и какъ увидимъ дальше, политика играла въ эволюціи распредѣленія земли громадную роль, то хотя теперь частная земельная собственность есть не столько явленіе политическое, сколько соціально-экономическое, мы ее причисляемъ къ разряду политическихъ факторовъ.

Итакъ, первый политическій факторъ—земельная соб-

ственность, или мы скажемъ болѣе широко—**власть отдѣльныхъ лицъ, группъ и классовъ надъ землей***).

Этотъ политическій факторъ мы называемъ **прямымъ**, т. к. онъ прямо дѣйствуетъ на распредѣленіе земли. Второй факторъ, сильно зависящій отъ перваго, **косвенно** воздѣйствуетъ на распредѣленіе. Это—экспропріація части продуктовъ и труда у однихъ группъ населенія и передача ихъ другимъ, при помощи **налоговъ** и **повинностей**. По отношенію къ субъекту взиманія налоги и повинности разбиваются на двѣ группы: на повинности, идущія **непосредственно** въ пользу **частныхъ** лицъ, какъ то было въ эпоху феодализма и крѣпостного права и на идущія прямо въ пользу **учрежденій** государственныхъ и общественныхъ.

Факторы этой категоріи въ общемъ ходѣ исторіи всегда гораздо больше отражались на сельскомъ населеніи, чѣмъ городскомъ. Городскіе капиталисты, если они не принадлежали къ дворянскому сословію, никогда не получали отъ своихъ рабочихъ и служащихъ ничего сверхъ обычной прибавочной стоимости. На сельско-хозяйственномъ крестьянскомъ населеніи въ теченіе тысячи лѣтъ въ Европѣ тяготѣла обязанность нести повинности въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ-феодаловъ. Эти повинности, по мнѣнію Зомбарта, и явились базисомъ для накопленія капиталовъ въ городахъ, притекая туда въ денежной формѣ земельной ренты

Экспропріація значительныхъ долей продуктовъ и труда въ пользу господствующихъ классовъ не могла не отразиться, какъ на распредѣленіи средствъ производства, такъ и на самомъ производствѣ. Крестьянинъ не могъ ни увеличить площади своего участка, ни расширить своего хозяйства, ибо всѣ излишки его производства и даже солидная доля необходимыхъ средствъ существованія, поруки падали феодальныхъ бароновъ и святѣйшихъ отцовъ.

Повинности по отношенію къ государству и общественнымъ учрежденіямъ существовали и существуютъ и для земледѣльческаго и для промышленныхъ классовъ; и тутъ и тамъ онѣ ложатся болѣе тяжелымъ бременемъ на низшіе слои.

---

*) Въ средневѣковую эпоху, эпоху зарожденія монопольной собственности на землю, понятія собственности были слишкомъ неопредѣленны, чтобы называть ихъ этимъ узкимъ, строго очерченнымъ терминомъ.

Казна, какъ ее часть рисуютъ на картинкахъ—есть бассейнъ, въ который втекаютъ струи налоговъ и другихъ доходовъ, и изъ котораго они же вытекаютъ въ видѣ государственныхъ расходовъ. Смыслъ финансовой политики государства заключается въ томъ, **изъ какихъ** классовъ берутъ источникъ налоговыя струи и **къ какимъ** классамъ притекаютъ струи государственныхъ расходовъ, т. е. финансовая политика государства состоитъ въ **перераспредѣленіи части капиталовъ и доходовъ между различными классами населенія**.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы сдѣлали попытку прикинуть на глазъ перераспредѣленіе доходовъ, которое, производитъ казна въ Россіи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ. Конечно здѣсь возможенъ лишь очень грубый разсчетъ: въ результатѣ его мы получили, что на душу городского населенія, за вычетомъ налоговъ, казна даетъ чистыхъ до 70 рублей, а съ души сельскаго, беретъ до 15% его валового дохода. Не смотря на всю грубость этого разсчета, намъ кажется, что онъ рисуетъ положеніе вещей довольно вѣрно: его подтверждаютъ и нѣкоторые подобные разсчеты, опубликованные, напримѣръ, въ сборникѣ „Нужды деревни“ (т. II). Какъ и въ средніе вѣка, такъ и теперь сельское населеніе тѣхъ странъ, гдѣ оно преобладаетъ, кормитъ города посредствомъ того перераспредѣленія доходовъ, которое производитъ государство. Поэтому и по сіе время во многихъ странахъ налоги представляютъ изъ себя извѣстный минусъ для крестьянскаго хозяйства.

Третья группа политическихъ факторовъ—законодательство и активная, какъ международная, такъ и внутренняя политика правительствъ... Мы не будемъ дальше останавливаться на тѣхъ группахъ политическихъ факторовъ, которые связаны непосредственно со сферой государственныхъ интересовъ, т. к. эта область слишкомъ далеко отстоитъ отъ темы нашего изложенія; подобно г. Маслову, мы исключаемъ „непроизводительное потребленіе“ этого вида изъ нашего очерка. Но мы не можемъ игнорировать ни политической власти надъ землей, ни экспропріаціи замельной ренты въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ—феодаловъ, т. к. безъ учета этихъ факторовъ нельзя дать мало мальски понятной картины эволюціи распредѣленія земли въ сельскомъ хозяйствѣ.

Итакъ, совершенно новый факторъ распредѣленія—это **политическая власть надъ землей**, изъ которой выросла современная монополія частной замельной собственности. Власть надъ землей еще въ эпоху сѣдой древности являлась однимъ изъ существенныхъ элементовъ политической власти вообще. Покоренные народы клали къ ногамъ своего новаго владыки

кусокъ земли—символъ перехода территоріи подъ его высокую руку. Знатный сеньоръ передавалъ своему вассалу кусокъ дерна изъ того участка, которымъ вассалъ жаловался, какъ символъ передачи власти не только надъ землей, но и надъ тѣми, кто на ней сидѣлъ.

Глубокая связь власти надъ землей съ политической властью зависитъ, намъ кажется, отъ того, что цѣль сельскаго хозяйства—удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей организма человѣка. Безъ земли нельзя кормиться: кто владѣлъ землей, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ владѣлъ основными средствами для существованія того населенія, которое жило на этой землѣ...

Политическая власть вообще имѣетъ свою собственную исторію, свои собственные законы эволюціи, которые далеко не всегда совпадаютъ съ законами эволюціи экономической. Корни политической власти кроются въ потребности мало—мальски сформировавшагося общества, племени, рода, имѣть сначала вождей и руководителей, а затѣмъ отслоить классъ воиновъ, занятыхъ спеціально дѣломъ охраны племени отъ нашествія сосѣдей.

Но, подобно тому, какъ воины не только занимались охраной, но и нападеніемъ на другія племена, такъ и во внутреннихъ отношеніяхъ племени они выполняли не только свою необходимую функцію, но и узурпировали, пользуясь своей физической силой, громадныя доли средствъ производства и доходовъ у мирныхъ элементовъ. Фактъ этой узурпаціи, фактъ захвата земель господствующими классами въ началѣ среднихъ вѣковъ, не можетъ быть выведенъ изъ голаго анализа производственныхъ отношеній, точно также, какъ эволюціей производства никакъ нельзя объяснить скопленіе громадныхъ территорій въ однихъ рукахъ въ настоящее время, т. к эти территоріи часто остаются въ видѣ пустынныхъ пастбищъ или охотничьихъ лѣсовъ, большей же частью сдаются въ аренду.

Современная крупная собственность принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, дворянамъ—потомкамъ тѣхъ рыцарей, которые нѣкогда получили символическій кусокъ дерна изъ рукъ королей и герцоговъ. Это—остатки былого величія, отзвуки той эпохи, когда физическая сила и традиціи слѣпого религіознаго повиновенія властвовали надъ экономическими интересами И если мы хотимъ понять эволюцію распредѣленія земли, намъ необходимо принять исторически сложившуюся власть надъ землей, какъ **самодовлѣющій политическій факторъ** этой эволюціи. Этотъ факторъ постоянно сплетался въ одно неразрывное цѣлое съ такими явленіями,

которыя несомнѣнно были результатами факторовъ чисто экономическаго характера, что и давало нѣкоторое основаніе для доктрины экономическаго матеріализма въ исторіи. Но въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что ни одинъ самый ярый поклонникъ этой доктрины не рискнетъ влить все необъятное море соціальныхъ эмоцій человѣчества въ узкое русло чистаго экономизма.

Тѣмъ болѣе не будемъ дѣлать этого мы. Мы попытаемся установить генезисъ эволюціи распредѣленія посредствомъ **отдѣленія** факторовъ экономическаго порядка отъ другихъ видовъ и для этого спустимся къ исходному пункту—къ началу неравенства въ имущественномъ положеніи населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ.

Первый фазисъ сельско-хозяйственнаго производства—до земледѣльческій—кочевой.

Такъ какъ населеніе въ этомъ фазисѣ не получаетъ средствъ существованія непосредственно отъ земли, а только пользуется даровыми продуктами природы—животными и растеніями, то понятно, что земля не имѣетъ никакой цѣнности и никто не заявляетъ на нее никакихъ правъ. Типъ первобытнаго чисто кочевого землевладѣнія—это полное **„отсутствіе землевладѣнія“** полное отсутствіе какихъ либо границъ. Границъ спрашиваешь—отвѣчали якуты на разспросы Сѣрошевскаго—„а кто ихъ знаетъ! А мы думаемъ такъ: наша земля тамъ, гдѣ наши люди“*)

Какимъ образомъ адаевскій киргизъ, кочующій на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ отъ Хивы до Темира, не имѣющій не только участка земли, но даже и жилища, если не считать кошемныхъ джуламеекъ на трехъ кольяхъ,—могъ бы предъявить требованія на землю, на которой онъ остается въ теченіе нѣсколькихъ дней? Единственное требованіе, относящееся къ правамъ на территорію предъявляетъ не отдѣльный адаевецъ, а весь адаевскій родъ, чтобы другіе кочующіе роды не пересѣкали его пути.. И киргизское обычное право установило „кочевые пути“—узкія ленты длиной въ сотни верстъ, по которымъ испоконъ вѣковъ ходятъ отдѣльныя родовыя группы.

Такимъ образомъ, право землевладѣнія при кочевомъ пастушескомъ и охотничьемъ бытѣ въ доземледѣльческомъ фазисѣ сельскаго хозяйства не можетъ возникнуть. Возникаетъ лишь коллективное временное пользованіе продуктами

*) А. Кауфманъ „къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины“ стр. 7.

природы, когда данный родъ останавливается для тебеневки или охоты на одномъ мѣстѣ. Но тѣмъ не менѣе у кочевниковъ и въ этомъ фазисѣ уже имѣется на лицо **громадное имущественное неравенство**. Данныя экспедиціи для изслѣдованія степныхъ областей, свидѣтельствуютъ, что концентрація главнаго средства производства—скота у киргизъ доходитъ до такихъ размѣровъ, какихъ она не достигаетъ въ любомъ раіонѣ Европейской Россіи.

Такъ хозяйства, имѣющія болѣе 25 лошадей владѣли:

	% хозяйствъ.	% лошадей.	% всего скота.
Атбасарскій у. . . .	9,7	50,4	36,4
Кокчетавскій	7,8	47,6	?
Павлодарскій	8,4	56,0	42,0
Актюбинскій	4,3	41,1	23,2
Кустанайскій	9,3	56,4	47,8

Мы видѣли въ первомъ отдѣлѣ нашей работы, какія натяжки употреблялъ г. Ильинъ, чтобы доказать, что въ рукахъ пятой части дворовъ въ Россіи сосредоточена половина средствъ производства. Если бы онъ обратился къ киргизскимъ степямъ, то безъ всякихъ натяжекъ могъ бы констатировать сосредоченіе **половины** средствъ производства не у пятой, а у **двадцать пятой** части хозяйствъ. 4% киргизъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ владѣютъ 41,1% лошадей. Вѣдь эти киргизы—несомнѣнные капиталисты и между ними попадаются положительные магнаты капитала.

Въ первомъ попавшемся сборникѣ по Кокчетавскому уѣзду 24 хозяйства, имѣющія свыше 300 головъ, владѣютъ 13983 лошадьми, 1304 гол. круп. рог. скота, 6951 овецъ. Раньше богатство киргизскихъ верховъ было еще больше. По Георги въ началѣ XIX в. простой киргизъ держалъ 30—40 лошадей, рогатаго скота на половину меньше, 100 овецъ, а самые богатые киргизы по 10000 лошадей, 3—4000 гол. рог. скота, 300 вербл., 20000 овецъ. У персидскихъ кочевниковъ богачи имѣли по 1000 овецъ, 30 вербл., 20 лошадей; встрѣчаются владѣльцы 140000 овецъ. Въ концѣ XVIII в. въ Крыму богатые татары владѣли по 50000 овецъ (Шторхъ) и т. д.*)

Этихъ примѣровъ достаточно для констатированія громадной имущественной „дифференціаціи"—отслоенія верховъ еще въ до—земледѣльческомъ фазисѣ. Когда наступаетъ періодъ осѣданія на землю, эта имущественная „дифференціація (хотя, какъ увидимъ дальше, въ меньшихъ размѣ-

*) См. Рошеръ „Наука о народномъ хозяйствѣ". Стр 33.

рахъ) переносится и на землепользованіе, и киргизъ, имѣющій сотни и тысячи головъ скота, захватываетъ подъ пастбища, сѣнокосы, а потомъ и подъ пашню—значительно болѣе земли чѣмъ его сосѣдъ—байгушъ (нищій) съ одной лошаденкой.

Такую „дифференціацію“*) мы можемъ назвать **внутренней органической**, ибо она есть результатъ процесса **саморазвитія, происходящаго внутри** данной человѣческой коллективности. Коллективный родъ самъ выдѣляетъ изъ себя, независимо отъ внѣшняго воздѣйствія наиболѣе ли трудолюбивыхъ или удачливыхъ или уважаемыхъ и сильныхъ членовъ, которые, черезъ нѣсколько поколѣній, превращались въ богачей „баевъ“.

Внутренняя органическая эволюція распредѣленія на первыхъ ступеняхъ исторіи приводила къ образованію кадровъ „лучшихъ“ людей, „земскихъ бояръ“ древней Руси, альдерменовъ Англіи, разныхъ герцоговъ, старцевъ, мудрецовъ и т. д. у германцевъ и кельтовъ, т. е. къ **отслаиванію экономически сильныхъ верховъ**...

Теперь, представимъ себѣ, что мирный киргизскій родъ, уже довольно дифференцированный, кочуетъ, ничего не подозрѣвая, въ безбрежныхъ степяхъ. Вдругъ, изъ глубины Азіи—этого, по выраженію Гоголя „народовержущаго вулкана“, налетаютъ, какъ снѣгъ на голову, монголы Чингисъ-хана. Они перебьютъ часть и богатыхъ и бѣдныхъ киргизъ, нѣкоторыхъ изъ богатыхъ и уважаемыхъ членовъ киргизскаго рода, заслужившихъ почему либо ихъ расположеніе, они примутъ подъ свое милостивое покровительство; другихъ—обездолятъ и столкнутъ въ нижніе слои. Часть остальной массы покоренныхъ они обратятъ въ рабовъ и заставятъ пасти свои и ихъ прежнія стада; другая часть будетъ влачить полуголодное существованіе. Разгромивъ одинъ киргизскій родъ, главная масса монголовъ двинется дальше за новой добычей. Тѣ изъ нихъ, которые останутся, сдѣлаются богачами. Въ общемъ, монгольское завоеваніе произведетъ въ естественномъ органическомъ неравенствѣ киргизскаго рода глубокія перемѣны, которыя выразятся въ **развитіи экономической дифференціаціи**. Къ остаткамъ верхняго слоя богачей прибавится огромное количество новыхъ—изъ кадровъ завоевателей. Часть прежнихъ богачей и вся остальная масса

*) Здѣсь мы употребляемъ терминъ „дифференціація“ приспособляясь къ обычной терминологіи; на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ дальше въ такихъ случаяхъ происходитъ процессъ **подвижки вверхъ** (см. II-ую главу § 4.).

спустятся не только до положенія малоимущихъ бѣдняковъ, но и ниже—въ разрядъ лишенныхъ имущества безправныхъ рабовъ. Усилится и верхній и нижній слои и произойдетъ почти полное уничтоженіе средняго Но эта дифференціація не будетъ уже органической: она явится результатомъ внѣшняго, не экономическаго, а политическаго фактора—**военнаго захвата**. Въ древней и средней исторіи примѣровъ военныхъ захватовъ и происходившихъ, благодаря имъ, перетасовокъ въ распредѣленіи—множество и всѣ эти перетасовки—результатъ **завоеваній** чужихъ территорій.

Періодъ военнаго захвата чужихъ территорій и племенъ, связанный въ Западной Европѣ, главнымъ образомъ, съ эпохой паденія Римской имперіи и великаго переселенія народовъ, хронологически предшествовалъ другому періоду политической исторіи—періоду возникновенія феодальнаго строя. Періодъ военныхъ захватовъ закончился соединеніемъ завоеванныхъ территорій въ нѣсколько крупныхъ государствъ, во главѣ которыхъ встали короли и императоры. Въ этихъ государствахъ форма управленія была построена на феодальныхъ началахъ. Развитіе феодальныхъ отношеній происходитъ одновременно съ переходомъ населенія отъ подвижной переложной системы къ неподвижному трехполью, т. е. съ окончательнымъ осѣданіемъ на землю. Къ этому времени изъ всей массы населенія отслаивается классъ профессіональныхъ воиновъ.

Такъ какъ земледѣльцу невозможно передвигаться съ мѣста на мѣсто, то все населеніе уже не въ состояніи по первому зову своихъ вождей бросать поля и домашніе очаги и двигаться въ далекіе и трудное походы.

Королямъ нуженъ былъ подвижной военно служилый классъ, который и составляютъ феодалы. За отсутствіемъ финансовъ, содержаніе этого класса ложится на основной источникъ средствъ существованія—**на землю.**

Монархи, по праву т. наз. земельной регаліи, считали свободную землю, еще не занятую другими, своей и распоряжались ею, раздавая ее сеньорамъ и болѣе крупнымъ феодаламъ; сеньоры, въ свою очередь, привлекали рыцарей на службу къ себѣ раздачей земель и т. д. Образовалась лѣстница власти надъ землей и надъ сидящимъ на ней трудовымъ населеніемъ, которому вмѣняется въ обязанность „кормленіе“ военно-служиваго класса. Этотъ классъ является одновременно классомъ **крупныхъ землевладѣльцевъ**. Власть надъ землей совершенно экспропріируется у трудящейся массы и „черныя“ вольныя земли исчезаютъ, какъ на западѣ, такъ и у насъ.

Этотъ періодъ—періодъ **раздачи земель** господствующему военно-служилому классу **сверху** завершаетъ **надъ—органическую политическую дифференціацію** распредѣленія земли, начатую эпохой военнаго захвата. Эта внѣшняя дифференціація совпадаетъ съ внутреннимъ органическимъ разслоеніемъ деревенской общины лишь постольку, поскольку въ составъ крупныхъ землевладѣльцевъ—феодаловъ входятъ отслоившіеся разбогатѣвшіе члены общины.

Итакъ, политическихъ элементовъ въ эволюціи распредѣленія земли два: военный захватъ и раздача земли сверху. Благодаря этимъ элементамъ, исторія распредѣленія земли,—формъ и размѣровъ землевладѣнія имѣетъ сровнительно мало общаго съ органической эволюціей производства, съ той исторіей формъ и размѣровъ хозяйства, которая бы сложилась, если бы не существовало этихъ факторовъ. Реальная исторія распредѣленія земли есть результатъ взаимодѣйствія политическихъ и экономическихъ факторовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую эволюцію. Эволюція политическихъ факторовъ составляетъ подъ названіемъ **политической исторіи** особую дисциплину въ области историческихъ знаній.

И не только по существу, но и по темпу своего развитія политическая исторія разнится отъ экономической очень сильно. Политическіе факторы отличаются **быстротой** и **внезапностью**. Они подобны мало изученнымъ еще направленіямъ вѣтровъ. Сейчасъ дулъ южный вѣтеръ, а черезъ часъ, перескакивая черезъ всѣ румбы, онъ превращается въ сѣверный. Очень немногія направленія вѣтровъ могутъ быть предугаданы заранѣе; по большей части, мы не знаемъ, когда они появятся и въ какую сторону будетъ дуть вѣтеръ. Когда пронесется внезапный ураганъ мы, поискавши причинъ его появленія, можетъ быть и найдемъ ихъ, но отъ этого не будетъ легче тѣмъ, у кого ураганъ уничтожилъ жилище и выворотилъ деревья въ саду.

Подобно вѣтрамъ и ураганамъ, политическіе факторы, дѣйствующіе и сверху и снизу, слишкомъ сложны, многообразны и капризны, чтобы мы могли, при нынѣшнемъ уровнѣ нашихъ знаній, подмѣтить въ нихъ какую либо закономѣрность, дающую право строить прогнозъ будущаго. Иногда ихъ угадываютъ, но предсказать, на основаніи точныхъ, опредѣленныхъ признаковъ, время ихъ наступленія, а главное—ихъ результаты—никто не въ силахъ.

Факторы экономическіе, особенно въ сельско-хозяйственной области—гораздо медлительнѣе. Они возникаютъ подъ вліяніемъ опредѣленныхъ, поддающихся нашему изученію

условій, слагаются сотнями лѣтъ и измѣняются также въ долгіе промежутки времени. Вотъ почему они гораздо легче поддаются изученію и допускаютъ, съ извѣстной степенью достовѣрности прогнозъ будущаго, которое можно опредѣлить, опираясь на прошлое, ибо экономическіе факторы носятъ эволюціонный характеръ и развиваются органически одинъ изъ другого.

Кромѣ политическихъ и экономическихъ факторовъ, на распредѣленіе въ сельскомъ хозяйствѣ, а также отчасти и на производство вліяетъ еще одна категорія факторовъ, которые мы называемъ **психологическими**. Въ эту категорію входятъ, какъ болѣе или менѣе осознанныя эмоціи массъ, претворившіяся въ идеи, такъ и почти безсознательныя, инстинктивно воспринятыя и передающіяся по наслѣдству традиціи и привычки.

Къ первой группѣ болѣе или менѣе сознательныхъ эмоцій мы причисляемъ **религіозное чувство**. Религіозное чувство, какъ факторъ сельскаго хозяйства, дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, не на производство, а на распредѣленіе. Этотъ факторъ отошелъ уже въ область исторіи.

Въ языческую эпоху и, особенно, въ средневѣковую на почвѣ религіознаго чувства возникъ могучій классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, остатки котораго, въ видѣ монастырскаго землевладѣнія, сохранились въ католическихъ странахъ Европы и Россіи.

Въ до—земледѣльческомъ фазисѣ и въ началѣ земледѣльческаго, когда происходило первоначальное осѣданіе на землю, духовенство, пользуясь религіознымъ чувствомъ массы, накопляло довольно значительныя имущественныя цѣнности. Намъ доводилось видѣть въ киргизской степи большія стада у муллъ. Киргизскимъ муллой является не настоящій священникъ, прошедшій спеціальный курсъ, а всякій неглупый, энергичный человѣкъ, обмотавшій бѣлой тряпкой свою тюбетейку и явившійся къ киргизамъ говорить о Богѣ. И, подобно тому, какъ вожди и старцы накопляли капиталы у древнихъ племенъ и становились въ верхнихъ слояхъ **органически** дифференцировавшейся массы—языческіе жрецы и современные киргизскіе муллы, эксплуатируя религіозное чувство, способствовали внутренней дифференціаціи кочевыхъ и полуосѣдлыхъ племенъ.

Въ періодъ окончательнаго осѣданія, внутренняя органическая дифференціація превратилась во внѣшнюю, надъ органическую. Она покоилась на религіозномъ чувствѣ массъ,

какъ господство феодаловъ—на физической силѣ. Между обоими господствующими классами—феодаловъ и духовенства вначалѣ существовала взаимная связь. Духовенство внушало массамъ идею повиновенія власти, короли и сеньоры платили духовенству раздачей земель. Впослѣдствіи, короли, духовенство и дворянство перессорились между собой; но это произошло тогда, когда каждый классъ почувствовалъ себя сильнымъ, когда свободныхъ территорій для захвата не осталось, и когда каждый классъ, стремясь къ расширенію, сталкивался съ другими. Въ первоначальную же эпоху феодализма и свѣтская и духовная власть помогала другъ другу въ захватѣ всей земли въ руки господствующихъ классовъ. Опоры обоихъ видовъ власти—физическая сила и религія сливались воедино въ лицѣ могущественныхъ духовныхъ рыцарскихъ орденовъ.

Роль религіознаго чувства въ эволюціи распредѣленія земли надо считать очень обширной. Но если политическіе факторы съ трудомъ поддаются изученію, то психологическіе для насъ представляются совершенно загадочной областью, которой наука еще не скоро овладѣетъ.

Другая группа психологическихъ факторовъ—безсознательныя традиціи вліяютъ не только на распредѣленіе, но и на производство. Интересующія насъ массовыя традиціи могутъ быть раздѣлены на **привычки быта** и **привычки повиновенія**.

Мы уже упоминали въ числѣ факторовъ воздѣйствія человѣка на природу племенныя и расовыя черты, и указывали, что характеръ **пищи** зависитъ отъ племенныхъ привычекъ, что отражается на системахъ сѣвооборота, выборѣ животныхъ и растеній. Конечно пищевыя привычки, въ своей основѣ, зависятъ отъ тѣхъ или иныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, т. е. отъ природныхъ факторовъ. Но онѣ сохраняются очень долго въ видѣ традиціи и тогда, когда данное племя переселяется на другую территорію. Напримѣръ, англичане, живущіе въ Остъ-Индіи, не могутъ отстать отъ привычки поглощать большое количество мяса, и подвергаются, благодаря этому, усиленнымъ заболѣваніямъ.

Другія традиціи дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, на **распредѣленіе**. Къ нимъ относятся формы разселенія: хуторская, деревенская, формы землепользованія—подворная, общинная и семейное обычное право,—преимущественно традиціи наслѣдственныхъ раздѣловъ. Эта группа факторовъ, въ которыхъ традиціонныя психическія эмоціи сплетаются съ хозяйственными мотивами, мы называемъ **привычками быта**. Ихъ значеніе сохраняется до настоящаго времени въ крес-

тьянскомъ, да и помѣщичьемъ быту и придаетъ распредѣленію земли каждой страны своеобразный колоритъ.

Другой разрядъ традицій—привычки **повиновенія**, основой которыхъ служитъ стадное чувство, необходимое для организаціи общества. Если бы у низшихъ слоевъ не было привычки повиновенія, которая постоянно поддерживалась религіей, то, несомнѣнно, фазисъ захвата земель въ руки господствующихъ классовъ носилъ бы другой видъ. Но, не смотря на важность психологическихъ факторовъ этого типа, абсолютная темнота этой области не даетъ намъ возможности разглядѣть связь традицій быта и повиновенія съ экономической стороной эволюціи распредѣленія; и только въ эпоху разложенія семейно—родовой общины мы особенно наглядно ощущаемъ присутствіе не выясненныхъ исторіей традицій обычнаго права. Также мало обслѣдовано и современное обычное право.

Итакъ, въ эволюціи распредѣленія играютъ роль факторы троякаго вида: экономическіе, политическіе и психологическіе. Мы не можемъ, вслѣдствіе недостаточности нашихъ знаній, разсмотрѣть вліяніе **всѣхъ** этихъ факторовъ на эволюцію распредѣленія. Факторы политическіе и психологическіе ясны лишь постольку, поскольку они отразились въ исторіи въ видѣ осязательныхъ фактовъ того или другого распредѣленія **земли**, а также труда и продуктовъ производства. Поэтому, нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, традицій повиновенія, намъ не придется касаться совсѣмъ, присутствіе другихъ мы сможемъ еще констатировать при анализѣ **прошлаго** эволюціи распредѣленія; и только третьими—чисто экономическими факторами мы будемъ руководствоваться при оцѣнкѣ настоящаго момента и съ цѣлью заглянуть во тьму ближайшаго будущаго*).

А пока обратимся къ конкретному изложенію фазисовъ эволюціи распредѣленія.

§ 2. Первый фазисъ эволюціи распредѣленія—первоначальный захватъ и дифференціація.

Въ предыдущемъ § мы установили, что экономическая „дифференціація“ (развитіе имущественнаго неравенства) дѣлится по своему происхожденію, на **внутреннюю** органическую, происходящую, благодаря процессу саморазвитія внут-

*) Что мы предполагаемъ сдѣлать спеціально относительно Россіи въ четвертой части нашего труда.

ри даннаго общества, племени или рода и **внѣшнюю** надъ— органическую, причиной которой являются политическіе и отчасти психологическіе факторы, дѣйствующіе извнѣ, на экономическую структуру даннаго общественнаго организма. Теперь мы разсмотримъ болѣе детально происхожденіе, размѣры и ходъ обоихъ видовъ дифференціаціи.

Чтобы опредѣлить происхожденіе внутренней органической дифференціаціи, необходимо сказать нѣсколько словъ о первоначальной формѣ общественнаго быта. Широкіе слои нашей интеллигенціи до сихъ поръ съ легкимъ сердцемъ смѣшиваютъ современную русскую общину съ той общиной, которая существовала въ Европѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, а въ Россіи—1000—500 лѣтъ.

Но древняя община сложилась при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ современная. именно при **земельномъ просторѣ**, тогда какъ современная есть прямой результатъ „утѣсненія въ землѣ"—той эпохи, когда сельское хозяйство, пройдя періодъ переложной системы, перешло въ трехпольную, когда экстенсивное расширеніе посѣвовъ и пашни стало почти невозможнымъ, когда, однимъ словомъ, населеніе стало лицомъ къ лицу съ **ограниченностью пространства.** Только тогда развивается **уравнительно-передѣльный механизмъ**—это сердце современной русской общины Въ этомъ механизмѣ не является нужды до тѣхъ поръ, пока существуетъ земельный просторъ, пока каждый членъ общины можетъ свободно захватывать то пространство, которое онъ въ силахъ обработать своимъ или чужимъ трудомъ (трудомъ рабовъ и наймитовъ древняго періода исторіи).

Пока существуетъ земельный просторъ, т е. въ до-земледѣльческомъ фазисѣ и въ періодѣ переложной системы, тотъ фактъ, что Иванъ захватилъ себѣ тысячу десятинъ, нисколько не мѣшаетъ Петру захватить земли, сколько ему надо, т. к. земли „вдоволь" Только когда захватъ Ивана станетъ поперекъ дороги Петру—у Петра явится мысль, что Иванъ поступаетъ „не по божески". И когда такихъ обездоленныхъ Петровъ окажется въ общинѣ большинство, т. е когда „утѣсненіе въ землѣ" станетъ ощутительнымъ для большинства, большинство заводитъ борьбу съ непомѣрно разросшимся Иваномъ, которая, въ концѣ концовъ и даетъ уравнительно—передѣльный механизмъ современной общины. Слѣдовательно, необходимо строго различать **захватную** общину отъ **уравнительной**, чего до сихъ поръ не постигли не только массовая интеллигенція, но и ея лидеры, вродѣ г. Маслова.

Захватная община или, правильнѣе, коллективная общественная группа является той формой быта, съ которой связано существованіе человѣчества на первыхъ ступеняхъ с.-хоз. развитія. Рѣзкое отграниченіе этихъ ступеней отъ послѣдующихъ происходитъ вслѣдствіе того, что человѣчество на этихъ ступеняхъ еще не чувствуетъ **пространственнаго ограниченія**. Благодаря безграничности пространства, каждое хозяйство можетъ расширяться, не задѣвая другихъ. Между хозяйствами не возникаетъ еще **борьбы за землю**. А т. к. борьбы нѣтъ, то нѣтъ собственно двусторонней имущественной **дифференціаціи**, а есть **односторонняя подвижка вверхъ**— концентрація значительныхъ долей средствъ производства въ верхнихъ слояхъ.

Мы видали, что въ киргизской средѣ, „у $^1/_{10}$—$^1/_{25}$ части хозяйствъ сосредоточена половина главнаго киргизскаго имущества—скота. Въ то-же время безлошадныхъ хозяйствъ въ 5 уѣздахъ только 4,4%, тогда какъ въ Европейской Россіи ихъ по земскимъ переписямъ 26,7%, а по военно-конскимъ— 34,4% Процессъ саморазвитія имущественнаго неравенства въ первобытной общинѣ не есть процессъ „пролетаризаціи“— „капитализаціи“, а только захватъ болѣе приспособленными хозяйствами „впустѣ лежавшихъ“ средствъ для существованія—даровыхъ благъ природы. Когда пастбищъ сколько угодно, всякій кочевникъ можетъ завести столько скота, сколько ему позволяетъ его умѣніе и удача. Одни хозяйства будутъ болѣе умѣлыми и удачливыми или болѣе вліятельными („старцы“—би и аксакалы) скопятъ больше движимости, у другихъ въ годъ „куянжила“ (падежа скота отъ гололедицы) уносится все ихъ достояніе, но minimum существованія въ видѣ свободныхъ пастбищъ обезпеченъ всякому кочевнику.

Но насъ мало интересуетъ собственно до земледѣльческій фазисъ, т. к. въ этомъ фазисѣ земледѣлія не существуетъ, а пользованіе пастбищами обязательно должно быть **совмѣстнымъ**, **коллективнымъ**.

Спенсеръ говоритъ: „Пока продолжается существованіе довольствующееся пищей, находимой въ естественномъ (или дикомъ) состояніи (wild foot), кочующія орды, живущія въ какой нибудь данной мѣстности, должны держаться **совмѣстнаго** пользованія этой мѣстностью; это зависитъ, какъ отъ того, что нельзя доказать права какого нибудь одного члена на часть данной земельной площади, такъ и отъ того, что раздѣлъ ея на мелкія части, если бы участники даже согласились на это, былъ бы невыполнимъ. Тамъ, гдѣ возникла пастушеская жизнь, необходимо имѣть возможность пасти

стада, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ внутри занятой области. При отсутствіи земледѣлія, ни домашній скотъ, ни сами собственники его не могли бы существовать, если бы каждый собственникъ былъ ограниченъ какимъ либо однимъ участкомъ: тутъ возможенъ одинъ лишь выходъ—именно **общее пользованіе** обширными пространствами" (основ. соціологіи II, 413).

Такимъ образомъ, кочевой бытъ отлично уживается съ частной собственностью на **движимость**, но **недвижимой** собственности—земельной въ до земледѣльческомъ фазисѣ не можетъ возникнуть. По отношенію же къ землѣ можно установить для этого фазиса такую форму: **отсутствіе постояннаго землевладѣнія и временное коллективное землепользованіе** *) Поэтому, минуя до земледѣльческій фазисъ, переходимъ къ первоначальному осѣданію на землю. Подобно рою пчелъ, человѣческая коллективность осѣдаетъ сначала всей массой на одной территоріи, которую и захватываетъ **въ общее владѣніе**. „Коммунистическая система предшествовала индивидуальному владѣнію" (Ковалевскій). „Тамъ, гдѣ совершился переходъ къ осѣдлой жизни, еще долго переживаніе привычекъ и чувствованій, укоренившихся въ теченіи кочевой стадіи должно мѣшать личной собственности на землю" (Спенсеръ).

Коллективность, захватывающая землю въ постоянное владѣніе, была вначалѣ, вѣроятно, велика; скорѣе всего она обнимала цѣлое племя.

Германскія племена, о землевладѣніи которыхъ сохранились, благодаря Цезарю, наиболѣе точныя свѣдѣнія, состояли изъ 30—40 тыс. человѣкъ

„При занятіи страны, распредѣленіе земельнаго владѣнія совершалось по правиламъ военнаго устройства: герцогъ, верховный вождь племенного войска при помощи предводителей или начальниковъ отдѣльныхъ сотенъ, раздѣлялъ занятую землю точно такимъ же образомъ, какъ раздѣлялъ онъ вообще всю военную добычу. Результаты военно-дружиннаго дѣлежа были таковы: каждый воинъ получалъ одинаковыя права на землю, за исключеніемъ предводителей, которымъ доставались большія противъ остальныхъ доли. Вся земля раздѣлялась сперва между сотнями, а потомъ, внутри каждой сотни, между семьями .(члены которыхъ и

*) Рошеръ утверждаетъ, что „рѣзкая противоположность между землей и капиталами, между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ проникаетъ юридическій бытъ всѣхъ малоразвитыхъ народовъ. Движимое имущество вездѣ гораздо раньше и полнѣе перешло въ частную собственность" (II, 282).

въ войскѣ стояли рядомъ другъ съ другомъ) и между отдѣльными воинами.

Итакъ, племенная, вновь пріобрѣтенная область дѣлилась сначала на сотенные округа Отдѣльныя сотни, по свидѣтельству Цезаря, не поселялись на отведенныхъ имъ мѣстахъ навсегда; напротивъ, онѣ каждый годъ переходили изъ одного округа въ другой, мѣняясь между собой мѣстами. Слѣдовательно, право собственности на государственную (племенную Н. О) территорію принадлежало пока **исключительно племени**: отдѣльнымъ сотнямъ племя, черезъ свои органы давало только право **годичнаго пользованія** землей, соблюдая, при этомъ, повидимому опредѣленную очередь" *).

Такой типъ племенного землевладѣнія и мелко-родового землепользованія существуетъ въ переходную полупастушескую, полу-земледѣльческую эпоху. У киргизъ мелко родовыя группы захватываютъ въ свое пользованіе прилегающія къ зимовымъ стойбищамъ угодья (сѣнокосныя, пахотныя земли и осенне-весеннія пастбища).

Эти группы—родичей изъ 10—15 кибитокъ или, по выраженію Кауфмана „патрона съ состоящимъ при немъ клiентами", на зиму осѣдаютъ совмѣстно каждое на своемъ урочищѣ; но лѣтомъ, когда начинается кочеваніе, эти мелкія родовыя группы, соединяются въ болѣе обширныя кочевочныя группы на особой территоріи, носящей названіе лѣтовокъ. Лѣтовки составляютъ общее достояніе крупныхъ родовъ

Но, земледѣліе все болѣе врѣзывается въ кочевой бытъ, все болѣе привязываетъ населеніе къ землѣ и, благодаря этому, порождаетъ **распаденіе** коллективнаго землевладѣнія. Въ эпоху Тацита германскія родовыя группы—сотни уже осѣли на мѣстахъ и заняли каждая опредѣленную территорію. Съ теченіемъ времени между территоріями отдѣльныхъ сотенъ появляются **границы**; землевладѣніе сотенъ пріобрѣтаетъ опредѣленныя очертанія. Это—сотенныя **марки**, аналогичныя древне-русскимъ общинамъ—волостямъ, англійскимъ „rundale" и т. д

Однако болѣе или менѣе крупная родовая группа—германская сотня или древне-кельтскій кланъ (сотня имѣла около 120 членовъ, кланъ болѣе 120 большихъ семействъ tates) осѣдали на своихъ территоріяхъ не совмѣстно, а, какъ и современные киргизы, распадались **на мелкія родовыя группы**, изъ которыхъ каждая, образуя особый поселокъ, пріобрѣ-

*) Лампрехтъ „Исторія землевладѣнія въ Германіи (освоб кр—нъ на западъ Handw (стр. 2).

таетъ вскорѣ права на извѣстную часть территоріи (крупнаго рода).

Внутри сотенной марки образуются **деревенскія** марки, внутри общины—волости—деревенскія общины.

Раздробленіе крупнаго коллективнаго землевладѣнія было неминуемо съ тѣхъ поръ, какъ земледѣліе начинаетъ пріобрѣтать значеніе главнаго промысла населенія. Въ той гущѣ лѣсовъ, которая покрывала нѣкогда среднюю Европу и нашу Россію, фактически было невозможно осѣдать крупными коллективами, т. к. первоначально земледѣліе лѣсныхъ раіонахъ ведется преимущественно на полянахъ.

Подъ лѣсомъ почва обыкновенно хуже и поляны представляютъ оазисы почвы лучшаго качества. Съ другой стороны, вырубаніе лѣсовъ и корчеваніе пней представляетъ далеко не легкую работу, которая начинаетъ высоко цѣниться. Появляются зачатки представленія о **правѣ труда**. И вотъ тѣ угодья, которыя требуютъ наибольшаго труда, именно пахотныя земли, лежащія вблизи поселеній, въ первую голову становятся ихъ неотъемлемой собственностью. Но угодья, не требующія труда—пастбища и лѣса, подобно киргизскимъ лѣтовкамъ, остаются во владѣніи крупной коллективности общины—волости, или сотенной марки.

Германскія деревни состояли изъ 10—40 дворовъ; наши русскія еще меньше. Въ XVI в. у насъ преобладали поселки въ 2—8 дворовъ. Раздѣлянная пашня вокругъ деревень предетавляла ихъ собственность Но въ окружающихъ деревенскую территорію пастбищахъ и особенно въ лѣсахъ каждый вновь образовавшійся дворъ, и каждый изъ прежнихъ могли безпрепятственно дѣлать **заимки**. Старыя деревни выпускаютъ въ разныя стороны отростки, сначала въ видѣ клочковъ пашни, разбросанныхъ тамъ и сямъ по лѣсу, на лучшихъ мѣстахъ; затѣмъ, на эту пашню переселяются нѣкоторые дворы, образуютъ новыя деревни—починки, получающіе тоже право на обработанную ими землю, но уже индивидуальнаго характера—основанное на личномъ **правѣ труда**. „На этомъ то болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что обработанная земля неотъемлемо принадлежитъ обработавшему ее, такъ какъ въ нее неотдѣлимо заключена частица его самого и основывалось трудовое право на землю, существовавшее едва ли не у всѣхъ народовъ въ извѣстный, по крайней мѣрѣ, періодъ ихъ исторіи. Это право, собственно, вполнѣ теоретически признаваемое и въ настоящее время, съ особенной ясностью выступаетъ именно въ **захватный** періодъ—когда земельныя права только зарождаются и складываются“ (Качоровскій. Рус. община изд. I стр. 220).

Такимъ образомъ, послѣ распаденія крупнаго общиннаго землевладѣнія и образованія деревенскихъ территорій, начинаетъ развиваться вокругъ этихъ территорій **заимочное индивидуальное землевладѣніе**. По словамъ Лампрехта, „когда прекратилось первоначальное колонизаціонное движеніе, новую пахотную землю можно было пріобрѣсть уже не иначе, какъ путемъ расчистки новинъ отдѣльныхъ поселянами... При расчисткѣ же земель отдѣльнымъ крестьяниномъ, должно было возникнуть **новое право** на благопріобрѣтенную земельную собственность“ (Судьбы крест. землев. въ Германіи стр. 80).

Индивидуальное право первой заимки свободныхъ никому не принадлежащихъ земель, закрѣплявшееся въ Германіи обнесеніемъ плетнемъ захваченнаго участка, въ Россіи—опахиваніемъ и окашиваніемъ круга, вначалѣ не было наслѣдственнымъ, а лишь **лично-трудовымъ**. Отдѣльный хозяинъ, или семейная группа, захватившая тотъ или другой участокъ земли имѣютъ на него право лишь до тѣхъ поръ, пока они его обрабатываютъ.

У киргизъ, переходящихъ къ осѣдлости „распаханная пашня остается достояніемъ распахавшаго только до тѣхъ поръ, пока она не заброшена и пока отдохнувшая залежь не сравняется съ окружающей цѣлинной степью“ (Кауфманъ). У древнихъ русскихъ земледѣльцевъ пашня являлась собственностью заимщика до тѣхъ поръ пока онъ ее не забрасывалъ и на ней не выросталъ лѣсъ и т. д.

Но если земледѣлецъ сидѣлъ долго на занятомъ участкѣ, то „заимка теряетъ характеръ временный и обращается въ постоянную; земля передается по наслѣдству въ данномъ родѣ, селящемся дворами, дворищами или хуторами... Такъ было въ долинахъ Пиринеевъ, Тироля и Швейцаріи, а такъ же въ Ирландіи въ эпоху великаго переселенія и въ Германіи“ (Брокгаузъ ст. „Поземельная община“ томъ XXIV стр. 187).

Захватное право, вносившее элементъ индивидуализаціи въ землевладѣніе, не могло не отразиться на старозаимочной территоріи деревенскихъ общинъ. Послѣ нѣкоторой борьбы, эти территоріи подвергаются **развертк**ѣ между членами деревенской общины. Каждый общинникъ получаетъ въ каждомъ кону (gewanne), на которые дѣлилась пашня—свою полоску, откуда и получило свое начало подворно черезполосное владѣніе, преобладающее до сихъ поръ во многихъ раіонахъ Германіи и во Франціи.

Разверстаніе общинныхъ земель, совершавшееся въ Германіи до V вѣка, повидимому не имѣло ничего общаго съ

уравнительными передѣлами. Такъ какъ мелкая родовая группа деревни представляла изъ себя большую семью, то скорѣе всего тогдашнія разверстки можно сопоставить съ современными семейными раздѣлами, только въ большемъ масштабѣ.

„Въ Индіи, по словамъ Бадэнъ-Пауэлля, нераздѣльная семья является впачалѣ единымъ цѣлымъ и владѣетъ сообща всей земельной площадью. Впослѣдствіи она распадается. Между членами ея возникаютъ раздоры. Каждый настаиваетъ на томъ, чтобы жить отдѣльно и работать для себя и для своихъ (право труда Н. О). И тогда приступаютъ къ раздѣлу земли на **неравныя части**, сообразно **степени родства каждаго съ общимъ предкомъ.** Часть площади остается **внѣ** дѣлежа, обыкновенно лѣса, пастбища и пустоши. Чтобы удостовѣриться въ томъ, что эта практика имѣетъ аналогичныя черты съ земельными порядками древнихъ германцевъ и русскихъ славянъ, достаточно вспомнить то выраженіе, которое употребляетъ Тацитъ, разсказывая, какъ новые поселенцы распредѣляютъ между собой пользованіе землей лежавшей до того времени впустѣ: agri, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur . Въ эпоху, когда неравенство между людьми создавалось не степенью богатства, а степенью родства, dignatio могло обозначать собой только мѣсто, занимаемое каждымъ въ генеалогическомъ древѣ.

Подобные же раздѣлы совершались въ 17 и 18 стол среди новгородскихъ выходцевъ, заселившихъ берега Бѣлаго моря.

Супруги Ефименко... утверждаютъ, что всякій разъ, когда принципъ недѣлимости переставалъ дѣйствовать внутри нераздѣльной семьи, каждое отдѣльное хозяйство получало свою долю. Доли эти были неравной величины. Сынъ получалъ большую часть, чѣмъ внукъ“ (М. Ковалевскій „Развитіе народнаго хозяйства въ зап. Европѣ“ стр. 196).

Аналогичные порядки раздѣловъ царили и въ Ирландіи и въ Валлисѣ до VII в.

Итакъ въ то время, какъ **внутри** деревенской территоріи право на землю индивидуализировалось путемъ раздѣловъ мелко—родовой собственности, причемъ доли, которыя получала каждая семья, были неравны, **внѣ** этой территоріи господствовало личное право первой заимки, основанное на правѣ труда. Вотъ двѣ точки опоры для созданія первоначальнаго земельнаго неравенства внутри общины: **семейное право** и **право труда** Второе право гораздо больше содѣйствовало экономическому разслоенію земледѣльческой общины, чѣмъ первое

Въ Германіи „особенно энергичные хозяева, распахивали въ принадлежавшей деревнѣ маркѣ громадныя пространства земли, внѣ узкой системы первоначальныхъ полей, входившихъ въ составъ старыхъ крестьянскихъ гуфъ (участниковъ деревенской общины). Рядомъ съ гуфной землей все больше и больше увеличивались такимъ образомъ заимки Bottlands, а вмѣстѣ съ этимъ возрастало имущественное неравенство среди свободныхъ крестьянъ. Эти явленія еще до начала эпохи Меровинговъ привели **къ полному хозяйственному дифференцированію** стараго вольнаго крестьянства, сжившагося съ коммунистическими порядками" (Лампрехтъ стр. 7).

Раздѣлы старыхъ земель и захваты новыхъ, приводятъ въ первомъ періодѣ экстенсивнаго земледѣлія, къ „дифференціаціи" или правильнѣе къ—„подвижкѣ вверхъ" къ отслоенію болѣе трудоспособныхъ, или обладавшихъ знатнѣйшими предками или болѣе мудрыхъ и уважаемыхъ хозяевъ, въ рукахъ которыхъ концентрируются значительныя доли земли.

Но это разслоеніе и концентрація земли, какъ можно видѣть по нѣкоторымъ статистическимъ даннымъ, повидимому меньше, чѣмъ концентрація движимости—скота въ верхнихъ слояхъ при кочевомъ бытѣ.

Въ Россіи XII в. имущественное положеніе верхнихъ слоевъ превосходило нижніе въ 135 разъ, если судить по налогамъ. Ярославъ „начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ боляръ по 18 гривенъ". (Блюменфельдъ къ вопросу о землевладѣніи древней Россіи стр. 98). (По Ключевскому въ $112^1/_2$ разъ).

У киргизъ имущественное положеніе самыхъ верхнихъ слоевъ превосходитъ нижніе въ 300 и болѣе разъ.

По землѣ разслоеніе было еще менѣе. М. Ковалевскій полагаетъ, что на сѣверѣ Россіи (Архангельская, сѣверъ Вологодской губ) землевладѣніе въ XVIII в переживало тотъ фазисъ, который переживала Европа въ первые вѣка христіанской эры. Въ работѣ Иванова „къ исторіи землевладѣнія на сѣверѣ въ 17 в.", мы имѣемъ данныя о распредѣленіи земли въ Кеврольскомъ уѣздѣ въ 1686 г. (На границѣ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ.).

	Пахотныя земли.					
Дворы съ . .	$^1/_{16}$—$^1/_2$ четв.*)	$^1/_2$—1	1—2	2—4	4—6	6—8
% дворовъ .	0,9	5,0	26,4	47,3	14 1	6,3
Приблизительный % пашни .	1,1		13,3	47,1	23,7	14,8

*) Четверть въ 3-хъ поляхъ—равна $1^1/_2$ десятин

Верхній слой сосредоточилъ у себя лишь 15% земли, maximum землевладѣнія превосходитъ minimum въ 80 разъ.

Въ Пермской губ, въ Чердынскомъ у. писецъ Кайсаровъ установилъ по переписи 1623 г. различную степень зажиточности деревенскаго населенія. По его разсчету въ соху*) пашни входило **лучшихъ** людей 40 дворовъ, среднихъ 60, молодшихъ 80, самыхъ молодшихъ (нижнихъ слоевъ) 120. Лучшіе (зажиточные) составляли 13% дворовъ.

Наконецъ, о величинѣ отслоенія при захватномъ правѣ, можно судить по сибирскимъ **старожиламъ** 80 г.г. XIX в. Процентъ старожильческихъ дворовъ, засѣвавшихъ болѣе 20 десятинъ, равнялся.

Въ Алтайскомъ округѣ	14,9%.
Иркутской губ. (3 округа) . . .	23%.
Верхоленскомъ округѣ	10,3.
Забайкальской области	16,7.

Сравнительно съ Европейской Россіей, гдѣ процентъ засѣвающихъ выше 15—20 дес. равенъ только 3,7—отслоеніе кверху громадное. Но сравнивая старожильческое хозяйство съ киргизскимъ, по распредѣленію лошадей, мы узнаемъ, что тогда, какъ у первыхъ процентъ имѣющихъ болѣе 10 лошадей, нигдѣ не превышаетъ 17%, а чаще меньше, у послѣднихъ—хозяева съ 11 и бол. лошадьми ни въ одномъ уѣздѣ не составляютъ менѣе 30%.

Эти, хотя отрывочныя, данныя, показываютъ, что внутренняя органическая разслоенность по землевладѣнію въ первый періодъ экстенсивнаго фазиса, вѣроятно, была ниже той имущественной разслоенности по движимости—скоту, которую мы наблюдаемъ у кочевниковъ. Эти данныя, конечно, не достаточны; но a priori ясно, что кочевникамъ для заведенія обширныхъ стадъ гребовалось гораздо меньше заботъ и труда, чѣмъ первобытному земледѣльцу для расчистки пашень изъ подъ лѣса съ топоромъ и сохой.

Какъ бы тамъ ни было, но, благодаря разложенію родовой общины, возникновенію индивидуальнаго землевладѣнія на основѣ семейнаго и захватно—трудового права, среди земледѣльческаго населенія въ первые вѣка послѣ осѣданія на землю, создается внутренняя органическая „дифференціація“—подвижка вверхъ довольно значительныхъ размѣровъ. Процессъ индивидуализаціи землевладѣнія происходитъ въ Европѣ къ V—VI в.в.

*) Соха—земельная площадь, равна 1200 десятинъ.

Съ этого же времени, съ момента образованія первыхъ крупныхъ государственныхъ единицъ (эпохи Меровинговъ) навстрѣчу внутренней дифференціаціи общины, покоющейся на семейномъ и трудовомъ правѣ, идетъ внѣшняя **политическая** дифференціація, основа которой—физическая сила.

„Надъ вольнымъ крестьянствомъ, дифференцировавшимся въ экономическомъ отношеніи, все грознѣе и грознѣе возвышалось **настоящее крупное землевладѣніе**“ (Лампрехтъ стр. 8).

Захватъ земли сверху, какъ мы указывали, происходитъ въ троякой формѣ: военнаго завоеванія, раздачи земель феодаламъ королями и герцогами и скопленія ихъ въ рукахъ духовенства.

Первая форма проявилась наиболѣе рѣзко въ эпоху великаго переселенія народовъ, когда германскія, а затѣмъ тюрко-финскія и монгольскія полчища подняли на ноги всю Европу, столкнули съ насиженныхъ мѣстъ множество племенъ и раздавили нѣсколько государствъ.

Само собой разумѣется, что въ эту эпоху тянувшуюся съ перерывами отъ IV до IX в. (и раньше) каждое племя, захватившее территорію другого, производило въ формахъ землевладѣнія, сложившихся до него, громадный переворотъ. Въ средней Европѣ одинъ изъ характернѣйшихъ переворотовъ этого типа произошелъ въ V в. на романизированной территоріи Галліи. Франки и бургунды, завоевавшіе часть этой территоріи, уже нашли здѣсь обширные латифундіи, которыми, тоже благодаря военному захвату, раньше владѣли римляне и отслоившіеся верхи галльской знати. Германскіе завоеватели только частью захватили эти латифундіи въ свои руки. „Число переселенцевъ—завоевателей было незначительно сравнительно съ массой коренного галло-римскаго населенія. Испомѣстились они вперемежку съ послѣднимъ, на началахъ раздѣла съ туземцами, или занятія опустѣлыхъ полосъ“. (Феодализмъ см. Брокгаузъ томъ XXXV стр. 506). Благодаря такому расположенію и захвату новыхъ земель, общинные порядки у франковъ и бургундовъ быстро исчезли изъ обихода. На верхахъ образовалась крупно-владѣльческая знать изъ смѣси германцевъ, галловъ и потомковъ римлянъ, которая въ первый же моментъ осѣданія расширила прежнее крупное землевладѣніе за счетъ „опустѣлыхъ полосъ“ принадлежавшихъ раньше трудовымъ земледѣльцамъ. Но имъ было мало этого. Вскорѣ они начинаютъ вести „упорную борьбу съ менѣе сильными за расширеніе власти надъ землей. Они давили на мелкихъ собственниковъ,

которыхъ легко могли тѣснить при недостаткѣ защиты отъ правительства". (Ibidem).

Другой примѣръ переворота, производимаго въ землевладѣніи завоевателями, мы находимъ въ Англіи Еще въ V—VI в.в., послѣ ухода римскихъ легіоновъ, англосаксы покорили первобытное населеніе кельтическаго происхожденія и ввели въ прежнее родовое землевладѣніе этихъ послѣднихъ такъ назыв. маноріальную систему.

Покорители страны саксы, смѣшавшись съ вождями кельтскихъ клановъ, образовали классъ лордовъ, построившихъ замки (manors) и захватившихъ въ свои руки не только значительную долю свободныхъ территорій, но и пріобрѣтавшихъ верховную власть надъ землями мелкихъ земледѣльцевъ—виллановъ и коттеровъ, которые владѣли своей землей лишь съ **соизволенія** лордовъ. Окончательную экспропріацію власти надъ землей у трудовой массы произвело нашествіе норманновъ. „Саксонская манорхіальная система, которая еще до завоеванія успѣла значительно подорвать общинный строй, была окончательно закрѣплена въ знаменитомъ Domesday survey (земельный кадастръ Вильгельма Завоевателя), при чемъ члены прежней деревенской общины de jure превратились въ арендаторовъ (tenants) земли лордовъ".

Вообще, „являясь въ странѣ чуждыми ея обычнаго склада, основывая власть на своей силѣ и угнетеніи коренныхъ жителей, внѣшніе завоеватели обыкновенно прежде всего обращаютъ земли покоренной страны въ фондъ для награжденія своихъ подвижниковъ; съ другой стороны, ради собственныхъ интересовъ, чтобы легче было владычествовать въ покоренной странѣ—они **поддерживаютъ** то меньшинство, которому уже удалось обособиться изъ сѣрой общинной массы и поставить ее въ зависимость отъ себя, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ значительныя поземельныя владѣнія" (Ходскій „Земля и земледѣлецъ" I, 57).

Верхи, отслоившіеся въ покоренной странѣ до завоеванія ея иноземцами, которые могутъ лишь опираться на право труда или на семейное право или на добровольное подчиненіе изъ уваженія къ нимъ, а не на физическую силу и поэтому не **производившіе захватовъ земли вопреки интересамъ трудовой массы населенія**, сливаясь съ завоевателями, получаютъ точку опоры въ физической силѣ этихъ послѣднихъ. И вотъ и покоренные и покорившіе аристократы начинаютъ давить на эту трудовую массу, начинаютъ захватывать не только впустѣ лежавшія пространства, но и территорію, обработанную руками рядовыхъ земледѣльцевъ.

Но еще важнѣе, чѣмъ военныя завоеванія, была вторая разновидность политическихъ факторовъ—раздача земель королями и сеньорами господствующимъ классамъ. Древніе германскіе герцоги, еще въ эпоху коллективизма, получали, какъ вожди изъ завоеванныхъ земель, очень большія доли. Когда вожди превращаются въ королей, они присваиваютъ себѣ верховное право надъ всей вообще территоріей страны, и въ частности право распоряженія всѣми незанятыми землями. И по сейчасъ англійскій король—номинальный властитель всей Англіи.

Германскіе короли (меровинги) „въ силу поземельной регаліи издавна укрѣпили за собой право собственности на всю вообще землю, еще не занятую и не эксплуатируемую другими". (Лампрехтъ). Если прибавить сюда громадныя римскія латифундіи и всѣ вообще земли, отходившія въ казну въ видѣ конфискацій, штрафовъ и по приговору судовъ, то въ непосредственномъ распоряженіи королей оказывалась едва ли не большая половина всѣхъ земель. И, начиная съ V вѣка, эти земли раздаются родственникамъ, друзьямъ королей и военно служилому элементу, въ которомъ начали нуждаться короли и государство. „Въ первой половинѣ VII в.. не только въ Галліи, но и на Рейнѣ и дальше за нимъ на востокѣ возникло новое прочно утвердившееся крупное землевладѣніе. И эта вновь образовавшаяся земельная собственность досталась преимущественно въ руки дворянства—класса, который и безъ того уже, по своему служебному положенію и по рожденію былъ классомъ дирижирующимъ (Ibidem стр. 9).

Система пожалованій землей за службу послужила основаніемъ **феодализма**, который въ извѣстную эпоху существовалъ во всѣхъ странахъ Европы, въ Азіи (Индіи, Китаѣ, Японіи) въ мексиканскихъ государствахъ Америки и на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана

„Феодализація поземельной собственности, говоритъ Левитскій, заключалась въ **уничтоженіи полной свободной поземельной собственности**... Всѣ земли становятся въ подчиненное отношеніе однѣ къ другимъ" (Ист. политической экономіи въ связи съ истор. хоз. быта). Онѣ дѣлятся на двѣ крупныя категоріи: феодальныя и цензуальныя, или что тоже на дворянскія и крестьянскія.

Феодальныя земли раздѣляются на аллоды, бенефиціи и феоды (наши вотчины и помѣстья).

Территорія государства, кромѣ королевскихъ земель, разбивалась на рядъ самостоятельныхъ сеніорій—доменовъ. Сеньоръ—это вельможный сановникъ, владѣтельный князь,

подчиненный только королю. Его самостоятельное владѣніе получилось по б. ч. изъ римской латифунціи и передавалось наслѣдственно изъ рода въ родъ. Такое владѣніе, свободное отъ всякихъ повинностей, назывались аллодомъ. Сеньоръ могъ сдѣлать съ нимъ все, что угодно.

Бенефиціи—это королевскія пожалованія, раздававшіяся подъ условіемъ вѣрности первоначально лишь въ пожизненное владѣніе, скоро превратившееся въ наслѣдственное. Бенефиціи раздавались преимущественно крупной аристократіи и духовенству.

Наконецъ **феодъ**—земля, раздававшаяся не въ пожалованіе, а подъ условіемъ службы—въ „кормленіе“ феодалу. Феодъ сначала былъ пожизненнымъ, но затѣмъ, какъ и бенефиціи, превратился въ наслѣдственный. Феоды раздавались и королями и сеньорами и вообще всякими болѣе или менѣе крупными владѣльцами и знатными господами.

Цензуальныя земли (цензивы), которыми пользовалось крестьянство, освобожденное отъ воинской службы, были обложены денежными или натуральными повинностями, оброкомъ или барщиной. Крестьяне (въ широкомъ смыслѣ—трудовые земледѣльцы) дѣлились на колоновъ, литовъ и рабовъ Колоны имѣли право продавать, закладывать и покупать землю, но съ согласія своего господина. Литы имѣли почти тѣже права на землю, но личная свобода ихъ была значительно больше ограничена Рабы не имѣли ни личной, ни земельной свободы.

Такую картину представляло европейское землевладѣніе въ тотъ моментъ, когда населеніе „утѣсненное въ землѣ“ съ одной стороны приростомъ (см. предыдущую гл § 2) съ другой—захватомъ свободныхъ территорій феодалами, переходило отъ переложной системы къ трехполью, т. е во второй періодъ экстенсивнаго фазиса земледѣлія. Великое переселеніе народовъ, связанное съ осѣданіемъ полукочевыхъ племенъ на землю, закончилось; закончился и періодъ господства перелога и связаннаго съ нимъ захватнаго права. Благодаря экономическимъ, политическимъ и психологическимъ факторамъ, этотъ періодъ привелъ къ дифференціаціи всего населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ на два класса: крупныхъ землевладѣльцевъ—дворянъ и класса трудового крестьянства Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ захватилъ въ свои руки большую часть всѣхъ земель. „Утвержденіе. что въ XI и XII в в. гораздо болѣе половины всѣхъ германскихъ земель принадлежало помѣщичьему классу, окажется еще далеко не соотвѣтствующимъ дѣйствительности“—говоритъ Лампрехтъ

Такой результатъ получился по слѣдующимъ причинамъ.

1) Первоначальное коммунистическое землевладѣніе крупныхъ племенныхъ группъ, при осѣданіи на землю, распадается на землевладѣніе сначала крупныхъ, а потомъ мелкихъ родовъ—семействъ, которыя въ свою очередь разбиваются на рядъ индивидуальныхъ семейныхъ хозяйствъ. Распаденіе родовой общины и индивидуализація землевладѣнія происходитъ отчасти отъ условій земледѣлія въ лѣсахъ, гдѣ коллективное хозяйство чрезвычайно затруднено, но главное отъ **неограниченности** пространства.

2) Неограниченность пространства, т. е. обиліе свободныхъ, не тронутыхъ земель, привела къ развитію **захватнаго права**—права первой заимки. Захватное право, основанное на правѣ личнаго труда, вмѣстѣ съ семейнымъ правомъ—правомъ родства, приводятъ къ внутреннему органическому разслоенію, т. е. къ образованію довольно значительнаго неравенства въ землевладѣніи членовъ одной общины. Изъ этой общины отслаивается группа болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ.

3) Навстрѣчу внутренней органической дифференціаціи идетъ внѣшняя дифференціація, вызываемая политическими факторами: военнымъ завоеваніемъ и раздачей земель сверху. Вмѣсто права труда, она базируется на правѣ физической силы Сливаясь съ верхними слоями общины. завоеватели и лица, получившія землю отъ королей и сеньоровъ, формируются въ кадры военно-служилаго элемента—помѣстнаго дворянства и захватываютъ въ свои руки большую часть территоріи, а за пользованіе территоріей, оставшейся въ рукахъ трудового населенія, взимаютъ различнаго рода повинности.

4) Переходъ власти надъ всей землей въ руки господствующихъ классовъ создаетъ **ограниченность пространства**. Мы знаемъ, что трехпольная система полеводства наступаетъ лишь послѣ того, какъ вся, доступная обработкѣ земля отведена подъ пашню. Этого еще не было въ эпоху возникновенія феодализма. Напримѣръ, въ Англіи въ 1086 г. обрабатывалось 5 милліоновъ акровъ; теперь въ тѣхъ же графствахъ 12 милліоновъ акровъ. 7 мил. въ ту пору лежали еще „впустѣ“. Но они принадлежали лордамъ и крестьяне на той землѣ, которая осталась у нихъ, были ограничены. Итакъ возникновеніе феодализма создало **искуственное ограниченіе пространства** и слѣдующій періодъ протекаетъ уже при этомъ новомъ условіи,—результаты чего мы и выяснимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

§ 3. Второй фазисъ—господства крупнаго землевладѣнія. Эволюція распредѣленія земли у крестьянъ. Развитіе крупно - владѣльческаго хозяйства.

Предыдущее изложеніе показало, что въ началѣ среднихъ вѣковъ сельское населеніе дифференцировалось на два рѣзко обособленныхъ класса: военно служилый классъ и классъ не участвовавшихъ ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ государственной службѣ трудовыхъ земледѣльцевъ—крестьянъ. Въ серединѣ IX столѣтія совершенно исчезаетъ пѣхота, состоявшая нѣкогда изъ свободныхъ крестьянъ. (Зиберъ, собр. соч. I, 122).

Крестьянское землевладѣніе превращается въ индивидуальное, подворное, поскольку оно касается обработанныхъ земель. Въ средней Европѣ устанавливается болѣе или менѣе однообразная единица владѣнія нормальнаго двора—въ Германіи гуфа. Гуфа, размѣромъ въ 30—40 моргеновъ (10—15 дес.) состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ полосъ, разбросанныхъ по общему полю, какъ у насъ теперь въ Россіи, но съ нѣкоторой разницей. Разница состояла въ томъ, что полосы гуфы не были такими однообразными, вытянутыми въ одну линію*) и подведенными подъ общій ранжиръ, какъ строй солдатъ, что мы видимъ въ современной русской общинѣ. Подворное землевладѣніе, характеризовавшее тогдашнюю эпоху, приводило къ безпорядочной раскиданности полосъ, къ ихъ неодинаковой величинѣ, что **происходило отъ отсутствія уравнительныхъ передѣловъ**. Переходя по наслѣдству, продаваясь и покупаясь, цѣлыя гуфы зачастую дробились и, теряя свой стройный видъ въ натурѣ, оставались фиктивными земельно—податными единицами, устанавливаемыми иногда правительственнымъ или владѣльческимъ земельнымъ кадастромъ. Были дворы, владѣвшіе нѣсколькими гуфами и дворы, имѣющіе какіе нибудь десятыя доли гуфы. И всюду, гдѣ существовало подворное землепользованіе, было то же самое. Въ Польшѣ и Литвѣ въ XIII и XVI в.в. по примѣру германской гуфы, правительство устанавливаетъ

*) См. карты, приложенныя къ статьѣ „формы разселенія, въ Handwörterb. „Оч. изъ экономич. и социал. исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ". у Постникова (общинное землевл. вып. II) и у Кофода (Борьба съ черезполосицей).

„волоку“ (19 десятинъ), въ Россіи существовала „выть“, во Франціи „mansa“ и т. д.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ пользованіе обработанной землей было по б. ч. подворнымъ. Но подворное землепользованіе бываетъ двухъ видовъ: хуторское и чрезполосное. Тамъ, гдѣ привычка быта (у кельтовъ и римлянъ) способствовала разселенію одиночными дворами, тамъ и теперь преобладаетъ хуторская форма. Но гдѣ преобладало разселеніе деревнями, гдѣ, вслѣдствіе, этого развивалось подворно-чрезполосное владѣніе, тамъ оно, при благопріятныхъ условіяхъ, могло привести къ **уравнительно—передѣльному механизму**, яркое выраженіе котораго мы видимъ сейчасъ въ Россіи.

Самопроизвольный переходъ къ уравнительнымъ передѣламъ требуетъ двухъ условій: ограниченности пространства и извѣстной степени экономической и политической самостоятельности населенія. Естественное возникновеніе передѣловъ вообще, при ограниченности нѣкоторыхъ угодій (сѣнокосовъ) и при полномъ невмѣшательствѣ власти мы наблюдаемъ въ настоящее время у киргизъ и бурятъ. Тамъ, гдѣ густота населенія у нихъ достигла до такой степени, что естественныхъ пастбищъ не хватаетъ, возникаетъ потребность въ сѣнокосахъ, что уже само по себѣ сокращаетъ кругъ киргизскихъ кочеваній. Дальнѣйшее „утѣсненіе“ заставляетъ прибѣгнуть къ хлѣбопашеству и получается полуосѣдлый типъ киргиза, кочующаго лѣтомъ лишь на пространствѣ десятковъ верстъ.

Сѣнокосныхъ мѣстъ въ киргизской степи, вслѣдствіе сравнительнаго безводія, вообще мало. Они тянутся небольшими полосками по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ и невдалекѣ отъ нихъ осѣдающіе киргизы ставятъ свои зимовки. Гдѣ сѣнокосовъ очень мало, тамъ ставится одна зимовка, т. е. поселяется одно хозяйство, гдѣ побольше—небольшая группа изъ 10—15 зимовокъ. „Въ первомъ случаѣ сѣнокосное урочище **сразу поступаетъ въ подворное владѣніе осѣвшаго при немъ домохозяйства**. Если сѣнокосное урочище или группа близколежащихъ урочищъ поступила въ общее владѣніе болѣе или менѣе значительной группы домохозяевъ, формы землепользованія принимаютъ крайне разнообразный видъ: гдѣ сѣнокосовъ сравнительно много, въ частности—гдѣ запасъ сѣнокосныхъ угодій, при данномъ состояніи хозяйствъ осѣдающихъ кочевниковъ, превышаетъ существующую въ нихъ потребность, тамъ пользованіе сѣнокосами **вольное**: каждый коситъ гдѣ и сколько хочетъ (захватное право. Н. О.); гдѣ становится тѣснѣе—это вольное пользованіе ограничивается опредѣленнымъ числомъ косцовъ, какое предоставляется вы-

ставлять каждому домохозяйству, причемъ, въ видѣ правила **многоскотнымъ предоставляется выставлять лишнихъ косцовъ** противъ малоскотной бѣдности: гдѣ „утѣсненіе“ стало болѣе ощутительнымъ, тамъ наблюдается либо „подворное“ распредѣленіе сѣнокосовъ, либо **ежегодный передѣлъ** (Кауфманъ Къ вопросу о происх. рус. позем общины стр 15).

Подворное пользованіе, т. е. выдѣленіе каждому хозяйству опредѣленнаго сѣнокоснаго участка, у киргизъ составляетъ лишь **переходную** форму. „Нормальнымъ типомъ эволюціи была смѣна „подворныхъ“ формъ уравнительными въ видѣ ежегодныхъ передѣловъ; въ рядѣ случаевъ .. изслѣдованіе могло наблюдать послѣдствія событій, которыя съ полнымъ правомъ можно подвести подъ понятіе „соціальнаго опыта“ хотя и не преднамѣреннаго—именно **отобранія болѣе или менѣе значительной части земель, состоявшихъ въ пользованіи извѣстныхъ группъ киргизовъ, съ цѣлью отвода отрѣзанныхъ земель переселенцамъ.** Такія отрѣзки были, очевидно, равносильны внезапному сокращенію земельнаго простора въ такой мѣрѣ, которая, при нормальномъ теченіи событій наступила бы лишь по истеченіи нѣсколькихъ, можетъ быть, многихъ десятилѣтій. И вотъ, за такимъ внезапнымъ сокращеніемъ земельнаго простора во всѣхъ отмѣченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаяхъ слѣдовала замѣна подворной формы пользованія ежегоднымъ передѣломъ, что и позволяетъ именно къ такой замѣнѣ видѣть естественный типъ эволюціи порядковъ пользованія сѣнокосами“. (Ibidem, стр. 17).

Передѣльное пользованіе сѣнокосами достигло высшаго развитія у забайкальскихъ бурятъ, и особенно у казаковъ—бурятъ, у которыхъ передѣляется 93—94% общаго количества покосовъ.

И на ряду съ этимъ развитымъ передѣльнымъ механизмомъ по отношенію къ пользованію сѣнокосами, которыхъ въ степныхъ раіонахъ очень ограниченное количество, пользованіе **пашней** у киргизъ у бурятъ не ограничивается никѣмъ и представляетъ картину господства захватнаго права.

Этотъ примѣръ и многочисленные другіе примѣры, хотя бы изъ быта общины въ Остъ-Индіи, указанныя М. Ковалевскимъ. показываютъ, что захватная форма землепользованія эволюціонируетъ черезъ **подворную въ передѣльную**, по мѣрѣ „утѣсненія въ землѣ“, т. е. по мѣрѣ увеличенія плотности населенія на данной территоріи и къ данному виду угодій.

Подворная, или точнѣе, подворно—черезполосная форма есть **переходный этапъ** землепользованія у трудовой массы.

Мы исключаемъ тѣ случаи, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ изстари сохранилась хуторская форма. Причинъ можетъ быть очень много: гористая пересѣченная мѣстность (у нашихъ гурійцевъ на Кавказѣ), привычка быта, наконецъ, понужденіе правительства.

Въ древности разселеніе хуторами или починками въ 2—3 двора, являлось часто вынужденнымъ вслѣдствіе того, что первоначальные земледѣльцы селились въ лѣсахъ, на полянахъ. Въ зависимости отъ количества удобныхъ для пашни земель въ лѣсахъ, происходило осѣданіе хуторами, починками или деревнями, подобно тому, какъ киргизы осѣдаютъ отдѣльными дворами или мелкими группами, смотря по количеству сѣнокосовъ. Эти сѣнокосныя урочища въ степи и удобныя земли въ лѣсахъ—небольшіе островки въ безбрежномъ морѣ. Расчистки пашни изъ подъ лѣса шли заимками, т. е такими же островками. Но, ко времени перехода къ трехполью островки разрослись въ большіе острова, а хутора, починки и пр.—въ деревни въ нѣсколько десятковъ дворовъ, владѣвшіе землей въ подворно—чрезполосной формѣ. Эта подворно—чрезполосная форма, господствовавшая во всей средней Европѣ въ теченіи тысячи лѣтъ, показываетъ, несомнѣнно, что въ Европѣ передѣлы были. Если бы не было передѣловъ, не было бы и парцелляціи. Но эти древніе передѣлы, на которые мы уже указывали, никоимъ образомъ не были **уравнительными**. Они являлись извѣстнымъ типомъ семейныхъ раздѣловъ, гдѣ каждый членъ родовой группы, получалъ свой участокъ по степени родства. (Dignatio—Тацита*).

Но вотъ семейно—родовыя группы раздѣлились и кровная связь между членами одной и той же общины начала теряться; часть прежнихъ родичей ушла въ другія мѣста; вмѣсто нихъ переселились чужеродцы.

Другіе участки захватилъ „по суду“ или просто силой сосѣдній феодалъ; третьи прошли черезъ множество рукъ путемъ купли—продажи. Родовое землевладѣніе смѣняется,

---

*) Къ изложеннымъ въ предыдущемъ § примѣрамъ добавимъ еще иллюстрацію изъ исторіи Валлиса (Южной части Англіи). Въ Валлисѣ до XI в сохранялась слѣдующая форма раздѣловъ „Въ распредѣленіи земель между членами общины господствовалъ порядокъ т. наз gvelkind'a состоящій въ томъ, что земля распредѣлялась по числу мужчинъ, входившихъ въ составъ общины. и. если, послѣ передѣла кто либо изъ членовъ умиралъ, то его часть не раздѣлялась между сыновьями, но глава общины производилъ новый раздѣлъ всѣхъ земель общины, предоставляя каждому часть **сообразно древности его происхожденія**“ Хѣдскій I, 50).

такимъ образомъ, сосѣдскимъ (socii, vicini, сябры). Параллельно съ переходомъ семейной общины въ **сосѣдскую**, т. е. въ нынѣшнюю сельскую обычнаго типа, происходило **сгущеніе населенія** на ея территоріи и вслѣдствіе естественнаго прироста и, благодаря приселенію новыхъ лицъ. При этомъ сгущеніе неравенства земельныхъ долей у различныхъ „сосѣдей"—чужеродцевъ общины начинаетъ рѣзать глаза общинной массѣ. И **если община самостоятелька экономически и политически**, если она сама можетъ распоряжаться своими земельными порядками и если обездоленная масса равноправныхъ членовъ общины имѣетъ большой численный перевѣсъ, то рано или поздно въ ней можетъ возникнуть тенденція къ производству **новыхъ передѣловъ**, но уже основанныхъ на совершенно иномъ принципѣ, чѣмъ предыдущіе—именно на принципѣ **уравнительности** земельныхъ долей. Въ современной литературѣ, очень много занимающейся общиннымъ вопросомъ тѣмъ не менѣе далеко не всѣми выяснено понятіе уравнительныхъ и неуравнительныхъ передѣловъ; между тѣмъ ихъ слѣдуетъ строго различать между собой.

Мы указали, что и въ первомъ періодѣ экстенсивнаго земледѣлія были передѣлы, но не уравнительные, ибо каждый дворъ получалъ неодинаковое количество земли Не было уравнительныхъ передѣловъ и въ началѣ „утѣсненія". Когда кровная связь между общинниками утерялась, разверстка земли по степени родства, уже не производилась; но другой принципъ замлепользованія—**принципъ личнаго права труда**, сохранилъ все свое значеніе. Первоначальныя разверстки были „по силѣ" „по заможности" двора, т. е. по принципу—всякій получаетъ столько, сколько можетъ обработать. Такъ у киргизъ, при относительномъ обиліи сѣнокосовъ, многоскотные дворы,—болѣе сильные получаютъ право выставлять болѣе косцовъ, чѣмъ малоскотные. Въ Валлисѣ земля дѣлилась по числу быковъ, имѣющихся у каждаго двора, въ другихъ странахъ—по числу взрослыхъ мужчинъ (работниковъ).

И сейчасъ въ Россіи 14% общинъ передѣляются по работникамъ, преимущественно въ сѣверныхъ раіонахъ, гдѣ до сихъ поръ происходитъ расчистка земель изъ подъ лѣса.

Но населеніе все размножается, дворы, получившіе меньшія доли надѣловъ, разросшись, уже не могутъ извлечь изъ нихъ достаточныхъ средствъ для существованія; они начинаютъ протестовать и тогда трудовой принципъ передѣловъ смѣняется потребительнымъ. Начинаются передѣлы не по „заможности", не по „силѣ," не по „работникамъ", а **по наличнымъ душамъ сначала мужского, а затѣмъ и обоего пола.**

Смѣна трудового принципа потребительнымъ произошла въ сравнительно, очень недавнее время у насъ въ Россіи. Это—конечный пунктъ самопроизвольной эволюціи распредѣленія земли въ общинѣ, который въ Россіи, въ наиболѣе совершенной формѣ разверстки по „ѣдокамъ“ обоего пола, возникъ лишь съ 80-хъ—90-хъ г.г. XIX в.

Итакъ, эволюція передѣльнаго механизма общины такова: первоначально происходитъ индивидуализація землепользованія на основѣ семейно-захватнаго права, т. е. по принципу родства и по принципу личнаго труда; потомъ, принципъ родства отпадаетъ—остается принципъ труда.

Принципъ труда, постепенно вырабатываясь, пріобрѣтая опредѣленныя формы, приводитъ, сравнительно съ предыдущимъ порядкомъ, уже къ гораздо болѣе равномѣрному землепользованію, когда передѣлы „по сплѣ“, „по заможности“, по скоту, смѣняются передѣлами исключительно по количеству мужскихъ работниковъ въ семьѣ, т. к количество мужчинъ рабочаго возраста уже болѣе пропорціонально семейному составу двора, ходя уклоненія, въ отдѣльныхъ семьяхъ могутъ быть очень значительными. Въ общемъ, все такп, большинство дворовъ получаетъ земли не только, сколько они въ силахъ обработать. но и сколько имъ нужно для ихъ существованія; иначе говоря, передѣлы по трудоспособности стоятъ на границѣ между трудовымъ и потребительнымъ началомъ.

Наконецъ, въ дальнѣйшемъ развитіи, трудовой принципъ окончательно смѣняется потребительнымъ, который развиваясь, дошелъ до изумительной виртуозности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, до передѣла не только по ѣдокамъ, но и по возрастному составу семьи.

Въ общемъ итогѣ, самостоятельная эволюція общины, находясь въ зависимости **только** отъ возрастающей плотности населенія, т. е. отъ сокращенія основного источника средствъ для существованія—земли, ведетъ трудовое земледѣльческое населеніе къ возрастающей уравнительности въ распредѣленіи земли между отдѣльными членами общины, къ **нивеллировкѣ** землепользованія. Этотъ путь эволюціи, конечно, являлся очень длиннымъ при томъ медленномъ приростѣ населенія, который характеризуетъ эпоху среднихъ вѣковъ; вотъ почему, въ Россіи вплоть до второй половины XIX в. мы почти не встрѣчаемъ принциповъ потребительной разверстки въ ея наиболѣе совершенномъ видѣ „по ѣдокамъ“; они возникаютъ у насъ лишь во второй половинѣ XIX в., послѣ освободительной реформы и внезапнаго сгущенія населенія.

Въ западной Европѣ передѣлы въ первую половину среднихъ вѣковъ ограничивались либо подворной разверсткой посредствомъ простой жеребьевки между полноправными домохозяевами, либо трудовымъ принципомъ. Но и эти несовершенные передѣлы, производившіеся притомъ далеко не постоянно, и существовавшіе наряду съ семейно-наслѣдственнымъ подворнымъ владѣніемъ, сохранялись лишь до XIV—XV в.в., когда западно-европейская община окончательно подпадаетъ подъ власть феодальныхъ владѣльцевъ.

Въ XI—XII в.в. семейно-захватная община въ большинствѣ случаевъ смѣняется сосѣдской, сельской. Въ первое время послѣ захвата власти надъ землей господствующими классами, общины сохраняютъ неприкосновенной свою земельную организацію. Феодальные помѣщики довольствуются вначалѣ взиманіемъ повинностей, предоставляя крестьянамъ разверстывать землю и раскладывать повинности, какъ они находятъ нужнымъ. Но уже съ XII в. въ Германіи помѣщики начинаютъ вмѣшиваться въ общинные порядки. Принуждаетъ ихъ къ этому дробленіе земель, возникшее вслѣдствіе передѣловъ первоначальнаго типа, происходившихъ благодаря распаденію родовой общины. Пока семья—родъ являлась одна хозяиномъ своего участка, феодалу было удобнѣе считаться съ ней, какъ съ болѣе крупной земельной единицей. Но когда общинно-родовое владѣніе превратилось въ подворное, то феодалъ волей-неволей долженъ былъ вмѣшаться въ земельныя отношенія, т. к. малоземельные дворы не были въ состояніи оплачивать причитающіяся съ нихъ повинностей. Вмѣшательство это проявилось въ запрещеніи дробленія гуфъ болѣе чѣмъ на три или на четыре части. Владѣлецъ двора, прилегавшаго къ гуфѣ, долженъ былъ нести отвѣтственность за повинности, возложенныя на всѣхъ владѣльцевъ гуфы, благодаря чему онъ становился лицомъ, распоряжающимся гуфными землями по своему усмотрѣнію. „Въ результатѣ получилось то, что большое число поземельно-зависимыхъ крестьянъ *), всѣ младшіе сыновья, всѣ дальніе родственники, имѣвшіе право на наслѣдство, устранены были отъ участія въ наслѣдованіи земельнаго имущества. Такимъ образомъ, народился поземельно-зависимый и однакоже безземельный пролетаріатъ“ (Лампрехтъ стр. 40).

Въ XII в. въ коренной Германіи барщинныя помѣстья приходятъ въ упадокъ и смѣняются **рентными** имѣніями, что

*) Поземельно-зависимыми были крестьяне, поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ.

объясняется окончательной расчисткой свободныхъ пространствъ, произведенныхъ феодалами за періодъ IX—XII в.в. Пока для помѣщиковъ было нужно расчистить изъ подъ лѣсу полученныя ими въ видѣ бенефицій и феодовъ имѣнья, барщинная система, доставлявшая массу дарового труда, была выгодна; помѣщики призывали крестьянъ на эти участки, давали имъ различныя льготы. Но какъ только земли были расчищены, интересъ помѣщиковъ къ своему собственному хозяйству ослабѣлъ, тѣмъ болѣе, что феодаловъ начинаетъ тянуть въ замки сеньоровъ и въ возникающіе города, гдѣ такъ весело и привольно жилось. Но для такой жизни нужны были средства. И вотъ поземельно-зависимые крестьяне, которыхъ было уже большинство, получаютъ личную свободу **безъ земли**; повинности переносятся съ лица на землю и между владѣльцемъ земли и крестьяниномъ устанавливается договоръ, какъ съ пожизненнымъ или срочнымъ арендаторомъ. „Такія перемѣны совершались повсемѣстно, захватывая массу помѣстій. Благодаря имъ, старый несвободный крестьянскій надѣлъ превратился въ свободный оброчный или арендный участокъ".

Новая „организація помѣстнаго владѣнія привела къ дифференцированію поземельно-зависимаго класса". Изъ крестьянъ выдѣлились служилые люди, т. наз. мейеры, которые, какъ и наши древне-русскіе приказчики, сидѣли въ господскихъ дворахъ и собирали оброки и ренту. „Сильные мейеры смотрѣли на себя, какъ на господъ своего барщиннаго двора; они увеличивали вдвое и даже втрое площадь принадлежавшихъ къ нему гуфъ; они пріобрѣтали законными и незаконными средствами давно расчищенныя помѣщичьи новины, въ оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянахъ они начинали видѣть зависимыхъ земледѣльцевъ" (Ibid. стр. 27).

Происходило, такимъ образомъ разложеніе общины на владѣльческихъ земляхъ: часть наслѣдниковъ гуфы превращалась въ безземельный пролетаріатъ; съ другой стороны, въ видѣ старыхъ гуфо-владѣльцевъ и мейеровъ, впослѣдствіи добиравшихся до рыцарскаго званія, отслаивались капиталисты, распоряжавшіеся крестьян. землей по своему усмотрѣнію.

Съ XIV в. безземельный пролетаріатъ превращается въ крѣпостныхъ; съ этого же времени помѣщики начинаютъ захватывать и общинныя земли свободныхъ крестьянъ. Вообще усиливается власть помѣщиковъ и государства надъ крестьянами всѣхъ наименованій, которая окончательно вырываетъ право на самостоятельное распоряженіе землей у деревенской общины. „Помѣщикъ получилъ право полной собственности на общинныя земельныя владѣнія". (Ibid.). Въ

восточной части Германіи (Пруссіи) въ XII в. еще только начиналась колонизація. На востокъ отъ Эльбы тогда жили еще славяне (полабы). Въ теченіи двухъ вѣковъ нѣмецкіе рыцари (крестоносцы) постепенно завоевывали и колонизовали эту страну; нѣмецкіе крестьяне, призываемые королями и рыцарями, селились или въ старыхъ славянскихъ деревняхъ, или на королевскихъ гуфахъ (въ 30—60 моргеновъ) и вначалѣ платили королю и прочимъ господамъ умѣренные оброки (чинши). Одновременно съ колонизаціей земель, въ XIII—XVI в в. здѣсь происходитъ организація той же феодальной системы, о которой мы говорили въ предыдущемъ §. Воинственные рыцари, которые вели постоянную борьбу съ туземцами, получаютъ отъ маркграфа Бранденбургскаго ленные участки сначала незначительныхъ размѣровъ—въ 4—6 разъ больше королевской гуфы.

Крестьяне—сосѣди рыцаря не были ему подчинены; они платили ему, какъ и маркграфу, поземельный чиншъ, судились въ маркграфскомъ судѣ и раскладывали повинности, точно также, какъ и владѣли землей, по своему усмотрѣнію. Но, когда колонизація начала приходить къ концу, когда наступило сравнительное спокойствіе послѣ долголѣтнихъ стычекъ и походовъ, рыцари начали интересоваться „внутреннимн дѣлами“, постепенно захватывать власть надъ крестьянами. Сначала они пріобрѣтаютъ права судьи, патрона церкви и сборщика государственныхъ податей. Ставши административно-судебной властью, они начинаютъ смотрѣть на крестьянъ, какъ на своихъ „подданныхъ“, и этотъ взглядъ получаетъ поддержку со стороны королевской власти.

Мы не будемъ утомлять читателей изложеніемъ перипетій захвата крестьянскихъ земель феодалами. Укажемъ лишь на такой фактъ. Въ 1375 г. въ Бранденбургѣ не было ни одной латифундіи и даже просто крупнаго дворянскаго имѣнья Въ XVI в. наоборотъ, латифундій было очень много, за то крестьянскихъ земель почти совсѣмъ не было. „Древняя общинная крестьянская собственность исчезла, обратившись въ крупное частное землевладѣніе. Такъ было и въ Бранденбургѣ и въ другихъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Большинство крестьянъ, при этомъ ушло, остальные образовали сельскій пролетаріатъ, живущій часто въ самой крайней нуждѣ“. (Ходскій I, 202). И до сихъ поръ восточная Пруссія—очагъ крупнаго землевладѣнія.

Итакъ въ XII—XIV в.в. въ коренной Германіи, въ XVI в.—въ восточной, недавно колонизованной, исчезаетъ не только крестьянская община, но и крестьянская земельная собственность. Бѣгство крестьянъ въ Пруссіи застав-

ляетъ въ 1536 г. бранденбургскій ландтагъ издать постановленіе, аналогичное знаменитому указу Бориса Годунова, которымъ прекращаются свободные переходы крестьянъ и наступаетъ эра **крѣпостного права**. Прусскіе крестьяне теряютъ наслѣдственныя права на землю и превращаются въ ласситовъ и коссетовъ—ненаслѣдственныхъ оброчныхъ арендаторовъ барской земли...

Въ **Англіи** общинныя земли начинаютъ исчезать съ XIII в., благодаря системѣ огораживаній (enclosures). Къ XI в., вслѣдствіе двойного завоеванія—англосаксовъ и норманновъ классъ свободныхъ крестьянъ становится очень незначительнымъ, По переписи 1086 г. свободныхъ крестьянъ (sochmani u liberi homines) было 35 тыс., крѣпостныхъ (villani)—108 тыс.; число рабовъ (servi) неизвѣстно. Обрабатываемая территорія дѣлилась приблизительно такъ: у лордовъ было 40% земли, у sochman'овъ и liberi homines 20% и 40% у виллановъ.

Въ XIII в. виллаиы превращаются въ „копигольдеровъ"—**денежныхъ арендаторовъ** и лично становятся свободными. Однако, съ этого времени они начинаютъ и уже навсегда терять и арендованную землю. Шагъ за шагомъ, иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, лорды, соблюдая свои экономическія выгоды, огораживаютъ общинные участки и изгоняютъ крестьянъ, въ которыхъ они болѣе не нуждаются, т. к. вмѣсто распашки земель предпочитаютъ переходить на разведеніе овечьихъ стадъ. Исторія захвата земель въ Англіи лордами посредствомъ самаго рѣшительнаго способа—огораживаній тянется до половины XIX в., изложена много разъ и мы на ней не будемъ останавливаться. Она привела не только къ уничтоженію общинныхъ земель (а слѣдовательно, и общинныхъ порядковъ), но и къ уничтоженію **самого крестьянскаго класса**, такъ что имя крестьяне (yomen) имѣетъ въ Англіи лишь историческій **смыслъ**.

Во Франціи къ IX в. множество прежнихъ рабовъ римской эпохи превратилось въ лично свободныхъ поземельнозависимыхъ крестьянъ (vilains) Кромѣ нихъ существовало большое количество крѣпостныхъ (serfs de corps). Съ XII в. крѣпостные постепенно освобождаются; къ началу французской революціи ихъ осталось около $1^1/_2$ милліоновъ. Освобождая крестьянъ за значительный выкупъ, владѣльцы, конечно оставляли землю за собой и превращали крестьянъ въ арендаторовъ, какъ это дѣлали въ тоже время въ Англіи и въ южной и западной Германіи.

Поэтому, ни здѣсь, ни тамъ, мы не видимъ эволюціи общинныхъ порядковъ, тѣмъ болѣе. что во Франціи понятія о частной земельной собственности были внѣдрены еще въ

галло-римскую эпоху Освобожденные крестьяне-арендаторы сохраняютъ преимущественно подворно чрезполосныя формы землепользованія.

Но общественный „сосѣдскій“ духъ французскаго крестьянства въ средніе вѣка сказался въ организаціи **товариществъ**. Французскія товарищества изъ поземельно-зависимыхъ крестьянъ имѣютъ отдаленное сходство съ современными кооперативами: это были союзы, образованные для совмѣстнаго веденія различныхъ предпріятій, въ томъ числѣ и аренды земли. Товарищества во Франціи играли замѣтную политическую роль; они боролись со всякими злоупотребленіями феодаловъ, поднимали знамя возстанія во время жакерій, добились своихъ судовъ—очень важная привиллегія въ средніе вѣка—даже имѣли своего депутата въ генеральныхъ штатахъ 1484 г. Ихъ уничтожили правительственныя мѣропріятія XVI—XVII в.в. благодаря которымъ сельскія товарищества, какъ и наши „общества“, превратились въ фискальные органы правительства.

Въ нѣкоторыхъ раіонахъ южной Германіи съ XIII в., т. е. тоже со времени перехода крестьянъ въ арендаторовъ, возникли поземельныя товарищества (gehöferschaften). У нихъ производились періодическія жеребьевки по дворамъ и по силѣ.

Замѣчательна распланировка **полосъ** на территоріи этихъ товариществъ, вполнѣ аналогичная съ современной распланировкой полосъ въ нашей передѣльной общинѣ и рѣзко отличавшая ихъ отъ таковой же на территоріи германскихъ деревень. „Древнѣйшія деревенскія территоріи раздѣлены на коны съ неправильными границами, въ предѣлахъ которыхъ расположены участки, входящіе въ составъ отдѣльныхъ гуфъ, имѣющіе при неодинаковой длинѣ и ширинѣ по большей части величину моргена и разбросанные въ разнообразныхъ направленіяхъ; между тѣмъ, какъ у земельныхъ товариществъ мы видимъ прямоугольные коны, внутреннія подраздѣленія которыхъ также правильно отдѣлены одно отъ другого параллельными линіями *)“. Правильность коновъ и полосъ—результатъ періодичности передѣловъ.

Всѣ изложенные факты даютъ право на такіе выводы.

1) Насколько мы можемъ наблюдать естественную „органическую“ эволюцію общиннаго землевладѣнія, она заключается въ развитіи **уравнительныхъ тенденцій** въ распредѣленіи земли, т. е. въ переходѣ отъ семейно-захватнаго черезъ

*) Мейценъ „Общинное владѣніе“ (Handwört. оч. изъ экономич. ист. древн. міра и средн. вѣк. стр 336).

трудовой къ **потребительному** принципу разверстки принадлежащей общинѣ территоріи.

2) Причина этой эволюціи—постепенное сгущеніе населенія, иначе сказать, все возрастающая ограниченность земли, составляющей основной источникъ средствъ для существованія. Иной эволюціи самопроизвольно не можетъ развиваться, т. к. безъ уравнительности распредѣленія невозможно дальнѣйшее существованіе массы земледѣльческаго населенія.

3) Подворно-чрезполосная форма землепользованія, которая, отвердѣвая, превращается въ частную земельную собственность есть **переходная** стадія въ этой органической эволюціи, слагающаяся при распаденіи древней семейно-родовой общины, подъ вліяніемъ переложной системы и связаннаго съ нею захватнаго права. Когда совмѣстное сожительство родичей въ одной деревнѣ смѣнилось сосѣдствомъ чужеродцевъ, естественно, коллективныя формы землевладѣнія, не могли продолжаться и разложились въ подворно-чрезполосное землепользованіе, при чемъ первые передѣлы, происходившіе въ эту эпоху, не были уравнительными.

4) Послѣдующее развитіе передѣльнаго механизма въ указанномъ въ п. I направленіи въ западной Европѣ не могло произойти, т. к. уже въ началѣ этого періода экстенсивнаго фазиса крестьяне теряютъ права самостоятельнаго распоряженія землей. Благодаря развитію крупнаго землевладѣнія и феодализма, т. е. благодаря **политическимъ** факторамъ, крестьянское землепользованіе застыло въ подворно-чрезполосной формѣ на тысячу лѣтъ и эта форма сохранилась до нашего времени, смѣнившись кое-гдѣ, вслѣдствіе правительственнаго воздѣйствія, на хуторскую (съ XVIII в.).

Фактически землевладѣніе крестьянскихъ деревень въ средніе вѣка носило такой видъ: „Вся земля занята, но только часть ея—земля подъ усадьбами, пахотныя поля и отчасти луга—состоитъ въ **частной собственности**, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ ограниченной въ пользу общины, и равно отягощенной повинностями въ пользу барщиннаго двора (двора феодала Н. О.), церкви, фогта и общины. Напротивъ того, пастбища, лѣсъ и частью луга состояли въ собственности всей общины". (Зиберъ соч. т. I, 182).

Общинные лѣса и выгоны, находясь въ безраздѣльномъ коллективномъ пользованіи, постепенно сокращаясь, благодаря захватамъ владѣльцевъ и расширенію пашни, дожили кое-гдѣ до настоящаго времени подъ названіемъ альменды.

Альменды сейчасъ захватываютъ въ Пруссіи 3,9% лѣсовъ, въ Рейнской провинціи 36,9%.

Но сельско-хозяйственныя угодья въ общинномъ владѣніи составляли лишь 0,03 всей площади въ Пруссіи, въ Рейнской провинціи 1,61%, въ Баденѣ 4%*). Во всей Германіи 404 тыс. дес. альмендныхъ луговъ и пашень и 1206 т. дес. лѣса; во Франціи общинныя земли охватываютъ 8,8% всѣхъ.

Альмендные участки иногда подвергаются періодическимъ передѣламъ, но большей частью отводятся въ пожизненное пользованіе. Вотъ все—что осталось отъ общиннаго владѣнія въ Западной Европѣ.

Итакъ, начиная съ XI—XII в. пашня, луга и усадьба переходятъ въ подворно-чрезполосное пользованіе отдѣльныхъ крестьянъ, платящихъ за землю господину различнаго рода повинности. Теперь возникаетъ въ высшей степени важный вопросъ ..

Если общинное землевладѣніе у крестьянъ западной Европы превратилось въ подворное и дальше не прогрессировало въ сторону уравнительности, то спрашивается, **не способствовала ли подворная форма землепользованія, соотвѣтствующая современной частной собственности, дальнѣйшей дифференціаціи крестьянства?** Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ огромное, наченіе для настоящаго момента въ Россіи, кагда правительство рѣшительно стало на путь насажденія въ крестьянской средѣ не только частной (семейной) но даже **личной** земельной собственности, т. е. собственности, игнорирующей право всѣхъ членовъ семьи, кромѣ домохозяина. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы поступимъ также, какъ поступали раньше: сначала разсмотримъ, способствуетъ ли дифференціаціи естественная органическая эволюція подворнаго землевладѣнія, протекающая **внѣ** воздѣйствія политическихъ факторовъ, или она должна сама по себѣ вести къ нивеллировкѣ въ силу естественныхъ свойствъ сельско-хозяйственной эволюціи этого фазиса.

Разсмотрѣнный въ предыдущемъ § періодъ былъ періодомъ господства переложной системы, возможной лишь **при неограниченности пространства удобныхъ земель.** Неограниченность пространства приводила къ развитію захватнаго права; захватное право порождало значительную „дифференціацію“ или, скорѣе, подвижку вверхъ, т. е. отслаиваніе большого количества многоземельныхъ дворовъ, концентрировавшихъ въ своихъ рукахъ весьма солидныя доли обработанной общинной земли.

---

*) См **Гольцъ** Аграрн. вопр.: А А. Чупровъ „Передѣльная община въ долинѣ Рейна“ (Рус. Вѣд 1908 г., апрѣль); стат. справочн

Верхи, образовавшіеся въ этомъ періодѣ, ушли изъ среды крестьянъ въ классъ помѣстныхъ землевладѣльцевъ (примѣръ ухода въ началѣ среднихъ вѣковъ—мейеры), и тѣмъ самымъ оставшаяся масса должна была нивеллироваться. Но, не способствовало ли развитіе началъ частной собственности (подворнаго землепользованія) дальнѣйшему разложенію этой массы?...

Прежде всего мы должны принять въ разсчетъ возрастающую **ограниченность пространства**. Эта ограниченность должна была способствовать **уничтоженію захватнаго права**. Киргизы и буряты переходятъ отъ захватнаго права къ уравнительному пользованію покосами не потому, чтобы они руководствовались какими либо идеальными мотивами, а просто потому, что къ этому ведетъ возрастающая плотность населенія. Если раньше господствовалъ принципъ „каждый можетъ захватывать земли, сколько въ силахъ обработать“, то теперь этотъ принципъ, по необходимости, смѣняется другимъ: „каждый получаетъ столько земли, сколько нужно для пропитанія“.

При органическомъ развитіи общины этотъ принципъ становится сознательнымъ императивомъ для массы; при отсутствіи общиннаго механизма онъ проводится въ жизнь путемъ **безсознательнаго** приспособленія массъ къ своему болѣе стѣсненному положенію. Чѣмъ плотнѣе трудовое земледѣльческое населеніе тѣмъ распредѣленіе земли внутри него происходитъ **равномѣрнѣе, независимо отъ той или другой формы землевладѣнія**. Эту истину здѣсь мы иллюстрируемъ историческимъ примѣромъ, взятымъ изъ условій, аналогичныхъ средневѣковымъ европейскимъ—именно по статистическимъ даннымъ т. наз. „Румянцевской описи“ Малороссіи, относящимся ко второй половинѣ XVIII в. Сравнивая эти данныя съ данными земскихъ подворныхъ переписей 80-хъ г.г., получаемъ.

Городницкій уѣздъ.	Черниг. губ. Безземельные и огор. (до 1 д.).	Недостат. обезпеч. 1—5 дес.	% дворовъ. Средне обезпеч 5—15 д.	Выше средняго. 15—25 д.	Съ наивысш. обезпечен. болѣе 25 дес.
Казаки 1765-8 г.г.	17,3	8,4	28,4	15,6	30,3
1883 г.	10,0	29,0	38,2	11,9	10,9
Госуд 1765-8 г.г.	22,9	16,7	30,7	19,1	10,6
кр-не*) 1883 г.	3,3	14,3	59,7	16,6	6,1
Помѣщ. 1765-8 гг.	46,2	13,8	23,0	10,0	7,0
кр-не 1883	8,9	39,4	46,7	3,5	1,5.

*) Въ XVIII вѣкѣ это были т. наз.„ Монастырскіе.

Передъ нами картина колоссальной **нивеллировки**, происшедшей за 115 лѣтъ во всѣхъ разрядахъ земледѣльческаго населенія Малороссіи.

Черниговскіе статистики, разрабатывавшіе Румянцевск. опись и хорошо знакомые съ исторіей землевладѣнія въ Малороссіи, привели по поводу этого факта очень важныя соображенія, которыя мы излагаемъ цѣликомъ...

„Какимъ путемъ", говорятъ они, могла сгладиться эта неравномѣрность до теперешнихъ ея размѣровъ? Для нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ, причины здѣсь дѣйствовавшія могутъ быть указаны и, несомнѣнно, лежатъ въ перемѣнахъ ихъ исторической судьбы (т. е въ политическихъ факторахъ) монастырскіе посполитые, напримѣръ, вскорѣ послѣ Румянцевской переписи, констатировавшей ихъ имущественное положеніе, были отобраны въ казну. Затѣмъ въ 30-хъ или 40-хъ г.г по распоряженію М-ва государственныхъ им—въ, у нихъ была введена община и нѣсколько разъ производилось „равненіе земель" по душамъ (ревизскимъ). Очень естественно, что въ настоящее время земельное имущество у государственныхъ крестьянъ распредѣлено наиболѣе равномѣрно и безземельныхъ между ними почти нѣтъ (2—3 процента). Причина здѣсь вполнѣ осязательна: **прямой передѣлъ**. Посполитые (кр—не) владѣльческіе и урядовые тоже подвергались разнымъ превратностямъ: закрѣпощенные къ землѣ указомъ 3-го мая 1783 г., воспретившимъ „вольный переходъ"—они по положенію 19 февраля въ большинствѣ случаевъ (за исключеніемъ дворовыхъ и т наз. дарственниковъ) получили тотъ самый надѣлъ, которымъ фактически пользовались при помѣщикахъ. А помѣщики въ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, распредѣлили землю пропорціонально **силамъ и потребностямъ** (смѣсь трудового и потребит. принципа примѣч. Н. О.)—здѣсь тоже, значитъ, дѣйствовала внѣшняя причина

Но ничего подобнаго нельзя указать относительно **казачьяго сословія**. Румянцевская перепись застала казака частнымъ владѣльцемъ, который имѣетъ право распоряжаться своей землей по произволу—(неограниченная частная собств.)—дробить, наслѣдовать, продавать и покупать. Такимъ онъ остался и по настоящее время. Только въ 40-хъ, кажется, годахъ его право было ограничено запрещеніемъ продавать землю лицамъ, непринадлежащимъ къ казачьему сословію. Но продажа между казаками продолжала оставаться безпрепятственной, да и въ приложеніи къ другимъ сословіямъ

это ограниченіе далеко не всегда соблюдалось. Словомъ, здѣсь не было никакой причины, **наложенной извнѣ, которая могла бы произвести „равненіе земель". Передвиженіе земельной собственности здѣсь было предоставлено его естественному ходу и тѣмъ не менѣе, черезъ 100 лѣтъ въ итогѣ получилось гораздо болѣе равномѣрное распредѣленіе.** Этотъ результатъ особенно любопытенъ своей неожиданностью. По общераспространенному мнѣнію, принципъ частнаго землевладѣнія въ своемъ историческомъ развитіи неизбѣжно ведетъ къ подчеркиванію крайностей, къ сосредоточенію земель въ рукахъ немногихъ и къ обезземеленію массы, причемъ само собой должна сокращаться численность среднихъ группъ. Выше приведенные факты... обставленные съ полной несомнѣнностью, говорятъ совсѣмъ обратное. Казачье сословіе представляетъ у насъ единственный разрядъ мелкихъ владѣльцевъ, которые довольно продолжительное время пользовались землей на правахъ частной собственности, причемъ способы и послѣдствія этого пользованія не нарушались ни пожалованіями и отобраніями въ казну, довольно часто практиковавшимися въ приложеніи къ крупнымъ помѣстьямъ, ни тѣми рѣзкими перемѣнами въ общемъ положеніи сословія, которымъ подвергалась крестьянство. Румянцевская перепись застала казака какъ разъ въ тотъ моментъ, когда **въ краѣ уже почти совсѣмъ закончился процессъ захвата вольныхъ земель, извѣстный подъ именемъ займанщины и когда, слѣдовательно дальнѣйшее передвиженіе земель могло происходить только обыкновенными способами наслѣдованія и продажи.** Черезъ 100 лѣтъ своего дѣйствія они привели не къ подчеркиванію, а наоборотъ, къ смягченію крайностей, дали въ итогѣ гораздо болѣе **равномѣрное** распредѣленіе землевладѣнія, сравнительно съ тѣмъ, которое было въ исходномъ пунктѣ. Очевидно, процессъ перехода многоземельныхъ хозяевъ въ разрядъ среднеземельныхъ, совершавшійся путемъ семейныхъ раздѣловъ, былъ сильнѣе обратнаго процесса—сосредоточенія земель путемъ покупки въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ хозяевъ. Что же касается до безземельныхъ, то здѣсь можно отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что ихъ число уменьшилось не только относительно, но во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ даже и абсолютно Подобное уменьшеніе, по всей вѣроятности, должно находиться въ связи съ крайне малыми размѣрами семей въ безземельныхъ хозяйствахъ, вслѣдствіе чего, за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ, ихъ имущество довольно часто должно было уходить въ боковыя линіи". (См. сб. по Кролевецкому у стр 92).

Эволюція казачьяго землевладѣнія въ приведенномъ примѣрѣ, а также подворнаго земневладѣнія во всей Малороссіи, данныя котораго будутъ изложены во 2-й части нашего труда, указываетъ, что распредѣленіе земли въ средѣ трудовыхъ частныхъ собственниковъ, по мѣрѣ уплотненія населенія, естественно должно было развиваться въ сторону большей уравнительности. Никакихъ внѣшнихъ политическихъ воздѣйствій казачье землевладѣніе за 115 лѣтъ со времени Румянцевской переписи не испытало и измѣненія въ распредѣленіи земли у казаковъ зависѣли только отъ **внутреннихъ органическихъ процессовъ, возникающихъ съ ростомъ населенія.**

Можетъ ли служить этотъ фактъ доказательствомъ того, что распредѣленіе земли у крестьянъ въ Европѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ должно было направиться въ сторону большей равномѣрности, вслѣдствіе естественнаго уплотненія населенія при ограниченномъ пространствѣ?

Хозяйственно-экономическія предпосылки въ обоихъ случаяхъ равновелики: казачье землевладѣніе, какъ и средневѣковое въ первую перепись, только что покончило съ захватнымъ періодомъ, т. е. съ залежной системой и переходило къ трехполью (или равнозначущему ему пестрополью).

Къ 80-мъ г.г. XIX вѣка окончательно установилось господство трехполья и процентъ пара соотвѣтствовалъ той его долѣ, которая была на поляхъ европейскихъ крестьянъ къ концу XVIII в. Слѣдовательно, казачье населеніе, благодаря ускоренному приросту, не сокращаемому ни войнами и смутами, ни страшными средневѣковыми голодовками, ни „черной смертью"—пережило въ 115 лѣтъ ту сельско-хозяйственную эволюцію, которую пережило европейское населеніе въ 800—900 лѣтъ.

Разъ экономическія и хозяйственныя предпосылки одинаковы, надо думать, что органическая эволюція распредѣленія у крестьянъ въ средніе вѣка была направлена въ сторону нивеллировки.

Что бы доказать окончательно, что уплотненіе населенія ведетъ естественно къ большей равномѣрности распредѣленія при частной собственности, какъ и при общинной, мы можемъ примѣнить другой методъ сопоставленія—**географическій.**

Въ разныхъ раіонахъ Германіи, въ зависимости отъ плотности земледѣльческаго населенія земля распредѣлилась такъ (въ 1882 г.).

	На 1000 гект. приход. землед. насел	Изъ 100 гект. с.-хоз. площади приходилось на хоз—ва. Мелкія (до 20 гек.	Средня (20—100).	Крупныя (св. 100).
7 вост. провин. Пруссіи .	207,5	27,85	30,14	42,01
Саксонія	289,2	55,37	30,53	14,10
Вестфалія и Рейнск. пров.	319,8	70,0	25,70	4,30
Баварія	345,9	65,04	32,34	2,62
Вюртенбергъ	358,6	77,43	20,57	2,0
Баденъ		78,03	19,83	2,14

По мѣрѣ уплотненія населенія происходитъ сокращеніе территоріи, принадлежащей верхнимъ слоямъ и увеличеніе территоріи, принадлежащей **нижнимъ**, т. е. **подвижка внизъ**, (Вестфалія, Баденъ, Вюртембергъ) или среднимъ (Бавaрія) т. е. **стягиваніе къ срединѣ**.

Географическая повѣрка исторіи въ данномъ случаѣ важна потому, что мы говоримъ пока объ **органической** эволюціи, независимой отъ политическихъ факторовъ. Въ настоящее время въ Германіи значеніе политическихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ средніе вѣка (военные захваты, крѣпостное право) прекратилось и, хотя слѣды ихъ еще сказываются на распредѣленіи, но оно больше всего зависитъ уже отъ факторовъ **экономическихъ**; поэтому сравненіе распредѣленія земли въ разныхъ раіонахъ съ плотностью населенія можетъ указать на закономѣрную связь между ними, болѣе или менѣе **независимую** отъ вліянія внѣшнихъ политическихъ факторовъ.

Такую же закономѣрность мы будемъ наблюдать въ третьей части нашего труда, когда увидимъ, что разслоеніе въ русскомъ крестьянствѣ сокращается по направленію отъ рѣдко населенныхъ восточныхъ областей къ густо населеннымъ западнымъ.

Итакъ, большая уравнительность распредѣленія земли въ крестьянской средѣ западной Европы, должна была произойти, несмотря на то, что общинно—уравнительный передѣльный механизмъ не получилъ дѣльнѣйшаго развитія. Если, положимъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, с.-хоз. территорія общины, состоявшей изъ 100 душъ, равнялась 500 десятинамъ, а для удовлетворенія minimum'а потребностей надо было только 2 десятины на душу, то 300 десятинъ являлись сверхнормнымъ излишкомъ и могли сконцентрироваться въ рукахъ верхнихъ слоевъ общины, безъ особеннаго ущерба для остальныхъ крестьянъ.

Но, когда населеніе увеличилось, положимъ, до 250 душъ то, при наличности той же самой системы полеводства (трехпольной), т. е. при одинаковой урожайности эти 300 десятинъ тѣмъ или инымъ пугемъ должны были перейти къ приросту въ 150 душъ, т. к. иначе онъ бы подвергся вымиранію. Произошло ли это „поравненіе“ посредствомъ наслѣдственныхъ семейныхъ раздѣловъ, какъ у казаковъ, или аренды—сдачи, или купли-продажи—для насъ не важно. Но что иначе не могло произойти—это ясно уже изъ самаго факта прироста. Разъ произошелъ приростъ, разъ населеніе не вымерло и не разбѣжалось, то этотъ приростъ долженъ былъ кормиться отъ земли, и для этого ему необходимо было пріобрѣсти такое количество угодій, которое покрываетъ minimum его продовольственныхъ потребностей, что и приводитъ къ подвижкѣ внизъ, или къ нивеллировкѣ, иначе говоря,—къ болѣе равномѣрному распредѣленію земли, хотя бы и при господствѣ подворнаго землепользованія. Средневѣковое крестьянство Европы безсознательно, механически должно было производить тотъ же процессъ „поравненія земли“ распредѣленія ея „по нуждѣ“,—по потребностямъ, какой производитъ русское общинное крестьянство.

Такимъ образомъ, частная собственность не является препятствіемъ для болѣе равномѣрнаго распредѣленія земли. Политическіе факторы дѣйствовали въ средніе вѣка на крестьянство въ томъ же направленіи. Это—прежде всего правовое обособленіе крестьянства. Съ XIII в. крестьяне въ очень многихъ мѣстахъ теряютъ право на покупку земли у дворянъ. Въ Саксоніи, Пруссіи, Австріи и Россіи запрещеніе продавать крестьянамъ дворянскія помѣстья сохраняло свое значеніе съ одинаковой силой до самого послѣдняго времени (Рошеръ 334). Покупка крестьянами у крестьянъ допускалась лишь съ согласія сеньора.

Вообще de jure и крестьянское и помѣстное землевладѣніе въ средневѣковую эпоху было **замкнутымъ** и свободная мобилизація земли ограничивалась законодательствомъ и обычаемъ. Но эти ограниченія касались, главнымъ, образомъ крестьянъ. Крестьянскія общины не пускали постороннихъ членовъ; извнѣ стояла политическая преграда въ видѣ безправнаго положенія крестьянъ, какъ сословія; и эти препятствія мѣшали отслоенію „капиталистическихъ“ элементовъ крестьянства, если бы оно даже было экономически возможно.

Но если крестьяне не могли пріобрѣтать господскихъ имѣній, за то дворяне, всѣми правдами и неправдами: и судомъ и силой „и покупкой“ овладѣваютъ громаднымъ коли-

чествомъ крестьянскихъ земель, а въ Англіи и Пруссіи— почти всѣми землями. Сравнительно независимая, спокойная для крестьянъ жизнь тянулась лишь до XIV—XVI в. в. т. е. до тѣхъ поръ, пока господствующіе классы не были заинтересованы въ повышеніи доходовъ отъ своихъ имѣній.

Но съ XIII—XIV в.в. развиваются города, превращаясь въ крупные торгово-промышленные центры; начинается обмѣнъ не только мѣстный, но и міровой; и феодальные бароны изъ „пожирателей земельной ренты" сравнительно незначительной, зачастую становятся торговцами и предпринимателями, что влечетъ за собой—**развитіе крупно-помѣстнаго хозяйства**. Этотъ то поворотъ въ интересахъ феодаловъ и повлекъ за собой уничтоженіе класса крестьянъ, какъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ въ Англіи, гдѣ помѣщики, занявшись разведеніемъ овецъ, больше въ нихъ не нуждались.*)

Въ Пруссіи захватъ крестьянскихъ земель производился съ другой цѣлью: благодаря развитію торговли ганзейскимъ союзомъ, помѣщики расширили сбытъ хлѣба и другихъ с хоз. продуктовъ. Экспропріовавши землю у крестьянъ и превративши ихъ въ крѣпостныхъ, прусскіе помѣщики широко развили **барщинное** хозяйство, точно также какъ наши русскіе—въ началѣ XIX в. Возвращенію дворянъ на землю способствовала реорганизація военнаго дѣла, благодаря которой рыцари потеряли значеніе. Съ реорганизаціей войска, съ замѣной рыцарей наемной пѣхотой (ландскнеты) рыцарь долженъ былъ бросить военную жизнь и заняться хозяйствомъ. „Онъ немедленно сдѣлался адептомъ крупнаго земледѣльческаго производства; вскорѣ онъ началъ стремиться къ увеличенію своего маленькаго имѣнія посредствомъ пріобрѣтенія новыхъ земель и къ продажѣ на рынкѣ продуктовъ, полученныхъ съ многоуфнаго имѣнія" (Лампрехтъ стр 45). Съ XV—XVI в.в. помѣщики захватываютъ крестьянскія земли не только въ Англіи и въ Пруссіи, но и въ остальной Германіи и во Франціи „Матеріальное оскудѣніе дворянства, потеря привычки къ практической сельско-хозяйственной дѣятельности изъ стремленія подражать горожанамъ—все это побуждало превратить крестьянскую земельную собственность въ оброки и налоги". (Ibidem 86) Экспропріація крестьянскихъ земель и изгнаніе крестьянъ въ Англіи, экспропріація и введеніе барщины на

*) Первый толчекъ къ переходу съ земледѣлія на скотоводство въ Англіи былъ данъ сокращеніемъ населенія послѣ чумы и во время экономическаго кризиса XIV—XV в.

востокѣ Германіи, экспропріація и усиленіе оброковъ и налоговъ—въ южной и западной Германіи и во Франціи—вмѣстѣ съ соціальнымъ обособленіемъ и политическимъ гнетомъ—вотъ основные политическіе факторы второй половины разсматриваемаго періода—т. е. XV—XVIII в. в Помѣщичье землевладѣніе, благодаря экспропріаціямъ, расширялось, укрупнялось и концентрировалось, давало **подвижку вверхъ**; крестьянское, по той же причинѣ и вслѣдствіе сгущенія населенія, сокращалось и давало **подвижку внизъ**—массовое раззореніе и обнищаніе. „Въ XV в. крестьянинъ въ болѣе культивированныхъ частяхъ Германіи владѣлъ обыкновенно половиной или четвертью гуфы. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась масса малоимущихъ и неимущихъ сельчанъ, образовался сельскій пролетаріатъ“ (Ibid. 39) Особенно разрушительно подѣйствовала на крестьянское благосостояніе тридцатилѣтняя война.

Въ доменіальныхъ имѣніяхъ Курмарка и Неймарка (Пруссія) до тридцатилѣтней войны служило 3000 хлѣбопашцевъ и 2097 т. называемыхъ „огородниковъ“ или „коссетовъ“ (коссеты соотвѣтствуютъ нашимъ бобылямъ), а въ 1652 г. оставалось только 1550 первыхъ и 1769 вторыхъ; въ первомъ періодѣ на 100 крестьянъ, имѣвшихъ свой посѣвъ, приходилось 70 безпосѣвныхъ, во второмъ на 100 первыхъ, вторыхъ оказалось 114, т. е. большинство крестьянъ было безпосѣвными. Точь въ точь такое же явленіе произошло въ Россіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. в, когда экспропріація вольныхъ „черныхъ“ волостныхъ и общинныхъ земель, развитіе помѣстнаго владѣнія и великая „смута“ самозванца перевратили почти половину крестьянъ въ безпахотныхъ бобылей.

И вмѣстѣ съ паденіемъ крестьянскаго земледѣлія **только съ этого времени начала развиваться настоящая крупная сельско-хозяйственная культура въ широкихъ размѣрахъ.**

Правда, во многихъ случаяхъ ощущался недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Чтобы достать ихъ, было прежде всего усилено крѣпостничество—тамъ гдѣ оно существовало. Каждый крѣпостной работникъ сталъ представляться теперь дворянству неотъемлемой частью постояннаго помѣщичьяго инвентаря“. (Лампрехтъ 53). Послѣ запустѣнія 30-ти лѣтней войны, когда крестьяне были избиты, или разбѣжались, помѣщики, призывая новыхъ людей въ свои имѣнья, давали имъ въ ссуду орудія и скотъ и затѣмъ закабаляли ихъ.

Дальнѣйшая эпоха—XVII—XVIII в. были вѣками относительнаго спокойствія, „просвѣщеннаго абсолютизма“,

развитія крѣпостного права тамъ, гдѣ оно существовало и въ тоже время господства и концентраціи крупнаго дворянскаго землевладѣнія и **крупнаго товарнаго производства**.

Дворяне, потерявшіе политическую феодальную независимость отъ монарховъ, вознаградили себя сторицей, пріобрѣтая соціально—экономическую власть надъ крестьянствомъ, ставшимъ цѣликомъ въ ряды ихъ безплатныхъ батраковъ. Что бы ни говорили о малой продуктивности крѣпостного труда, онъ уже потому, что былъ безплатнымъ, оказывался крайне выгоднымъ для владѣльцевъ. При помощи безплатнаго труда, помѣщики вели товарное производство въ крупныхъ размѣрахъ, и доля сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, поступавшихъ на рынокъ изъ ихъ имѣній, надо полагать, значительно превышала ту долю, которую поставляли крестьяне отъ себя (если только не находились на оброкѣ).

Итакъ, съ XV и особенно со второй половины XVII в. исчезаетъ политическій феодализмъ. Дворяне превращаются или въ крупныхъ хозяевъ или въ придворную знать и занимаютъ видное мѣсто среди развивающейся бюрократіи абсолютныхъ монархій. Одни изъ нихъ заводятъ обширное барщинное хозяйство, другіе взимаютъ оброки и ренту въ возрастающей прогрессіи; и тѣ, и другіе, и третьи судятъ и правятъ крестьянами, какъ абсолютный монархъ править страной. Послѣ паденія политическаго феодализма, **соціальный** феодализмъ удерживается въ Европѣ до 1848 г. а въ Россіи и сейчасъ можно найти его остатки.

Дворяне уже не представляли изъ себя самостоятельной политической силы; они сильны были властью монарха и всецѣло зависѣли отъ него; ихъ попытки вернуть прежнее верховенство всегда оканчивались неудачей...

Центръ тяжести значенія дворянства переносится съ политической на **экономическую** роль этого класса, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ и товаропроизводителей. И если бы дворяне могли способствовать сельско-хозяйственному прогрессу, то врядъ ли они оказались бы такимъ пережиткомъ прошлаго, какимъ они являются теперь въ западной Европѣ.

Въ началѣ предыдущей главы мы констатировали, что дворянство, въ качествѣ крупныхъ с.-хозяйствен. предпринимателей, хотя и является классомъ товаро-производителей, но тѣмъ, не менѣе, ихъ нельзя считать капиталистами pur sang. т. к. цѣль ихъ производства не накопленіе прибыли и дальнѣйшее воспроизводство, а **расширеніе личнаго потребленія**.

Дворянинъ, тѣмъ болѣе дворянинъ XVIII в. наживалъ только для того, чтобы проживать; ему не нужно было накоплять прибыли, т. к. средства производства—земля и даровыя рабочія руки вмѣстѣ со скотомъ и инвентаремъ были всегда къ его услугамъ. Захотѣлъ онъ расширить производство—стоило ему нажать на „сѣрую скотину" и производство расширялось въ потребныхъ размѣрахъ.

Въ общемъ, не смотря на крайне благопріятную для дворянства экономическую коньюнктуру этой эпохи, дворяне сравнительно мало воспользовались ею. Больше всего этому препятствовалъ всеобщій порокъ дворянства—абсентеизмъ. Французское, англійское и значительная часть германскаго дворянства, въ лицѣ наиболѣе крупныхъ представителей, постоянно пребывали при дворѣ; болѣе мелкіе элементы стремились наполнить ряды арміи или чиновничества и, вѣроятно, большая половина дворянъ не вела своего хозяйства. Однако, эта же эпоха является эпохой наибольшаго разцвѣта крупнаго дворянскаго хозяйства. И кое-что дворяне сдѣлали для сельско-хозяйственнаго прогресса. Въ Англіи началось стойловое кормленіе скота и улучшенные сѣвообороты съ посѣвомъ клевера и корнеплодовъ; тоже и въ Германіи. Вводятся улучшенныя орудія, плуги, молотилки, сѣялки, хотя въ незначительныхъ размѣрахъ. Но, во первыхъ распашка еще производится на незначительную глубину, а во—вторыхъ удобреніе интенсифицируется очень мало. Вообще и удобреніе и правильный плодосмѣнный сѣвооборотъ, составляющіе сущность интенсивной системы, получили правильную постановку и развитіе лишь въ XIX в., послѣ научныхъ открытій Либиха и др.

Но если гдѣ и были улучшенія въ крупно-владѣльческомъ хозяйствѣ, то на континентѣ Европы они являлись скорѣе **исключеніями**, что легко доказать, если вспомнить, что еще въ началѣ XIX в. въ Германіи 26%, а во Франціи цѣлая треть пашни находилась подъ паромъ—слѣдовательно въ этихъ странахъ преобладала **трехпольная система**. Это ясно показываетъ, что господство крупнаго дворянскаго землевладѣнія и крупнаго товарнаго производства не создали новой эры въ сельско-хозяйственномъ производствѣ за 300—400 лѣтъ своего существованія (начиная съ XV в.). Трехполье оставалось характернымъ признакомъ этого періода, т. е. онъ не выходилъ изъ рамокъ экстенсивнаго фазиса. Такимъ образомъ, эра господства крупнаго землевладѣнія не сопровождалась быстрымъ сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ. Скорѣе наоборотъ...

Именно въ XVIII столѣтіи усиливаются неурожаи, по словамъ Каутскаго **„благодаря увеличивающемуся неплодородію почвы**; крестьяне, обремененные невыносимыми повинностями, предпочитаютъ забрасывать землю, и во Франціи передъ революціей, по разсчетамъ Юнга треть пахатной земли (болѣе 9 мил. гектаровъ) пустовала!.. Цѣлыхъ двѣ трети Бретани лежали „подъ паромъ“ (Агр. вопр. стр. 41). Въ Англіи система огораживаній достигла въ эту эпоху кульминаціоннаго пункта; посредствомъ ея было экспропріировано за 1760—1810 г.г. 4.878 тыс. акровъ и мелкое крестьянство было окончательно уничтожено. Тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ округовъ до конца XVIII в. „земледѣліе находилось въ плачевномъ состояніи, страдая отъ обилія пустошей, отсутствія арендъ, невѣжества народа, упорнаго слѣдованія традиціонной практикѣ“. (Булгаковъ I, 180). Наконецъ въ Пруссіи, гдѣ изъ всей континентальной средней Европы дворяне проявляли, пожалуй, наибольшій интересъ къ сельскому хозяйству, процентъ пашни былъ очень невеликъ: 18,75%—т. е. $^3/_{16}$ **общей площади страны**.

Крупное хозяйство, какъ мы увидимъ дальше и теперь сопровождается обиліемъ луговъ и лѣсовъ—т. е. наиболѣе экстенсивныхъ угодій, а въ ту эпоху они положительно преобладали.

Это не могло не повести къ **возмущенію народныхъ массъ**, когда населеніе стало быстрѣе **возрастать**. Крестьянамъ земля нужна была для прокормленія, а не для того, чтобы разводить въ лѣсахъ господскую дичь, а на пастбищахъ—стада мериносовъ. Хозяйственная система крупнаго землевладѣнія должна была повести къ взрыву народнаго негодованія, къ революціи и послѣдовавшей затѣмъ ликвидаціи крѣпостного права. Моментъ ликвидаціи мы разсмотримъ въ слѣдующемъ §, а пока укажемъ на главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ анализа эволюціи распредѣленія во второмъ періодѣ экстенсивнаго фазиса въ Европѣ, т. е. за IX—XVIII в в.

1) Въ началѣ этого періода произошло окончательное обособленіе двухъ классовъ—феодальнаго дворянства и трудового крестьянства. Первый, сдѣлавшись исключительно военно-служилымъ, превратился въ нетрудовой, крупновладѣльческій. Въ силу этого обособленія, эволюція распредѣленія земли въ каждомъ классѣ пошла своимъ собственнымъ путемъ

2) Эволюція трудового крестьянскаго землевладѣнія, будучи самостоятельной, повидимому, должна была бы пройти, послѣ разложенія семейно-родовой общины, стадію под-

ворно-чрезполоснаго владѣнія, которое, съ возникновеніемъ передѣльнаго механизма, органически развивается въ общинно-уравнительное, сначала на началахъ трудового, а затѣмъ потребительнаго принципа. Но, благодаря усиленію политическихъ факторовъ, все болѣе проникающихъ въ самостоятельное крестьянское хозяйство, въ западной Европѣ уравнительно-передѣльный механизмъ не развился и вплоть до XIX в. крестьянское землевладѣніе застыло на подворно-чрезполосной формѣ.

3) Тѣмъ не менѣе, и въ случаяхъ развитія общиннаго механизма (въ Россіи) и въ случаяхъ остановки его на стадіи подворнаго землевладѣнія, распредѣленіе земли въ крестьянской средѣ эволюціонировало сравнительно съ предшествовавшей эпохой въ сторону большей **равномѣрности**, т. к. этому способствовала все возраставшая ограниченность пространства, происходившая, какъ отъ роста населенія, такъ, еще болѣе, отъ захвата крестьянскихъ земель господствующими классами.

4) Въ тоже время землевладѣніе другого класса—феодальныхъ дворянъ, постоянно расширяясь, сначала за счетъ незанятыхъ, а затѣмъ и крестьянскихъ земель, т. е. находясь, такъ сказать, въ предѣлахъ неограниченнаго пространства, эволюціонировало въ сторону **укрупнѣнія** владѣній, ихъ **концентраціи**, иначе говоря, также, какъ эволюціонировало распредѣленіе земли въ первый захватный періодъ землевладѣнія въ средѣ всего населенія.

Такимъ образомъ, тогда какъ крестьянское землевладѣніе развилось въ сторону **подвижки внизъ**, или нивеллировки, дворянское продолжало развиваться въ сторону **подвижки вверхъ**—концентраціи, пока не охватило громаднаго большинства земель, доступныхъ сельско-хозяйственной культурѣ.

5) Начиная съ развитія въ Европѣ торгово-промышленной жизни, т. е. съ XV и особенно со второй половины XVII в. дворянство превращается не только въ классъ крупныхъ владѣльцевъ, довольствовавшихся натуральной и денежной рентой, но и въ классъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ, стремящихся къ производству на товарныхъ началахъ.

Слѣдовательно, конецъ экстенсивнаго фазиса является эпохой крупнаго товарнаго сельско-хозяйственнаго производства. Но, оказавшись въ новой роли предпринимателей, дворяне обнаружили несостоятельность и не могли способствовать интенсивному развитію производительности земли, необходимому для продовольствія быстро возростающаго на-

селенія. Эта неприспособленность къ неизбѣжному переходу сельскаго хозяйства въ интенсивный фазисъ и повлекла за собой ликвидацію крѣпостного права.

§ 4) Политическая борьба между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ.

Въ теченіи среднихъ вѣковъ, крестьянство, въ общемъ, довольно пассивно относилось къ захвату власти надъ землей господствующими классами и къ возрастающей эксплуатаціи дарового крестьянскаго труда. Если и происходили большія возстанія какъ разъ въ ту эпоху, когда дворянство начало переходить на товарное хозяйство и когда, вслѣдствіе быстраго усиленія гнета, онъ казался особенно невыносимымъ, то слабые физически и экономически крестьяне не могли, конечно, одерживать крупныхъ побѣдъ. Ухудшивъ свое положеніе этими возстаніями, крестьяне покорились судьбѣ и до конца XVIII в. не поднимали особенно бурныхъ протестовъ.

Главныхъ причинъ этого видимаго спокойствія двѣ: слабый приростъ населенія и отсутствіе поддержки со стороны буржуазіи. Къ концу XVIII в. буржуазія становится въ ряды непримиримыхъ враговъ абсолютизма и дворянства, а убыстренный приростъ населенія является могучимъ стимуломъ, толкающимъ крестьянство на новую рѣшительную борьбу съ господствующими классами.

Съ XIV столѣтія и вплоть до второй половины XVII, населеніе во Франціи не увеличилось (20 мил.). Къ концу XVIII в. оно достигло 25 мил., увеличившись въ 130 лѣтъ на одну четверть. Приростъ, конечно, небольшой: но если мы прибавимъ, что уже въ XVII в. густота населенія равнялась 40 чел. на кв. версту, то густота въ 50 челов. въ концѣ XVIII в. будетъ уже крайней гранью для трехпольной системы, за которой неминуемо начинаются голодовки. На самомъ дѣлѣ сгущеніе земледѣльческаго населенія было еще больше на сельско-хозяйственной территоріи, т. к. значительная часть земли была подъ охотничьими парками (у одного короля подъ лѣсами 1 мил. морговъ) и подъ пустырями; 9 мил. гектаровъ пашни пустовало.

Мы, вѣроятно, мало ошибемся, если скажемъ, что плотность населенія на сельско-хозяйственной обрабатываемой территоріи доходила до 80—100 чел. на кв. кил. *).

*) Для сравненія приведемъ цыфры плотности крестьянскаго населенія въ Воронежской губ

Далѣе, налоги поглощали 50—70% чистаго дохода крестьянъ.

Наконецъ, истощеніе земли при трехпольи, о которомъ мы говорили, какъ о неизбѣжно наступающемъ въ концѣ экстенсивнаго фазиса, если онъ своевременно не смѣняется интенсивнымъ, поражало населеніе неурожаями и голодовками.

Послѣ этого не удивительно, что въ 1774 г. во Франціи насчитывалось 1.200,000 нищихъ и нерѣдко встрѣчались деревни, гдѣ половина крестьянъ питалась подаяніемъ. Вотъ причины, которыя, сплетаясь съ финансовымъ банкротствомъ королевства, возмущеніемъ буржуазіи и т. д. и т. д., сдѣлали революцію неизбѣжной и, соединяя вмѣстѣ интересы крестьянъ и горожанъ, дали ей такъ рѣдко встрѣчающуюся въ исторіи рѣшительную побѣду. Одной изъ главныхъ причинъ возстанія крестьянъ мы считаемъ недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ. Большинство крестьянъ, по словамъ епископа Массильона, въ теченіе полугода „нуждаются даже въ ячменномъ и овсяномъ хлѣбѣ, который составляетъ ихъ единственную пищу". Для мало-мальски сноснаго существованія необходимо было, чтобы сумма продовольственныхъ средствъ, получаемыхъ крестьянами отъ земли и остающихся въ ихъ распоряженіи, находилась въ равновѣсіи съ minimum'омъ ихъ потребностей. Возстановить это равновѣсіе можно было двумя путями: или **расширить площадь** сельско-хозяйственной территоріи, находящейся въ самостоятельномъ пользованіи крестьянъ и избавить ихъ отъ экспропріаціи половины дохода, или съ той же площади добывать удвоенное количество продуктовъ, т. е. перейти на интенсивную систему земледѣлія. Если крупные владѣльцы не встали на второй путь, обладая капиталами, знаніями и полной свободой въ распоряженіи своими землями, если даже въ 1789 г., когда разразилась первая революціонная буря, вмѣсто интенсификаціи земледѣлія въ одномъ только кантонѣ королевскаго округа Фонтенебло были насажены 108 рощъ для зайцевъ и куропатокъ, то какимъ образомъ могли крестьяне, связанные по рукамъ и ногамъ, невѣжественные, нищіе самостоятельно перейти на интенсивную систему?..

Имъ оставался первый путь, и подобно тому, какъ

	На 1 кв. в. приходится:	
	безъ аренд. зем	съ аренд. зем.
Государств. кр.	66	45
Собственники	105	66
Дарственники	375	81

средневѣковые рыцари силой захватывали крестьянскія земли, такъ въ моментъ французской революціи мелкое трудовое крестьянство начинаетъ борьбу съ крупнымъ землевладѣніемъ не на экономической почвѣ, а посредствомъ физическаго насилія. Рано или поздно, но разъ плотность населенія, при экстенсивной системѣ и при тяжелыхъ налогахъ, перешла за тотъ предѣлъ, до котораго допускаетъ minimum человѣческихъ потребностей, разъ быстрый переходъ къ интенсивнымъ системамъ невозможенъ вслѣдствіе нищеты, невѣжества и угнетенія трудовой массы, то неизбѣжно стремленіе крестьянъ **къ обратному отвоеванію земель у господствующихъ классовъ.**

Такимъ образомъ, въ концѣ экстенсивнаго фазиса, при сгущеніи населенія, эволюція распредѣленія земли, неминуемо должна была принять **обратное направленіе.** Борьба между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ началась во Франціи съ физическаго насилія. Это вполнѣ понятно, т. к. крестьянство не имѣло никакихъ политическихъ правъ, ни средствъ, для того, чтобы мирнымъ путемъ экономической конкуренціи завоевывать у господствующихъ классовъ шагъ за шагомъ площадь земли, необходимую для его существованія. Кромѣ отсутствія гражданскихъ правъ и средствъ, крестьяне не имѣли возможности **выжидать**, т. к. это выжиданіе могло привести къ голодной смерти. И, воспользовавшись удобнымъ моментомъ возстанія городовъ, крестьяне разомъ сбрасываютъ съ себя всѣ прежнія тягости и становятся свободными гражданами **съ землей.**

Въ Германіи (главнымъ образомъ въ Пруссіи) послѣ наполеоновскихъ войнъ, обнаружившихъ внутреннюю слабость государства, какъ и въ Россіи, послѣ севастопольской войны, правительство само пошло на встрѣчу неизбѣжному процессу ликвидаціи крѣпостного права.

Но такъ какъ это была реформа сверху, то въ результатѣ ея и въ Пруссіи и въ Россіи освобожденные крестьяне получили во владѣніе сильно урѣзанную площадь той земли, которой они раньше фактически владѣли.

Въ Пруссіи „отрѣзки“ были еще больше, чѣмъ въ Россіи. Здѣсь правительство, согласно съ идеями того времени, одновременно съ реформами, задалось цѣлью насадить полную частную собственность и въ 1821 г. издало указъ „о раздѣлѣ общихъ пользованій“.

Тенденція къ уничтоженію общины проявлялась въ Пруссіи еще во времена Фридриха Великаго, сильно зараженнаго модными тогда ученіями о преимуществахъ частной собственности для сельскаго хозяйства. Первоначально

правительство ставило своей главной цѣлью только раздѣленіе общинныхъ земель, не особенно напирая на разверстаніе черезполосицы. По закону 1821 г. „предоставлялось каждому требовать выдѣла его доли изъ цѣлаго ряда общихъ и сервитутныхъ пользованій. Сюда причислялось право пастбища на поляхъ, лугахъ, усадебныхъ выгонахъ, въ лѣсахъ и на общихъ пастбищахъ и т. д. (Кофодъ. Борьба съ черезполосиц. стр 38).

Начиная съ 1850 г. и вплоть до нашего времени правительство стремится къ другой цѣли—насажденію хуторовъ и отрубныхъ участковъ. Къ 1895 г. по Кофоду изъ 32,2 мил. гектаровъ на хутора и отрубы разверстано 18,1 мил.; въ остальной средней Европѣ (западной, южной Германіи и Франціи) до сихъ поръ преобладаетъ подворно-чрезполосная форма владѣнія...

Прусская освободительная реформа покончила съ общиной начисто и сдѣлала изъ прусскаго крестьянина свободнаго частнаго собственника. Въ результатѣ освободительной реформы сначала получилось **небольшое сокращеніе мелкихъ владѣній въ пользу крупныхъ**. За періодъ 1816—59 г.г. средне-крестьянскія владѣнія сократились въ пользу крупныхъ на 1,6% своихъ владѣній (417 тыс. гект.). Но это явленіе произошло отнюдь не благодаря исключительно экономическимъ преимуществамъ крупнаго хозяйства.

1) Прусскій крестьянинъ сейчасъ же послѣ реформы вышелъ на волю полуобезземельнымъ; онъ потерялъ значительно больше земли, чѣмъ русскій. Точно также, какъ и этому послѣднему, ему достались худшія земли. Вслѣдствіе уничтоженія послѣднихъ остатковъ общины, крестьянинъ, сдѣлавшись сразу свободнымъ частнымъ собственникомъ, не успѣлъ еще стать на ноги и, обремененный выкупными обязательствами, съ сокращеніемъ участковъ, могъ легко запутаться въ долгахъ и потерять свой участокъ.

2) Послѣ реформы помѣщики получили и прибавку земли (изъ крестьянскихъ надѣловъ) и деньги въ видѣ выкупа и сверхъ того—громадный кредитъ; на крестьянъ же были навалены выкупные платежи; или взамѣнъ ихъ они были должны отдать помѣщику треть или половину своей земли.

3) Право выкупа было распространено только на крупныхъ и среднихъ крестьянъ (имѣвшихъ не менѣе пары рабочаго скота). Мелкіе же крестьяне и коссеты (безпахатные огородники) не имѣли права выкупа и по прежнему были обязаны отбывать владѣльцамъ пѣшую барщину. Слѣдовательно, у владѣльцевъ оставалось значительное количество даровыхъ работниковъ.

4) Наконецъ, опустошительныя наполеоновскія войны и экономическій кризисъ 20-хъ годовъ также со всей силой упали на крестьянство.

Изъ этого перечня причинъ, способствовавшихъ небольшой мобилизаціи земли въ пользу крупнаго землевладѣнія, видно, что онѣ преимущественно **политическаго** характера: остатки феодальныхъ повинностей, обезземеленіе, тяжесть выкупныхъ платежей, уничтоженіе общины, война. И надо удивляться, что, при такой реформѣ, крестьяне потеряли ничтожное количество земли.

Послѣ освобожденія, въ Пруссіи начинается необычайно быстрый ростъ крестьянскаго населенія, какъ результатъ самостоятельной жизни и сравнительнаго спокойствія. За 1817—43 г.г. сельское населеніе увеличилось съ 7,6 мил. до 11,2 мил., т. е. въ **полтора раза**. Ростъ населенія, какъ мы указывали при анализѣ эволюціи производства, не сопровождался въ первую половину XIX в. соотвѣтственнымъ усиленіемъ интенсификаціи. Крестьянство въ Пруссіи, какъ и у насъ, стремилось возмѣстить недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ экстенсивнымъ расширеніемъ посѣвовъ, а это привело къ истощенію почвы—неурожаямъ и голодовкамъ. „Изъ памяти современниковъ совершенно изгладилось, что теперешняя Пруссія всего полстолѣтія тому назадъ была опустошена въ аграрныхъ своихъ округахъ голодовками и въ результатѣ ихъ эпидеміями“ (Булгаковъ II, 39).

Реформы, соединенныя съ сокращеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, тяжелые выкупные платежи, остатки феодализма (барщина, полицейскій гнетъ и т. д.) даютъ въ результатѣ, присоединеніе крестьянъ къ революціи 1848 г.

Въ Австріи за 20 лѣтъ 1820—40 г.г. населеніе также увеличилось на 20%. Здѣсь до 1848 г. сохранилась еще во многихъ раіонахъ барщина и другія крѣпостныя отношенія, которыя были разомъ сметены революціей.

Если мы прибавимъ, что въ Бельгіи, Голштиніи и отчасти въ Италіи крѣпостное право было отмѣнено во время французской революціи, а въ Даніи въ 1848 г., то станетъ очевиднымъ, что эти два момента—французская революція и европейская 1848 г.—являются **поворотными пунктами въ исторіи распредѣленія земли**. Съ освобожденіемъ крестьянъ кончается преобладающая роль политическихъ факторовъ, кончается и политическая борьба мелкаго и крупнаго землевладѣнія и въ третьемъ интенсивномъ фазисѣ сельскаго хозяйства въ Европѣ, а также въ Соединенныхъ Штатахъ борьба ведется уже **преимущественно на экономической почвѣ**. Поэтому, во второй половинѣ XIX в. эволюція распредѣленія за-

виситъ больше всего отъ **хозяйственныхъ** факторовъ, и указываетъ, какая форма предпріятія болѣе всего приспособлена къ интенсивному **развитію производительности земли вглубь**, составляющему конечный этапъ эволюціи сельско—хозяйственнаго производства.

§ 5. Третій фазисъ распредѣленія—экономическая борьба хозяйствъ различныхъ размѣровъ.

Со второй половины XIX в. въ Европѣ прямые политическіе факторы, непосредственно дѣйствовавшіе на распредѣленіе земли въ теченіе среднихъ вѣковъ—военный захватъ и раздача земель сверху господствующимъ классамъ сходятъ со сцены, повидимому, навсегда. При ликвидаціи крѣпостного права крупные владѣльцы въ послѣдній разъ пользуются „отрѣзками“ крестьянской земли.

Теперь остается лишь одна группа косвенныхъ политическихъ факторовъ—воздѣйствіе государства на распредѣленіе посредствомъ налоговой системы, аграрнаго законодательства и активныхъ мѣропріятій правительства. Въ Европѣ эта группа факторовъ дѣйствуетъ сравнительно слабо, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо слабѣе, чѣмъ факторы предшествующаго фазиса, и современная борьба хозяйствъ различныхъ размѣровъ базируется, главнымъ образомъ, на хозяйственныхъ преимуществахъ той или иной формы, соотвѣтствующихъ интенсивному фазису развитія производительности земли.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію фактовъ, мы должны установить съ возможной точностью, что такое мелкое, среднее и крупное хозяйство, т. к. многіе экономисты постоянно смѣшиваютъ ихъ между собой.

Подъ **мелкимъ** хозяйствомъ въ экономикѣ принято считать такое, которое обрабатываетъ площадь, соотвѣтствующую силамъ его собственныхъ работниковъ, безъ примѣненія **наемнаго** труда. Этотъ типъ мы опредѣляемъ терминомъ **трудовое**. Въ Германіи трудовыя хозяйства разбиваются еще на **парцельныя**, участокъ которыхъ слишкомъ малъ для пропитанія и большую часть средствъ существованія хозяева парцельныхъ участковъ добываютъ на сторонѣ и на **крестьянскія**—съ достаточнымъ для пропитанія участкомъ.

Среднее хозяйство (крупно—крестьянское и фермерское) является **смѣшаннымъ**: къ работѣ самого хозяина и его семьи прибавляется трудъ наемныхъ батраковъ. Въ крупно—кресть-

янскихъ хозяйствахъ, обладающихъ большими семьями, прибѣгаютъ къ наемному труду меньше (у насъ при 7—8 своихъ работникахъ—2—7 наемныхъ) въ фермерскихъ—больше (Соединенные Штаты, Англія), но и тутъ и тамъ хозяинъ **самъ** со своей семьей непосредственно участвуетъ личнымъ трудомъ во всѣхъ процессахъ производства.

Крупное хозяйство—прибѣгаетъ для производства **исключительно** къ наемному труду. Владѣлецъ является лишь въ роли **управляющаго** процессами производства.

Г. г. марксисты, вродѣ г. Маслова, постоянно смѣшиваютъ среднее и крупное хозяйство. Напримѣръ, при указаніи (единственномъ) на „техническія“ преимущества крупнаго хозяйства, г. Масловъ опредѣляетъ площадь раіональнаго использованія усовершенствованныхъ орудій въ 25 десят. посѣва, каковые размѣры, понятно, соотвѣтствуютъ лишь среднему хозяйству. Такое смѣшеніе выгодно для авторовъ марксистскаго направленія, т. к. при помощи подтасовки понятій, они переносятъ техническія преимущества хозяйствъ среднихъ размѣровъ на крупныя, тогда какъ у послѣднихъ, какъ мы указывали во II-ой главѣ (§ 3), никакихъ особенныхъ техническихъ преимуществъ не имѣется.

Смѣшивать крупное и среднее хозяйство—это тоже самое, что смѣшать фабрику съ ремесленной мастерской въ индустріи. Если г.г. маркисты не смѣшиваютъ этихъ послѣднихъ, то мы вправѣ того же потребовать отъ нихъ и въ сферѣ сельско—хозяйственнаго производства...

Размѣры площади каждаго типа хозяйства будутъ различны при различныхъ системахъ полеводства. Въ Германской статистикѣ принята, приблизительно, такая граница: minimum площади крупнаго хозяйства впятеро превышаетъ maximum площади мелкаго. Мелкое хозяйство, при интенсивныхъ европейскихъ системахъ, будетъ имѣть площадь до 20 гектаровъ, среднее 20—100, крупное—свыше 100 гектаровъ. При экстенсивныхъ системахъ (для Россіи и Соединенныхъ Штатовъ) слѣдовало бы удвоить эти нормы, т. к. при экстенсивномъ трехпольи и пестропольи урожайность почти вдвое меньше, чѣмъ при интенсивномъ плодосмѣнѣ. Для Соединенныхъ Штатовъ грани будутъ: до 40 гектаровъ, 200, свыше 200. Въ Россіи, примѣняясь къ статистическимъ матеріаламъ придется установить грани: до 50 дес., 50—200, свыше 200.

Наконецъ, при переложной системѣ, эти размѣры надо еще удвоить, т. к. процентъ посѣва въ пашнѣ при перелогѣ, minimum, вдвое меньше, чѣмъ при трехпольи. Переложная система и соотвѣтственная ей существуютъ въ Россіи въ за-

волжьи, во многихъ раіонахъ Сибири и Средней Азіи, въ Австраліи и на далекомъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ. Конечно, въ зависимости отъ производства тѣхъ или иныхъ культуръ, и отъ разныхъ другихъ условій, площади каждаго типа хозяйствъ могутъ очень сильно колебаться; 20 десятинъ подъ виноградниками или подъ табакомъ будутъ площадью крупнаго хозяйства. Но указанныя нами границы общепринятыи и для массовыхъ сопоставленій въ Европѣ, Соединенныхъ Штатахъ и Россіи вполнѣ пригодны...

Мы только что сказали, что г.г. марксисты смѣшиваютъ крупное и среднее хозяйство: но они повинны еще въ другомъ грѣхѣ: въ смѣшеніи технической обстановки крупнаго сельско—хозяйственнаго предпріятія съ фабричной техникой въ индустріи. Благодаря этому смѣшенію, они переносятъ техническія преимущества фабрики на крупное сельско—хоз. предпріятіе.

Фабрика въ индустріи **есть крупная кооперація** спеціализированныхъ процессовъ обработки одного и того же вида продуктовъ. Фабрика (и мануфактура) по терминологіи Зомбарта есть общественное **производство въ крупныхъ размѣрахъ.** Крупное сельское предпріятіе ничего общаго съ крупной технической кооперацiей не имѣетъ. Къ нему ближе всего подходитъ другой терминъ Зомбарта—**индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ.** Инымъ оно и не можетъ быть по той простой причинѣ, что процессы труда въ сельскомъ хозяйствѣ, благодаря природнымъ условіямъ, не могутъ производиться въ одинъ и тотъ же моментъ. Нельзя въ одно и тоже время пахать, сѣять, ухаживать за всходами пшеницы, жать ее, молотить и печь пшеничныя булки. Сельско—хозяйственные процессы труда не допускаютъ объединенія (кооперацiи), а производятся въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ, сообразно съ послѣдовательностью творческой работы природы.

Когда эта необычайно простая аксіома производственной техники сельскаго хозяйства будетъ усвоена г.г. марксистами, то они поймутъ, что фабрика въ индустріи есть кооперація, а крупное сельско—хоз. предпріятіе физически таковой быть не можетъ. На большой фабрикѣ тысячи рабочихъ одновременно ткутъ ситецъ, красятъ его и выпускаютъ въ видѣ готоваго товара. Фабрика вполнѣ напоминаетъ колбасную машину въ извѣстномъ анекдотѣ, въ которую съ одного конца вводятъ живую свинью, а съ другого начинаютъ сыпаться готовыя колбасы и окорока.

Сельское предпріятіе и мелкое и среднее и крупное, одинаково весной отправляетъ своихъ работниковъ на паш-

ню, а осенью на молотьбу. Для большей ясности представимъ себѣ, что въ одной и той же мѣстности рядомъ находится деревня изъ 100 дворовъ, имѣющая 1000 десятинъ пашни и крупное имѣніе съ такимъ же количествомъ пахатной земли. 100 дворовъ имѣетъ 200 своихъ работниковъ, а помѣщикъ нанялъ сотню батраковъ. Одновременно выѣзжаютъ крестьяне на свою пашню, а владѣлецъ посылаетъ батраковъ на свою; и совершенно также, какъ каждый изъ крестьянъ отдѣльно будетъ пахать опредѣленный участокъ своей пашни, такъ и каждый батракъ вспашетъ отдѣльно отъ другихъ опредѣленный участокъ владѣльческой пашни. И то и другое производство при большинствѣ процессовъ будетъ **индивидуальнымъ**, или совмѣстнымъ производствомъ не болѣе 2—3 работниковъ, и полурабогниковъ, а именно: при вспашкѣ, бороньбѣ, полкѣ, окучиваніи и вообще всякомъ уходѣ за растеніями и животными. Жатва, отчасти посѣвъ, и молотьба, при употребленіи машинъ, требуютъ небольшой технической кооперації, объединенія рабочихъ въ маленькія группы. Эта кооперація, для полной выгодности своего примѣненія, требуетъ площади **среднихъ**, а не крупныхъ размѣровъ. Среднее хозяйство есть maximum рациональнаго примѣненія принциповъ технической кооперації въ земледѣльческомъ производствѣ.

Такимъ образомъ, въ первомъ ряду процессовъ крупное предпріятіе разбивается на рядъ мелкихъ, во второмъ—на рядъ среднихъ. Наше имѣнье, при первыхъ процессахъ, разобьется на 50—100 участковъ, изъ которыхъ каждое будетъ представлять вполнѣ самостоятельное предпріятіе со своимъ инвентаремъ, своими рабочими; при вторыхъ—на 10—30 среднихъ, а сотня рабочихъ—на группы по 3—10 человѣкъ въ каждой. Однимъ словомъ, крупное хозяйство на самомъ дѣлѣ, ни въ одномъ процессѣ сельско—хозяйственнаго производства не оказывается крупнымъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить на площади въ 1000 десятинъ пашни одного плуга (не парового), одной сѣялки, жнейки—косилки, молотилки, одной объединенной, технически группы рабочихъ.

Итакъ, крупное предпріятіе въ сельскомъ хозяйствѣ есть индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ, разбивающееся при всякомъ процессѣ труда на рядъ мелкихъ и среднихъ.

Крупное индивидуальное производство*), по словамъ Зомбарта „представляетъ не органическое цѣлое, а всегда

*) Которое существуетъ и въ индустріи, напримѣръ, въ строительномъ, малярномъ дѣлѣ и т. д. (см. Зомбартъ стр. 51).

аггрегатъ и потому всегда можетъ быть по произволу увеличено и уменьшено... Индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ всегда можно разрѣзать, какъ какую-то колбасу; напротивъ, всякое **общественное** производство (техническая кооперація Н. О)., какъ бы мало оно ни было, характеризуется именно тѣмъ, что его можно сократить всегда лишь въ совершенно опредѣленной количественной пропорціи" (стр. 52). Сравненіе съ колбасой намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ, ибо колбаса—безжизненное тѣло. Скорѣе крупное индивидуальное производство въ сельскомъ хозяйствѣ аналогично нѣкоторымъ простѣйшимъ животнымъ, вродѣ гидры, которую можно разрѣзать на десятки кусковъ и каждый кусокъ продолжаетъ жить своей жизнью, превращаясь въ маленькую гидру. Крупное **общественное** производство въ индустріи—фабрики напоминаетъ „связную опредѣленную разнородность" совершеннаго позвоночнаго животнаго, напримѣръ, человѣка, у котораго, безъ гибели всего организма, можно отрѣзать немногія менѣе сложныя части.

Поэтому, площадь крупнаго имѣнья безъ всякаго ущерба для производства можетъ быть разрѣзана, какъ гидра, на площади мелкихъ и среднихъ размѣровъ. А пусть кто—нибудь попробуетъ разрѣзать фабрику на куски—и получатся куски мертваго тѣла, а не отдѣльные жизнеспособные хозяйственные организмы.

Съ этимъ крупнымъ безформеннымъ аггрегатомъ, съ этой большой гидрой и вели и ведутъ экономическую борьбу мелкія трудовыя и среднія полутрудовыя и полу—капиталистическія хозяйства, начиная со второй половины XIX в.

И вотъ результаты этой борьбы.

А) При интенсивныхъ системахъ земледѣлія.

Германская Имперія.

	Первая половина XIX в.				вторая половина (1895 г).			
	До 7,5 гектар	7,5—75 гек.	75—150 гек.	св. 150 гек	до 5 гек.	5—20	20—100	св 100 гек
Пруссія (1858 г.) % площади.	11,4	38,3	6,4	43,9	12,8	24,3	32,0	30,9
Баварія (1839 г.) % хоз—въ	76,4	24,1	0,3	0,2	60,6	32,6	6,7	0,1
Вюртембергъ (1858) % хоз—въ	92,6	7,2	0,2		78,6	18,8	2,55	0,05
Саксонія (1853 г.)	до 11 гект		11,—110 гек	св. 110	до 10 гек		10—100	св. 100 гек.
% площади.	19,0		62,9	18,1	28,8		57,1	14,1

Вся Герм. Имперія

	до 20 гект.	20—100	св. 100
% площ. 1882 г. . . .	43,5	30,9	25,6
% площ. 1895 г. . . .	44,1	30,4	25,5

Франція.

		до 10 гектар.	10—40.	св. 40
% хоз.—въ	1862 г.	75,4	19,8	4,8
	1882 г.	84,7	12,8	2,5
	1892 г.	85,1	12,5	2,4
% площади.	1882 г.	25,1	29,9	45,0
	1892 г.	25,5	29,0	45,5

Бельгія.

% площади хозяйствъ.

	до 5 гек.	5—30	30—50	св. 50 гек.
1846 г.	84,4	12,8	1,0	0,8
1866 г.	86,0	12,5	0,8	0,7
1880 г.	90,1	9,0	0,5	0,4

Великобританія.

		до 2 гек.	2—20	20—120	св. 120
% хозяйствъ	1873 г.	28,6	41,9	25,9	3,5
	1895 г.	22,7	44,8	28,4	3,6
	17 графствъ				
% площади	1851 г.	0,1	5,8	60,8	33,3
% площади	1885 г.	1,2	13,7	56,6	28,5
	1895 г.	1,1	13,9	57,6	27,4

Б. При экстенсивныхъ системахъ.

Галиція (крестьянскія хоз—ва).

		до 5 іоховъ	5—20	20—50	св. 50
% хоз—въ	1859 г.	44,0	47,7	7,6	0,7
	1882 г.	68,3	29,8	1,7	0,2

Соединенные Штаты.

		до 40 гект.	40—200	св. 200
% хоз—въ	1880	55,1	42,3	2,6
	1890	53,5	44,0	2,5
	1900	57,6	39,9	2,5

Россія.

Частное землевладѣніе (безъ надѣльной земли).

		до 50 дес.	50—200	св. 200
% площади	1877 г.	5,2	6,1	88,7
	1905 г.	18,3	7,3	74,4

Частное и надѣльное землевладѣніе *).

		до 50 дес.	50—200	св. 200
% площади	1877 г.	50,4	10,6	39,0
	1905 г.	58,0	10,7	31,3

Эта таблица говоритъ намъ, что во всѣхъ странахъ за послѣднее полустолѣтіе произошла или **подвижка внизъ** т. е. ростъ мелкихъ хозяйствъ за счетъ, главнымъ образомъ, крупныхъ, или рѣже, стягиваніе къ **серединѣ**, т. е. ростъ среднихъ хозяйствъ (въ послѣднее десятилѣтіе Великобританія, во 2-е Соединенные Штаты) опять таки, за счетъ крупныхъ. Легкое уклоненіе въ пользу крупныхъ за послѣднее десятилѣтіе даетъ Франція. При детальномъ разсмотрѣніи оказывается, что во Франціи росли за десятилѣтіе 1882—92 г.г. лишь площади самыхъ крупныхъ имѣній свыше 300 гектаровъ, а хозяйства въ 40—300 гектаровъ сократились; тоже самое наблюдалось и въ Германіи въ 1882—95 г.г. гдѣ хозяйства въ 100—1000 гектаровъ сократились, а приростали латифундіи свыше 1000 гектаровъ. Латифундіи всегда были и будутъ хозяйствами наименѣе производительными, и ихъ ростъ. во всякомъ случаѣ, не зависитъ отъ ихъ техническихъ преимуществъ, а скорѣе всего отъ побочныхъ обстоятельствъ: отъ развитія фидеикоммиссовъ въ Германіи, отъ стремленія магнатовъ капитала заводить охотничьи парки и т. д.; и это исключеніе, касающееся послѣднихъ десятилѣтій, ни чуть не ослабляетъ общаго вывода, который гласитъ, что во вторую половину XIX в. мелкое и отчасти среднее хозяйство вытѣсняло **крупное**, какъ при интенсивныхъ, такъ и при экстенсивныхъ системахъ земледѣлія. Обычный аргументъ г.г. марксистовъ, что крупное хозяйство страдало отъ паденія цѣнъ въ Европѣ, къ нашей таблицѣ неприложимъ, во первыхъ потому, что онъ противорѣчитъ всей логикѣ марксизма, какъ мы доказали при анализѣ г. Маслова, (развитіе производительности труда при помощи „техники“ само по себѣ должно было вызвать пониженіе цѣнъ согласно теоріи трудовой цѣнности), во вторыхъ, противорѣчитъ фактамъ. Въ 50—70хъ г.г., когда крупное хозяйство также вытѣснялось мелкимъ, какъ и въ послѣдующій періодъ, цѣны на

*) Таблица составлена по даннымъ, приведеннымъ у Булгакова Соболева, Ходскаго, Кржвицкаго, Зака, Handwort, Дена, статистики землевл. 1905 г. Относительно Россіи, при учетѣ частнаго землевладѣнія, мы занесли кр—скія товарищества въ группу мелкихъ владѣльцевъ, торгово-промышленн.—крупныхъ Въ надѣльномъ землевладѣніи, по даннымъ 1905 г. дворы, имѣющіе болѣе 50 дес., занесены въ средніе. Въ 1877 г., за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ данныхъ % земли у этихъ дворовъ взятъ тотъ же, что и въ 1905 г.

хлѣбъ въ Европѣ **возрастали** Такъ „до половины 70-хъ г.г. въ Германіи ростъ населенія способствовалъ постоянному увеличенію хлѣбныхъ цѣнъ“; между тѣмъ, за 1858—78 г.г. во всей Пруссіи число имѣній свыше 150 гектаровъ сократилось съ 17,4 тыс. до 14,6 тыс.—на 16% (Handwörterb земледѣліе стр. 117 и 208).

Второй фактъ касается Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь цѣны не могутъ играть такой роли, какъ въ Европѣ, такъ какъ Соединенные Штаты—страна, экспортирующая хлѣбъ. Здѣсь нѣтъ обломковъ феодализма и царствуютъ почти безраздѣльно экономическіе факторы. И тѣмъ не менѣе мелкія и среднія хозяйства развиваются быстрѣе крупныхъ царство которыхъ сохранилось еще на пресловутомъ далекомъ западѣ, въ безбрежныхъ степяхъ тихоокеанскаго раіона, при неограниченномъ пространствѣ. Но, если взять 40 лѣтній промежутокъ, то окажется, что фермы дробятся во всѣхъ раіонахъ Соедин. Штатовъ, въ томъ числѣ и на далекомъ Западѣ.

Средній размѣръ фермъ въ акрахъ.

	1850 г.	1890 г.
Сѣвер. атлант. раіон.	—113	95
Южный атлантич.	—376	134
Сѣвер. централ.	—143	133
Южный центр.	—291	144
Далекій западъ	—695	324

Слѣдовательно, при болѣе длинномъ промежуткѣ времени—изъ общаго правила—эволюціи распредѣленія въ сторону **раздробленія** хозяйствъ мы нигдѣне найдемъ исключеній.

Теперь спрашивается, каковы причины, создавшія небывалую до тѣхъ поръ эволюцію распредѣленія земли на территоріи двухъ частей свѣта—правильнѣе сказать, на территоріи всего болѣе или менѣе культурнаго человѣчества? Есть ли эта эволюція случайное временное явленіе, признакъ „кризиса“ „паденія производительныхъ силъ“, какъ пытаются насъ увѣрить въ Европѣ г. Каутскій, а въ Россіи г. Масловъ? На счетъ кризиса“, т. е. паденія цѣнъ мы сейчасъ говорили.

Съ другой стороны **несомнѣнно, что никогда сельское хозяйство такъ быстро не развивалось, какъ за эти полстолѣтія**. Это развитіе, какъ и надо ожидать въ интенсивномъ фасизѣ, носитъ **качественный**, а не **количественный** характеръ (см. V главу); производительность земли разви-

вается **не вширь**, а **вглубь**. Удвоеніе урожайности относится преимущественно къ этому послѣднему періоду. Количество пашни не возросло, но площадь **пара** всюду сократилась.

Въ Великобританіи
за 1873—1901 г.г. . . . съ 642 тыс. акровъ до 354 тыс.
Въ Германіи
(1878—1900 г.г.) . . „ 2311 тыс. гектар. до 1230 тыс.
Во Франціи
(1840—1892 г.г.) . . „ 6763 „ „ „ 3368 „

Только въ этихъ трехъ странахъ сокращеніемъ площади пара выиграно 4,6 мил. гектаровъ, дающихъ, считая по 100 пудовъ огульно, свыше 450 мил. пудовъ лишнихъ. Виноградники и сады увеличились за это время въ Германіи съ 270 тыс. гектар. до 618 тыс., въ Великобританіи (одни сады) съ 151 тыс. гект. до 317 тыс.

При плодосмѣнной системѣ зерновые хлѣба отчасти вытѣсняются съ пашни корнеплодами, кормовыми травами и другими культурами. Такъ въ Германіи было.

	Подъ корнепл. и овощами.	Посѣвными травами.
Въ 1878 г. . .	13,7% пашни	9,5%.
1900 г. . .	17,3% —	10,1%.

Въ Германіи, впрочемъ, зерновые хлѣба не вытѣснялись прочими культурами, за то въ Великобританіи ихъ посѣвная площадь сильно сократилась. И тѣмъ не менѣе, общая сумма сборовъ зерновыхъ хлѣбовъ (пшеницы, ржи, овса, ячменя) въ концѣ 60-хъ г.г. въ 7 государствахъ Европы выразилась въ суммѣ*) 2634,2 мил. пудовъ, а въ 1905 г.—3390,7 мил.— за 40 лѣтъ увеличились почти на одну треть.

Развитіе примѣненія машинъ въ Германіи указано выше (см. II главу). Во Франціи употреблялось сельско-хозяйствен. машинъ.

	Въ 1862 г.	1892 г.
Молотилокъ	100.733	234.380
Сѣялокъ	10.853	32.296
Жнеекъ и косилокъ .	18.349	62.185

Развитіе примѣненія искуственныхъ удобреній далеко оставило за собой „технику“ г. Маслова Наконецъ, въ развитіи скотоводства произошелъ очень любопытный перево-

*) Германіи, Франціи, Великобританіи, Италіи, Бельгіи, Голландіи Даніи. Разсчетъ сдѣланъ по Заку (Земля и капитализмъ) и его же „соціально-политическія таблицы“. При переводахъ на рус. мѣры, четверть принята въ 8 пудовъ.

ротъ. Если взять общую сумму всѣхъ видовъ скота, то какъ мы видали выше, она не особенно увеличилась. Но если разсмотрѣть измѣненія по каждому виду скота отдѣльно, то получается такая картина.

Тысячи головъ.

		Лошади	Рогатый скотъ.	Овцы.	Свиньи.
Германія	1860 г. .	3194	14999	28017	6463
	1905 г. .	4267	19332	7907	18921
Увелич. или уменьш. въ % . .		+33,6	+28,9	—71,8	+192,6
Франція	1862 г. .	2818	11762	32151	4911
	1905 г. .	3169	14316	17783	7559
Увелич. или уменьш. въ % . .		+12,4	+22,6	—44,7	+53,9
Велико-британія	1871-5 г.г.	1309	5817	28790	2485
	1906 г. .	1569	7011	25420	2325
Увелич. или уменьш. въ % . .		+19,9	+20,5	—11,7	—6,7

Переворотъ заключается въ вытѣсненіи наиболѣе годнаго для **крупнаго** хозяйства скота—овецъ, требующаго наименьшихъ затратъ живого труда—рогатымъ скотомъ и особенно, свиньями, разведеніе которыхъ составляетъ одно изъ главныхъ преимуществъ мелкаго трудового хозяйства, а какъ въ первую половину XIX в. съ 1816 до 18 г. въ одной Пруссіи число овецъ возросло съ 8260 тыс. до 16531—болѣе чѣмъ удвоилось, во вторую половину убыло въ Германіи три четверти ихъ прежняго числа. Если мы припомнимъ, что въ Англіи было уничтожено крестьянство ради разведенія овечьихъ стадъ, то намъ станетъ яснымъ, что паденіе овцеводства дѣйствительно указываетъ на **кризисъ**, да только не „производительныхъ силъ“, а **крупнаго хозяйства**, которое **не въ состояніи интенсифицировать производство, настолько, насколько къ этому способно мелкое трудовое земледѣліе**. И что это—не наша выдумка, а несомнѣнный фактъ, показываютъ слѣдующія цыфры.

А) Земледѣліе.

Германія (1895 г.).

Хоз—ва.	% пашни и луговъ.	Огородовъ и виноград.	Лѣсовъ, пустошей и проч.
До 2-хъ гект.	69,2	5,6	25,2
2—5	77,1	2,2	20,7

Хоз—ва	% пашни и луговъ	Огородовъ и виноград.	Лѣсовъ, пустошей и проч.
Отъ 5—20 гект.	76,6	0,9	22,5
20—100	74,5	0,5	25,0
Св. 100	70,6	0,4	29,0

Франція (1892 г.).

До 1-го гект.	74,5	17,0	8,0
1—10	83,0	7,8	9,0
10—50	83,3	4,5	12,3
Св. 40	65,4	3,6	30,8

Россія (1887 г.).

% угодій.

	Пашни.	Сѣнокосовъ.	Лѣса	Усадьбы	Изъ 100 д. пашни подъ посѣв.
Крестьяне . .	60,5	23,2	11,9	4,4	60,9
Владѣльцы . .	37,0	18,0	41,1	3.9	53,0

Б) Скотоводство.

Германія (1895 г.).

На 100 гектаровъ пашни.

	Рогатаго скота.	Овецъ	Свиней
До 2-хъ гект. . . .	78,3	31,4	191,7
2—5	85,3	14,9	71,2
5—20	64,1	19,2	48,3
20—100	47,1	35,4	26,9
Св. 100	25,0	78,7	11,3

Англія (1895 г.).

На 100 акровъ пашни.

	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
До 5 акр.	98,7	239,9	105,9
5—20	84,0	191,2	48,7
20—50	71,0	227,4	27,9
50—100	60,5	194.6	19,8
100—300	48,9	173,8	14,8
300—500	38,1	218,9	11,4
500—1000	28,3	270.6	9,7
Св 1000	20,3	273,4	6,4

Россія (1900 г.).

На 100 десятинъ пашни.

	Лошадей	Кр. рог. скота	Овецъ.	Свиней.
Крестьяне . . .	22,0	33,2	50,1	12,2
Владѣльцы . . .	7,6	15,1	22,3	4,7

Мелкое хозяйство представляло и представляетъ **резервуаръ человѣческаго труда для сельскаго хозяйства всей страны.**

Пока, при крѣпостномъ правѣ, крупные владѣльцы пользовались запасами этого резервуара **даромъ**, они могли вести широкое хозяйство. Но миновало крѣпостное право; излишекъ труда, который тратился на господскую пашню, вернулся въ крестьянское хозяйство. Ставши болѣе самостоятельнымъ, крестьянинъ сталъ затрачивать свой трудъ на свою, а не на господскую землю.

Помѣщики въ Германіи и Россіи сохранили прежнюю территорію при ликвидаціи крѣпостного права, и даже увеличили ее, но уже **безъ прежнихъ запасовъ дарового труда.** Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что, чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ интенсивнѣе въ немъ и земледѣліе и скотоводство. „Во всемъ мірѣ, говоритъ Маронъ, высота земледѣльческой культуры прямо пропорціональна дѣленію земли на мелкіе участки.

Это—фактъ, реальность и значительность котораго во всемъ объемѣ встаетъ передъ глазами, когда изъ сѣвера Германіи проѣзжаешь черезъ Англію въ Японію“ (Давидъ стр. 328).

И чѣмъ крупнѣе имѣнія, тѣмъ большая площадь земли остается подъ лѣсомъ или сдается въ аренлу.

Въ 7 восточныхъ провинціяхъ Пруссіи.

Имѣнія.

	1—2 тыс. гект.	2—3 тыс	3—4 тыс.	4—5 тыс	5—10 тыс.	Свыше 10 тыс.
% полев. и луг. зем. . .	62,5	58,8	53,3	52,0	49,8	31,6
% лѣсовъ . .	27,9	34,2	38,2	38,5	41,1	61,6

% имѣній сдаваемыхъ въ аренду.

Изъ имѣній въ	100—200 гек.	200—300 гек	300—400 гек.	400—500 гек.	500—1 т.	1—2 т.	2—3 т.	3—4 т.	4—5 т.	5—01 т.	Свыше 10 т.
	8,6	9.5	12,1	11 5	14,9	22,1	28,8	33,4	48,3	49,7	57,4

Наконецъ, послѣднее доказательство большей интенсивности мелкаго хозяйства—его высшая урожайность.

Пруссія. (Въ тоннахъ на гектаръ).

Въ округахъ со средней велич. земледѣльч. хоз.	Урожайность ржи.	Овса.
Въ 4,35 гект.	1,27	1,34
4,35— 8,70	1.05	1,15
8,70—13,05	0,96	1,05
Выше 13,05	0,83	0,80

Баварія (тоже).

Въ округахъ.	Урож. ржи	Овса	Картоф.
До 4.2 гект.	1,57	1,55	10,56
4,2— 8,4	1.20	1,28	10,91
8,4—12,6	1,28	1,21	9,36
Свыше 12,6	1,36	1,15	8,67

Баденъ.

(Въ 1000 кил. на гект.).

Въ округахъ.	Рожь.	Полба.	Овесъ.	Картоф.
Съ 2,2 гект.	13,52	14,68	14,01	82,85
3,5	12,02	13,89	12,63	85,83
4,1	10,66	11,18	11,13	62,22
6,1	9,16	9,37	9,23	62,96

Урожайность округовъ съ самыми мелкими хозяйствами, въ большинствѣ случаевъ, превосходитъ урожайность округовъ съ самыми крупными хозяйствами въ полтора раза.

Итакъ, вслѣдствіе того, что мелкое (и среднее) хозяйство въ Европѣ оказывается во всѣхъ отношеніяхъ интенсивнѣе крупнаго: на его площади преобладаютъ пашни, сады, виноградники, огороды, урожайность хлѣбовъ на его территоріи выше, оно и **трудо и капитало-интенсивнѣе** крупнаго по отношенію къ площади (больше скота, орудій и работниковъ),—въ интенсивномъ фазисѣ развитія производительности земли, экономическая борьба благопріятнѣе всего мелкому и среднему хозяйству.

Экономическая борьба хозяйствъ различныхъ размѣровъ—есть явленіе **неизбѣжное** въ земледѣліи. Въ индустріи, благодаря рѣзкой технической обособленности различныхъ видовъ производства, прямая борьба между мелкимъ и крупнымъ производствомъ въ настоящее время развита сравнительно мало. Крупный фабрикантъ, производящій ситцы—не конкуррентъ сапожнику. Въ настоящее время мелкое производство спеціализировалось на такихъ видахъ промышленности, которые мало доступны механизаціи, и сохраняетъ свое status quo.

Крупное производство монополизируетъ тѣ виды промышленности, которые допускаютъ машинный трудъ и безраздѣльно царитъ въ нихъ. Вообще, благодаря техническому и общественному раздѣленію труда, дифференціаціи и спеціализаціи, прямыя непосредственныя столкновенія между мелкими и крупными предпріятіями въ индустріи сравнительно рѣдки и происходятъ лишь тогда, когда данный видъ промышленности (положимъ, сапожное дѣло) становится доступнымъ механизаціи, когда появляются на сценѣ вновь изобрѣтенныя машины, а за машинами идетъ „господинъ капиталъ“. Но та революція, которую произвели машины, впервые появившись въ индустріи (въ первой половинѣ XIX в) сразу въ большомъ количествѣ, осталась позади. Сейчасъ, судя по повторнымъ германскимъ переписямъ, мы наблюдаемъ картину сравнительно устойчиваго положенія мелкаго производства.

Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Послѣ разрыва тѣхъ оковъ политическаго гнета, которыя по рукамъ и ногамъ связывали мелкое трудовое хозяйство, во второй половинѣ XIX в. была неизбѣжна его экономическая борьба съ крупнымъ товарнымъ хозяйствомъ, неизбѣжна по двумъ причинамъ:

а) вслѣдствіе уплотненія земледѣльческаго населенія, иначе говоря, возрастающей ограниченности пространства, б) вслѣдствіе того, что и на нищенскомъ надѣлѣ крестьянина, и въ латифундіи какого нибудь графа можетъ производиться зерно и мясо, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ ни технической, ни общественной дифференціаціи труда. Когда въ Европѣ возросло городское населеніе, поставщиками на рынокъ явились хозяйства всѣхъ размѣровъ и между ними не могла не возникнуть конкурренція, въ которой побѣждало лучше поставленное хозяйство.

Разберемъ подробнѣе обѣ причины.

а) Цѣль мелкаго хозяйства—личное потребленіе. Если на данной территоріи сначала было, положимъ, 1000 хозяйствъ, изъ нихъ 500 мелкихъ и 500 крупныхъ, а потомъ, путемъ собственнаго прироста, образовалось еще 1000 семействъ, то вновь образовавшіеся, для возможности своего существованія, должны отвоевать часть территоріи или у мелкихъ, или у крупныхъ. Но такъ какъ мелкія, продовольственныя хозяйства не могутъ уступить своей территоріи, которая даетъ имъ возможность удовлетворять лишь нормальныя потребности существованія, то энергія вновь народившихся хозяйствъ, естественно, направляется въ сторону крупныхъ. Отсюда

вытекаетъ прямая связь между плотностью земледѣльческаго населенія въ данной странѣ и средними размѣрами хозяйствъ.

	Удобной земли на 1 чел. земледѣльч насел.	Средній размѣръ землед. хозяйствъ въ гектар
Соединен. Штаты . . .	4,40	58,6
Великобританія . . .	2,82	25,5
Данія	2,70	15,6
Россія	2,59	17,0
Франція	1,81	8,7
Германія	1,95	7,8
Бельгія.	1,31	6,0

Съ уплотненіемъ земледѣльческаго населенія сокращаются средніе размѣры хозяйства*).

Вліяніе возростающей плотности земледѣльческаго населенія на раздробленіе хозяйствъ мы видимъ въ странахъ экстенсивнаго земледѣлія—въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Россіи за 1865—1900 г.г. земледѣльческое населеніе увеличилось съ 50 мил. до 86 мил. или на три четверти за 35 лѣтъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1850 году, сельское населеніе составляло 20,3 мил, а въ 1890 году 44,3 мил.— болѣе, чѣмъ удвоеніе за 40 лѣтъ. Относительно перераспредѣленія земли въ Россіи во вторую половину XIX в. мы будемъ подробно говорить во второй части.

Въ нѣкоторыхъ раіонахъ Соединенныхъ Штатовъ въ послѣднемъ полустолѣтіи сельское хозяйство еще только начиналось; съ востока на западъ двигался широкій потокъ эмиграціи и сообразно ему развивалась производительность земли **вширь** При неограниченности пространства, при болѣе медленномъ заселеніи, внутренняя органическая дифференціація распредѣленія, основанная на захватномъ правѣ, могла бы повести къ концентраціи земли въ рукахъ крупныхъ хозяевъ, но, внѣшней политической дифференціаціи не могло произойти, потому что въ XIX в. уже не было возможно ни военное завоеваніе всей территоріи страны съ той перетасовкой землевладѣнія, которую оно производило въ средніе вѣка въ Европѣ, ни раздача земель сверху крупнымъ владѣльцамъ, ни крѣпостное право. Политическіе факторы въ демократическомъ государствѣ дѣйствовали скорѣе въ дру-

*) Легкія уклоненія отъ общей правильности зависятъ отъ политическихъ факторовъ (количества дворянскихъ имѣній).

гую сторону. Благодаря закону о „гомстедахъ“ только до 1882—3 г. 62 мил. акровъ было закрѣплено преимущественно за средними хозяйствами. Однако желѣзнодорожныя компаніи, получившія болѣе 200 мил. акровъ и продававшія землю за безцѣнокъ, могли парализовать дѣйствіе этихъ законовъ, если бы быстро возрастающая **плотность населенія** не обрѣзала тенденціи къ концентраціи землевладѣнія, естественной при неограниченности пространства. Захватъ свободныхъ земель капиталистами почти задаромъ, могъ бы повторить исторію Западной Европы, гдѣ былъ захватъ земель физической силой: но факты говорятъ намъ, что современный захватъ далеко не такъ страшенъ, какъ сошедшій съ исторической сцены: за 1850—1890 г.г. средній размѣръ фермъ понизился отъ 203 акровъ до 137 акровъ. За 80—90г.г. захватъ и концентрація земель въ гигантскихъ фермахъ происходили лишь на далекомъ Западѣ, гдѣ типъ земледѣлія близко подходитъ къ переложной системѣ Въ полосѣ далекаго запада изъ 47,3 мил. акровъ занятой земли было обработано только 23 мил., а 24,3 мил лежали впустѣ, какъ на нашемъ юго-востокѣ. Урожай пшеницы въ этой полосѣ за 10 лѣтъ понизился съ 16,5 бушелей на акръ до 15,4 бушелей, а въ восточной, куда направлялся главный ввозъ искуственныхъ удобреній—повысился съ 14 до 16,7 бушелей*). На востокѣ необработанная земля составляла въ 1890 г. 32,5% всей, что, приблизительно, соотвѣтствуетъ нашей трехпольной системѣ; за 10 лѣтъ здѣсь число крупныхъ фермъ сократилось на одну четверть.

Въ общихъ чертахъ западъ и востокъ Соединенныхъ Штатовъ, съ громадной быстротой переживаетъ эволюцію производства и распредѣленія въ двухъ періодахъ экстенсивнаго фазиса, характеризуемую слѣдующими цыфрами.

Востокъ.		Средн. размѣр одной фермы.	Центръ и западъ.		Сред. разм. фермъ.
	Площадь подъ фермами, въ мил. акр.			Площадь подъ фермами.	
Сѣверо-атлан. шт.	1880 г.— 68,0	98	Сѣв. центр.	1880 г.—207,0	122
	1890 г.— 62,7	95		1890 г.—256,6	133
Южн. атлантич.	1880 г—101,4	157	Южн. центр.	1880 г.—133,5	151
	1890 г.—100,2	134		1890 г.—156,4	144
			Далек.запад.	1880 г.— 26,2	313
				1890 г.— 47,8	324

*) См. Герцъ „Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ“ и Булгаковъ.

Въ восточныхъ раіонахъ территорія подъ фермами или стоитъ на одномъ уровнѣ или даже слегка сокращается: это доказываетъ, что здѣсь ограниченность пространства уже даетъ себя чувствовать. Сообразно съ этимъ, происходитъ **пониженіе** среднихъ размѣровъ фермъ, ихъ раздробленіе, обозначающее, какъ мы сейчасъ увидимъ, **подвижку внизъ**; а на западѣ и отчасти въ центрѣ пространство еще **неограничено**, площадь подъ фермами растетъ и средніе размѣры фермъ повышаются. Сопоставимъ со средними размѣрами фермъ ихъ распредѣленіе по группамъ хозяйствъ.

	% фермъ (1890 г.).			
	Мелкія до 100 акр.	Среднія 100—500.	Крупныя св. 500	Средній размѣръ фермъ.
Далекій западъ . .	29,4	60,1	10,5	324
Централь. югъ. . .	59,0	37,4	3,6	144
Южн. атлантич. . .	59,2	36,8	4,0	134
Цент. сѣверъ . . .	47,5	51,1	1,4	133
Сѣвер. атлантич. . .	60,8	38,6	0,6	95

Чѣмъ ограниченнѣе территорія, тѣмъ меньше средній размѣръ фермъ, тѣмъ болѣе въ данномъ раіонѣ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ и наоборотъ.

Ту—же самую закономѣрность мы видѣли въ первой главѣ § 3 (относительно Россіи), гдѣ мы установили, что, чѣмъ больше въ данной группѣ уѣздовъ средній размѣръ надѣльной и посѣвной площади, приходящейся на одинъ крестьянскій дворъ, тѣмъ больше въ этой группѣ многоземельныхъ и многопосѣвныхъ дворовъ.

Такимъ образомъ, въ экстенсивныхъ странахъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Россіи происходитъ, вслѣдствіе уплотненія **земледѣльческаго** населенія, естественная **подвижка внизъ** распредѣленія земли т. е. вытѣсненіе крупныхъ хозяйствъ мелкими и средними въ тѣхъ случаяхъ, **когда пространство земли ограничено**. При безграничности пространства, при обиліи свободныхъ земель происходитъ **подвижка вверхъ**, укрупнѣніе хозяйствъ и концентрація земли въ рукахъ верхнихъ слоевъ.

Но такъ какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ къ настоящему времени, большинство свободныхъ земель уже занято, то къ 1900 г. усилилась **подвижка внизъ** и число мелкихъ хозяйствъ увеличилось относительно на 8%. Въ XX в. Соединенные Штаты вступаютъ въ фазисъ ограниченнаго пространства, который долженъ привести къ интенсификаціи земледѣлія и дальнѣйшему измельчанію хозяйствъ.

б) Въ Западной Европѣ побѣдѣ мелкихъ хозяйствъ

надъ крупными способствуетъ иная причина, чѣмъ возрастаніе земледѣльческаго населенія. Здѣсь во вторую половину XIX в. общій приростъ населенія нѣсколько сократился.

Въ трехъ главныхъ странахъ геометрическій годичный приростъ равнялся (на 1000)

	1801—60 г.г.	1860—83—4 г г.
Великобританія	9,83	9,33
Франція	4,92	2,52
Германія (1816—61)г.г.	9,58	8,92

Другія страны: Бельгія, Данія, Швейцарія дали легкое прибавленіе прироста. Но земледѣльческое населеніе главныхъ странъ **сократилось даже абсолютно.**

Въ Великобритании . (1851—81 г.г.—Съ 1760 тыс до 1341 тыс. (взрослые работники)

„ Германіи (все населеніе) (1882—95 г г.)—Съ 19225 тыс. до 18501 тыс.

„ Франціи (тоже) (1882—92 г.г.)—Съ 18249 тыс до 17436 тыс.

Весь естественный приростъ земледѣльческаго населенія и даже часть прежнихъ земледѣльцевъ переселились въ города или переплыли за океанъ.

Въ Германіи за 1871—95 г.г. приростъ населенія составилъ.

Въ деревняхъ	— 0,4%
Въ городахъ съ 2—5 тыс. жителей	+ 40%
5—20 тыс.	+ 54%
20—100 тыс.	+ 71%
свыше 100 тыс.	+ 258%

Тоже самое и во Франціи и въ Англіи. Но, вѣдь, въ городахъ хлѣбъ не растетъ. Перемѣщеніе населенія изъ деревень въ города больше всего и понудило оставшееся земледѣльческое населеніе **интенсифицировать производство.**

Городское населеніе потребляетъ пищи болѣе сельскаго (особенно мяса). Такъ, во Франціи сельское населеніе потребляетъ на душу 26,3 килограммовъ мяса въ годъ, городское—58,1 килограм.—въ $2^1/_4$ раза больше. Мясо и скотъ сравнительно, съ трудомъ выдерживаютъ перевозку на большія разстоянія, и, хотя они доставляются изъ заокеанскихъ странъ, но мѣстное производство имѣетъ здѣсь нѣкоторый перевѣсъ. А кто производитъ коровъ и свиней? Мы видали, что, главнымъ образомъ, мелкія и среднія хозяйства. Эти же хозяйства отводятъ наибольшія доли своей земли подъ пашню, сады, огороды и виноградники. Крупное хозяйство не то, что не хочетъ интенсифицировать производство—оно

физически не можетъ этого сдѣлать изъ за недостатка рабочихъ рукъ и вслѣдствіе величины своей территоріи.

Интенсивное крупное хозяйство всегда разбито на хутора. Отрицательная роль величины территоріи для крупнаго хозяйства, вполнѣ ясная изъ предыдущаго, усвоена даже Каутскимъ, который понялъ, что „капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ“ имѣетъ свои предѣлы.

„Въ индустріи всякое расширеніе предпріятія равносильно большей концентраціи производительныхъ силъ со всѣми, свойственными ей выгодами—сбереженіемъ во времени, издержкахъ, матеріалахъ, облегченіемъ надзора и т. д. Напротивъ, въ сельскомъ хозяйствѣ всякое расширеніе предпріятія, при прочихъ равныхъ условіяхъ, именно, при одинаковой обработкѣ земли, равносильно также и **пространственному расширенію** предпріятія, слѣдовательно—увеличенію потери матеріала, напрасной растраты силъ, средствъ, времени, вызываемой передвиженіемъ рабочей силы и матеріала. Эти условія въ сельскомъ хозяйствѣ имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что здѣсь рѣчь идетъ о передвиженіяхъ матеріаловъ очень малоцѣнныхъ, по сравненію съ ихъ вѣсомъ, или объемомъ: навоза, сѣна, соломы, зерна, картофеля, а способы передвиженія очень примитивны, по сравненію съ таковыми же въ индустріи. Чѣмъ больше имѣнье, тѣмъ труднѣе также и надзоръ за отдѣльными работами, что, при системѣ наемнаго труда, имѣетъ большое значеніе „(Агр. вопр. стр 196)“.

Такимъ образомъ, крупное хозяйство не можетъ быть такимъ интенсивнымъ, какъ мелкое, не только потому, что ему не хватаетъ рабочихъ рукъ, но и потому, что ему въ этомъ мѣшаетъ тотъ же невѣсомый факторъ сельскаго хозяйства—**пространство**. Сущность интенсификаціи заключается въ томъ, что человѣкъ добываетъ съ одной и той же площади все больше продуктовъ. Сверхъ того, эти продукты становятся все болѣе громоздкими.

При перелогѣ и трехпольи на почвѣ средняго плодородія съ посѣвной десятины собирается 30—50 пудовъ зерна и 100—150 пуд. соломы—всего 130—200 пудовъ.

При плодосмѣнѣ, напр. въ Германіи, подъ зерновые хлѣба отводится, круглымъ счетомъ, половина пашни, урожаи удваиваются и съ полдесятины получаются тѣ же 200 пудовъ зерна и соломы. Подъ корнеплодами и стручковыми—$^1/_4$ десятины—тоже 200 пудовъ Послѣдняя $^1/_4$ дес.—подъ кормовыми травами и выгономъ даетъ 50—75 пудовъ. Слѣдовательно, при плодосмѣнѣ, вѣсъ продуктовъ съ одной десятины доходитъ до 450—475 пуд. Прибавимъ сюда еще

тяжесть удобрительныхъ средствъ и получимъ, что расходы на **транспортъ** при интенсификаціи увеличиваются въ 3—4 раза.

Чѣмъ больше хозяйство, тѣмъ эти расходы выше и на извѣстныхъ границахъ территоріи они начинаютъ превышать доходъ. Вотъ почему, при интенсификаціи, территорія прежняго хозяйства обязательно подвергается сжиманію и дробленію.

Такимъ образомъ, интенсификація недоступна крупному хозяйству въ той мѣрѣ, какъ мелкому и среднему по двумъ главнымъ основаніямъ. по отсутствію достаточнаго запаса живого труда (наемный трудъ дорогъ, а даровыхъ работниковъ нѣтъ) и благодаря величинѣ территоріи.

Между тѣмъ, интенсификація производства неизбѣжна, такъ какъ возростающее городское населеніе требуетъ съ одной и той же площади все большаго количества продуктовъ Если 30 лѣтъ тому назадъ въ Германіи 18 милліоновъ земледѣльческаго населенія могли прокормить и себя и. положимъ 20 милліоновъ горожанъ, то теперь тѣ же 18 мил. должны кормить уже 40 мил. горожанъ кромѣ себя, т. к заокеанскія страны, по дальности разстоянія, или трудности перевозки нѣкоторыхъ продуктовъ не могутъ, по доступнымъ цѣнамъ, доставить городамъ большинство нужнаго имъ продовольствія. И вотъ мало приспособленныя къ интенсификаціи крупныя хозяйства, уступаютъ мѣсто болѣе приспособленнымъ мелкимъ и среднимъ Это происходитъ больше путемъ **аренды**, чѣмъ непосредственной купли-продажи земли. Въ началѣ этой главы были приведены цыфры, показывающія, какъ быстро ростетъ аренда земель въ Европѣ.

Въ Германіи—странѣ, гдѣ аренда сравнительно слабо развита, только за 13 лѣтъ (1882—95 г.г.) площадь, арендуемая мелкими хозяйствами (до 20 гектаровъ) увеличилась на 292,2 тыс. гектаровъ, средними (20—100) на 79,6 тыс. а у крупныхъ **уменьшилась** на 184,9 тыс. гект. Мелкія и среднія хозяйства отбили у крупныхъ весьма значительную площадь аренды и сверхъ этого увеличили аренду у собственниковъ на 197 тыс. гектаровъ.

Перераспредѣленіе земли путемъ покупки можно видѣть изъ такихъ данныхъ.

Изъ каждыхъ 100 владѣній продавалось съ аукціона (принудительная продажа за долги).

Владѣнія:

	до 2-хъ гект.	2—10 гек.	10—50 гек.	св 50
Пруссія (1886—94 г.г.) .	0,21%	0,91%	1,24%	3,83%
	до 5 гект.	5—20 гек	20—50 гек.	св. 50
Баварія (1886—95 г.г.) .	1,67%	1,68%	1,84%	3,37%
	1—5 гект	5—20 гек.	св. 20	
Саксонія (1885—92 г.г.).	0,96%	1,07%	2,15%	

По этимъ принудительнымъ продажамъ можно отчасти судить объ общемъ направленіи мобилизаціи земли.

Путемъ ли купли-продажи, или аренды—сдачи или наслѣдственныхъ раздѣловъ, но крупныя хозяйства, оказавшіяся неприспособленными къ интенсивному фазису, исчезаютъ со сцены, и только въ Пруссіи и Саксоніи за 37—42 г г. ихъ площадь уменьшилась, приблительно на одну треть. И эта ликвидація крупнаго хозяйства не есть результатъ какихъ нибудь „кризисовъ“ и „остановокъ“ развитія производительныхъ силъ, а результатъ неизбѣжнаго роста населенія (городского и сельскаго или только сельскаго) и его потребностей при ограниченномъ пространствѣ. Вытѣсненіе крупныхъ хозяйствъ на всемъ протяженіи Европы и болѣе населенныхъ раіоновъ Соединенныхъ Штатовъ—явленіе закономѣрное, настолько, насколько закономѣренъ весь ходъ аграрной эволюціи. И до тѣхъ поръ, пока населеніе будетъ возростать, до тѣхъ поръ, пока развитіе производительности земли будетъ неизбѣжно—до тѣхъ поръ шансы въ экономической борьбѣ останутся на сторонѣ мелкаго трудового или средняго хозяйства.

Глава VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 1. Общіе выводы.

Мы закончили анализъ эволюціи производства и распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Конкретное, подробное изложеніе развитія производительности земли и земельныхъ отношеній спеціально въ Россіи будетъ дано въ послѣдующихъ частяхъ. Въ первой части мы постарались изложить общій ходъ аграрной эволюціи и факты, отмѣченные нами, далеко не полные, были приведены лишь для болѣе точнаго отграниченія типовъ и фазисовъ эволюціи. Теперь сведемъ воедино результаты нашего анализа.

А) Эволюція сельско-хозяйственнаго производства.

Цѣль с.-хоз. производства—удовлетвореніе продовольственныхъ и нѣкоторыхъ другихъ потребностей всего населенія данной страны, или группы странъ, связанныхъ между собой міровымъ товарообмѣномъ.

Продукты с.-хоз. производства, служащіе для удовлетворенія этихъ потребностей, получаются въ результатѣ или дѣятельности одной природы, или совмѣстной дѣятельности природы съ дѣятельностью человѣка.

Дѣятельность природы заключается въ выработкѣ изъ элементовъ земли и атмосферы, т. сказать, изъ сырыхъ матеріаловъ, живыхъ организмовъ растеній и животныхъ. Дѣятельность человѣка состоитъ въ приспособленіи творческой работы природы для основной цѣли с.-хоз. производства—добыванія продуктовъ, необходимыхъ для человѣчества.

Съ возрастаніемъ населенія, а слѣдовательно, съ возрастаніемъ потребностей въ продуктахъ сельскаго хозяйства,

усиливается дѣятельность человѣка въ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Человѣкъ можетъ воздѣйствовать на творческую работу природы только въ границахъ производительности земли—атмосфера ему недоступна: поэтому—**эволюція сельско-хозяйственнаго производства состоитъ въ развитіи производительности земли.** Производительность земли должна всегда стоять на такомъ уровнѣ, чтобы сумма продуктовъ, получаемыхъ отъ сельскаго хозяйства, находилась въ равновѣсіи съ суммой потребностей населенія въ этихъ продуктахъ.

Въ связи съ ростомъ населенія, эволюція сельско-хозяйственнаго производства переживаетъ три фазиса.

Въ первомъ **до-земледѣльческомъ фазисѣ** населеніе настолько рѣдко, что человѣкъ не нуждается въ развитіи производительности земли посредствомъ ея обработки, а довольствуется тѣми продуктами природы, которыя она даетъ **безъ** участія человѣческаго труда. Это фазисъ звѣроловнаго и пастушескаго быта.

При дальнѣйшемъ увеличеніи населенія является необходимость къ переходу на земледѣліе, т. е. къ развитію производительности земли въ прямомъ смыслѣ этого слова. Развитіе производительности земли, сообразно съ плотностью населенія, достигается двумя способами, двумя системами земледѣлія: расширеніемъ эксплуатаціи даровыхъ запасовъ природы вообще и почвы въ частности и планомѣрнымъ постояннымъ развитіемъ естественнаго плодородія почвы. Такъ какъ запасы природныхъ благъ ограничены, то первая система возможна лишь до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми, при дальнѣйшемъ возрастаніи населенія, она неизбѣжно должна смѣниться второй.

Эпоху преобладанія первой системы мы называемъ **экстенсивнымъ фазисомъ** эволюціи сельско-хозяйственнаго производства, эпоху преобладанія второй—**интенсивнымъ** фазисомъ.

Въ экстенсивномъ фазисѣ развитіе производительности земли достигается посредствомъ расширенія **площади** обрабатываемой территоріи до возможныхъ предѣловъ. Этотъ фазисъ дѣлится на два періода: въ первомъ періодѣ пространство свободной и удобной для обработки земли, **неограничено**, и господствуютъ **переложныя** системы полеводства, при которой засѣвается, maximum, третья часть пахатныхъ угодій, а двѣ трети остаются отдыхать въ видѣ залежи (подсѣковъ); эта отдыхающая отъ посѣвовъ земля служитъ естественнымъ регуляторомъ плодородія почвы.

Во второмъ періодѣ удобныя земли уже отведены подъ

пашню, пространство для расширенія пашни ограничено и площадь посѣвовъ расширяется за счетъ залежи, которая, превращаясь изъ многолѣтней въ однолѣтній паръ, сжимается до $^1/_3$ площади пашни. При такомъ незначительномъ естественномъ регуляторѣ плодородія, трехпольную систему безъ удобренія могутъ долго выдержать лишь черноземныя почвы лучшаго качества; почвы глинистыя и песчаныя изъ подъ выкорчеванаго лѣса, покрывавшаго въ началѣ среднихъ вѣковъ значительную площадь на востокѣ и въ центрѣ Европы, подвергаются быстрому истощенію и поэтому уже въ средніе вѣка начинается удобреніе золой и навозомъ. Но, степень удобренія при трехпольи не идетъ далѣе поддерживанія плодородія почвы на одномъ уровнѣ.

На этой ступени—ступени консервативнаго возстановленія плодородія почвы и **трехпольной** системы полеводства, сельское хозяйство Европы застываетъ на многія сотни лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока быстрый приростъ населенія въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. не нарушаетъ равновѣсія между суммой продуктовъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ и суммой потребностей населенія. Нарушенное равновѣсіе возстанавливается переходомъ европейскаго земледѣлія въ интенсивный фазисъ развитія производительности земли **вглубь** и колонизаціей заокеанскихъ рѣдко населенныхъ странъ. Соединенные Штаты, благодаря быстрому заселенію, проходятъ въ сотню лѣтъ экстенсивный фазисъ развитія производительности земли **вширь**, который Европа проходила въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій.

Въ интенсивномъ фазисѣ плодородіе почвы не только возстанавливается, но и развивается, что въ теченіи столѣтія его существованія въ Европ ъ урожайности, приблизительно, въ 2—$2^1/_2$ раза. Паръ совершенно исчезаетъ и человѣкъ беретъ на себя заботу о плодородіи почвы, развивая его посредствомъ усиленія удобренія и услажненія сѣвооборота. Рядомъ съ обычными зерновыми культурами на поляхъ появляются корнеплоды, масличныя, кормовыя травы и т. д. и вмѣсто однообразныхъ „пшеничныхъ полей на 30 километровъ“ возможныхъ только при перелогѣ и отчасти при трехпольи, каждое поле представляетъ изъ себя шахматную доску, покрытую пестрыми разноцвѣтными культурами. Исчезаютъ рѣзкіе подъемы и паденія урожаевъ; человѣкъ перестаетъ зависѣть отъ капризовъ климата и вмѣстѣ съ этимъ избавляется отъ страха голодовокъ. Въ минувшемъ году, когда Германію постигла небывалая засуха, когда обнажились „голодные камни“ на Рейнѣ, не открывавшіеся въ теченіи 60 лѣтъ со времени по-

слѣдней голодовки 40-хъ годовъ—урожаи понизились противъ нормальныхъ всего на 10%.

Взявши на себя въ интенсивномъ фазисѣ развитіе плодородія почвы, человѣкъ пересталъ эксплуатировать безплатно запасы природныхъ благъ, и тѣмъ самымъ не только оградилъ себя отъ ихъ истощенія и отъ случайныхъ колебаній атмосферныхъ вліяній, надъ которыми онъ не властенъ, но и проложилъ себѣ широкую дорогу въ таинственную лабораторію природы, въ которой она вырабатываетъ живые организмы.

Отнынѣ „законъ убывающаго плодородія“ ему не страшенъ: человѣкъ становится дѣйствительно „царемъ природы“ и въ его рукахъ находится рычагъ равновѣсія между дѣятельностью природы и потребностями человѣка.

Но природа не даромъ служитъ человѣку: она требуетъ взамѣнъ отъ человѣка не упрощенія, не механизаціи, а усложненія и, „оживленія“ его труда. Всѣ процессы труда въ сельскомъ хозяйствѣ раздѣляются на три стадіи: стадію подготовки почвы (физико-химическую), стадію ухода за животными и растеніями (органическую) и стадію обработки мертвыхъ продуктовъ (механическую). Третью стадію, какъ оторванную отъ земли, мы исключаемъ изъ сферы чистаго сельскаго хозяйства. Элементами производства, кромѣ данныхъ природой почвы и атмосферы служатъ: а) орудія труда, б) пріемы живого труда человѣка и в) сырые матеріалы (сѣмена, удобреніе).

Орудія труда (живой и мертвый инвентарь) могутъ одинаково примѣняться въ любомъ фазисѣ эволюціи. Степень совершенства мертваго инвентаря (механическихъ орудій) зависитъ не отъ уровня развитія производительности земли, а отъ уровня культурности населенія. Механизація производства скорѣе обратно пропорціональна его интенсификаціи. Наоборотъ **пріемы** живаго труда человѣка, преобладающіе во второй стадіи, развиваются и усложняются вмѣстѣ съ развитіемъ производительности земли и вторая органическая стадія производства занимаетъ замѣтное мѣсто лишь при интенсивномъ фазисѣ. Тоже надо сказать и относительно сырыхъ матеріаловъ.

Орудія труда составляютъ **постоянный** капиталъ производства; пріемы труда и сырье—**перемѣнный**. Поэтому, въ противоположность индустріи, эволюція сельско-хозяйственнаго производства связана съ **относительнымъ развитіемъ перемѣннаго капитала и относительнымъ сокращеніемъ постояннаго**, каковая эволюція и создаетъ не раздѣленіе, а **усложненіе** человѣческаго труда въ сельскомъ хозяй-

ствѣ. Усложняется подготовка почвы, удобреніе, уходъ за растеніями и животными, усложняются самыя системы земледѣлія и скотоводства, сѣвообороты, и все это усложненіе происходитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, въ одномъ и то же хозяйствѣ; всѣ усложнившіеся процессы труда производятся однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Этотъ специфическій характеръ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства отражается въ XIX в. на **эволюціи распредѣленія** средствъ производства, главное изъ которыхъ—**земля**.

Б) Эволюція распредѣленія средствъ производства.

Эволюція распредѣленія въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ индустріи, т. к. въ этой послѣдней она зависитъ, главнымъ образомъ, отъ техническихъ и экономическихъ факторовъ производства, между тѣмъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ кромѣ нихъ на распредѣленіи отражаются факторы совсѣмъ иного порядка—политическіе и психологическіе.

Политическіе факторы дѣлятся на прямые и косвенные. Прямые—военное завоеваніе и раздача земель господствующимъ классамъ; косвенные—власть надъ трудовымъ крестьянскимъ населеніемъ, приведшая къ экспропріаціи значительной доли продуктовъ и труда въ пользу господствующихъ классовъ (феодализмъ, крѣпостное право).

Эволюцію распредѣленія можно раздѣлить на эволюцію **внутреннюю, органическую и внѣшнюю, надъ органическую,** не находящуюся въ прямой связи съ эволюціей производства и хозяйственныхъ отношеній вообще. Подъ внутренней эволюціей мы разумѣемъ измѣненія въ распредѣленіи средствъ производства, происходящія отчасти въ зависимости отъ семейныхъ отношеній и психологическихъ причинъ, отчасти отъ хозяйственныхъ факторовъ, но непремѣнно **внутри** даннаго общества, класса, племени, рода. Внѣшней эволюціей мы называемъ тѣ измѣненія, которыя производитъ въ распредѣленіи посторонняя данной коллективности сила, вторгающаяся въ нее **извнѣ** и совершенно независимая отъ экономическихъ факторовъ—сила насилія—faustrecht, возникающая благодаря политическимъ факторомъ. Тѣ измѣненія, которыя она производитъ въ распредѣленіи, могутъ иногда сливаться съ результатами органической эволюціи, иногда расходиться съ ними, но сила эта всегда является самодовлѣющей...

Въ первомъ до-земледѣльческомъ фазисѣ сельскаго хозяйства внѣшніе политическіе факторы, какъ постоянная сила, отсутствуютъ. Но внутренняя органическая эволюція распредѣленія въ этомъ фазисѣ такова, что она приводитъ къ наибольшей имущественной дифференціаціи Происходитъ это явленіе оттого, что, при максимальной неограниченности пространства, здѣсь сильнѣе всего развивается захватное право (семейное или трудовое) *).

Наблюденія надъ кочевымъ киргизскимъ бытомъ показываютъ, что, чѣмъ ниже плотность населенія, чѣмъ меньше даетъ себя знать ограниченность пространства, тѣмъ больше развивается дифференціація.

Со того времени, какъ человѣчество сформировалось въ коллективности, благодаря этой неограниченности пространства и тѣмъ незначительнымъ затратамъ труда, которыя людямъ надо было производить для пріобрѣтенія **движимаго** имущества (въ данномъ случаѣ, скота) внутри этихъ коллективностей неизбѣжно обнаружилась максимальная дифференціація.

Когда сгущеніе населенія заставило людей перейти на земледѣліе, то самый фактъ осѣданія обозначалъ уже нѣкоторое ограниченіе пространства, а съ нимъ и захватнаго права

Въ первомъ періодѣ экстенсивнаго фазиса—при переложной системѣ, когда расширеніе пашни совершается на счетъ нетронутой дѣвственной территоріи возникаетъ новый видъ имущественной дифференціи—дифференціація **недвижимой собственности—земли.** Но эта новая внутренняя дифференціація уже слабѣе той, которая возникаетъ при кочевомъ бытѣ. Вслѣдствіе трудности обработки земли, принципъ, господствующій въ эту эпоху внутри общины—всякій захватываетъ земли, сколько сможетъ обработать, производитъ меньшее разслоеніе, чѣмъ принципъ, господствующій въ кочевомъ быту—всякій пріобрѣтаетъ столько движимаго имущества—скота, сколько сможетъ добыть при помощи даровыхъ силъ природы.

Надо еще принять въ разсчетъ, что средняя и восточная Европа въ эпоху осѣданія на землю была покрыта лѣсами; и первоначальные земледѣльцы или ютились на лѣсныхъ полянахъ, или имъ приходилось врубаться въ первобытные лѣса, что, конечно, было сопряжено съ большими

*) До этой мысли, какъ ни странно додумался г. Масловъ, который говоритъ, что „при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться и завести большое хозяйство“.

затратами труда. Такимъ образомъ, сама природа въ ту эпоху сокращала возможность неограниченнаго захвата земли.

Но въ тоже время, въ эпоху великаго переселенія народовъ, навстрѣчу внутренней органической дифференціаціи выдвигается внѣшній **военный захватъ**, основанный не на трудовомъ правѣ, а на правѣ силы. Путемъ завоеваній и раздачи земель сверху формируется извнѣ надъ трудовой массой классъ крупныхъ владѣльцевъ—феодаловъ, сливающійся съ верхними слоями, образовавшимся внутри первобытной общины. Этотъ классъ къ IX—XI—XVI в. в. въ разныхъ государствахъ захватываетъ незанятую, необработанную и отчасти обработанную землю и выдѣляется въ замкнутую сословную группу, обладающую значительными политическими правами. Опираясь на эти права, на физическую силу, на имущественное богатство, этотъ господствующій классъ въ теченіе среднихъ вѣковъ постепенно закабаляетъ также обособленный и все болѣе замыкаемый сословными ограниченіями классъ трудовыхъ крестьянъ.

Обладая съ самого начала капиталомъ въ видѣ нетронутыхъ земель и часто запасами орудій производства и рабочаго скота, феодалы подчиняютъ своей власти тѣхъ изъ крестьянъ, которые выдѣляются безъ имущества, благодаря разложенію родовой общины и семейнымъ раздѣламъ. Въ Россіи—это ролейные закупы, на западѣ зависимые арендаторы—колоны и литы. Но затѣмъ властъ помѣщиковъ переходитъ и на землю, принадлежащую общинамъ и создается институтъ крѣпостного права. Внутри феодальнаго класса продолжаются захваты земли и силой и милостью монарховъ и крупное землевладѣніе продолжаетъ дифференцироваться и концентрироваться въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Но внутри крестьянскаго класса дифференціація, вслѣдствіе ограниченности пространства, возникшей послѣ захвата свободныхъ территорій господствующими классами, смѣняется относительной **нивеллировкой** или скорѣе общей **подвижной внизъ**—общимъ обѣднѣніемъ. Этотъ процессъ нивеллировки происходитъ и въ тѣхъ общинахъ, гдѣ семейно захватное право смѣнилось уравнительно-передѣльнымъ механизмомъ, и въ тѣхъ, гдѣ оно перешло въ подворно-чрезполосное владѣніе на частно правовыхъ началахъ. Благодаря все возрастающей ограниченности пространства, имущественное положеніе крестьянъ должно было оказаться гораздо менѣе дифференцированнымъ на исходѣ среднихъ вѣковъ и при освобожденіи отъ крѣпостного права, чѣмъ въ нихъ началѣ, когда трехполье только что начало вростать

въ переложную систему и семейно-родовая община разлагалась на отдѣльныя ячейки—дворы.

Итакъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., когда для сельскаго хозяйства Европы наступилъ неизбѣжный переходъ въ интенсивный фазисъ, въ Европѣ существовало два рѣзко обособленныхъ класса: сильно дифференцированный классъ крупныхъ не трудовыхъ землевладѣльцевъ—дворянъ и значительно уравненный въ имущественномъ положеніи трудовой классъ крестьянъ—хлѣбопашцевъ. Быстрый ростъ населенія въ этомъ классѣ, истощеніе земли и голодовки—вмѣстѣ съ тяжелымъ гнетомъ заставляютъ его стремиться расширить свое землевладѣніе посредствомъ обратнаго отвоеванія земли у дворянъ. Происходятъ революціи, благодаря которымъ крестьянство получаетъ политическія права и часть земли.

Послѣ политической борьбы между обоими классами въ третьемъ фазисѣ продолжается борьба за землю, но уже на **экономической** почвѣ. Перевѣсъ того или другого класса зависитъ теперь, въ значительной мѣрѣ, отъ техническихъ преимуществъ **мелкой** трудовой или **крупной** нетрудовой формы хозяйства.

Кромѣ этихъ старыхъ формъ, въ XIX в. за океаномъ, и на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, въ Европѣ—въ Великобританіи и отчасти въ Бельгіи возникаетъ новая форма полутрудового фермерскаго хозяйства, **среднихъ** размѣровъ, цѣль котораго—капиталистическое производство. Мелкое и среднее хозяйство имѣетъ каждое свои техническія преимущества. Преимущества мелкаго заключаются, главнымъ образомъ, въ запасахъ живого труда лучшаго качества и въ небольшихъ размѣрахъ площади; преимущества средняго—въ раціональномъ примѣненіи нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ орудій (сѣялокъ молотилокъ, жнеекъ и т. п.); эти орудія, для раціональнаго использованія ихъ силы требуютъ площади среднихъ размѣровъ и соединенія въ группы небольшого числа работниковъ—(3—10 человѣкъ). Всѣ процессы сельско-хозяйственнаго производства распадаются на двѣ группы: 1) требующіе **индивидуальнаго** производства—каковы вспашка, бороньба, удобреніе и уходъ за животными и растеніями и 2) требующіе, при примѣненіе усовершенствованныхъ машинъ **„общественнаго производства въ малыхъ размѣрахъ"**: посѣвъ, уборка, молотьба. Индивидуальное производство можетъ быть малыхъ, среднихъ и крупныхъ размѣровъ. Крупнаго **общественнаго** производства, **крупной кооперація** въ сельскомъ хозяйствѣ—**нѣтъ**. Крупное предпріятіе представляетъ изъ себя внѣшне связанный об-

щимъ владѣніемъ и общимъ управленіемъ аггрегатъ самостоятельныхъ индивидуальныхъ и малыхъ общественныхъ типовъ производства и потому легко доступно раздробленію.

Такимъ образомъ, у крупной формы хозяйства нѣтъ почти **никакихъ техническихъ преимуществъ.** *) потому что крупной кооперации въ сельскомъ хозяйствѣ мы не имѣемъ.

Мелкое хозяйство, обладая всегда наибольшимъ количествомъ работниковъ, лично заинтересованныхъ въ производствѣ и наименьшей площадью, при извѣстной культурности и нѣкоторомъ запасѣ денежныхъ средствъ, будетъ всегда **интенсивнѣе** средняго и крупнаго.

Среднее хозяйство имѣетъ передъ мелкимъ, кромѣ рациональнаго использованія машинъ, еще нѣсколько преимуществъ 1) мелкое хуторское хозяйство тратитъ бо́льше земли и средствъ на межи, изгороди и постройки, 2) мелкое подворно-чрезполосное сверхъ того затрачиваетъ много труда при вспашкѣ на непроизводительные повороты плуга. При одной и той же ширинѣ полосы, эти затраты на гектаръ обходятся (по Шишкину)

При	длинѣ	участка	въ	400	метровъ	въ	1 р	36 к.
„	„	„	„	300	„	„	1 р.	82 к.
„	„	„	„	200	„	„	2 р.	73 к.
„	„	„	„	100	„	„	4 р.	45 к.
„	„	„	„	50	„	„	10 р.	90 к.

3) Разнообразіе культуръ доступнѣе среднему хозяйству; при этомъ разнообразіи и при большей площади легче избѣжать сплошныхъ неурожаевъ всѣхъ растеній Упорство, съ которымъ на западѣ Европы во многихъ раіонахъ крестьяне не хотятъ разставаться съ подворно черезполосным владѣніемъ подчеркиваетъ это преимущество.

Передъ крупнымъ хозяйствомъ среднее имѣетъ громадное преимущество въ **сокращеніи пространства**, которое, при подвижности всѣхъ процессовъ сельско-хозяйственнаго производства, очень сильно удорожаетъ издержки въ крупномъ хозяйствѣ. Другое преимущество средняго—отсутствіе расходовъ на администрацію.

---

*) Расходы на администрацію не составляютъ преимущества крупнаго хозяйства, потому что ни у мелкаго, ни у средняго таковыхъ совсѣмъ нѣтъ: экономія въ постройкахъ существуетъ, но она незначительна и съ избыткомъ компенсируется одними расходами на администрацію.

Въ общемъ итогѣ, по детальнымъ разсчетамъ кн. Кудашева*) среднее хозяйство даетъ наибольшую прибыль, иначе говоря, оно самое **выгодное**.

Слѣдовательно, съ технической стороны мелкое хозяйство является самымъ интенсивнымъ, среднее—самымъ выгоднымъ. Вотъ почему въ экономической борьбѣ, происходившей во вторую половину XIX в. мелкое или среднее хозяйство всюду начинаютъ вытѣснять крупное.

Эта экономическая борьба неизбѣжна при возростаніи населенія, все равно, городского или сельскаго; и въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи она приводитъ къ большей равномѣрности въ общемъ распредѣленіи земли между всѣмъ населеніемъ, занятымъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ.

Итакъ, три фазиса эволюціи производства сопровождались тремя фазисами въ распредѣленіи земли и средствъ производства: внутренняя дифференціація, внѣшній захватъ земли господствующими классами и обратное завоеваніе земли у этихъ классовъ трудовымъ мелкимъ и полутрудовымъ среднимъ хозяйствомъ, благодаря техническимъ преимуществамъ этихъ послѣднихъ.

Общій выводъ будетъ таковъ: чѣмъ ограниченнѣе пространство, чѣмъ гуще населеніе (городское и сельское), тѣмъ **равномѣрнѣе** должна распредѣляться земля между населеніемъ, занятымъ въ производствѣ, независимо отъ политическихъ факторовъ и отъ той или иной формы собственности. Если политическіе факторы противодѣйствуютъ этой равномѣрности—рано или поздно они сметаются исторіей.

Такова естественная органическая эволюція распредѣленія земля.

§ 2. Предпосылки ближайшаго будущаго.

Въ XIX в міровое сельско-хозяйственное производство эволюціонировало въ предѣлахъ обоихъ земледѣльческихъ фазисовъ: въ то время, какъ на континентѣ Европы шло **интенсивное** развитіе производительности земли **вглубь**, въ заокеанскихъ странахъ и Россіи—происходило (въ нѣкоторыхъ раіонахъ происходитъ и теперь), экстенсивное развитіе производительности земли **вширь**. Каковъ долженъ быть характеръ эволюціи производства въ XX вѣкѣ?

*) См. „Аграрный вопросъ съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія".

Территорія Америки и Австраліи служила до сихъ поръ колонизаціоннымъ фондомъ для западной Европы; для Россіи—ея азіатскія владѣнія. Въ концѣ XIX-го и началѣ XX в. къ странамъ, изъ которыхъ изливался потокъ эмигрантовъ прибавляются двѣ азіатскія державы Японія и Китай. За 1898—900 г.г. изъ Японіи эмигрировало 108 тыс.; теперь вѣроятно, болѣе милліона. Китайскихъ переселенцевъ въ Соедин. Штатахъ, южной Азіи, Австраліи на тихоокеанскихъ островахъ и въ другихъ мѣстахъ къ 1903 г. было 7642,6 тыс. чел. И для Японіи и для Китая, послѣ того какъ культурныя страны поставили преграды для ихъ эмиграціи, вслѣдъ за послѣдней войной открылся клапанъ на дальнемъ Востокѣ (Манчжурія, Корея и пр.).

Изъ странъ, служившихъ колонизаціоннымъ фондомъ, повидимому, скоро выйдутъ Соединенные Штаты, въ которыхъ выселеніе уже перевѣсило иммиграцію въ концѣ 1907 года. Во многихъ раіонахъ Соединенныхъ Штатовъ, а также Россіи уже закончился періодъ экстенсивнаго расширенія территоріи пахатныхъ земель. Соединенные Штаты, Россія и Остъ-Индія—главные поставщики хлѣба въ Европу. По разсчетамъ г. Діонео въ 1925 г. Соединенные Штаты прекратятъ хлѣбный экспортъ, если ихъ населеніе къ этому времени дойдетъ до 120 милліоновъ. Дѣло въ томъ, что хотя тамъ и есть въ наличности еще большое количество незаселенныхъ земель, но безводіе, какъ и въ нашихъ азіатскихъ степяхъ и въ Австраліи, является пока непреодолимымъ препятствіемъ для ихъ обращенія подъ пашню. Что касается до Россіи и Остъ-Индіи, то теперь земледѣльческое населеніе этихъ странъ отчуждаетъ свой хлѣбъ „по нуждѣ“, а не „отъ избытка“. Надо думать, что въ XX в. личное потребленіе земледѣльческаго населенія въ этихъ странахъ повысится, и если заграничный экспортъ, благодаря интенсификаціи, не упадетъ, то хлѣбныя цѣны, вѣроятно, пойдутъ вверхъ.

Мы не будемъ разбирать вопроса о томъ, какое количество удобныхъ незаселенныхъ земель имѣется въ Южной Америкѣ, Канадѣ и Африкѣ: но относясь даже вполнѣ оптимистически къ этимъ странамъ, надо признать, что сокращеніе колонизаціоннаго фонда и хлѣбнаго экспорта, а также повышеніе цѣнъ въ прежнихъ „житницахъ“ Европы не можетъ не отразиться какъ на сельско-хозяйственномъ производствѣ, такъ и на распредѣленіи земли въ этой послѣдней.

Въ 70-хъ г.г. населеніе Европы составляло 316 милліоновъ; въ 1900 г.—383 мил.; за 30 лѣтъ оно увеличилось на 21,5%. Приростъ населенія, въ виду того, что войны теперь

уже не отражаются на немъ такъ губительно, что ни моръ, ни голодъ, ни крѣпостное право Европѣ не грозятъ, по крайней мѣрѣ, въ первой трети XX вѣка, возможно, будетъ такимъ же, какъ въ послѣдней трети XIX в. и къ 1930 г. здѣсь можно ожидать населенія въ 465 милліоновъ.

Естественный приростъ земледѣльческаго населенія въ Европѣ отливалъ до сихъ поръ не столько въ колоніи, сколько въ города. Ростъ городовъ былъ связанъ съ гигантскимъ ростомъ индустріи, въ сильной степени зависѣвшимъ отъ **расширенія внѣшнихъ рынковъ.**

Только за 1884—96 г.г. колоніи Франціи увеличились на 2,7 мил. кв. миль, Англіи—2,6 мил.; Германіи—болѣе чѣмъ на 1 мил.; Бельгіи—около этого, Италіи—на 0,5 мил., а всего за 12 лѣтъ на 7,8 мил. На земномъ шарѣ почти всѣ рынки уже захвачены Европой. Если допустимо сравненіе индустріи съ сельскимъ хозяйствомъ, то можно сказать, что въ XIX в. происходило экстенсивное развитіе рынка для индустріи **вширь**. Необычайное развитіе индустріи и торговли, также, какъ и необычайный разцвѣтъ экстенсивнаго земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ, въ минувшемъ вѣкѣ происходили: первый, при существованіи неограниченнаго простора еще не захваченныхъ рынковъ, второй—неограниченнаго простора еще не обработанныхъ земель. Въ XX в. экстенсивное развитіе рынковъ **вширь**, врядъ ли возможно и должно произойти возрастаніе рынковъ **вглубь**, зависящее отъ роста потребленія продуктовъ индустріи населеніемъ тѣхъ странъ, которыя уже захвачены рынкомъ. Вмѣсто захвата новыхъ свободныхъ рынковъ будетъ развиваться между промышленными странами борьба изъ за старыхъ. Въ этой борьбѣ должна побѣдить та страна, которая будетъ изготовлять наиболѣе дешевые, доброкачественне и соотвѣтствующіе вкусомъ народныхъ массъ продукты. Большая дешевизна въ индустріи достигается механизаціей производства, т. е. вытѣсненіемъ живого труда машинами; въ торговлѣ—оптовой, массовой торговлей—сокращеніемъ арміи посредниковъ. Относительному сокращенію милліоновъ торговыхъ посредниковъ будетъ содѣйствовать развитіе кооперація, которая ни въ одной области не развивалась такъ быстро, какъ въ области кредита и обмѣна. Поэтому мы думаемъ, что въ XX вѣкѣ міровое развитіе индустріи и торговли если не пойдетъ впередъ болѣе медленнымъ темпомъ, то всетаки будетъ сопряжено съ относительнымъ сокращеніемъ прироста населенія, занятаго въ индустріи и торговлѣ и живущаго, главнымъ образомъ, въ городахъ.

Такимъ образомъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій въ XX вѣкѣ можетъ произойти: а) сокращеніе колони-

заціонной емкости заокеанскихъ странъ и прибавленіе новыхъ странъ, нуждающихся въ колонизаціи; б) относительное сокращеніе хлѣбнаго экспорта въ Европу; в) относительное сокращеніе прилива населенія въ города и г) приростъ европейскаго населенія, по крайней мѣрѣ, на 20—25%.

Благодаря этимъ причинамъ, сельское хозяйство, забытое Европой, вновь пріобрѣтетъ большое значеніе для нея и земледѣльческое населеніе Германіи, Франціи и Англіи, которое, за послѣднія 30 лѣтъ не давало никакого прироста, а даже убыль, **начнетъ возрастать**.

Первый примѣръ обратной тяги на землю подала страна, первой вышедшая на путь капитализма—Англія, гдѣ по закону 1907 г. за 4 мѣсяца 245 тыс. акровъ перешло въ руки трудового земледѣлія. Ростъ земледѣльческаго населенія долженъ, на основаніи указанныхъ въ предыдущей главѣ закономѣрностей, обострить экономическую борьбу между хозяйствами различныхъ формъ и размѣровъ. Шансы экономической борьбы зависятъ, главнымъ образомъ, отъ **техническихъ** преимуществъ той или иной формы хозяйства. Предугадать, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе техники производства, мы не въ силахъ. Переворотъ, подобный тому, который произвела въ индустріи машина, возможенъ или тогда, когда какое—нибудь геніальное открытіе, напримѣръ, приготовленіе пищи изъ свободнаго азота воздуха, оторвало бы сельское хозяйство **отъ земли** и заключило бы его въ стѣны химическихъ лабораторій, или тогда, когда была бы изобрѣтена дешевая передача энергіи на разстояніе—вродѣ безпроволочнаго телеграфа, т. е. было бы побѣждено **значеніе пространства**. И въ томъ и въ другомъ техника производства стала бы благопріятной концентраціи и если къ этому времени кооперація не разовьетъ достаточной силы, или если эти открытія не будутъ монополизированы государствомъ и общественными учрежденіями, т наши потомки увидятъ быстрое побѣдное шествіе капитализма и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но если, въ эпоху господства капиталистическаго строя, не произойдетъ подобныхъ открытій, если техническая эволюція пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ шла до сихъ поръ—путемъ усовершенствованія сѣвооборотовъ, качества сѣмянъ, животныхъ, удобренія и изобрѣтенія небольшихъ слабосильныхъ и подвижныхъ машинъ, то мелкое и среднее хозяйство не только **сохранятъ**, но и **усилятъ** свои преимущества передъ крупнымъ въ предѣлахъ первыхъ двухъ стадій производства, непосредственно связанныхъ съ землей и ея производительностью. Мелкое и среднее индивидуаль-

ныя хозяйства, при **прочихъ равныхъ условіяхъ**, будутъ болѣе приспособлены къ интенсивному развитію производительности земли, и потому будутъ продолжать вытѣсненіе крупныхъ хозяйствъ съ тѣхъ позицій, которыя онѣ еще сохранили, главнымъ образомъ, благодаря дѣйствію политическихъ факторовъ минувшихъ вѣковъ. И чѣмъ быстрѣе станетъ расти земледѣльческое населеніе, тѣмъ сильнѣе будетъ напоръ трудовой массы на нетрудовое крупное капиталистическое хозяйство

Мы сказали: при прочихъ равныхъ условіяхъ. Если не считать политическихъ факторовъ, подъ равными условіями въ борьбѣ хозяйствъ разныхъ типовъ, надо подразумѣвать уровень культурнаго развитія и наличность капиталовъ или кредита. Уровень культурнаго развитія массъ двигается впередъ чрезвычайно быстрыми шагами: если въ XIX в. знаніе такъ скоро демократизировалось, то XX в... несомнѣнно принесетъ массовое культурное равенство, поскольку оно необходимо для народа.

Денежный капиталъ и кредитъ, открытый вначалѣ только для крупныхъ владѣльцевъ, европейскіе крестьяне завоевали въ 80-хъ г.г. при помощи кооперація. Нѣтъ никакихъ причинъ ожидать, чтобы кооперативное движеніе, по крайней мѣрѣ, въ области кредита и обмѣна пошло въ XX вѣкѣ назадъ, а не впередъ Поэтому, мы думаемъ, что „прочія“ условія экономической борьбы, во всякомъ случаѣ, улучшатся для мелкихъ и среднихъ хозяйствъ, и эти послѣднія будутъ продолжать работу XIX в.—работу раздробленія и оживленія безформенныхъ „аггрегатовъ“ крупныхъ хозяйствъ, покрытыхъ мертвыми пустырями и лѣсами.

Политическій факторъ XX вѣка—парламентарное законодательство, подъ вліяніемъ исторически складывающейся коньюктуры, постепенно демократизируется: въ интересахъ націи, или даже въ интересахъ городской буржуазіи, парламенты будутъ идти по тому пути, на который первымъ выступило англійское законодательство—пути устройства безработной трудовой массы на землѣ*), тѣмъ болѣе, что необходимость интенсификаціи земледѣлія требующей увеличенія живого труда и сгущенія земледѣльческаго населенія, съ сокращеніемъ колонизаціонной емкости заокеанскихъ странъ будетъ все возрастать.

Итакъ, первой предпосылкой дальнѣйшей эволюціи **распредѣленія** надо считать усиленіе борьбы за землю

*) Неожиданныя политическія событія—войны, революціи, равно, какъ и техническія открытія, мы само собой не можемъ предвидѣть.

между хозяйствами разныхъ размѣровъ, причемъ шансы на сторонѣ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ будутъ значительно усилены. Крупныя хозяйства, отчасти путемъ продажи, но пока больше посредствомъ сдачи въ аренду, станутъ терять землю. Но въ рукахъ крупныхъ предпріятій останется **третья** стадія сельско-хозяйственнаго производства—**стадія технической переработки сырья**. Эта стадія, а также элементы **обмѣна**; **кредитъ, сбытъ, покупка**, по своей технической структурѣ, требуютъ крупной **массовой постановки дѣла**.

И вотъ, преимущественно съ 80-хъ г.г. на борьбу съ крупными капиталистическими предпріятіями этого типа выступаетъ **кооперація**—товарищество изъ мелкихъ и среднихъ (крупно крестьянскихъ) трудовыхъ земледѣльцевъ. Мы не будемъ перечислять общеизвѣстныхъ успѣховъ кооперації въ сферѣ **обмѣна**—товариществъ кредитныхъ, потребительныхъ и на сбытъ. Скажемъ только, что кооперативное движеніе за послѣднія 25 лѣтъ сдѣлало такіе успѣхи, которые можно сравнить лишь съ успѣхами капитализма въ индустріи. Опираясь на землю и на первыя двѣ стадіи сельско-хозяйственнаго производства, не доступныя крупному капиталу, потому что онѣ ему невыгодны, трудовой земледѣлецъ начинаетъ вытѣснять капиталиста изъ его послѣдней твердыни—„торговаго земледѣлія“ (терминъ г. Лященко). То всеобщее увлеченіе, которое и на западѣ и у насъ заставляетъ примыкать къ кооперативному движенію даже поклонниковъ марксизма, лучше всего показываетъ, что это движеніе попало на широкую вѣрную дорогу.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ сферѣ сельско-хозяйств. **индустріи**. Здѣсь кооперація покуда завоевываетъ, преимущественно, обработку молочныхъ продуктовъ, что намъ кажется, объясняется специфическимъ характеромъ этого вида производства, требующаго небольшихъ разбросанныхъ предпріятій, вслѣдствіе трудности транспорта скоропортящихся продуктовъ. Но винокуренное, пивоваренное, сахароваренное и т. д. производства находятся, пока, въ рукахъ капиталистовъ и возможно, что ихъ очередь придетъ тогда, когда пробьетъ часъ для всей капиталистической индустріи.

Такимъ образомъ, кооперація пока охватила обмѣнъ и молочное дѣло. Обмѣнъ—вовсе не пустой звукъ. Если бы наше крестьянство избавилось только отъ купли—продажи зерна черезъ посредниковъ, оно бы выиграло до 200 мил. руб., если бы оно избавилось отъ кредиторовъ—ростовщиковъ—еще больше; а если бы покупало и предметы домашняго обихода и хозяйственные матеріалы въ общественныхъ

лавкахъ и складахъ—то экономія достигла бы 600—700 мил. рублей—не менѣе 50 рублей на семью или седьмой части крестьянскаго бюджета.

Съ другой стороны, правильная организація кредита и покупки улучшенныхъ орудій, сѣмянъ, удобренія, подвинули бы быстро впередъ интенсификацію производства и, повысивъ производительность земли, опять таки увеличили бы крестьянскія доходы.

Но эта сторона кооперацій блѣднѣетъ передъ другой задачей—задачей **обобществленія** первыхъ двухъ стадій производства, т. е. обобществленія всего сельскаго хозяйства, въ собственномъ смыслѣ этого слова. И вотъ тутъ то является вопросъ величайшей важности: **да нужно ли это обобществленіе** и если нужно, то **въ какихъ формахъ?** Мы все время подчеркивали техническія преимущества мелкаго трудового индивидуальнаго хозяйства. Но если этотъ типъ хозяйства имѣетъ **всѣ** преимущества передъ прочими, то дальше онъ не развьется и территорія любой страны превратится въ мужицкое царство—царство „мелкой буржуазіи", по терминологіи г.г. марксистовъ. Образецъ такой страны мы имѣемъ, хотя бы въ Даніи—образецъ не плохой, но далекій отъ того идеала, къ которому мы стремимся. Не слѣдуетъ ли отсюда, что этотъ идеалъ неосуществимъ.

Нѣтъ не слѣдуетъ! Мы не напрасно указывали въ предыдущемъ изложеніи на то, что экономисты всѣхъ направленій, устремившіе исключительное вниманіе на мелкое и крупное хозяйство—забываютъ про **третій** типъ—сравнительно новаго происхожденія—типъ смѣшаннаго полутрудового **средняго** хозяйства. Мы указывали, что у этого типа есть свои техническія преимущества, которыхъ у мелкаго хозяйства нѣтъ. Главныя изъ этихъ преимуществъ—раціональное примѣненіе нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ орудій, экономія въ межахъ и постройкахъ въ затратахъ труда на подготовку почвы и т. д. Всѣ эти преимущества сводятся къ одному: среднее хозяйство **выгоднѣе мелкаго.**

Но среднее индивидуальное хозяйство слабѣе мелкаго въ главномъ пунктѣ сельско—хозяйственнаго производства—по **количеству и качеству живого труда.** Поэтому, въ Европѣ среднее хозяйство не достигаетъ такой **интенсивности**, какъ мелкое: садовыя, огородныя культуры, виноградники и пр. занимаютъ, въ мелкихъ хозяйствахъ **впятеро** большую площадь; процентъ пашни тоже выше. Наконецъ, скота при учетѣ на площадь, у этихъ послѣднихъ въ полтора—два раза больше, чѣмъ у среднихъ. Словомъ, мелкое хозяйство **интенсивнѣе** средняго, а среднее—**выгоднѣе** мелкаго.

Сочетаніе наибольшей интенсивности съ наибольшей выгодностью даетъ среднее кооперативное хозяйство—т. е. соединеніе въ одну группу нѣсколькихъ десятковъ или нѣсколькихъ мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ.

Идеаломъ будущаго съ технической стороны мы считаемъ небольшія кооперації (общественное производство въ малыхъ размѣрахъ), гдѣ обобществлены всѣ сельско—хозяйственные процессы отъ перваго до послѣдняго (кромѣ винокуренія, сахароваренія и т. д.). Для обмѣна такія кооперації соединяются въ крупные союзы, что существуетъ и теперь.

Насколько далекъ этотъ идеалъ отъ дѣйствительности? У насъ въ Россіи его преждевременно пропагандировалъ Левитскій. За океаномъ наши духоборы, разселившись небольшими группами, въ нѣсколько десятковъ дворовъ, обобществили все производство, поставивъ его по послѣднему слову науки Но духоборческія общины основаны на специфическихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыхъ нечего ожидать у сѣрой обыденной народной массы. Въ эпоху всеобщаго возбужденія у насъ кое—гдѣ вспыхивали попытки артельныхъ хозяйствъ, но онѣ, кажется, рѣдко удавались и во всякомъ случаѣ, такія попытки являются единичными.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Италіи кооперативное хозяйство начинаетъ возникать на **арендованной землѣ**. Къ 1906 г. такихъ кооперативовъ имѣется 70; подготовлялось къ 1907 г.—15. Быть можетъ, они разовьются и на отчужденныхъ по новому закону земляхъ въ Англіи. Мы думаемъ, что первые шаги въ этомъ направленіи и будутъ дѣлаться на **чужой** или общей, а не на **своей** землѣ. Чувство частно собственности на землю настолько внѣдрилось въ западнаго крестьянина, что нужны слишкомъ наглядные примѣры выгодности кооперації, чтобы заставить его забыть про свою „священную“ собственность. Вотъ почему мы думаемъ, что кооперація въ самомъ сельско—хозяйственномъ производствѣ, требуетъ не только техническихъ, но и политическихъ и психологическихъ предпосылокъ. Политическія предпосылки въ данномъ случаѣ—обобществленіе земли. Мы видали, что крупныя хозяйства дробятся больше всего путемъ аренды, а не покупки, оставляя нетронутой пустую оболочку крупной земельной собственности. Разорвутъ ли эту пустую оболочку политическіе факторы сразу или будутъ снимать ее потихоньку, какъ начала снимать Англія—и въ томъ и въ другомъ случаѣ земельная собственность перейдетъ въ руки общества или націи, чѣмъ, повидимому и закончится эволюція распредѣленія земли.

Для обобществленія крупной земельной собственности въ Европѣ необходимы **политическіе** факторы: Для обобществленія **мелкой**—нужны **психологическія** предпосылки. На западѣ въ Италіи и Англіи общество стало на дорогу пропаганды идей кооперації... Успѣхъ этой пропаганды, вѣроятно, будетъ зависѣть отъ формы земельной собственности. Первыя попытки артельныхъ хозяйствъ легче всего организуются на арендованной или общинной землѣ; при подворно—чрезполосной формѣ обобществленіе скорѣе возможно, чѣмъ при хуторской, когда отдѣльнымъ крестьянамъ для артельнаго хозяйства надо ломать свои разбросанныя постройки, а съ ними весь окрѣпшій традиціонный жизненный укладъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, медленно или быстро въ XX вѣкѣ пойдетъ впередъ кооператизація мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ—она будетъ идти, потому что она технически и экономически выгодна, и рано или поздно, но должна привести къ организаціи общественнаго сельско—хозяйственнаго производства въ малыхъ размѣрахъ...

На этомъ мы заканчиваемъ первую общую часть нашего труда. Слѣдующія части будутъ посвящены конкретному изложенію эволюціи производительности земли и земельныхъ отношеній въ Россіи. Во второй части мы изложимъ поступательный ходъ этой эволюціи **въ исторіи** т. е. во **времени**; въ третьей—провѣримъ выводы, основанные на историческихъ данныхъ, путемъ географическаго метода—анализа производства и распредѣленія въ различныхъ раіонахъ Россіи. Эти раіоны, по счастливому выраженію А. Кауфмана—„живая исторія"—исторія **въ пространствѣ**, и нѣтъ другой страны, чѣмъ Россія, наиболѣе пригодной для изученія этой живой исторіи. Наконецъ въ четвертой части, мы предполагаемъ дать характеристику предпосылокъ ближайшаго будущаго—эволюціи производства и распредѣленія въ нашей земледѣльческой странѣ.

Н. Огаковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. Задача настоящаго момента въ аграрномъ вопросѣ 1

ОТДѢЛЪ I. **Теоріи капиталистическаго развитія.**

Глава I. **Теорія образованія внутренняго рынка г. Ильина.** § 1. Изложеніе теоріи. § 2. Анализъ теоріи. § 3. Количественное опредѣленіе экономическихъ слоевъ въ крестьянской массѣ. § 4. Причины крестьянской неоднородности. 7

Глава II. **Теорія „развитія производительныхъ силъ" г. Маслова.** § 1. Изложеніе теоріи. § 2. Анализъ логическихъ и фактическихъ противорѣчій теоріи. § 3. Анализъ принципіальныхъ основъ теоріи. § 4. Приложеніе теоріи „производительныхъ силъ" къ аграрному вопросу въ Россіи. 39

Глава III. **Теорія „развитія денежно-торговаго капитала" г. Лященко.** § 1. Изложеніе теоріи. § 2. Анализъ теоріи 111

ОТДѢЛЪ II. **Общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи.**

Глава IV. **Эволюція формъ и размѣровъ хозяйства.** § 1. Эволюція формъ и размѣровъ хозяйства въ индустріи. § 2. Эволюція формъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ . . 135

Стр.

Глава V. **Эволюція сельско-хозяйственнаго производства.** § 1. Факторы сельско-хозяйственнаго производства: а) природные. б) факторы воздѣйствія человѣка на природу. § 2. Развитіе производительности земли—основа эволюціи производства. Общій ходъ и фазисы эволюціи 163

Глава VI. **Эволюція распредѣленія земли въ сельскомъ хозяйствѣ.** § 1. Политическіе, экономическіе и психологическіе факторы эволюціи распредѣленія. § 2. Первый фазисъ эволюціи распредѣленія—первоначальный захватъ и дифференціація. § 3. Второй фазисъ—господства крупнаго землевладѣнія. Эволюція распредѣленія земли у крестьянъ. Развитіе крупновладѣльческаго хозяйства. § 4. Политическая борьба между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ. § 5. Третій фазисъ распредѣленія—экономическая борьба хозяйствъ различныхъ размѣровъ. . . 211

Глава VII. **Заключеніе.** § 1. Общіе выводы. § 2. Предпосылки ближайшаго будущаго . . 291